

Север и Арктика России в условиях глобальных вызовов XXI века	
<i>Лажинцев В.Н.</i> Территориальная организация населения и хозяйства Европейского Севера России	3
Региональная политика и экономические проблемы федерализма	
<i>Басарева В.Г.</i> Регионы России: адаптация к мерам государственного регулирования	29
Экономические проблемы развития регионов	
<i>Мельникова Л.В.</i> Феномен «коллективного предвидения» как побочный продукт регионального стратегического планирования	49
<i>Шеховцева Л.С.</i> Становление парадигмы формирования стратегических целей и институтов региона как субъекта развития	70
<i>Михеева Н.Н.</i> Сравнительный анализ производительности труда в российских регионах	86
Социальные проблемы регионального развития	
<i>Бессонова О.Э.</i> Кризис квазирынка как возможность выхода России на магистральный путь развития	113
<i>Гарусова Л.Н., Петрова Н.В.</i> Особенности социально-этнических процессов в Камчатском крае	133
Региональные и межрегиональные аспекты структурной и инвестиционной политики	
<i>Халимова С.Р.</i> Оценка российских регионов по уровню инновационного развития	150
<i>Важенкин С.Г., Важенина И.С.</i> Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве	175
Эколого-экономические проблемы регионального развития	
<i>Журавель Н.М.</i> Системная оценка эколого-экономической эффективности наилучших доступных технологий: региональный аспект	200
Опыт деятельности исполнительных и законодательных органов власти регионов России	
<i>Окружко О.А.</i> Феномен инвестиционной привлекательности Калужской области	224
Проблемы местного самоуправления и муниципального развития	
<i>Шумков А.С.</i> Оценка последствий реформирования местного самоуправления	241
Экономика предприятий	
<i>Кузнецова С.А., Маркова В.Д.</i> Новые тренды в развитии теории и методов стратегического менеджмента	266
Зарубежный опыт региональной науки, региональной политики и территориального развития	
<i>Икбал Б.А., Цин Я., Бастос Л.А.</i> Группа стран БРИКС: значение для глобального мира	286
<i>Хаймпольд Г.</i> Восточная Германия: связь между промышленным и инновационным развитием	304
Научная жизнь	
<i>Пилисов А.Н.</i> Интеграция в мировую науку: 54-й Конгресс Европейской ассоциации региональной науки	322

Russian North and Arctic in the Context of Global Challenges of the XXI century	
<i>Lazhentsev, V.N.</i> Territorial Organization of the Population and Economy in the European North of Russia	3
Regional Policy and Economic Issues of Federalism	
<i>Basareva, V.G.</i> Regions of Russia: Adaptation to Measures of State Regulation	29
Economic Issues of Regional Development	
<i>Melnikova, L.V.</i> «Collective Prediction» as a by-Product of Regional Strategic Planning	49
<i>Shekhovtseva, L.S.</i> Development of the Paradigm of Formation of Strategic Targets and Institutes in a Region as a Subject of Development	70
<i>Mikheyeva, N.N.</i> Workforce Productivity in Russian Regions: Comparative Analysis	86
Social Issues of Regional Development	
<i>Bessonova, O.E.</i> The Quasi-Market Crisis as an Opportunity for Russia to Join the Mainstream of Development	113
<i>Garusova, L.N. and N.V. Petrova.</i> Specificities of Social and Ethnic Processes in Kamchatka Krai	133
Regional and Interregional Aspects of Structural and Investment Policy	
<i>Khalimova, S.R.</i> Evaluating Russian Regions According to the Level of Innovation Development	150
<i>Vazhenin, S.G. and I.S. Vazhenina.</i> Resilience of Territories in a Competitive Economic Environment	175
Environmental and Economic Issues of Regional Development	
<i>Zhuravel, N.M.</i> Systematic Assessment of Environmental and Economic Efficiency of Best Available Technologies: A Regional Vision	200
Practices of Executive and Legislative Authorities in Russian Regions	
<i>Okruzhhko, O.A.</i> The Investment Attractiveness Phenomenon in Kaluga Oblast	224
Issues of Local Self-Government and Municipal Development	
<i>Shumkov, A.S.</i> Consequence Evaluation of the Local Government Reform	241
Economics of Enterprises	
<i>Kuznetsova, S.A. and V.D. Markova.</i> New Trends in the Development of Strategic Management Theory and Methods	266
Foreign Experience of Regional Science, Regional Policy and Spatial Development	
<i>Iqbal, B.A., Y. Qing and L.A. Bastos.</i> BRICS: Its Implications to Global World	286
<i>Heimpold, G.</i> Interrelationship between Industrial and Innovation Development in East Germany	304
News Notes	
<i>Pelyasov, A.N.</i> Integration into International Science: 54th Congress of the European Regional Science Association	322

УДК 338.984

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 3–28

В.Н. Лаженцев

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Европейский Север России рассмотрен как социально-экономический район с весьма разнообразными формами организации хозяйства и расселения населения. В арктической зоне Европейского Севера страны проживает в 6,7 раза больше населения, чем в его неарктических районах. Отмечена тенденция отрицательной миграции населения. По сравнению с переписью населения 1989 г. численность жителей макрорегиона в 2013 г. сократилась почти на 1,5 млн чел. Пространственная экономика российского Европейского Севера имеет характеристики уже освоенной территории. Главное стратегическое направление развития этого макрорегиона – сохранение и модернизация существующих форм на основе научно-технических достижений, укрепление внутренних и межрегиональных связей. Макрорегион может служить своего рода испытательным полигоном для продвижения инновационного опыта в освоении и глубокой переработке природных ресурсов и для внедрения новых подходов к территориальной организации производства в сложных природных условиях.

Ключевые слова: Европейский Север России, Арктика, природные ресурсы, население, территориально-хозяйственные системы, модернизация

Европейский Север России (ЕСР) имеет второе, ныне уже забытое название – Северный экономический район. Этот район был образован в ноябре 1982 г. с целью совершенствования территориального планирования и управления. Госплан СССР счел целесообразным

разделить Северо-Западный экономический район на две части, чтобы Ленинград и тяготеющие к нему области (Ленинградская, Псковская, Новгородская и Калининградская) не заслоняли специфику северных территорий (Республики Коми, Республики Карелии, Архангельской, Вологодской и Мурманской областей). Тем самым была выделена для того времени новая планово-статистическая единица с целью формирования природно-ресурсных баз и размещения транспортно-производственных комплексов для освоения и защиты Арктики. Современный опыт управления в рамках Северо-Западного федерального округа подтверждает наличие тех угроз территориальному развитию, которые, как и ранее, связаны с неравенством отдельных частей крупного территориально-политического образования. Санкт-Петербург должен был стать организующим центром «большого» Северо-Запада, но не стал, поскольку развернут в основном сам на себя и на зарубежные страны. Более того, он, подражая Москве, локализует финансово-экономические ресурсы нередко в ущерб своим периферийным регионам. Консолидация таких регионов в виде неформальных территориально-экономических объединений вновь становится актуальной.

Экономика ЕСР имеет пространственные характеристики, свойственные уже освоенным территориям, т.е. территориям со сложившимся каркасом размещения производства и расселения населения. «Освоение вширь» здесь практически закончилось, но остается задача «освоения вглубь», связанная с новыми подходами к развитию и размещению профильных отраслей хозяйства. ЕСР исторически подготовлен к диверсификации структуры производства на основе глубокой переработки сырьевых ресурсов и широкой кооперации с другими звеньями национальной и мировой экономики. Здесь весьма заметно актуализируется подход к хозяйству как природно-социальной системе, что фиксируется прежде всего в решении вопросов развития минерально-сырьевых и биоресурсных отраслей экономики, а также в специфике жизнедеятельности северных и арктических территориальных общностей людей.

ТЕРРИТОРИЯ И ПРИРОДА

Территория ЕСР составляет 1476,6 тыс. кв. км, в том числе Архангельской области – 413,3 тыс. кв. км, Вологодской – 144,5, Мурманской – 144,9, Республики Карелии – 180,5, Республики Коми – 416,8, Ненецкого автономного округа – 176,8 тыс. кв. км. В структуре земель преобладают земли лесного фонда и обширные площади оленьих пастбищ. Высоко значение в экономике Севера водных объектов и особо охраняемых территорий. Вместе с тем доля интенсивно используемых земель весьма мала: посевные площади занимают 0,43% территории, земли населенных пунктов – 0,5%, земли промышленности, транспорта, связи и других хозяйственных объектов – 4%. Отметим высокую степень заболоченности и низкий уровень использования земель сельскохозяйственного назначения, 70–80% которых покрыто древесно-кустарниковой растительностью.

На большей части территории ЕСР климат умеренно-континентальный с продолжительной зимой и коротким прохладным летом. Низкий уровень радиационного баланса характерен для крайних северных и арктических широт. Наличие сплошной и островной мерзлоты в зонах тундры, лесотундры и, частично, северной тайги обуславливает необходимость проведения специальных инженерно-геологических исследований для целей проектирования и строительства конкретных объектов, по-разному реагирующих на криогенные процессы. Большую роль в формировании климата и деформации мерзлоты в прибрежной части региона играет теплое течение Гольфстрим.

Природа ЕСР по своим характеристикам четко подразделяется на две части: карело-кольскую и двино-печорскую. Характерные черты Карело-Кольского субрегиона – Балтийский щит, сжатое пространство мирового водораздела, денудационные равнины, сложный горный рельеф, активная рудная и нерудная минерализация, обилие озер и «гидроэнергетических» малых рек, незамерзающее побережье Баренцева моря, пограничное положение. Двино-Печора – это северо-восток Восточно-Европейской равнины (в геологическом плане – Русской платформы) с весьма активной тектоникой и минералообразованием, полноводные реки, используемые как транспортные артерии и источники рыболовства, обширные заливы Белого моря,

ландшафтное разнообразие тайги и тундры, протяженный по всей южной границе региона мировой водораздел [5].

НАСЕЛЕНИЕ

На Европейском Севере России к относительно устойчивым историко-культурным ядрам расселения населения относятся Поморье, Вологодско-Белозерская земля, Великий Устюг, Карелия, Вычегодский, Сысольский, Мезенский и Печорский ареалы с высоким уровнем локализации народа коми, Большеземельская тундра – родина ненцев, ареалы расселения саамов на Кольском полуострове и русских – на территории, прилегающей к Кольскому заливу и побережью Баренцева моря. Все это места постоянного места жительства многих поколений людей. Они подвержены демографическим колебаниям (табл. 1) в силу не столько природных условий, сколько общественных процессов, особенно по причине ошибок в государственной региональной и социальной политике.

Существующая тенденция отрицательной почти для всего Севера миграции населения пока терпима, но при условии высоких темпов роста производительности труда. Этот вывод применим и к ЕСР, хотя здесь естественное заселение территории ради обретения

Таблица 1

Численность населения регионов ЕСР, тыс. чел.

Регион	1989	2013	Убыль за 1989–2013
Мурманская обл.	1165	771	–394
Республика Карелия	790	634	–156
Архангельская обл. без Ненецкого АО	1516	1148	–368
Ненецкий АО	54	43	–11
Вологодская обл.	1349	1194	–155
Республика Коми	1251	872	–379
ЕСР, всего	6125	4662	–1463

пространства жизнедеятельности более значимо, чем колонизация ради получения отдельно взятых природных ресурсов. Примерно 80% жителей ЕСР можно считать укорененными, которые могут покинуть свою малую родину только при особо неблагоприятных обстоятельствах жизни.

По природно-экономическим зонам население ЕСР разместилось весьма специфично: Крайний Север «сместился» в Арктическую зону, где людей живет в 6,7 раза больше, чем в других, неарктических районах Крайнего Севера (табл. 2). Такое положение соответствует стремлению России укрепить свои позиции на акватории Северного Ледовитого океана.

Е.Е. Лейзерович выполнил микроэкономическое районирование России с учетом географической конфигурации расселения населения, уровня освоенности территории и показал численность населения каждого микрорайона в 1990 и 2000 гг. [4]. Взяв за основу его сетку микрорайонов, мы дополнили данные по численности населения за 2010 и 2013 гг., что дало возможность представить типологию микрорайонов ЕСР относительно характера демографической динамики (табл. 3 и 4). Мы выделили следующие типы: 1 – стабильная численность,

Таблица 2

Территория и население природно-экономических зон ЕСР

Природно-экономические зоны	Территория, тыс. кв. км	Числен- ность насе- ления, тыс. чел. (2013)	Числен- ность насе- ления, %
Арктика*	494,6	1610	34,6
Районы Крайнего Севера (вне Арктики)	239,9	238	5,1
Районы, приравненные к Крайнему Северу	597,6	1620	34,7
Предсеверные районы (Вологодская обл.)	144,5	1194	25,6
И т о г о	1476,6	4662	100,0

* В соответствии с Указом Президента РФ от 02.05.2014 № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 18, ч. I. – Ст. 2136).

Типы, площадь и население экономических микрорайонов ЕСР

Экономический микрорайон	Тип экон. микро-района по динамике населения	Площадь, тыс. кв. км	Население					
			Тыс. чел.			% к 1990 г.		
			1990	2000	2010	2013	2000	2010
Мурманский	2	29	669	575	511	506	86	76
Апатито-Мончегорский	3	16	320	254	177	172	79	55
Кандалакшский	3	14	78	67	50	47	86	64
Печенгский	3	12	59	43	39	38	73	66
Кольский (Ловозерский)	3	74	28	32	18	17	114	64
Петрозаводский	1	20	371	374	338	342	101	91
Сортавальский	2	14	115	108	90	86	94	78
Медвежьегорский	3	29	79	47	54	51	59	68
Западно-Карельский	2	33	79	75	61	59	95	77
Сетежский	3	26	88	78	61	58	89	69
Северо-Карельский	3	50	64	55	41	38	86	64
Архангельский	2	83	863	768	714	706	89	83
Мезенский	4	62	34	27	18	17	79	53
Котласский	2	52	243	227	193	184	93	79
Вельский	3	41	181	167	127	121	92	70
Няндомский	2	45	149	163	98	96	109	66
Онежский	3	25	50	45	36	35	90	72

Окончание табл. 3

Экономический микрорайон	Тип экон. микро-района по динамике населения	Площадь, тыс. кв. км	Население						
			Тыс. чел.			% к 1990 г.			
			1990	2000	2010	2013	2000	2010	2013
			1990	2000	2010	2013	2000	2010	2013
Ненецкий Вологодский Великоустогский Тотемский Харовский Пришекснинский Череповецкий Сыктывкарский Печорский Удорский Усть-Цилемский Интинский Воркутинский Вуктыльский Юго-Западный (Прилузский) Усть-Куломский Княжпогостский Ухтинский	2	177	55	46	42	43	84	76	78
	1	21	491	481	420	462	98	86	94
	2	32	162	152	131	117	94	81	72
	2	16	46	44	40	36	96	87	78
	3	17	78	71	64	54	91	82	69
	3	28	96	86	78	66	90	81	69
	1	31	486	482	469	459	99	97	94
	1	39	355	355	340	335	100	96	94
	2	62	166	142	104	101	86	63	61
	4	36	39	30	20	19	77	51	49
	2	60	40	40	32	30	100	80	75
	4	30	70	58	32	29	83	46	41
	4	26	217	166	96	88	76	44	41
	4	40	54	44	29	27	81	54	50
	3	24	41	38	29	28	93	71	68
	3	26	40	37	27	26	93	68	65
3	25	40	32	24	22	80	60	55	
2	49	203	182	168	167	90	83	82	

Таблица 4

Численность населения регионов ЕСР в 2013 г. по типам экономических микрорайонов (в соответствии с демографической динамикой)

Тип экон. микрорайона	Мурман- ская обл.	Республи- ка Карелия	Архангель- ская обл.	Вологод- ская обл.	Республи- ка Коми	ЕСР в целом
<i>Абсолютная численность, тыс. чел.</i>						
1	–	342	–	921	335	1598
2	506	145	1029	153	298	2131
3	265	147	156	120	76	764
4	–	–	17	–	163	180
И т о г о	771	634	1202	1194	872	4673
<i>Относительная численность, %</i>						
1	–	53,9	–	77,1	38,4	34,2
2	65,6	22,9	85,6	12,8	34,1	45,6
3	34,4	23,2	13,0	10,1	8,7	16,3
4	–	–	1,4	–	18,8	3,9

отток населения восполняется естественным приростом; 2 – снижение численности, отток населения не восполняется естественным приростом; 3 – значительное снижение численности, отрицательная миграция и естественная убыль населения; 4 – крайне отрицательная миграция с организованным переселением, в сельской местности – старение населения.

Динамика численности населения по всем микрорайонам отрицательная, но в разной мере. Более устойчивы в отношении социально-политических коллизий города с числом жителей свыше 100 тыс. чел. – Архангельск, Северодвинск, Вологда, Череповец, Петрозаводск, Сыктывкар, Ухта-Сосногорская агломерация, в которых размещены предприятия многих отраслей промышленности и транспорта, а также некоторые сельские территории, своего рода анклавов с этнокультурным укладом жизни. Менее устойчивы монопрофильные города и территории, например Воркута, Инта, Кировск, Мончегорск,

Костомукша и др., а также районы лесозаготовок и товарного сельского хозяйства.

Экономические микрорайоны во главе с областными и республиканскими центрами восполняют убывающее население за счет рождаемости и в немалой мере за счет внутренней миграции из сельских районов. Исключение в этом ряду составляют Мурманск и прилегающие к побережью другие поселения Мурманской области, что характеризует критическую ситуацию в состоянии арктических функций России (рыболовство в холодных морях, обслуживание Северного морского пути, подготовка баз освоения шельфа Баренцева моря и др.).

Почти половина численности населения ЕСР приходится на те микрорайоны, в которых отрицательная миграция не восполняется естественным приростом. Значительная отрицательная миграция и естественная убыль населения характерны для районов лесозаготовок, старопромышленных очагов Мурманской области, сельской периферии и для районов с убывающей добычей полезных ископаемых.

ХОЗЯЙСТВО

В истории развития Европейского Севера России отметим такие ключевые проекты, как строительство железных дорог Пермь – Вятка – Котлас, Ярославль – Вологда – Архангельск и экспорт древесины и лесоматериалов через Архангельский порт, строительство железной дороги Ленинград – Мурманск и формирование Карело-Кольского горно-промышленного комплекса, создание Северного военно-морского флота и Северного морского пути, строительство железной дороги Котлас – Воркута и освоение Печорского угольного бассейна, реализация районно-комплексного проекта «Северная угольно-металлургическая база», освоение Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, размещение лесопромышленных комплексов в Архангельске, Сыктывкаре и на юге Республики Карелии.

В настоящее время Европейский Север России в хозяйственном отношении более развит, чем Азиатский Север, что обусловлено относительно благоприятными природно-климатическими условиями и удобным географическим положением. На территории ЕСР, которая

составляет менее 13% всей территории Севера России, проживает около двух третей населения и производится три пятых промышленной продукции этой зоны. Здесь сформирована мощная топливно-энергетическая база страны. Она представлена Печорским угольным бассейном, Тимано-Печорской и перспективной Мезенской нефтегазоносными провинциями, Кирово-Кажимской нефтегазоносной областью, нефтегазовыми ресурсами акватории западного сектора Арктики, гидроресурсами Карелии и Кольского полуострова. Наряду с Карело-Кольским горно-промышленным комплексом (апатитовые, железные и нефелиновые руды, никель, редкие металлы, строительный материал) общероссийское значение приобрели Северо-Онежский бокситоносный район и Тимано-Североуральский комплекс, формируемый на базе бокситовых и титановых руд, марганца, баритов, каменной соли, золота, а в дальней перспективе – на базе платины, меди, хромитов и многих других полезных ископаемых. Важную роль в экономике России играет освоение Ломоносовского месторождения алмазов на севере Архангельской области. Промышленное значение приобретают ресурсы Новой Земли, прежде всего марганца.

Освоение полезных ископаемых и лесных ресурсов послужило первопричиной создания на Европейском Севере транспортной, производственной и социальной инфраструктуры, научно-исследовательских центров и служб проектирования. Имеются и другие основания полагать, что минерально-сырьевой, топливно-энергетический и лесопромышленный комплексы и впредь будут играть роль локомотива социально-экономического развития ЕСР. Поэтому изменения в видовой (отраслевой) структуре экономики регионов ЕСР происходят медленно. Они обусловлены не только реальными преобразованиями в хозяйстве и его технологическом укладе, но и неустойчивостью пропорций в стоимостных оценках различных сфер деятельности. Из реальных тенденций отметим все более яркое проявление сырьевой специализации Мурманской и Архангельской областей и снижение доли сырьевых отраслей в Республике Карелии и Республике Коми (табл. 5).

Территориально-пространственную структуру хозяйства ЕСР можно охарактеризовать как линейно-узловую с наличием «глубинки» – экономически удаленной периферии. С некоторой долей условности

Таблица 5

**Структура видов экономической деятельности регионов ЕСП
в 2005 и 2012 гг., % от итога добавленной стоимости**

Виды экономической деятельности	Мурманская обл.		Республика Карелия		Архангельская обл.		Вологодская обл.		Республика Коми		ЕСР в целом	
	2005	2012	2005	2012	2005	2012	2005	2012	2005	2012	2005	2012
Руральные (сельское и лесное хоз-во, рыболовство, добыча полезных ископаемых)	19,6	24,6	26,1	18,4	27,1	30,0	7,5	4,0	37,2	34,0	22,9	23,9
Обрабатывающие производства	25,5	13,3	17,6	12,6	18,9	12,6	46,6	36,1	11,7	10,7	25,5	17,0
Отрасли производственной инфраструктуры и торговля	20,3	20,4	21,4	21,4	20,9	21,1	20,4	25,5	19,8	23,9	20,4	22,7
Финансовая сфера и социальные услуги	34,6	41,7	34,9	47,6	33,1	36,3	25,5	34,4	31,3	31,4	31,2	36,4

выделим хозяйственные узлы четырех классов в соответствии с численностью экономически активного населения: в узле первого класса это 100 тыс. чел. и более, второго – 60–99 тыс., третьего – 30–59 тыс., четвертого – 10–29 тыс. чел. Все остальное хозяйство имеет внеузловую форму размещения (табл. 6).

Наиболее высокий уровень территориальной концентрации экономики имеет Мурманская область – благодаря самому Мурманску и расположенным рядом с ним промышленным и транспортным центрам, а также горно-промышленному узлу с городами Апатиты, Кировск, Мончегорск и Оленегорск. Высокая территориальная концентрация хозяйственной деятельности дает определенные преимущества в организации производственной, социальной и экологической инфраструктуры. Однако возможности централизации сервисных служб и природоохранной деятельности в Мурманской области

Таблица 6

Доля хозяйственных узлов и внеузловых форм размещения экономической деятельности в регионах ЕСР, %*

Территориально-хозяйственные образования	Мурманская обл.	Республика Карелия	Архангельская обл.	Вологодская обл.	Республика Коми	ЕСР в целом
Узлы первого класса	45	40	45	47	25	40
Узлы второго класса	30	—	10	—	36	17
Узлы третьего класса	8	—	5	—	15	7
Узлы четвертого класса	7	10	8	8	—	6
Внеузловые хозяйственные образования	10	50	32	45	24	30

* Оценка автора по данным 2012 г., в процентах к итогу валовой добавленной стоимости с учетом ее отраслевой структуры.

используются весьма слабо; пространственная близость хозяйствующих субъектов, к сожалению, не сопровождается консолидацией их ресурсов для решения общих задач; экологическая сфера деятельности пока не имеет собственной организационной структуры как особая отрасль народного хозяйства. Такое же положение наблюдается и в других регионах ЕСР.

Примерно половина хозяйства Республики Карелии сосредоточена в Петрозаводске. Если такое сосредоточение не является чрезмерным в отношении негативных издержек жизнедеятельности людей и если центр достаточно эффективно выполняет социальные функции по отношению к своей периферии, то его следует признать рациональным. В других случаях целесообразно иметь еще хотя бы один центр многопрофильного социального обслуживания периферии. Эта функция дает дополнительный импульс для развития, например, Беломорска (Республика Карелия), Ухты (Республика Коми), Котласа (Архангельская область), Великого Устюга (Вологодская область).

Внеузловые хозяйственные образования представлены отдельно взятыми средними и малыми поселениями с их сельской, промышленной и лесохозяйственной экономикой. Тот факт, что мелкодисперсная

форма размещения людей и указанных видов экономики обеспечивает в целом по ЕСР 30% товаров и услуг (в Карелии – 50%, в Вологодской области – 45%), указывает на значимость северной глубинки как социально-экономического феномена. Именно проблемы периферии задают мотив в модернизации северного социально-экономического пространства [6].

В регионах ЕСР сформировалась организационно-управленческая структура, в основном соответствующая специфике регулируемой рыночной экономики и технологическим особенностям производства. В Мурманской области преобладают крупные ресурсные предприятия, которые входят в состав финансово-промышленных групп и холдингов: ОАО «Апатит» (ЗАО «ФосАгро АГ») – производство апатитового и нефелинового концентратов, ОАО «Ковдорский ГОК» (ОАО «МХК «ЕвроХим») – производство железорудного, апатитового и бадделеитового (оксид циркония) концентратов, ОАО «Олкон» (ЗАО «Северсталь-Ресурс») – производство железорудного концентрата, щебня, ЗАО «Северо-Западная Фосфорная Компания» (группа «Акрон») – производство апатитового концентрата.

Среди крупных предприятий Карелии отметим ОАО «Карельский окатыш» (ЗАО «Северсталь-ресурс» и ОАО «Северсталь»), выпускающее железорудные окатыши, целлюлозно-бумажные предприятия «Кондопога», Ляскельский бумажный завод, Сегежский ЦБК, завод «Питкяранта», Суоярвскую картонную фабрику, завод «Петрозаводскмаш», изготавливающий химическое и бумагоделательное оборудование, оборудование для атомных электростанций, контейнеры для хранения отработанного ядерного топлива, Онежский судостроительный завод, строящий морские и речные суда, Онежский тракторный завод, выпускающий трактора типа ТЛТ-100А, а также Надвоицкий алюминиевый завод.

Лесная промышленность Архангельской области представлена ОАО «Архангельский ЦБК», ООО УК «Соломбалес», ОАО «Соломбальский ЦБК», ОАО «Соломбальский ЛДК», филиал ОАО «Группа «Илим» в Коряжме, горно-добывающая промышленность – ОАО «Севералмаз», ОАО «Северо-Онежский бокситовый рудник», машиностроение – тремя ОАО: «Северный центр судостроения и судоремонта»,

«Соломбальский машиностроительный завод» (производство лесозаготовительной техники), «Северодвинский завод дорожных машин».

Наиболее крупными промышленными предприятиями Республики Коми являются ООО «Лукойл-Коми» (дочернее общество НК «Лукойл»), ОАО «Воркутауголь» (входит в состав «Северстальресурса»), ОАО «Боксит Тимана» (входит в состав ОАО «Русал»), ОАО «МБП «Сыктывкарский ЛПК» (один из крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов России), ОАО «ЭК «Комиэнерго».

В территориально-хозяйственной структуре ЕСР особое место занимает Вологодская область. Размещенный здесь Череповецкий металлургический комбинат (ОАО «Северсталь») соединяет в общую технологическую систему добычу железных руд Карелии и Мурманской области, коксующегося угля Воркуты, металлургическое и сопутствующие химические производства, как это и было спроектировано в 1950-х годах при создании северной угольно-металлургической базы. Сталь Череповецкого комбината имеет широкий рынок сбыта, в том числе и в машиностроении Вологды (шарикоподшипниковый, электромеханический и другие заводы).

В организации управления фирмами прослеживается определенная тенденция. Низовые организационные единицы оформились в виде обществ с ограниченной ответственностью, осуществляющих, например, геологоразведку, глубокое бурение, различные виды сервисных услуг (энергохозяйство, автоперевозки, проектирование и др.). Такие ООО являются самостоятельными хозяйствующими субъектами и вместе с тем строго подчиняются регламенту работы среднего звена – открытым акционерным обществам, владеющим основной частью природно-ресурсных и производственных активов. ОАО, в свою очередь, входят в верхний эшелон управления – крупные национальные и/или транснациональные компании, осуществляющие финансовое и кадровое управление.

Значение низовых структур усиливается в связи с выводом непрофильных активов (как правило, вспомогательных и обслуживающих производств) за пределы основного предприятия в качестве малого бизнеса. Среднее, опорное в экономике регионов звено хозяйственного управления ответственно за производственные результаты

и социальные стороны организации труда, а также за сотрудничество с региональной и местной властью. Верхнее звено управления, как правило, связано с иностранным капиталом, а потому строго ориентировано на получение высокой нормы прибыли, в том числе за счет использования передовых зарубежных технологий. Российские научно-технические достижения его интересуют мало.

В 2001–2008 гг. большинство из перечисленных выше предприятий реализовали крупные проекты модернизации производства. Они создали новые мощности в нефтяной, горно-добывающей и деревообрабатывающей промышленности. Однако все еще остается много старого оборудования и ветхих сооружений, изношенных более чем наполовину, а доля полностью изношенных основных фондов даже увеличивается (например, в Республике Коми в 2006 г. она составила 15,4%, в 2010 г. – 18%, в 2011 г. – 23,3%). Трубопроводный транспорт стал в социальном и экологическом отношении весьма опасным. Вместе с тем из Западной Сибири по трубопроводам через Республику Коми и Вологодскую область прокачивают около 120–130 млрд куб. м газа. Значение транзита газа многократно возрастает в связи со строительством газопровода «Ямал – Запад».

Совершенствование внутрифирменной деятельности непосредственно связано с решением общих вопросов территориальной организации хозяйства. Рост производительности труда требует адекватного увеличения числа рабочих мест на действующих (за счет технологической диверсификации производства) и новых предприятиях, создаваемых с учетом географического положения городов и поселков, а также с учетом социально приемлемого перемещения трудоспособного населения.

МОДЕРНИЗАЦИЯ

Политическая доктрина модернизации России на Севере реализуется не только за счет типового обновления производственного аппарата, но главным образом путем приспособления хозяйственной деятельности к сложным и экстремальным природным условиям на основе специальных научно-технических решений. Это означает

- территориальную привязку типовых проектов с учетом факторов удорожания строительства;
- использование основ зонального проектирования в градостроительстве;
- разработку техники в северном исполнении и ее использование;
- минимизацию вспомогательных и обслуживающих производств, широкую технологическую кооперацию;
- применение вахтового, районного и экспедиционного методов освоения полезных ископаемых;
- организацию комплексных ресурсно-сырьевых компаний, способных на основе универсальных технологий осваивать «разнопрофильные» месторождения и обустраивать территорию по единому плану;
- синхронную технологическую модернизацию основных, вспомогательных и обслуживающих производств, а также социальной инфраструктуры.

На Европейском Севере России природные и пространственно-экономические параметры модернизации хозяйственной деятельности обуславливают необходимость «держаться до упора» за освоенные минерально-ресурсные районы. Дело в том, что ключевой проблемой в формировании минерально-сырьевой базы нашей страны являются географическая и экономическая удаленность новых месторождений полезных ископаемых и недостаток материально-технических и финансовых ресурсов для их освоения. Поэтому на современном этапе развития производительных сил России и большинства ее регионов прогрессивные технологии – главный объект капитальных вложений в основные фонды. Это принципиальный момент в модернизации. Именно разработка и внедрение таких новых технологий позволяют эффективно и длительное время работать на уже осваиваемых месторождениях и на участках с труднообогатимыми, «упорными» рудами. Здесь могут быть эффективно реализованы в промышленном масштабе многие перспективные геотехнологии: подземная гидродобыча, подземное и кучное выщелачивание, методы биотехнологической переработки минерального сырья, многие современные

методы рудоподготовки, предварительного обогащения руд, концентрации и сепарации минералов [7].

Н.П. Лаверов, рассматривая проблемы Арктики, особое внимание обратил на технологию добычи, транспортировки и переработки нефти и газа [3]. В частности, нефтеотдача пласта сейчас снизилась до 29%, а 71% остается в недрах (у американцев – соответственно 51 и 49%). Необходимо умело сочетать вертикальное и горизонтальное бурение, создавать подземные газохранилища, учитывать опасности сверхвысокого пластового давления. Также надо учитывать «вредительство» айсбергов, разрывающих дно и все, что на нем находится. Следует переходить на новые технологии переработки нефти (те нефтепродукты, которые экспортируются российскими предприятиями за границу, там еще раз перерабатываются). Академик справедливо отмечает, что торопливость чаще всего приводит к колоссальным потерям. Чтобы снизить их уровень, желательно не только внедрять новые технологические методы, но и по-государственному подходить к организации лицензирования хозяйственной деятельности на старых и новых месторождениях полезных ископаемых. Осваивать удаленные минерально-сырьевые районы на основе старой технологии не имеет смысла. Финансовые риски, связанные с апробацией новых технологических решений, будут минимальными в условиях уже налаженного производства.

Проблемы модернизации хозяйства ЕСР в значительной мере связаны с рациональным использованием ресурсов бореальных лесов (тайги). Забота о сохранении и воспроизводстве северо-таежных лесов объединяет интересы всех его регионов. В последние годы биологи особое внимание обращают на две проблемы бореальных лесов.

Во-первых, в результате проведения больших концентрированных рубок на местах высокопроизводительных сосновых и еловых лесов сформировались молодняки с преобладанием лиственных пород. В большинстве случаев производные насаждения характеризуются более низкой продуктивностью, ухудшением качества древесины, снижением устойчивости молодняков к действию таких неблагоприятных факторов, как заболачивание, ухудшение физико-химических свойств почв, влияние заморозков и др. С преобразованием лесов

произошла трансформация животного и растительного мира, гидрологических и термических характеристик бассейнов северных рек, что отразилось на условиях жизни местного населения. Биологические наблюдения дополним экономическими: опасность вызвана не столько объемами рубок, сколько низким уровнем организации лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности, что привело и приводит к старению лесного фонда и снижению его воспроизводимых качеств.

Во-вторых, необходимо дать объективную оценку влияния климата на продуктивность лесных сообществ. Вопрос о влиянии глобального потепления на продуктивность северных лесов остается открытым, исследования в этом направлении продолжаются. Некоторые специалисты считают, что с потеплением произойдет увеличение продуктивности лесов. Однако в последние годы появляется все больше экспериментальных данных, подтверждающих неоднозначность реакции древесных растений на изменение температуры. Эта реакция во многом зависит от породы дерева и лесорастительных условий. Кроме того, потепление может привести к ускоренному развитию болезней леса и появлению большого количества его вредителей. В этом случае ухудшится качество древесины, усилится разрушение насаждений, что в конечном итоге может привести к снижению пожароустойчивости лесов, к изменению состава и структуры древостоев.

Географические, социально-экономические и биоресурсные характеристики лесного фонда в последние годы изменились столь существенно, что стала видна острая необходимость составления нового лесного плана.

На Европейском Севере особую роль играют агроклиматические ресурсы. Бережное отношение к земле является главным условием устойчивого развития сельских территорий и производства экологически чистых продуктов питания. Важно понять основную причину выбытия сельхозугодий. На наш взгляд, она заключается в слабом регулировании земельных отношений и недостаточном обеспечении необходимых социальных условий жизнедеятельности сельских поселений.

Для сельской периферии ЕСР нужна модернизация, направленная на создание адаптивно-ландшафтных систем земледелия. Модернизация оленеводства связана с оснащением отрасли необходимыми сооружениями, оборудованием, средствами связи, транспортом, с созданием базы по переработке шкур оленей, по производству ценного и высокодоходного эндокринно-ферментного сырья, пользующегося огромным спросом за рубежом. Важным моментом модернизации является обеспечение сельских домохозяйств и дачных усадеб средствами малой механизации. Кроме того, в сельских поселениях целесообразно организовать технические станции общего пользования (прокат машин и механизмов). Малые формы сельского хозяйства могут оказаться более восприимчивыми (по сравнению с крупными предприятиями) к использованию новых технологий.

Высоким конкурентным потенциалом характеризуются традиционные отрасли: рыболовство, охотничий промысел, сбор дикорастущих грибов и ягод. С продукцией этих отраслей северные регионы могут выступать не только на региональном рынке, но и на национальном, а также международном. Модернизация в указанных направлениях может существенно укрепить экономическую основу жизнедеятельности коренного населения северных и арктических территорий.

В последние десятилетия на территории ЕСР образовался узел трудноразрешимых проблем, связанных с локальным дефицитом свежей воды и загрязнением водных объектов. Причинами этого являются недостаточный учет водного фактора в хозяйственном планировании, нерациональное использование водных ресурсов, слабая изученность водных объектов, неразвитость водного хозяйства и отсутствие единой концепции его развития [1].

В формировании свойств и качеств пространственной системности Карело-Кольской территории большую роль играют озера, которые имеют как бы единый бассейн, лишь слегка разделенный водоразделами рек. Они в равной мере предопределяют конфигурацию расселения населения, роль судоходства и водоснабжения, северо-арктический вектор хозяйственного освоения территории, экологические параметры охраны окружающей среды. Однако в последние 20 лет

ситуация относительно содержания рек в гидрографическом порядке удручающая. Реки как бы вышли из-под контроля человека. Отсутствие речных мелиораций, дноуглубительных работ, обустройства берегов привело к значительному ухудшению режима водотоков: более разрушительными стали половодья, увеличилось количество меандр и затонов, затянуло фарватер, возникли непроходимые судами с 50–80-сантиметровым погружением барьеры в устьях притоков. Даже на Печоре сквозное судоходство стало весьма затруднительным. Вполне понятно, что такое положение снизило уровень и качество жизни большого числа людей, которые ранее рассматривали свою деятельность именно как речную. Весенне-летний завоз в глубинку стал возможен только с использованием маломерных судов, а потому его цена возросла в 1,5–2 раза. Дело не только в экономике, но и в социально-культурной стороне жизнедеятельности. Если можно так сказать, снизился уровень идентичности родных мест. Кроме того, организация туризма без надежного речного транспорта стала весьма проблематичной.

ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Регионы ЕСР сплачиваются природно-ресурсным разнообразием и выгодой от взаимного товарообмена. Однако следует иметь в виду, что один и тот же ресурс (потенциал) в разных территориально-хозяйственных системах имеет разные оценки. Возьмем, например, машиностроение. Внутренние предпосылки для его развития на ЕСР весьма ограничены (за исключением специального судостроения). Но если некоторые северные города «встроить» в более крупную систему городов Урала, Северо-Запада, Центра, Поволжья, то такие предпосылки многократно усиливаются – именно с учетом технологической кооперации. С этих позиций и следует рассматривать целесообразность размещения в предсеверных регионах и на Ближнем Севере заводов электротехнической промышленности, приборостроения, предприятий по выпуску медицинской техники и др. Экономический интерес представляет также специализация в рамках реализации арктических проектов, в том числе по линии государственного заказа. Но каждый

раз выбор новых точек роста должен быть сопряжен с анализом условий Севера.

Интеграцию целесообразно рассмотреть также в плане объединения ресурсов и усилий региональных правительств, муниципалитетов и бизнеса для развития смежных территорий. Периферийные «углы» имеют неудовлетворительные социально-экономические характеристики и не располагают достаточным объемом ресурсов для самостоятельного решения своих проблем. Они могли бы быть объединены специальной программой активного развития с учетом экологических преимуществ периферийности. Полагаю, что целевая программа с включением в нее смежных муниципальных образований Архангельской, Кировской, Костромской и Вологодской областей, а также Республики Коми могла бы придать особый ракурс развитию территорий, экономически тяготеющих к Котласу. Аналогичное ассоциативное движение может стать характерным и для беломорских территорий.

Главным же условием межрегиональной интеграции является наличие развитых транспортной и электроэнергетической систем. Европейский Север имеет возможность укрепить свои позиции в общей транспортной системе страны. Совершенствование линейно-узловой структуры экономического пространства ЕСР связано в первую очередь с развитием Мурманского и Архангельского морских портов как опорных баз Северного морского пути, со строительством железной дороги Белкомур, в дальней перспективе – с сооружением Баренцкомур, с реконструкцией водных путей на Печоре, Северной Двине, Сухоне, Вычегде и других реках. Для достижения круглогодичной транспортной доступности населенных пунктов периферийных районов необходимо применение специальных видов транспорта: малой авиации, экранопланов, дирижаблей, узкоколейных железных дорог, монорельсового транспорта и судов на воздушной подушке [2].

Анализ двух сегментов энергетического хозяйства Европейского Севера – Карело-Кольской и Двино-Печорской подсистем выявил особенности и задачи их внутреннего развития, а также направления интеграции [8]. Карело-Кольская энергетическая подсистема

обеспечивает более дифференцированную и эффективную генерацию, интегрированную мощной сетью. Первоочередной задачей ее пространственного развития является усиление сложившихся базовых структур: строительство вторых цепей линий электропередач для увеличения пропускной способности и надежности передачи, для снижения потерь и общих издержек электроснабжения. Уровень экономической эффективности электроэнергетики в Двино-Печорской подсистеме в 1,8 раза ниже, чем в Карело-Кольской. Необходимо рационально сконцентрировать усилия на повышении ее эффективности за счет замещения дорогостоящего топлива, развития и усиления системообразующей связи, внедрения источников нетопливной генерации (атомной или рассредоточенной гидро- и биоэнергетики). Первые два направления уже реализуются. Значительный вклад в повышение эффективности Двино-Печорской энергетической подсистемы внесет четвертый блок Череповецкой ГРЭС. Это парогазовый энергоблок мощностью 420 МВт с весьма высокими технико-экономическими показателями. Стратегической задачей является создание эффективного энергетического источника на угольном топливе.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Субъекты Федерации ЕСР разработали стратегии социально-экономического развития и схемы территориального планирования. В настоящее время эти документы проходят согласование в профильных ведомствах в соответствии с федеральным законом о стратегическом планировании и Градостроительным кодексом. Суть согласования заключается не только в приведении документов в соответствие федеральным установкам, но в большей мере в выборе тематической направленности самого территориального планирования. Пока же территориальное планирование в стратегиях представляет собой распределение различных видов экономической деятельности (и соответствующих показателей) по районам и городам, но не отражает процессы преобразований самих районов и городов, а в схемах зафиксирована конфигурация устройства территории, обозначенная на картосхемах, приведены строительные правила и регламенты, а также

нормативы обеспечения населения социальными благами, но не указаны механизмы достижения целевых установок. Повышению уровня территориального планирования при определенных условиях могли бы способствовать исследования по проблемам пространственного развития России.

* * *

Итак, территориальная структура хозяйства и расселения населения Европейского Севера России характеризуется наличием двух субрегионов (Карело-Кольского и Двино-Печорского), пяти районов областного ранга (Мурманской области, Республики Карелии, Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми) и 35 экономических микрорайонов с определенными типологическими чертами хозяйства и демографической динамикой. Поверх административно-территориальных границ находятся производственные системы (узлы, распределенные по четырем классам), экономические кластеры и производственно-территориальные холдинги. Каждый из указанных видов структурных единиц имеет собственные основания для модернизации хозяйства и производства, требующие согласованного использования ресурсов и оптимизации интегральных эффектов.

Из проведенного анализа минерально-сырьевых и биоресурсных комплексов ЕСР видно, что их совершенствование во многом предопределено особенностями общего социально-экономического пространства России, в котором Север и Арктика должны бы играть доминирующую роль не в плане «пропаганды и агитации», а по сути решаемых народно-хозяйственных проблем.

При формировании нового приоритетного национального проекта «Российский Север и Арктика в условиях глобальных вызовов XXI века» необходимо учесть, что движение от освоенных регионов и хозяйственных очагов к новым арктическим и северным местам сопряжено с огромными затратами и требует времени на научно-техническую подготовку. Модернизация действующих производств и испытание на них инновационных технологий являются приоритетом в развитии производительных сил ЕСР. Поиск экономически

эффективных источников и стимулов для развития этого макрорегиона сегодня связан уже не столько с крупными народно-хозяйственными программами создания новых топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесопромышленных баз, сколько с совершенствованием существующих хозяйственных систем на основе научно-технического и социального прогресса.

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (проект 12-П-7-1004)

Список источников

1. Водные ресурсы и управление водопользованием на Европейском Северо-Востоке. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2011. – 324 с.
2. Киселенко А.Н. Варианты усиления железно- и автодорожных связей Республики Коми с соседними регионами // Север: арктический вектор социально-экологических исследований / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2008. – С. 161–169.
3. Лаверов Н.П. Осваивать Арктику сложнее, чем космос // Редкие земли. – 2014. – № 3. – С. 40–48.
4. Лейзерович Е.Е. Экономические микрорайоны России (сетка и типология). – М.: Трилобит, 2004. – 128 с.
5. Природные условия и естественные ресурсы СССР. Север европейской части СССР. – М.: Наука, 1966. – 452 с.
6. Пространственные и временные тенденции социально-экономических процессов на Российском Севере / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Москва; Сыктывкар, 2012. – 346 с.
7. Север: наука и перспективы инновационного развития / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. – Сыктывкар, 2006. – 400 с.
8. Чайка Л.В. Пространственные аспекты развития электроэнергетики Европейского Севера России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1 (25). – С. 84–97.

Информация об авторе

Лаженцев Виталий Николаевич (Россия, Сыктывкар) – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник. Институт социально-

экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН (167982, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru).

DOI: 10.15372/REG20150601

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 3–28

V.N. Lazhentsev

TERRITORIAL ORGANIZATION OF THE POPULATION AND ECONOMY IN THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

The European North of Russia (ENR) is considered as a socio-economic area with a wide range of the economic and population settlement organizational forms. Its Arctic zone holds 6.7 times more people than the non-arctic area. Negative migration dynamics is observed. As compared to the 1989 Soviet census, by 2013 the population of the macro-region had decreased by almost 1.5 million people. Spatial economic policy in the ENR is conducted in the same manner as in already explored areas. The ENR's main strategic direction is to preserve and modernize its organizational forms on the basis of scientific and technological achievements and to improve internal and inter-regional relations. The ENR can serve as a testing ground for promotion of innovative experience in the development and deep processing of natural resources and new approaches to the territorial organization of production in a challenging natural environment.

Keywords: European North of Russia, the Arctic, natural resources, population, territorial and economic systems, modernization

*The publication is supported by the Program for Basic Research No. 31
«The role of space in the modernization of Russia: natural
and socio-economic potential» of the Presidium of the Russian Academy
of Sciences (project 12-II-7-1004)*

References

1. *Vodnye resursy i upravlenie vodopolzovaniem na Evropeyskom Severo-Vostoke* [Water resources and water use management in the northeastern Europe]. (2011). Syktyvkar, Komi Scientific Centre UB RAS, 324.
2. *Kiselenko, A.N., Lazhentsev, V.N.* (Ed.) (2008). *Varianty usileniya zheleznodorozhnykh svyazey Respubliki Komi s соседnimi regionami* [Options for improving railway and road network between the Komi Republic and neighboring regions]. Sever. Arkticheskiy vektor sotsialno-ekologicheskikh issledovaniy [The North. Arctic vector of socio-ecological research]. Syktyvkar, 161–169.
3. *Laverov, N.P.* (2014). *Osvaivat Arktiku slozhnee, chem kosmos* [Exploration of the Arctic is harder than space]. *Redkie zemli* [Rare Earth], 3, 40–48.
4. *Leyzerovich, Ye.Ye.* (2004). *Ekonomicheskie mikroraiony Rossii (setka i tipologiya)* [Economic micro-regions in Russia (network and typology)]. Moscow, Trilobit, 128.
5. *Prirodnye usloviya i estestvennye resursy SSSR. Sever evropeyskoy chasti SSSR* [Natural conditions and natural resources of the USSR. Northern European USSR]. (1966). Moscow, Nauka, 452.
6. *Lazhentsev, V.N.* (Ed.). (2012). *Prostranstvennye i vremennye tendentsii sotsialno-ekonomicheskikh protsessov na Rossiyskom Severe* [Spatial and temporal tendencies of socio-economic processes in the Russian North]. Moscow; Syktyvkar, 346.
7. *Lazhentsev, V.N.* (Ed.). (2006). *Sever: nauka i perspektivy innovatsionnogo razvitiya* [North: science and prospects of innovation development]. Syktyvkar, 400.
8. *Chaika, L.V.* (2013). *Prostranstvennye aspekty razvitiya elektroenergetiki Evropeyskogo Severa Rossii* [Spatial aspects of electric power industry development in Russia's European North]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 1(25), 84–97.

Information about the author

Lazhentsev, Vitaliy Nikolaevich (Syktyvkar, Russia) – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher at the Institute of Social, Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, 167982, Russia, e-mail: vnlazhentsev@iespn.komisc.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 26.01.2015 г.

© Лажентцев В.Н., 2015

УДК 332.025.1

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 29–48

В.Г. Басарева

РЕГИОНЫ РОССИИ: АДАПТАЦИЯ К МЕРАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

На основе данных Росстата анализируется выполнение на региональном уровне указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. в части повышения оплаты труда в бюджетной сфере, а также создания и модернизации 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Показано, что документы, принятые правительством во исполнение указов, недоучитывали дифференциацию субъектов Федерации, состояние их бюджетов и специфику производства, что привело к негативным последствиям в ряде регионов. Обоснована необходимость в условиях замедления темпов экономического роста корректировать долю обязательств, приходящуюся на региональные бюджеты, учитывать факт разбалансированности при резком увеличении дефицита и государственного долга. Показано, что в результате действия пространственных факторов количество имеющихся в регионах высокопроизводительных рабочих мест и их доля в общем числе рабочих мест сильно дифференцированы. Для выполнения поставленных задач нужны меры, направленные на создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест с учетом региональной специфики производства.

Ключевые слова: межрегиональная дифференциация, рост оплаты труда в бюджетной сфере, консолидированные бюджеты, высокопроизводительные рабочие места

Межрегиональная дифференциация – объективное явление, которое может быть объяснено неравномерностью распределения факторов роста и конкурентных преимуществ между регионами страны.

Однако размеры такой дифференциации должны контролироваться и регулироваться государством. В противном случае «усиление неоднородности ослабляет единство общества и государства, затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, увеличивает опасности региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национальной экономики» [5, с. 95].

Большинство российских регионалистов сходятся во мнении, что усилия государства по выравниванию социально-экономических условий жизни в субъектах Федерации не дают пока должного результата (см., например, работы [1–4; 7]). Был принят ряд соответствующих документов, но поставленные в них цели остаются декларациями, часто расходятся с реальными способами их достижения. Такая практика регулирования вызывает ответную реакцию со стороны регионов, которые адаптируют свои планы и стратегии к мерам государственной политики. Например, как регионы с разными уровнями социально-экономического развития справлялись с выполнением указов Президента РФ от 7 мая 2012 г.? Проанализируем стратегии, выбранные субъектами Федерации по двум направлениям: в части повышения оплаты труда в бюджетной сфере и в части создания и модернизации 25 млн высокопроизводительных рабочих мест¹.

РОСТ ОПЛАТЫ ТРУДА В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» определял цели, ставил конкретные задачи, которые должны были быть решены в период 2013–2018 гг. Указ вменял российскому правительству и органам исполнительной власти субъектов Федерации предусмотреть при формировании федерального бюджета и консолидированных бюджетов регионов ассигнования на реализацию намеченных мер.

---

¹ Для анализа использованы данные Росстата «Статистическая информация для мониторинга хода исполнения поручений, содержащихся в указах Президента РФ от 7 мая 2012 г.» (URL: www.gks.ru/Главная).

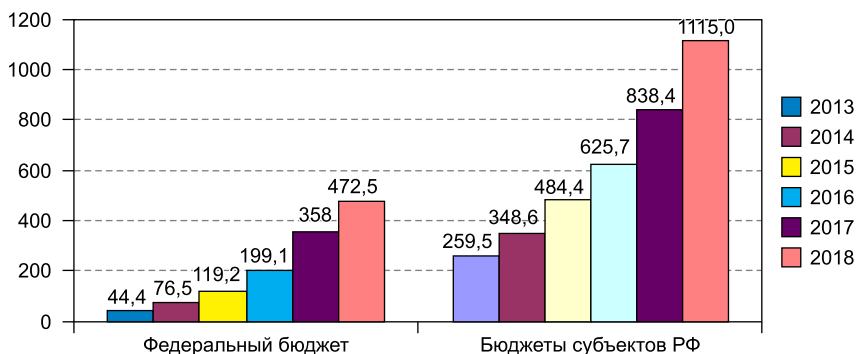

Рис. 1. Финансирование мероприятий программы по повышению оплаты труда отдельным категориям работников за счет средств федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов Федерации, млрд руб.

Во исполнение этого указа в части повышения заработной платы отдельным категориям работников бюджетной сферы правительством была принята Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы (далее – программа)². Финансирование по этой программе предполагается из двух источников: федерального бюджета и консолидированных бюджетов субъектов Федерации (рис. 1 иллюстрирует участие бюджетов в выполнении программы). Изначально предполагалось, что основной источник финансирования мероприятий программы – консолидированные бюджеты регионов.

Максимальная нагрузка на консолидированные бюджеты регионов – 85,4% всех средств – предусматривалась на первый год выполнения программы. Планировалось разное участие бюджетов в финансировании отдельных категорий бюджетников. Например, финансирование из федерального бюджета мероприятий в сфере здравоохранения должно возрасти к 2016 г. более чем в 10 раз по сравнению с 2013 г. (рис. 2, 3).

² См.: Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012–2018 годы. – URL: <http://www.iroski.ru/docs/doc-26-11-2012-2190.pdf>.

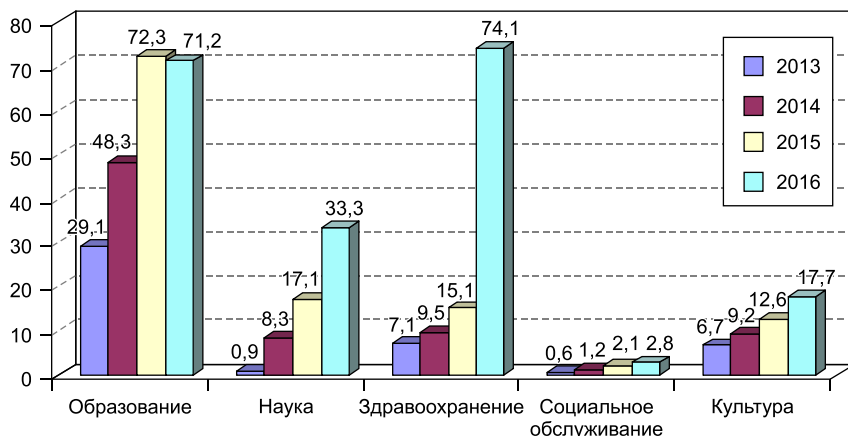

Рис. 2. Финансирование мероприятий программы по повышению оплаты труда отдельным категориям работников за счет средств федерального бюджета, млрд руб.

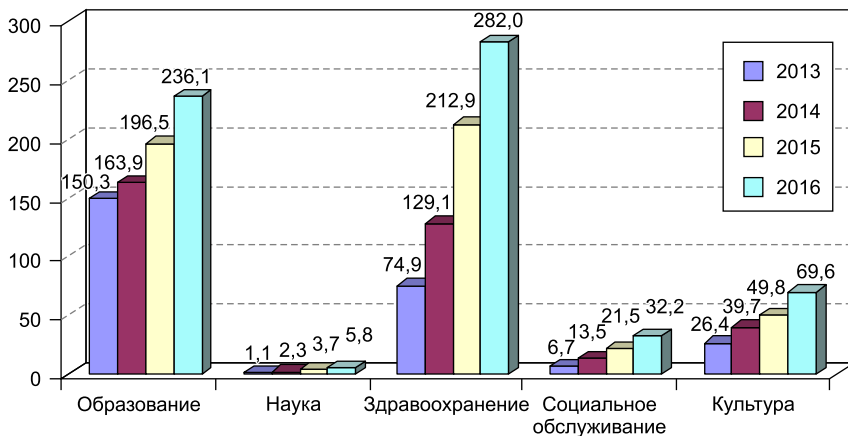

Рис. 3. Финансирование мероприятий программы по повышению оплаты труда отдельным категориям работников за счет средств консолидированных бюджетов субъектов Федерации, млрд руб.

Можно предположить несколько принципов, на которые опирались составители программы. Во-первых, расходы на программные

мероприятия должны возрастать к концу периода, достигая максимальной величины в 2018 г. Во-вторых, за социально-экономическое состояние в регионах должны нести ответственность прежде всего субфедеральные органы исполнительной власти, соответственно ориентируя свои бюджеты. В-третьих, источники покрытия возрастающих расходов не ясны, поэтому нужна страховка для возможной коррекции заданий.

Программа была утверждена правительством 26 ноября 2012 г., а на эту дату планы и бюджеты на трехлетний период были уже сверстаны. Поэтому приложение к программе, где была представлена таблица с информацией относительно объемов финансирования по годам, источникам и отдельным категориям бюджетных работников, сопровождалось специальными разъяснениями. Пояснилось, что приведенные в данном приложении объемы финансирования подлежат корректировке с учетом реализации «дорожных карт» при формировании соответствующих бюджетов бюджетной системы. Финансирование за счет средств федерального бюджета с 2013 по 2015 г. представлено с учетом индексации фонда оплаты труда с 1 октября 2013 г. на 6%, а для периода с 2016 по 2018 г. дана оценка федеральных органов исполнительной власти. Финансирование за счет средств консолидированных бюджетов представлено по предварительным данным органов исполнительной власти субъектов Федерации, а оценка общего финансирования подлежит ежегодному уточнению на основе данных статистического наблюдения по оплате труда и по численности отдельных категорий работников, а также с учетом мероприятий по реорганизации неэффективных учреждений.

В 2013 г. целевые установки указа Президента РФ в части повышения заработной платы бюджетникам были реализованы. Динамика расходов бюджетов регионов в 2013 г. соответствовала заданиям программы. Рост заработной платы бюджетников, прежде всего в сфере образования и здравоохранения, стал в 2013 г. важнейшим приоритетом в расходах бюджетов субъектов Федерации. Но какой ценой? Единые установки программы, не учитывающие неравномерность развития и пространственное разнообразие регионов, привели к тому, что меры социальной политики, реализуемые на федеральном уровне,

оказали на регионы разное воздействие. Их эффективность непосредственно определялась состоянием консолидированных бюджетов, трудности в исполнении которых стали очевидными уже в конце 2013 г. На фоне замедления роста доходов и опережающего роста расходов на заработную плату показатели бюджетов, даже сведенные в разрезе федеральных округов, ухудшались.

Из-за роста расходов, не обеспеченного соответствующим расширением доходной базы, субъекты Федерации увеличивали объемы государственных долговых обязательств. Их госдолг вырос с 2013 по 2014 г. на 128% и достиг 1,7 трлн руб. Кроме того, более чем на 6% по сравнению с предыдущим годом снизились и федеральные трансферты. В результате совокупный дефицит консолидированных бюджетов в период с 1 января 2013 г. по 1 января 2014 г., по данным Минфина, увеличился в 2,3 раза и достиг 641 млрд руб.

Нарастающий кризис системы региональных бюджетов потребовал срочных мер. Индексация зарплат бюджетникам была приостановлена в 2014 г. Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. № 350-ФЗ. Закон был принят Госдумой в ноябре 2013 г. сразу в трех чтениях с целью снижения напряженности федерального и региональных бюджетов. Возникшие диспропорции нашли отражение и в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и плановый период 2016–2017 годов. Принятые без должного расчета и проработки установки подверглись значительной корректировке. Для снижения нагрузки на федеральный бюджет заработную плату целевых категорий работников федеральных учреждений в 2015 г. предполагается проиндексировать с 1 октября на уровень инфляции. Зарботную плату прочих категорий бюджетников в 2015–2017 гг. в базовом варианте прогноза предполагается ежегодно индексировать с 1 октября на уровень инфляции. Ранее в соответствии с программой индексация предполагалась с 1 января каждого года³. Пропуск индексации заработной платы в конце 2014 г. у данной

---

³ Такое обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы установлено статьей 134 Трудового кодекса РФ. Оно включает индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и мунци-

категории персонала, а также оптимизация бюджетных расходов в части оплаты труда целевых категорий работников в условиях высокого инфляционного фона приведут, по оценке Минэкономразвития, к снижению реальной заработной платы в бюджетном секторе в 2015 г. На сентябрь 2014 г. такое снижение должно было составить 1,9%⁴. Ранее среднегодовые темпы роста реальной заработной платы работников бюджетной сферы в 2014–2016 гг. оценивались на уровне 2,7% вместо 7,6% согласно программе.

Процесс был запущен, и многие регионы, стараясь обезопасить свои бюджеты, пошли на сокращение занятых в бюджетной сфере. Увеличение оплаты труда работникам бюджетной сферы могло осуществляться в том числе за счет повышения эффективности их деятельности, оптимизации количества учреждений и численности работников.

Для оценки региональных стратегий повышения заработной платы в бюджетной сфере сравним численность отдельных категорий работников социальной сферы и науки по субъектам Федерации за январь–июнь 2014 г. и соответствующие данные за январь–декабрь 2013 г. Всего по стране численность занятых в бюджетной сфере сократилась за указанный период более чем на 190 тыс. рабочих мест. Снижение численности занятых в бюджетной сфере произошло во всех федеральных округах (табл. 1). В среднем в России снижение за первое полугодие 2014 г. оценивается на уровне 3,1%. При этом самое большое снижение отмечается в Центральном федеральном округе (4,6%), наименьшее – в Северо-Кавказском (1,2%). На 6,9% снизилась численность работников бюджетной сферы в г. Москве. Максимальное снижение среди субъектов Федерации – 10,1% зафиксировано в Амурской области.

ципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели – в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами.

⁴ См.: *Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2015 год и на плановый период 2016–2017 годов*. Министерство экономического развития Российской Федерации. 2014. – URL: <http://www.economy.gov.ru>.

Таблица 1

Изменение численности работников бюджетной сферы за 6 месяцев 2014 г.

Федеральный округ	Число работников	%
Россия	–190660,0	–3,1
Центральный	–75228,2	–4,6
Северо-Западный	–20252,5	–3,2
Южный	–14176,3	–2,6
Северо-Кавказский	–4401,2	–1,2
Приволжский	–27312,6	–2,2
Уральский	–10480,0	–2,0
Сибирский	–30559,9	–3,4
Дальневосточный	–8248,6	–2,8

Изменение численности занятых по сферам деятельности в структуре федеральных округов в абсолютном значении показано на рис. 4. Незначительное увеличение численности занятых по России в целом отмечается в трех сферах: 1 – педагогические работники дошкольных образовательных учреждений; 2 – педагогические работники образовательных учреждений общего образования; 12 – педагогические работники образовательных, медицинских организаций или организаций, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Из двенадцати сфер деятельности в семи нет однозначной направленности: по каждой сфере есть и увеличение численности работников, и снижение. По остальным сферам деятельности зафиксировано только сокращение числа работников. Наибольшие сокращения в масштабах страны коснулись двух сфер: работников учреждений культуры (10,7%) и научных сотрудников (24,9%). Сфера науки, куда включены научные сотрудники в учреждениях образования, науки, культуры, здравоохранения, социального обслуживания, претерпели наиболее значительные преобразования. В семнадцати субъектах Федерации за полгода

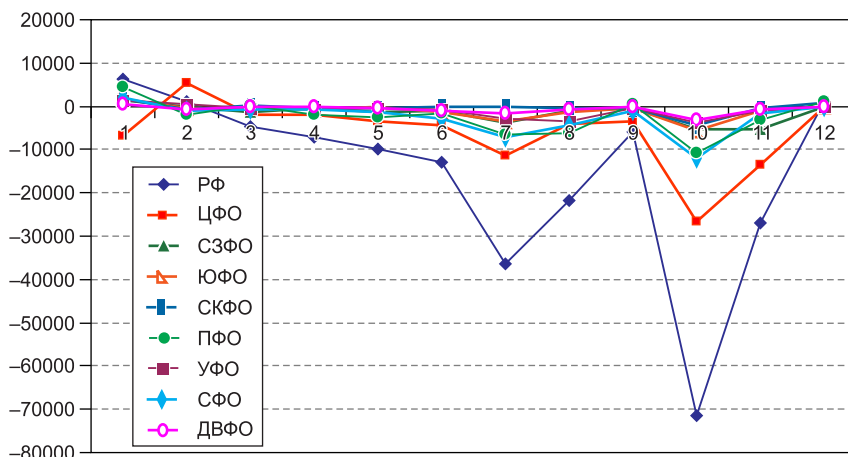

Рис. 4. Изменение численности отдельных категорий работников социальной сферы и науки по федеральным округам с января 2013 г. по июнь 2014 г., чел.⁵

1 – педагогические работники дошкольных образовательных учреждений; 2 – педагогические работники образовательных учреждений общего образования; 3 – педагогические работники учреждений дополнительного образования детей; 4 – преподаватели и мастера производственного обучения образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования; 5 – преподаватели образовательных учреждений высшего профессионального образования; 6 – врачи и работники медицинских организаций, имеющие высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, предоставляющие медицинские услуги (обеспечивающие предоставление медицинских услуг); 7 – средний медицинский (фармацевтический) персонал (персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг); 8 – младший медицинский персонал (персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг); 9 – социальные работники; 10 – работники учреждений культуры; 11 – научные сотрудники; 12 – педагогические работники образовательных, медицинских организаций или организаций, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей

численность работников в этой сфере сократилась более чем на 50% (в Белгородской области – на 65%, в Брянской – на 62,3, в Липецкой – на 54,2, в Рязанской – на 59,6, в Смоленской – на 69,2, в Тульской – на

⁵ Рассчитано по данным Росстата (URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages).

91,5, в Ненецком автономном округе – на 86,1, в Ленинградской области – на 52,8, в Нижегородской – на 60,3, в Пензенской – на 58,1, в Ханты-Мансийском АО – Югре – на 52,1, в Ямало-Ненецком АО – на 65,5, в Челябинской области – на 73,9, в Алтайском крае – на 54,2%). Всего эта сфера деятельности за полгода уменьшилась на 27 тыс. работников.

Незначительные в процентном отношении, но весомые в абсолютных значениях изменения числа работников в сфере здравоохранения. Разброс процентных соотношений изменений численности составил не более 3%. При этом численность врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, уменьшилась на 13 тыс. чел., среднего медицинского (фармацевтического) персонала – на 36 тыс., младшего медицинского персонала – почти на 22 тыс. чел.

Центральный федеральный округ отличается по стратегии повышения эффективности работников бюджетной сферы от других федеральных округов как по абсолютному изменению численности занятых, так и по процентным значениям. Это единственный округ, где фиксируется сокращение численности педагогических работников дошкольных образовательных учреждений более чем на 5%. Такое значение – результат стратегии г. Москвы, где сокращение количества работников этой сферы достигло более 50%. В ЦФО самое большое среди всех федеральных округов сокращение числа работников учреждений культуры – 14,1% (в Москве – почти 23%).

Наименьшее сокращение численности работников бюджетной сферы в Северо-Кавказском федеральном округе – 1,2%. Здесь резко возросла занятость в сфере деятельности «педагогические работники образовательных, медицинских организаций или организаций, оказывающих социальные услуги детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей» – более чем на 70%.

Сокращение численности занятых в бюджетной сфере в первом полугодии 2014 г. с одновременной приостановкой индексации зарплат бюджетникам в этом же году затрудняет возможность оценить, приведет ли сокращение количества работников к росту производительности

труда. По новой методике Росстата производительность труда и эффективность рабочих мест оцениваются по зарплате: чем выше зарплата, тем выше производительность и эффективность.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И СОЗДАНИЕ ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ МЕСТ

Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596 «О долгосрочной экономической политике» правительству поставлена задача принять меры, направленные на создание и модернизацию к 2020 г. 25 млн высокопроизводительных рабочих мест. Ожидается, что такой прорыв обеспечит повышение темпов и устойчивости экономического роста, увеличение реальных доходов граждан Российской Федерации, достижение технологического лидерства отечественной экономики.

Методики расчета показателей, используемых для мониторинга выполнения поручений, содержащихся в указах Президента РФ, в части прироста высокопроизводительных рабочих мест, специально разработаны Росстатом и утверждены Федеральной службой государственной статистики. Документ носит название «Об утверждении методик расчета показателей “Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году”, “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте” и “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации”». Согласно этой методике к высокопроизводительным относятся все замещенные рабочие места предприятия (организации), где среднемесячная зарплата (для индивидуальных предпринимателей – средняя выручка) равна пороговому значению или его превышает. Речь идет о среднемесячной зарплате работников на одно замещенное рабочее место, дифференцированное по типам предприятий и регионам.

Переход к новой методике расчета показателей, характеризующих производительность труда, сопровождался критикой со стороны экспертного сообщества. На заседании Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации с заявленной тематикой «Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты», состоявшемся 26 июня 2014 г., подчеркивалось,

что такой подход способствует закреплению сырьевой ориентации экономики страны. Показатели производительности труда, подсчитанные по такой методике, носят условный характер. Отмечена неясность того, что понимается под высокопроизводительным рабочим местом⁶.

Данные, представленные Росстатом, не внушают оптимизма, даже если согласиться с условностью методического обоснования их подсчета. В 2012 г. прирост количества высокопроизводительных рабочих мест составил в России чуть больше 1,8 млн единиц, в 2013 г. – 1,04 млн. Если темпы прироста количества высокопроизводительных рабочих мест останутся прежними, то выполнить задания указа можно будет приблизительно к 2030 г.

Прирост количества высокопроизводительных рабочих мест в федеральных округах в процентном отношении показан на рис. 5. Отметим, что почти во всех федеральных округах в 2012 г. прирост количества высокопроизводительных рабочих мест был больше, чем в 2013 г. В среднем по стране он снизился примерно в 2 раза: с 12,7% в 2012 г. до 6,6% в 2013 г. Наиболее резкое сокращение отмечено в Уральском федеральном округе – с 20,4% в 2012 г. до 4,8% в 2013 г. В Дальневосточном округе этот показатель уменьшился с 9,8%

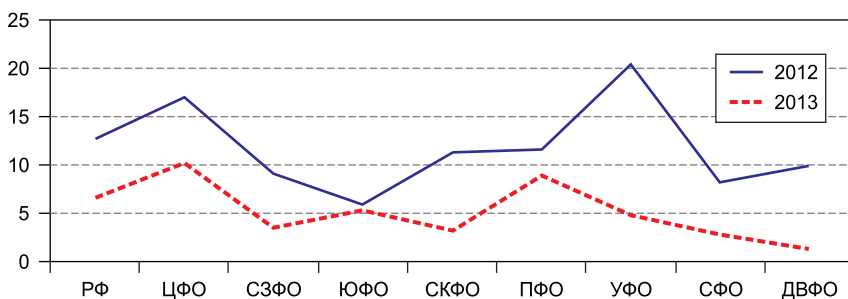

Рис. 5. Прирост количества высокопроизводительных рабочих мест в 2012–2013 гг., %⁷

⁶ См.: *Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты*: Материалы заседания Научно-экспертного Совета при Председателе Совета Федерации 26 июня 2014 г. – М., 2014. – 96 с.

⁷ Данные Росстата по состоянию на 29.08.2014 г.

в 2012 г. до 1,3% в 2013 г. Явным лидером является Центральный округ, где за два года прирост составил более 1 млн рабочих мест, или 36% всего прироста по стране за этот период.

Если на уровне федеральных округов прирост количества высокопроизводительных рабочих мест в рассматриваемые годы был положительным, то на уровне субъектов Федерации статистика фиксировала сокращения. В 2012 г. регионов, где этот показатель снизился, было только три: Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия – Алания и Томская область. В 2013 г. таких регионов стало уже 19. В 2012–2013 гг. фиксируется значительная дифференциация регионов по приросту количества высокопроизводительных рабочих мест и по абсолютному значению, и в процентах по отношению к предыдущему году, что негативно влияет на формирование единого рыночного пространства. В основе такой дифференциации лежат прежде всего региональные различия в структуре экономик субъектов Федерации, различия в уровнях их социально-экономического развития.

Для выполнения задач, поставленных Указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 596, целесообразно усилить внимание к пространственным аспектам повышения производительности труда. Надо последовательно придерживаться принципа, согласно которому «региональный разрез должен стать обязательным атрибутом всех принимаемых на федеральном уровне концептуальных, стратегических, программных и проектных документов и решений» [6, с. 42]. В то же время появившиеся распорядительные документы, регламентирующие меры по повышению производительности труда и созданию высокопроизводительных рабочих мест, носят ярко выраженный отраслевой характер. Например, распоряжением Правительства РФ от 9 июля 2014 г. утвержден План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, созданию и модернизации высокопроизводительных рабочих мест. Этим документом предусмотрены меры по формированию благоприятного инвестиционного климата и по обеспечению условий, способствующих технологическому обновлению производства, а также по развитию профессионального образования, по повышению гибкости и мобильности рынка труда.

План состоит из семи разделов, которым предшествуют целевые показатели по производительности труда в целом, по крупным и средним предприятиям обрабатывающей промышленности и по ряду отраслей (авиационная промышленность, судостроение, сельское хозяйство, связь, строительство, транспорт и топливно-энергетический комплекс). Ориентиры по росту производительности труда в разрезе субъектов Федерации не предусмотрены.

Первый раздел плана посвящен стимулированию инвестиций для обновления и модернизации производства. Предложен механизм проектного финансирования, цель которого – предоставить средства на реализацию проектов по упрощенной процедуре отбора и относительно невысоким ставкам. Процентная ставка для заемщика – не выше уровня ставки рефинансирования Банка России плюс 1% годовых. Поставлена задача существенного упрощения процедуры выдачи государственных гарантий, наращивания их объема на период 2015–2018 гг. Инструмент решения – создание Фонда развития промышленности (ФРП)⁸.

Анализ Концепции создания Фонда развития промышленности (по состоянию на 8 октября 2014 г.)⁹ показал, что в документе сделан акцент на отраслевом управлении. Здесь недостаточно использованы полномочия органов государственной власти субъектов Федерации в сфере промышленной политики, которыми они наделены в соответствии со ст. 6 Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации».

Органы государственной власти субъектов Федерации получили право принимать законы и иные нормативные правовые акты, устанавливающие меры по стимулированию промышленной деятельности, осуществляемые за счет средств бюджетов субъектов Федерации.

---

⁸ Фонд развития промышленности создан распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2014 г. (путем преобразования Российского фонда технологического развития). Одной из его задач определена поддержка проектов в прединвестиционной фазе.

⁹ См.: *Концепция для обсуждения и предложений*. Минпромторг России. 2014. – URL: http://www.rftr.ru/frp/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%A4%D0%A0%D0%9F.pdf.

Представляется целесообразным учесть такую возможность в качестве одного из критериев отбора проектов для финансирования из ФРП. Такой подход позволил бы в дополнение к средствам федерального бюджета привлекать финансовые средства регионов, а также стимулировать органы исполнительной власти субъектов Федерации к реализации активной промышленной политики.

Второй раздел Плана мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, созданию и модернизации высокопроизводительных рабочих мест определяет мероприятия, которые будут направлены на стимулирование технологического обновления и внедрение наилучших доступных технологий.

Третий раздел посвящен стимулированию выбытия и замены устаревших рабочих мест. Планируется осуществить специальную оценку рабочих мест. Намечено выработать меры налогового стимулирования, которые будут способствовать активной замене устаревших рабочих мест.

Четвертый раздел касается создания условий для профессионального развития работников и улучшения кадрового потенциала. В этом разделе впервые в качестве ответственных за достижение целей указаны органы исполнительной власти субъектов Федерации. Например, они отвечают за проведение региональных и национальных чемпионатов профессионального мастерства в рамках Всероссийского конкурса «Лучший по профессии».

В пятом разделе рассматриваются вопросы повышения мобильности трудовых ресурсов, в том числе обеспечения доступного арендного жилья, внесения изменений в трудовое законодательство и в Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации». Здесь предусмотрены региональные программы содействия повышению мобильности трудовых ресурсов.

Шестой раздел содержит описание мероприятий по повышению производительности труда в компаниях с государственным участием. Предусматривается включение в стратегии развития компаний четких ориентиров по производительности труда.

Последний, седьмой, раздел описывает меры по увеличению занятости в сфере индивидуального и малого предпринимательства. В этом

разделе ответственность органов исполнительной власти субъектов Федерации за достижение поставленных целей не обозначена. Акцент сделан на создание Агентства кредитных гарантий, на повышение темпов кредитования малого и среднего предпринимательства через эту организацию.

Задания по увеличению производительности труда в отраслевом разрезе, включенные в первый раздел плана мероприятий, не сопровождаются разъяснениями методологического характера. Эти показатели не входят в федеральный план статистических работ. Отсутствуют количественные задания по созданию высокопроизводительных рабочих мест, не раскрывается связь роста производительности труда с их созданием. Не уделено внимания различиям и особенностям факторов, обеспечивающих рост производительности труда с учетом региональных особенностей. А такие различия объективно существуют.

Исследование динамики производительности труда по регионам, проведенное Торгово-промышленной палатой России и Рейтинговым агентством «Эксперт РА», показало, что рост производительности труда у регионов-лидеров обеспечивается разными факторами. Например, Москва и Санкт-Петербург пользуются так называемой «столичной рентой», связанной с концентрацией там финансовых потоков и сосредоточением штаб-квартир крупнейших корпораций. Свердловская и Нижегородская области используют положение центра большой промышленной агломерации. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа обеспечивают высокую производительность рабочих мест за счет конъюнктуры мировых цен на нефть и газ. И есть группа регионов, преуспевающих в создании «классических» высокопроизводительных рабочих мест в промышленности и технологически продвинутых секторах. К таким регионам исследователи отнесли Республику Татарстан и Калужскую область¹⁰.

Исследование ТПП России и агентства «Эксперт РА» проведено по результатам 2012 г., и в связи с этим не отражен временной аспект

---

¹⁰ См.: *Приоритетные направления повышения производительности труда и реализация промышленной политики в субъектах Российской Федерации: Аналитический доклад № 33(517) / Научно-экспертный Совет при Председателе Совета Федерации.* – М., 2014 г.

Таблица 2

Прирост высокопроизводительных рабочих мест в регионах-лидерах, %

Регион	2012	2013
г. Москва	9,1	3,5
г. Санкт-Петербург	11,0	8,3
Калужская обл.	31,7	-1,5
Республика Татарстан	9,2	9,0
Ханты-Мансийский АО – Югра	35,6	0,6
Ямало-Ненецкий АО	37,4	2,1
Свердловская обл.	12,7	8,0
Нижегородская обл.	9,5	11,9

воздействия факторов на рост производительности труда и создание высокопроизводительных рабочих мест. В таблице 2 показано состояние упомянутых в этом исследовании регионов – лидеров по приросту количества высокопроизводительных рабочих мест в 2012 и 2013 гг. Приведенные данные подтверждают нестабильность воздействия факторов, обеспечивающих такой прирост. Особенно выделяется Калужская область, которая, будучи в 2012 г. среди лидеров, переместилась в группу регионов, где произошло сокращение числа высокопроизводительных рабочих мест уже в 2013 г.

Представляется, что проблема создания высокопроизводительных рабочих мест требует более глубокой методологической и методической проработки, направленной прежде всего на учет пространственного и временного факторов, а также тщательного изучения мотиваций и стимулов, обеспечивающих выполнение поставленных задач.

* * *

В период наиболее сильного влияния неблагоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической конъюнктуры, вероятно, будут внесены коррективы и уточнены или изменены источники финансирования и механизмы, обеспечивающие выполнение указов Президента

Российской Федерации от 7 мая 2012 г. При этом при разработке мер по реализации целевых установок целесообразно исходить из складывающейся обстановки, принять во внимание результаты, полученные в 2013–2014 гг., тщательно учесть межрегиональную дифференциацию.

Для сглаживания возникших диспропорций потребуется передать субъектам Федерации дополнительные доходы или ввести дополнительную дифференциацию в уровне нагрузки для создания условий, при которых уменьшаются дефицит и государственный долг консолидированных бюджетов регионов. Целесообразно учитывать соотношение роста заработной платы и роста производительности труда, акцентировать внимание на пространственном аспекте влияния роста оплаты труда в бюджетной сфере и роста доходов населения. В условиях замедления темпов экономического роста следует корректировать долю обязательств, приходящуюся на региональные бюджеты, учитывать факт разбалансированности при резком увеличении дефицита и госдолга.

Анализ динамики числа созданных в регионах высокопроизводительных рабочих мест показывает, что их создание в целом по стране представляет собой неуправляемый или слабоуправляемый процесс. Количество высокопроизводительных рабочих мест и их доля в общем числе рабочих мест сильно дифференцированы по регионам в результате действия пространственных факторов, отрицательно влияющих на число высокопроизводительных рабочих мест в целом по стране. Нужны управленческие задачи, позволяющие скорректировать подобное влияние и принять меры, направленные на создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест с учетом региональной специфики производства.

Список источников

1. Коломак Е.А. Межрегиональные различия в России: экономический рост и фискальная политика. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009. – 88 с.
2. Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А. Российские регионы: сближение или расхождение? // Экономика и математические методы. – 2009. – № 2. – С. 31–36.
3. Мельникова Л.В. Перспективы роста российской экономики в действующих долгосрочных прогнозах // ЭКО. – 2011. – № 12. – С. 48–62.
4. Михеева Н.Н. Некоторые подходы к оценке сдвигов в пространственной структуре экономики // Современные производительные силы. – 2014. – № 1. – С. 7–21.

5. *Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза* / Под ред. А.Г. Гранберга. – М.: Экономика, 2000. – 440 с.

6. *Швецов А.Н.* Общесистемная и селективная государственная региональная политика // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: Политика, экономика, право. – М., 2009. – Вып. 2. – С. 40–52.

7. *Mel'nikova L.V.* Growth Prospects for the Russian Economy in Current Long-Term Forecasts // Problems of Economic Transition. – 2013. – Vol. 56, No. 01. – P. 41–52.

Информация об авторе

Басарева Вера Гаврииловна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: vera.basareva@gmail.com).

DOI: 10.15372/REG20150602

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 29–48

V.G. Basareva

REGIONS OF RUSSIA: ADAPTATION TO MEASURES OF STATE REGULATION

Basing on statistics published by the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat), the article examines the regional performance of the Presidential Decrees of May 7, 2012 that stipulate measures to increase wages in the public sector, as well as to create and modernize 25 million high-performance workplaces. It is shown that the documents adopted by the government in pursuance of the Decrees underestimated the level of regional differentiation in Russia, local budgets and the specifics of manufacturing, which has led to negative consequences in some subjects of the Federation. The article justifies the need to adjust the share of liabilities attributable to regional budgets due to a slowdown in economic growth and to account for the imbalance that appears with a sharp increase in the deficit and public debt. It is demonstrated that spatial determinants highly differentiate the quantity of high-performance workplaces in regions and their share in the total number of jobs. In order to meet the set

targets, it is necessary to take measures to create and modernize high-performance workplaces with regard to the specifics of manufacturing in regions.

Keywords: regional differentiation, wage growth in the public sector, consolidated budgets, high-performance workplaces

References

1. Kolomak, Ye.A. (2009). Mezhhregionalnye razlichiya v Rossii: ekonomicheskiy rost i fiskalnaya politika [Interregional differences in Russia: economic growth and fiscal policy]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN [Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS], 88.
2. Lavrovskiy, B.L. & Ye.A. Shiltsin (2009). Rossiyskie regiony: sblizhenie ili rassloenie? [Russian regions: leveling or stratification?]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2, 31–36.
3. Melnikova, L.V. (2011). Perspektivy rosta rossiyskoy ekonomiki v deystvuyushchikh dolgosrochnykh prognozach [Growth prospects for the Russian economy in current long-term forecasts]. *EKO*, 12, 48–62.
4. Mikheyeva, N.N. (2014). Nekotorye podkhody k otsenke sdvigo v prostranstvennoy strukture ekonomiki [Approaches to the assessment of shifts in the spatial structure of economy]. *Sovremennyye proizvoditelnye sily* [Modern Productive Forces], 1, 7–21.
5. Granberg, A.G. (Ed.). (2000). Regionalnoe razvitiye: opyt Rossii i Evropeyskogo Soyuza [Regional development: the experience of Russia and the European Union]. Moscow, *Ekonomika Publ.*, 440.
6. Shvetsov, A.N. (2009). Obshchesistemnaya i selektivnaya gosudarstvennaya regionalnaya politika [Systemic and selective state regional policy]. *Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. Politika, ekonomika, pravo* [Problem Analysis and Design of State Government. Politics, Economics, Law]. Moscow, 2, 40–52.
7. Mel'nikova, L.V. (2013). Growth prospects for the Russian economy in current long-term forecasts. *Problems of Economic Transition*, vol. 56, no. 01, 41–52.

Information about the author

Basareva, Vera Gavriilovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: vera.basareva@gmail.com).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 24.02.2015 г.

© Басарева В.Г., 2015

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 49–69

Л.В. Мельникова

ФЕНОМЕН «КОЛЛЕКТИВНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ» КАК ПОБОЧНЫЙ ПРОДУКТ РЕГИОНАЛЬНОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Анализируются качество стратегий социально-экономического развития субфедеральных регионов и возможности, которые создает их доступность для исследований региональной экономики, в частности для оценки правомерности оптимистических ожиданий и обоснованности прогнозов экономического роста регионов. Из отдельных региональных стратегий сконструирован прогноз роста российской экономики и оценены его базовые параметры. Прогноз представлен как результат «коллективного предвидения» регионов, подлежащий верификации. Исследование базируется на материалах доступных стратегий социально-экономического развития субфедеральных регионов на период до 2020–2030 гг. Методика исследования включает: сбор и систематизацию прогнозов, содержащихся в стратегиях; приведение ожидаемых результатов реализации стратегий в сопоставимый вид и их агрегацию по федеральным округам; сопоставительный анализ полученных сводных прогнозов по федеральным округам с комплексным прогнозом развития экономики России, выполненным на базе межрегиональной модели «затраты-выпуск». Выявлено, что прогнозы роста ВРП в случае оптимистических ожиданий зачастую содержат завышенные ориентиры и не сбалансированы с необходимыми объемами инвестиций. Оценить достижимость прогнозных ориентиров развития региональных экономик позволило использование пространственной модели «затраты-выпуск», способной учесть в прогнозе ресурсные ограничения, эффекты межрегиональных и межотраслевых взаимодействий в масштабе национальной экономики. Сдержанные прогнозы в большей степени характерны для субъектов с высоким уровнем эконо-

мического развития. Степень завышения оптимистических проектировок над сбалансированным прогнозом может служить индикатором межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы. Мету дефицитности трудовых ресурсов можно оценить, сопоставляя консолидированный демографический прогноз и имеющийся прогноз Росстата.

Ключевые слова: стратегическое планирование, долгосрочный прогноз, межрегиональная модель «затраты-выпуск»

Большинство субъектов Российской Федерации в период 2006–2008 гг. разработали стратегии социально-экономического развития региона до 2020 г. В настоящее время актуализируются действующие стратегии, идет продление горизонтов до 2025 и 2030 гг. Эти документы дают уникальный материал в плане «самопредставления» регионов, когда регион выступает не как набор отраслей или групп населения на территории, а как единый субъект, заявляющий о своем предназначении, о своих претензиях и ожиданиях. Отсюда возникает возможность исследования таких компонентов регионального «самосознания», как целеполагание, реалистичность прогнозов, обоснованность ожиданий, оценка собственных преимуществ и слабостей. Анализ представлений о будущем территорий в совокупности с оценкой совместности прогнозов позволяет оценить уровень и территориальное распределение межрегиональной конкуренции.

Потенциал подобного анализа осознается современными исследователями и по мере роста количества стратегий, разработанных в субъектах Федерации и муниципальных образованиях, привлекает все большее внимание. Актуальной представляется проблема качества стратегических документов субфедерального уровня. К первым опытам сплошного анализа стратегий относятся работы, выполненные аудиторско-консалтинговой компанией ФБК в 2006 г. [7] и НИИ системного анализа Счетной палаты РФ в 2009 г. [1]. Заметный вклад в методологию изучения и практику муниципального стратегического планирования внесли труды Б.С. Жихаревича и его сотрудников из Леонтьевского центра [4; 6]. Н.И. Ильина сосредоточивается на проблемах целеполагания в ресурсных регионах [5]. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» разработало собственную систему оценки

качества региональных стратегий¹. Публикуются комплексные сопоставительные исследования национальных систем стратегического планирования [8]. Исследуется риторика региональных стратегий [9]. Что же касается вопросов достижимости поставленных стратегических целей, то они привлекают внимание исследователей нечасто, например в связи с финансовым кризисом, и тем более не ставятся вопросы о согласованности, обоснованности и достижимости целей развития, заявленных в стратегических документах регионов, а также о том, к чему бы привела реализация поставленных стратегических целей в масштабе всей страны.

Между тем целесообразно оценить, какое направление задает будущему России современная система регионального стратегического планирования, начинающая действовать после слома системы централизованного планирования и последующего десятилетнего отказа от любого планирования. Возможность такой оценки возникла с появлением массива долгосрочных региональных стратегий и их обязательного элемента – перспективных прогнозов социально-экономического развития региона. Цель данной статьи состоит в том, чтобы сконструировать из независимых региональных прогнозов (стратегий) прогноз роста российской экономики, оценить его базовые параметры и представить как результат «коллективного предвидения» регионов, подлежащий верификации. Отсюда следует возможность оценки реалистичности ожиданий регионов, если сопоставить их консолидированный прогноз с неким непротиворечивым прогнозом национальной экономики, выполненным для всех регионов одновременно, и таким образом верифицировать.

Методика верификации региональных прогнозов предполагает выполнение следующих процедур:

- сбор и систематизацию прогнозов, содержащихся в стратегиях;
- приведение ожидаемых результатов реализации стратегий в сопоставимый вид и их агрегацию по федеральным округам;

---

¹ См.: *Рейтинг* качества стратегий социально-экономического развития регионов России на апрель 2013 года: лидеры планирования. – URL: http://www.raexpert.ru/researches/regions/soc_eco_regions_04_2013.

- сопоставительный анализ полученных сводных прогнозов по федеральным округам из комплексного прогноза развития экономики России, выполненного в Институте экономики и организации промышленного производства СО РАН на базе пространственной модели «затраты-выпуск» в разрезе федеральных округов.

Информационная база исследования состоит из текстов 82 документов стратегического планирования с названиями «стратегия социально-экономического развития на период до...» (реже – «концепция» или «программа»), большинство из которых имеют силу регионально-го закона². Эти документы доступны на сайтах администраций регионов. В некоторых регионах стратегии находятся на стадии проекта, но также доступны для обсуждения и обновляются. Горизонт предвидения в большей части документов простирается до 2020 и 2025 гг., в меньшей части рассматривается перспектива до 2030 г.

Предметом нашего интереса были долгосрочные прогнозы социально-экономического развития регионов как неотъемлемая часть стратегического планирования в регионе. Ожидаемые результаты реализации стратегии были представлены во всех стратегиях, пусть даже в виде декларируемых целевых индикаторов. Собственно прогнозы, включающие проработку различных сценариев развития экономики региона, изложение внешних и региональных сценарных условий, варианты расчеты макроэкономических индикаторов, имелись в меньшем числе регионов. Степень учета возможных альтернатив развития различалась в основном числом сценариев, подразумевающих разное качество роста.

Из всего многообразия прогнозируемых показателей для сплошного наблюдения оказалось возможным выбрать три: перспективные оценки роста ВРП, инвестиций в основной капитал и среднегодовой численности населения. И если прогнозы в отношении ВРП отсутствовали только в двух стратегиях, то прогнозы в отношении инвестиций – в семи, а демографический прогноз – в 21 стратегии. Оценки

---

² На момент публикации нет открытых сведений о стратегии долгосрочного развития Рязанской области.

ВРП и инвестиций на долгосрочную перспективу были представлены в виде разнообразных показателей: в темпах роста за период или в среднегодовых темпах роста, как объемные показатели в сопоставимых ценах либо (и нередко) в ценах соответствующих лет без прогноза дефлятора или даже без указания используемых цен. Прогнозы были рассчитаны на 2020, 2025, 2028 и 2030 гг. с использованием в качестве базового года 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011 или 2012 гг. в зависимости от давности принятия или актуализации стратегии. Поэтому единственным периодом пересечения всех прогнозных оценок оказался период 2011–2020 гг., который и был выбран для дальнейшего анализа. Все оценки были переведены в среднегодовые темпы роста, а в случае необходимости использовался индекс-дефлятор ВРП и инвестиций из долгосрочного прогноза до 2030 г., разработанного Минэкономразвития России.

Из опубликованного числа вариантов прогнозов выбирались крайние, соответствующие минимальной и максимальной оценкам роста. Это были в основном «инерционный» и «инновационный» варианты прогноза, поскольку «энерго-сырьевой» вариант, как правило, занимал промежуточное положение по темпам роста. Так был сформирован массив показателей, характеризующих обобщенные «пессимистический» и «оптимистический» варианты региональных прогнозов для 83 субъектов Федерации. Для того чтобы получить агрегированные индикаторы по России в целом, требовалось восполнить недостающие прогнозные оценки. Поэтому в случае отсутствия инерционного прогноза роста ВРП (23 региона) или роста инвестиций (27 регионов) выставлялись фактические темпы роста показателя за предпрогнозный период, не превышающие оптимистическую оценку, либо бралась оптимистическая оценка. В случае отсутствия оптимистического прогноза роста ВРП (два региона) или роста инвестиций (восемь регионов) выставлялись фактические темпы роста показателя за предпрогнозный период. В случае отсутствия демографического прогноза в большинстве случаев выставлялся средний вариант прогноза Росстата в отношении среднегодовой численности населения до 2030 г.

В результате для 83 регионов были получены оценки роста ВРП и инвестиций до 2020 г. по отношению к 2010 г. и, соответственно,

объемы ВРП и инвестиций на 2020 г. в ценах 2010 г. Дальнейшая агрегация позволила составить сводный прогноз роста ВРП и инвестиций по федеральным округам и Российской Федерации, сопоставимый с прогнозом, разработанным на базе оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели. Идея состояла в том, чтобы оценить, насколько расходятся «коллективный прогноз» социально-экономического развития страны, полученный в субъектах Федерации независимо от других субъектов, и сбалансированный пространственный прогноз российской экономики, учитывающий ресурсные ограничения по труду и инвестициям и весь комплекс межотраслевых и межрегиональных экономических связей.

В настоящее время используемый прогнозный аппарат включает в себя две основные модели: точечную (динамическую межотраслевую) и пространственную (оптимизационную межрегиональную межотраслевую), формальные записи которых приведены в работе [2]. Прогнозы для России в целом выполняются на базе оптимизационной межотраслевой динамической модели. Пространственные прогнозы делаются на базе оптимизационной межрегиональной межотраслевой модели. Обе модели построены на одной информационной базе 2010 г. в разрезе 40 видов экономической деятельности, и они обеспечивают прогнозы на перспективу до 2030 г. Реализация точечной модели позволяет получить прогнозные таблицы распределения товаров и услуг в экономике и облегчает последующую постановку и реализацию ОМММ. Пространственная модель состоит из девяти региональных блоков, объединенных условиями межрегиональных транспортно-экономических связей и территориальной структуры конечного спроса. Каждый регион представлен полудинамической межотраслевой моделью с расчетом состояния экономики на последний год прогнозного периода. Набор ограничений в региональных блоках повторяет структуру точечной модели. Оптимальное решение модели представляет собой непротиворечивый набор прогнозных региональных межотраслевых балансов на прогнозный год для восьми федеральных округов с выделением Тюменской области в разрезе 40 видов деятельности. В отличие от точечной межотраслевой модели пространственная модель реализуется в полудинамической постановке.

Используется прямая рекурсия: сначала ОМММ решается на период до 2020 г., а затем на период с 2021 до 2030 г. Опыт использования модели для долгосрочного прогнозирования национальной экономики и решения различных прикладных задач обобщен в работе [3].

Региональные стратегические прогнозы рассчитываются на базе разнообразных моделей, чаще эконометрических, чем межотраслевых, о чем можно косвенно судить по набору публикуемых прогнозных показателей. Указания на вид используемых моделей чаще всего отсутствуют, а описание моделей и расчетов можно найти лишь в единичных стратегиях. В качестве внешних предпосылок прогноза стратегии используют, как правило, сценарные условия прогнозов Минэкономразвития соответствующих лет. Иногда целевые показатели экономического роста увязываются со среднероссийскими или с темпами роста соседних регионов либо просто назначаются.

В ИЭОПП СО РАН пространственный прогноз российской экономики на базе ОМММ регулярно выполняется Ю.С. Ершовым в соответствии с параметрами макроэкономического прогноза Минэкономразвития. Оценивалось три варианта развития: инерционный, энерго-сырьевой и инновационный. Для сопоставления с региональными прогнозами мы использовали версию прогноза от 2012 г., которая основывалась на оптимистических предположениях об умеренном росте мировой экономики, об относительной стабильности внешних рынков и о сокращении численности занятых в национальной экономике. Соответственно, в случае инерционного развития прогнозировался среднегодовой прирост ВВП около 3%, по сценарию энерго-сырьевого развития – 3,6%, а по сценарию инновационного развития – 4,5%. Прогноз был выполнен на периоды 2011–2020 гг. и 2021–2030 гг., из которых нас интересовал первый.

Таким образом, имея набор изолированных региональных прогнозов и сбалансированный прогноз развития национальной экономики в разрезе отраслей, основанные на близких сценарных предположениях, выполненные в относительно благополучные 2007–2011 гг. и приведенные в сопоставимый вид, мы получили возможность оценить уровень оптимизма регионов, проявленный при оценке ими собственных перспектив развития до 2020 г.

Сопоставительный анализ региональных прогнозов и сбалансированного пространственного прогноза дал следующие результаты.

В таблицах 1 и 2 энерго-сырьевой сценарий Минэкономразвития сопоставляется с обобщенным инерционным сценарием субъектов Федерации³, а инновационный – с оптимистическим. Прогнозы регионов представлены в виде агрегатов по федеральным округам и построены следующим образом: 1) для каждого субъекта РФ объем ВРП на 2020 г. в ценах 2010 г. был получен умножением фактического объема ВРП 2010 г. на прогнозируемый в соответствующей стратегии темп роста за 2011–2020 гг.; 2) полученные прогнозные объемы ВРП субъектов РФ суммировались по федеральным округам; 3) были рассчитаны темпы роста прогнозных объемов ВРП федеральных округов в 2020 г. в ценах 2010 г. по отношению к фактическим объемам 2010 г. и среднегодовые темпы прироста за период.

Инерционное развитие предполагает сохранение и замедление действующих тенденций. Но как видно из табл. 1, наимудшие ожидания в случае инерционного развития в региональных стратегиях оказываются более оптимистичными (4,4%), чем прогнозируемый темп роста ВРП (3,6%) по «промежуточному» сценарию энерго-сырьевого развития. Это подразумевает, что суммарный ВРП по прогнозу субъектов РФ увеличивается за период 2011–2020 гг. в 1,5 раза, а по прогнозу Минэкономразвития – в 1,4 раза. Соответственно, объем ВРП национальной экономики, ожидаемый в 2020 г. согласно «коллективному прогнозу» по инерционному варианту, превосходил сбалансированный прогноз на 8%. Таким образом, нижние границы независимых региональных прогнозов и сбалансированного прогноза различаются несущественно.

В случае реализации инновационного варианта различия становятся впечатляющими: прогнозируемый регионами ежегодный темп прироста национальной экономики (6,5%) оказывается в 1,45 раза выше, чем оцененный на базе ОМММ (4,5%). Это соответствует росту ВРП

---

³ Рассматриваются инерционные сценарии регионов, потому что получить агрегированный прогноз по энерго-сырьевому варианту невозможно: в региональных стратегиях этот сценарий занимал промежуточное положение между инерционным и инновационным сценариями и не всегда сопровождался прогнозом.

Таблица 1

Прогноз ВРП федеральных округов по энерго-сырьевому сценарию на базе ОМММ и инерционным сценариям субъектов Федерации на период 2011–2020 гг. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	3,6	3,6	3,8	3,9	4,4	3,4	2,6	3,9	4,0
Свод региональных прогнозов	4,4	4,4	3,3	4,9	7,3	4,9	3,9	4,6	4,5
(Строка 2) – (Строка 1)	0,8	0,7	–0,5	1,0	2,9	1,5	1,3	0,7	0,5

Таблица 2

Прогноз ВРП федеральных округов по инновационному сценарию на базе ОМММ и оптимистическим сценариям субъектов Федерации на период 2011–2020 гг. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	4,5	4,5	4,6	4,7	5,3	4,3	3,5	4,6	4,8
Свод региональных прогнозов	6,5	5,9	5,5	6,4	9,6	7,1	7,5	6,8	6,8
(Строка 2) – (Строка 1)	2,0	1,4	0,9	1,7	4,3	2,8	4,0	2,2	2,0

за 10-летний период в 1,9 и 1,5 раза, так что ожидаемый объем ВРП России оказывается больше прогнозируемого на основе ОМММ на 21%. Такие различия при оценке верхних границ роста объясняются тем, что прогноз, сделанный на базе ОМММ, определялся параметрами макроэкономического прогноза Минэкономразвития, пространственный разрез которого был реализован с учетом ресурсных ограничений, а также межотраслевых и межрегиональных взаимодействий, что затруднительно сделать при построении изолированного регионального прогноза, даже если он основан на адекватной модели региональной экономики. Есть и другой важный фактор, вносящий вклад в завышение

параметров региональных прогнозов. Будучи составной частью стратегии развития – публичного документа, призванного объединить региональное сообщество амбициозными целями, региональные прогнозы неизбежно становятся «ангажированными» в том смысле, что выполняют до некоторой степени агитационную функцию.

Пространственное распределение ожидаемого объема ВРП в долгосрочных прогнозах меняется незначительно в силу инерционности данного показателя. Так, в прогнозе ИЭОПП СО РАН между округами перераспределяется 1,5% ВРП. В консолидированном прогнозе регионов перераспределяемая часть в 2 раза больше, а направления изменений противоположны. В прогнозе ИЭОПП к 2020 г. снижается удельный вес Уральского (на 1,2 п.п.) и Приволжского (на 0,3 п.п.) федеральных округов, остальные округа увеличивают свой вес на 0,1–0,2 п.п., тогда как доля Центрального округа остается стабильной (рис. 1). Конкуренция региональных прогнозов роста приводит к тому, что в целом снижается доля западной части страны: вклад Центрального федерального округа сокращается на 2,2 п.п., Северо-Западного – на 1 п.п. и Южного – на 0,1 п.п. Остальные округа увеличивают свою долю в прогнозируемом ВРП.

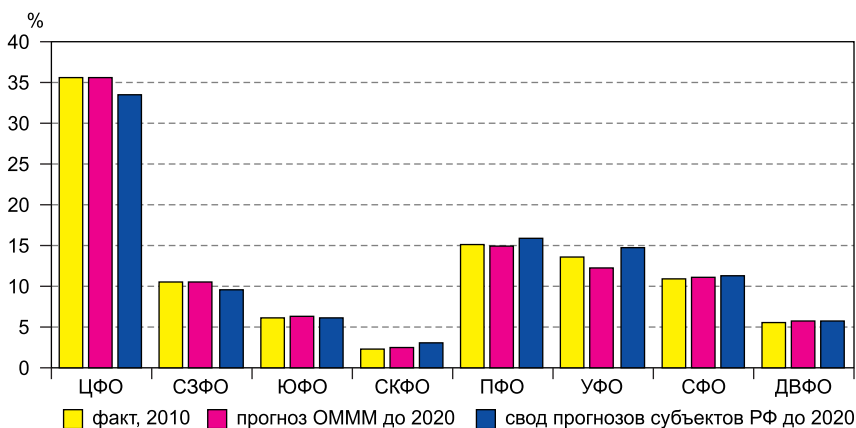

Рис. 1. Удельный вес федеральных округов в ВРП 2020 г. в соответствии с инновационным сценарием прогноза на базе ОМММ и оптимистическим сценарием независимых региональных прогнозов

Такой пространственный результат наблюдается несмотря на то, что Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа проектировали самые скромные – 3%-е темпы роста, что должно вести к сокращению их вклада в ВРП. Новая пространственная структура создается благодаря амбициям региональных «тяжеловесов» следующего эшелона, таких как Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области, Тюменская область (не рассматривающая автономные округа в своей стратегии), Свердловская, Челябинская и Новосибирская области, Красноярский край, Сахалинская область. В стратегиях этих регионов оптимистический вариант прогноза предусматривал среднегодовые темпы прироста ВРП на уровне 7–8% и выше. В то же время назначение темпов прироста ВРП в двухзначных числах в кавказских или южно-сибирских национальных республиках приводит к изменению их удельного веса в ВРП на 0,1–0,2 п.п., что в масштабах республики равносильно росту ее удельного веса в 2–3 раза. Из рисунка 2 видно, что наивысший уровень такой конкуренции прогнозов наблюдается в регионах Северо-Кавказского федерального округа, что влечет за собой превышение темпов роста по округу в 1,8 раза в агрегированном прогнозе по сравнению с прогнозом ИЭОПП СО РАН, но почти не меняет позицию округа (его вклад в ВРП лишь на 0,5 п.п. больше, чем в прогнозе ИЭОПП). В целом же в оптимистических вариантах прогнозов прослеживается вполне предсказуемая обратная зависимость величины ожидаемых темпов роста от масштаба экономики региона, что подтвердил и регрессионный анализ. В инерционном варианте региональных прогнозов такой зависимости не обнаружено.

Явно завышенные оценки эффекта реализации региональных стратегий свидетельствуют не только об уровне местных амбиций и о межрегиональной конкуренции, но также о недостаточном учете ресурсных ограничений, в частности по *капиталу*. Материалы региональных прогнозов дают возможность оценить степень инвестиционного обоснования заявленных целей, поскольку в большинстве своем содержат прогнозные оценки инвестиций в основной капитал. Решение ОМММ не позволяет использовать больше инвестиционных товаров, чем их было произведено (за вычетом чистого экспорта)

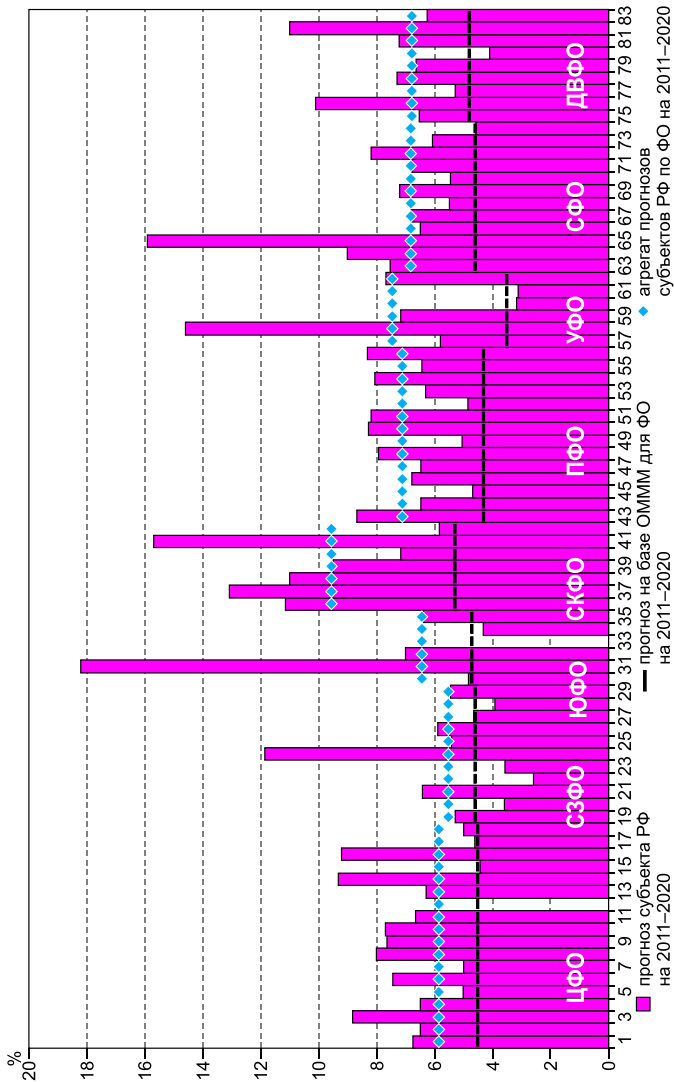

Рис. 2. Сопоставление оптимистических ожиданий (прогноз роста ВРП в субъектах Федерации⁴ на 2011–2020 гг. и агрегированный на его основе прогноз по федеральным округам против прогноза по федеральным округам на базе ОМММ)

⁴ Внутри федеральных округов список субъектов РФ упорядочен по стандарту Росстата, т.е. 1-й субъект – Белгородская область, 18-й – г. Москва, 19-й – Республика Карелия и т.д., 83-й субъект – Чукотский АО.

в отраслях машиностроения и строительства, поэтому применяя оценки роста инвестиций из решения модели в качестве эталонных, мы можем оценить степень сбалансированности региональных прогнозов.

Как видно из таблиц 3 и 4, заявленные потребности регионов в росте инвестиций в сумме превышают возможности национальной экономики. В случае оптимистического сценария прогнозируемые объемы инвестиций могли бы быть реализованы лишь на 77%. Данные табл. 3 указывают еще на одну проблему – проблему качества разработки региональных прогнозов. Проектируя умеренные темпы роста ВРП, разработчики явно недооценили инвестиционные

Таблица 3

Прогноз инвестиций в основной капитал федеральных округов по энерго-сырьевому сценарию на базе ОМММ и инерционным сценариям субъектов Федерации до 2020 г. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	6,0	6,0	6,4	6,1	6,8	6,5	5,4	6,7	6,3
Свод региональных прогнозов	6,4	6,8	3,3	8,5	4,2	5,9	8,2	4,5	5,3
(Строка 2) – (Строка 1)	0,4	0,8	–3,1	2,4	–2,6	–0,6	2,8	–2,2	–1,0

Таблица 4

Прогноз инвестиций в основной капитал федеральных округов по инновационному сценарию на базе ОМММ и оптимистическим сценариям субъектов Федерации до 2020 г. (среднегодовые темпы роста, %)

Источник оценки	РФ	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Комплексный прогноз (ОМММ)	7,0	6,0	7,3	6,9	7,9	7,5	6,4	7,8	7,5
Свод региональных прогнозов	9,2	8,9	6,8	9,6	8,5	8,7	11,8	8,9	7,8
(Строка 2) – (Строка 1)	2,2	2,9	–0,5	2,7	0,6	1,2	5,4	1,1	0,3

потребности в половине федеральных округов. В случае оптимистических ожиданий рост инвестиций концентрируется в Центральном и Уральском федеральном округах, что противоречит тренду предыдущего десятилетия.

По инновационному сценарию прогноза ИЭОПП в российской экономике происходит повышение нормы накопления с 24 до 31% ВРП – так же, как и в агрегате оптимистических региональных прогнозов. Но на уровне федеральных округов обнаруживается разбалансированность такой степени, что в Южном округе норма накопления возрастает в течение прогнозного периода с 39 до 52%, а в Северо-Кавказском – падает с 32 до 29%.

Другой важный фактор производства помимо капитала – *труд*, и прогноз этого компонента региональной экономики содержится в большинстве региональных стратегий в виде оценок среднегодовой численности населения или занятых в экономике. Сбалансированность прогноза с этой точки зрения несложно оценить, не прибегая к специальным модельным расчетам. Достаточно принять во внимание, что перспективный рост ВРП закладывается на фоне негативных демографических тенденций и выявленной выше межрегиональной конкуренции за инвестиции, дефицит которых скорее всего не позволит компенсировать сокращение численности занятых ростом капиталовооруженности труда.

Однако представляет интерес степень дефицитности трудовых ресурсов в регионах и возможность ее оценки на базе региональных прогнозов. В лучших региональных стратегиях прогнозы среднегодовой численности населения также выполнены в соответствии с заявленными сценариями. Во многих документах сделана оценка лишь для оптимистического варианта, часть стратегий опираются на оценки Росстата, выполненные на период до 2030 г., и в 21 стратегии демографического прогноза нет совсем. Для того чтобы получить сводный прогноз по России, отсутствующие прогнозы были восполнены средним вариантом прогноза Росстата. Поскольку рассмотрение прогноза по вариантам не представлялось возможным, имеющиеся варианты по каждому региону были усреднены. В результате появилась возможность оценить, насколько расходятся демографические прогнозы

Таблица 5

Прогноз среднегодовой численности населения федеральных округов на 2020 г. по среднему сценарию Росстата и «усредненным» сценариям субъектов Федерации, млн чел.

Федеральный округ	Факт, 2010	Прогноз Росстата до 2020	Свод прогнозов субъектов РФ до 2020	Разница в прогнозах
РФ	142,8	143,9	145,2	1,3
Центральный	38,3	39,4	39,0	−0,4
Северо-Западный	13,6	13,8	14,6	0,8
Южный	13,9	14,0	13,6	−0,4
Северо-Кавказский	9,4	9,9	10,0	0,1
Приволжский	30,0	29,2	29,4	0,2
Уральский	12,1	12,4	12,2	−0,2
Сибирский	19,3	19,1	19,7	0,6
Дальневосточный	6,3	6,0	6,6	0,6

регионов и Росстата. Таблица 5 демонстрирует, что для достижения к 2020 г. заявленных регионами стратегических целей страна нуждается в «появлении» 1,3 млн чел. и еще 1 млн чел. должны переместиться из Центрального, Южного и Уральского федеральных округов в северные и восточные районы. При всей условности такой оценки она служит индикатором степени конкуренции регионов за трудовые ресурсы, ведь в стратегиях трудодефицитных регионов (а их большинство) в оптимистических сценариях предполагается перелом демографического тренда за счет как естественного, так и миграционного прироста.

Приведет ли прогнозируемый регионами рост к усилению *межрегионального неравенства*? На этот вопрос пространственная модель «затраты-выпуск» ответа дать не может, поскольку построена в разрезе федеральных округов. Но рассматривая стратегические прогнозные оценки ВРП и численности населения на 2020 г. как панельные данные, можно попытаться тестировать гипотезу о бета-конвергенции

как зависимости темпов экономического роста от исходного уровня благосостояния региона. Для этого были рассчитаны объемы ВРП на душу населения по данным 2010 г. и соответствующие показатели в сопоставимых ценах на 2020 г. на основе региональных прогнозов ВРП и численности населения. Затем были оценены позиция каждого региона по душевому ВРП относительно среднего по стране и относительные темпы роста.

На рисунке 3 логарифм первого показателя выступает как зависимая переменная, а логарифм второго – как независимая переменная. Соответственно, в левом верхнем квадранте оказываются регионы, которые в 2010 г. были беднейшими и при этом прогнозировали на 2011–2020 гг. самые высокие относительные темпы роста душевого ВРП: Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Тыва, Рес-

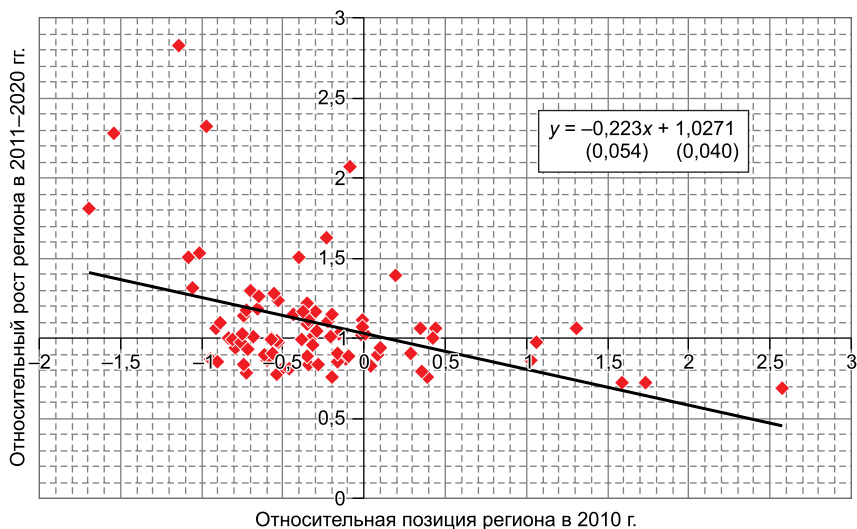

Рис. 3. Диаграмма рассеяния показателей среднегодового темпа роста ВРП на душу населения по субъектам РФ в зависимости от уровня среднедушевого ВРП региона (показатели нормированы относительно средних по стране и логарифмированы, в скобках указаны стандартные ошибки коэффициентов регрессии)

публика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика и др. В противоположной части диаграммы находятся Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа, Сахалинская и Московская области – регионы с самыми высокими душевыми доходами и самыми низкими ожиданиями в отношении экономического роста. Параметры оцененной регрессии указывают, что рассматриваемый фактор является значимым. Таким образом, реализация оптимистических прогнозов субъектов Федерации могла бы привести к смягчению межрегиональной дифференциации душевого ВРП к концу прогнозного периода, что подтверждается и соответствующим снижением дисперсии показателей.

* * *

Консолидация изолированных прогнозов роста ВРП и инвестиций в основной капитал и демографических прогнозов по всем субъектам Федерации, содержащихся в региональных стратегиях, сформированных в 2007–2012 гг. на период до 2020 г., позволила реконструировать прогнозные параметры социально-экономического развития Российской Федерации в целом на период 2011–2020 гг. Такой «реконструированный» прогноз можно интерпретировать как результат «коллективного предвидения» регионов. Сопоставление полученного агрегата прогнозов по федеральным округам и комплексного пространственного прогноза экономики РФ по соответствующим федеральным округам показало, что прогнозируемые субфедеральными регионами величины ВРП в случае оптимистических ожиданий зачастую завышены и не сбалансированы с необходимыми объемами инвестиций.

Оценить достижимость прогнозных ориентиров развития региональных экономик позволило использование пространственной модели «затраты-выпуск», способной учесть в прогнозе ресурсные ограничения, эффекты межрегиональных и межотраслевых взаимодействий в масштабе национальной экономики.

Сдержанные прогнозы в большей степени характерны для регионов с высоким уровнем экономического развития. Степень завышения

оптимистических проектировок над сбалансированным прогнозом может служить индикатором межрегиональной конкуренции за инвестиционные ресурсы. Степень дефицитности трудовых ресурсов можно оценить, сопоставляя консолидированный демографический прогноз и имеющийся прогноз Росстата.

В целом, полученный результат «коллективного прогноза» регионов не слишком выходит за границы рациональных представлений о перспективах роста российской экономики, а его выявленная разбалансированность мало влияет на пространственное распределение экономической деятельности. Противоречивые сдвиги в прогнозируемой пространственной структуре могут указывать на зоны с повышенным уровнем межрегиональной конкуренции. В этой конкурентной среде, тем не менее, оказывается возможным обнаружить тенденцию к смягчению межрегионального неравенства в прогнозируемом периоде.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта
Президента РФ ведущей научной школе (проект НШ-775.2014.6)*

Список источников

1. Борисюк Н.К. Организационно-методические аспекты стратегического планирования и проектного финансирования социально-экономического развития на региональном уровне. – URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart8> (дата обращения 01.11.2013).
2. Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем / Под ред. В.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007. – С. 29–59.
3. Ершов Ю.С., Мельникова Л.В., Суслов В.И. Практика применения оптимизационных мультирегиональных межотраслевых моделей в стратегических прогнозах российской экономики // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. – 2009. – Т. 9, вып. 4. – С. 9–23.
4. Жихаревич Б.С. Подход к изучению эффективности стратегического планирования на муниципальном уровне // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 35–56.

5. Ильина И.Н. Перспективы развития сырьевых регионов РФ в документах стратегического планирования // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № 2. – С. 83–102.
6. Муниципальные стратегии: десять лет спустя / Под ред. Б.С. Жихаревича. – СПб.: Леонтьевский центр, 2011. – 136 с.
7. Николаев И.А., Точилкина О.С. Стратегии и программы развития регионов (сравнительный анализ) // Общество и экономика. – 2006. – № 7-8. – С. 269–287.
8. Cabanillas F.J.J., Aliseda J.M., Gallego J.A.G., Jeong J.S. Comparison of regional planning strategies; countywide general plans in USA and territorial plans in Spain // Land Use Policy. – 2013. – No. 30. – P. 758–773.
9. Makarychev A. Identity and representation in Russia's regions: adopting a critical theory perspective // Journal of Eurasian Studies. – 2012. – Iss. 3. – P. 185–192.

Информация об авторе

Мельникова Лариса Викторовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: larisa.svet.victorovna@gmail.com).

DOI: 10.15372/REG20150603

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 49–69

L.V. Melnikova

«COLLECTIVE PREDICTION» AS A BY-PRODUCT OF REGIONAL STRATEGIC PLANNING

The paper analyses the quality of strategies of socio-economic development for regions of Russia. It also considers the perspectives opened by these strategies being available for regional research, namely, for evaluating the appropriateness of optimistic expectations and the reasonability of regions' economic growth forecasts. The article creates a growth forecast for Russia's economy from isolated regional forecasts, estimates its basic parameters and represents it as an outcome of «collective prediction» of regions that is to be verified. This

empirical study is based on the available strategies of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation up to 2020–2030. The method includes the following steps: collection and systematization of strategies' forecasts; transformation of expected outcomes of strategies into compatible indicators and their consolidation across federal districts; comparative analysis of the consolidated forecasts with the all-round forecast of Russia's economic development, made on the basis of a multiregional input-output model. It is revealed that optimistic growth forecasts for the GRP may often be overestimated and not coordinated with investment forecasts. In order to evaluate the achievability of forecasted regional economic development indices, we used a spatial input-output model that is capable to produce a forecast in view of resource constraints, interregional and intersectoral interactions on the scale of the national economy. Moderate forecasts are inherent mostly in highly developed regions. Excessive optimistic projections over a balanced forecast may serve as an indicator of interregional competition for investment. Scarcity of labor is evaluated by comparing consolidated regional demographic forecasts with the official demographic forecast by the Russian Federal State Statistics Service.

Keywords: strategic planning, long-term forecast, multiregional input-output model

The research was prepared within the framework of the project No. IIII-775.2014.6. Supported by the grant of the President of the Russian Federation for leading scientific schools

References

1. Borisyyuk, N.K. Organizatsionno-metodicheskie aspekty strategicheskogo planirovaniya i proektnogo finansirovaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya na regionalnom urovne [Organizational and methodological aspects of strategic planning and project financing of socio-economic development at the regional level]. Available at: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart8> (date of access: 01.11.2013).
2. Yershov, Yu.S., N.M. Ibragimov, L.V. Melnikova & V.I. Suslov (Ed.) (2007). Sovremennyye postanovki prikladnykh mezhregionalnykh mezhotraslevykh modeley [Contemporary design of applicable multiregional multisectoral models]. Issledovaniya mnogoregionalnykh ekonomicheskikh sistem: opyt primeneniya optimizatsionnykh mezhregionalnykh mezhotraslevykh sistem [Studying Multiregional Economic Systems:

Application of Multiregional Multisectoral Optimization Systems]. Novosibirsk, IEOP SO RAN [Institute of Economics and Industrial Engineering], 29–59.

3. *Yershov, Yu.S., L.V. Melnikova & V.I. Suslov* (2009). Praktika primeneniya optimizatsionnykh multiregionalnykh mezhotraslevykh modeley v strategicheskikh prognozhakh rossiyskoy ekonomiki [Practice in the application of multiregional multisectoral models for strategic forecasting of Russian economy]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the Novosibirsk State University. Socio-economic sciences], vol. 9, no. 4, 9–23.

4. *Zhikharevich, B.S.* (2012). Podkhod k izucheniyu effektivnosti strategicheskogo planirovaniya na munitsipalnom urovne [An approach to assessing efficiency of strategic planning at the municipal level]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (76), 35–56.

5. *Ilyina, I.N.* (2013). Perspektivy razvitiya syryevykh regionov RF v dokumentakh strategicheskogo planirovaniya [Outlook toward the future development of primary producer regions of Russia as expressed in the documents of strategic planning]. Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya [Public Administration Issues], 2, 83–102.

6. *Zhikharevich, B.S.* (Ed.) (2011). Munitsipalnye strategii: desyat let spustya [Municipal strategies: ten years later]. Saint-Petersburg, International Centre for Social and Economic Research «Leontief Centre», 136.

7. *Nikolaev, I.A. & O.S. Tochilkina* (2006). Strategii i programmy razvitiya regionov (sravnitelnyy analiz) [Strategies and programs of development of regions (comparative analysis)]. Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics], 7–8, 269–287.

8. *Cabanillas, F.J.J., J.M. Aliseda, J.A.G. Gallego & J.S. Jeong* (2013). Comparison of regional planning strategies; countywide general plans in USA and territorial plans in Spain. Land Use Policy, 30, 758–773.

9. *Makarychev, A.* (2012). Identity and representation in Russia's regions: adopting a critical theory perspective. Journal of Eurasian Studies, 3, 185–192.

Information about the author

Melnikova, Larisa Viktorovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: larisa.svet.victorovna@gmail.com).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 24.02.2015 г.

Л.С. Шеховцева

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ И ИНСТИТУТОВ РЕГИОНА КАК СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ

Дается теоретико-методологическое обоснование комплексного подхода к институциональному обеспечению региона как субъекта социально-экономического развития в федеративном государстве. Комплексный подход означает использование многосторонней методологии исследования региона, включающей субъектно-функциональный, системный, организационный, стратегический инструментарии. Выдвигается гипотеза о том, что цели (целевые ориентиры) основных субъектов социально-экономического развития региона, определяющие его функции, являются потенциальными и реальными институциями, а концепция и методология определения этих целей могут быть использованы для системного формирования целевых институций и институтов. Предлагается методология систематизации институционального обеспечения развития региона. Новизна и обоснованность предлагаемой методологии формирования институций и институтов заключается в комплексном применении системного и функционального подходов к региону как субъекту стратегического развития, в многоуровневом учете целей (интересов) основных элементов региональной системы. Даются рекомендации по систематизации институционального обеспечения матричным методом.

Ключевые слова: развитие региона, методология, стратегические цели, институции, институты, систематизация

Роль стратегического целеполагания возрастает в связи с необходимостью выбора типа экономического роста, модели развития. Во

многих работах, например в работах У. Айзерда¹ по региональной экономике [4], Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеева по экономической синергетике [3], А. Аузана и А. Золотова [1], Л. Григорьева и В. Тамбовцева [2], А. Шашитко с соавторами [12] по институциональной экономике, целеполагание и согласование интересов различных социальных групп рассматриваются как одно из важнейших условий современного развития. «Экономика, в отличие от естественных наук, абсолютно сосредоточенных на исследовании сферы объективного, насыщена субъективной деятельностью (как своим предметом). Проблема субъекта существует в экономических науках изначально, и только в связи с этим встает проблема нелинейности, неопределенности, случайности и необходимости... Субъективное целевое поведение возвращает объекту его предметность и вместе с нею – его автономию» [3, с. 18].

Экономическая практика разработки стратегий и программ, формирования бюджетов всех уровней также обуславливает возрастание значения целевого подхода к управлению развитием иерархии экономических систем. В связи с введением секторальных санкций по отношению к России обострилась проблема соответствия государственных программ федерального и регионального уровней стратегическим целям развития страны. О значимости этой проблемы говорит то, что она обсуждалась на высоком уровне – Президентом РФ и главой Счетной палаты РФ в сентябре 2014 г. [6].

В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации»² целеполагание рассматривается как составная часть стратегического планирования на федеральном, субфедеральном и муниципальном уровнях. В законе записано, что разработка документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях осуществляется в рамках целеполагания.

---

¹ В работе, изданной в 1966 г. на русском языке, фамилия этого автора переведена как Изард.

² См.: *Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26, ч. I. – Ст. 3378.*

Становление парадигмы стратегического целеполагания развития региона определяется формированием его субъектности в открытом глобальном и национальном экономическом пространстве, выполнением государством его социально-экономической функции, местом региона в иерархии экономических систем, необходимостью противостояния угрозам внешней среды. Однако реализация процесса целеполагания тормозится существующим институциональным обеспечением стратегического управления социально-экономическим развитием региона.

В теоретическом аспекте проблема проявляется в нерешенности ряда вопросов институциональной экономики. У российских ученых-институционалистов пока не сложилось согласованного понимания таких базовых категорий, как «институтция» и «институт», в ряде случаев происходит их отождествление. Стратегические ориентиры основных целеносителей и субъектов развития региона (населения, делового сообщества, органов управления) в принятых стратегиях, программах, проектах пока не рассматриваются как реальные институтии регионального развития. Практическая деятельность характеризуется недостаточным использованием системного подхода к институциональному обеспечению стратегического управления социально-экономическим развитием региона.

Целью данной статьи является теоретико-методологическое обоснование комплексного подхода к институциональному обеспечению региона как субъекта социально-экономического развития в федеративном государстве. Комплексный подход означает использование многосторонней методологии исследования региона, включающей субъектно-функциональный, системный, организационный, стратегический инструментарии. Выдвигается гипотеза о том, что цели (целевые ориентиры) основных субъектов социально-экономического развития региона, определяющие его функции, представляют собой потенциальные и реальные институтии, а концепция и методология определения этих целей могут быть использованы для системного формирования целевых институтии и институтов.

Гипотеза основана на том, что целеполагание является функцией стратегического управления развитием региона как субъекта

Федерации. Результатом ее выполнения становятся обобщенные региональные стратегические цели, которые выражают сбалансированные интересы основных субъектов-целеносителей (населения, делового сообщества, органов управления различных уровней – федерального, регионального и муниципального) и выступают как социальные формы функций и ожидаемых результатов экономической деятельности. В функциональном контексте стратегические цели можно считать институциями и называть их целевыми институциями. Для выполнения определенных целевых функций (институций) предназначены институты региона, связанные с организационными образованиями (например, законы) и организационными структурами (например, органы управления). Такой подход соответствует зарубежным и, частично, российским исследованиям, в которых понятие «институция» рассматривается в функциональном аспекте, а «институт» – в организационном (см., например, работу [5]).

Особенностью целевых институций является их процессный характер, или зависимость от процесса становления. По этому критерию можно выделить институции потенциальные и реальные. Потенциальные целевые институции включают в себя цели неустановленные – теоретические, зафиксированные в не принятых нормативных документах. К реальным институциям можно отнести цели установленные, утвержденные в нормативных документах (указах президента, стратегиях, программах, проектах и др.), научно обоснованные и общественно согласованные и фактические цели, определенные на основе социологических опросов, статистической и отчетной информации. Как и любая классификация реальных объектов, процессов, явлений, предложенная типология институций имеет условный характер.

Институциональное обеспечение включает целевые институции и институты как функциональные и организационные элементы региональной системы. Эти элементы можно назвать институализированными формами гражданского сознания и гражданской активности соответственно. Цели как институализированная форма гражданского сознания могут служить основой для систематизации и проектирования институализированной формы гражданской активности – институтов. С другой стороны, именно институты

закрепляют в научно-практической деятельности механизмы, процедуры определения целей и способов их достижения.

Рассмотрим обоснование второй части выдвинутой гипотезы, кратко изложив базовые положения наших концепции и методологии стратегического целеполагания регионального развития.

В современных теориях региональной экономики рассматриваются новые аспекты развития, связанные с возрастанием субъектности регионов внутри государства и в глобальной экономике [7; 8]. Анализируется становление региона как субъекта развития. Под регионом как субъектом развития понимается субфедеральное образование, формирующее и реализующее стратегические цели своего развития во внутренней и окружающей (национальной и глобальной) среде для выполнения социальной функции государства путем интеграции целей заинтересованных сторон, а также осуществляемых в регионе воспроизводственных циклов с учетом имеющихся полномочий и ресурсов в условиях глобальной конкуренции.

Концептуальные основы стратегического целеполагания вытекают из общих закономерностей целеобразования [10], из свойств региона как субъекта социально-экономического развития. Цель является сущностной характеристикой, атрибутом любой организационной системы, в том числе региона. Она определяет всю деятельность организации. Разработка и осуществление целей составляют основу управления регионом.

Стратегическая цель региона – это цель, задающая образ (или его часть) будущего нового состояния региона в неопределенной и нестабильной окружающей (внешней) среде, включающая количественные и качественные измерители и указывающая (по возможности) путь достижения ожидаемого состояния. Стратегическая цель характеризуется следующими особенностями: долговременной направленностью в будущее и неопределенностью выбора; ориентацией на положение во внешней российской и зарубежной среде; проактивным (упреждающим) поведением всех элементов-целеносителей; взаимосвязью со способом достижения (стратегией) и средствами достижения (тактикой, ресурсами); возможностью альтернатив и изменений.

Структура стратегической цели включает в себя содержательную (семантическую) и измерительную части. В измерительную часть входят показатели, характеристики времени и места осуществления цели. Содержательная часть цели может быть названа целевым ориентиром. В теории и практике допускается их отождествление, что и принято в данной работе.

Стратегическим целеполаганием социально-экономического развития региона называется системный процесс разработки, согласования и выбора стратегических целей по их содержанию, измерителям и количественным значениям.

Для исследования региона как субъекта развития и целеполагания использованы субъектно-функциональный, социально-функциональный, системный, организационный и стратегический подходы. В рамках субъектно-функционального подхода регион рассматривается как субъект Федерации с точки зрения выполнения им функций в социально-экономической системе государства, которые могут быть трансформированы в цели этого территориального образования. При социально-функциональном подходе исследователь исходит из целей целеносителей, которые определяют функции региона. Оба подхода учитывают цели основных (активных) целеносителей региона – населения, бизнес-сообщества, органов управления и дополняют друг друга, так как характеризуют процесс целеобразования по принципу его организации: «сверху вниз» и «снизу вверх».

Системный подход к изучению региона позволяет выделить его подсистемы и структуру целеносителей, включая неактивные элементы (население, деловое сообщество, органы управления, инфраструктуру, институты, безопасность, экологию), а также выявить уровни иерархии систем. В рамках организационного подхода рассматриваются свойства региона как социально-экономического инструмента государства, человеческой и территориальной общности, безличной структуры, учитываются противоречивость целей, их виды (типовые и конкретные), уровни государственного и муниципального управления. Стратегический подход к региону ориентирует на формирование стратегических целей регионального развития в условиях

неопределенной и нестабильной внешней среды, многовариантности выбора, упреждения будущих ситуаций и рисков.

В разработанной нами концепции стратегического целеполагания социально-экономического развития региона определены следующие основные принципы.

Принцип многоуровневости целеполагания развития региона предусматривает формирование четырехуровневой пирамиды целей: макроэкономические цели региона как подсистемы национальной экономики и социальной сферы; мезоэкономические цели региона как системы, наделенной полномочиями субъекта Федерации; микроэкономические цели в разрезе составляющих подсистем; миниекономические цели субъектов целеполагания. На каждом уровне целеполагания должны учитываться общественные запросы субъектов целеполагания (населения, делового сообщества, органов управления) с разной степенью агрегирования. На государственном и муниципальном уровнях рассматриваются цели развития отраслей экономики (видов деятельности), сфер государственного и муниципального управления, территориальных образований нижнего уровня.

Принцип объединения управленческого и коалиционного подходов отражает дополнение государственного управления самоорганизацией регионального сообщества и предполагает согласование целей субъектов целеполагания в регионе.

Принцип структуризации целей на семантическую составляющую (целевой ориентир) и измерительную часть (целевые показатели) позволяет оценивать вертикальные и горизонтальные связи между целевыми установками и моделировать численные значения целей.

Принцип сочетания универсальности и специфичности заключается в структуризации цели на базовую (типовую) и конкретную составляющие. Содержание типовых целей определяется на основе анализа факторов и результатов развития в контексте экономических и региональных теорий, субъектно-функционального анализа развития региона и обобщения опыта формирования стратегических целей регионов (табл. 1). Конкретные региональные цели зависят от специфических характеристик каждого региона или группы регионов (например, приграничных или приморских).

Таблица 1

**Содержание типовых стратегических целей развития региона в контексте
экономической и управленческой теорий**

Наименование теории, концепции	Стратегические цели региона на макроуровне в контексте ключевых характеристик развития
Кейнсианские модели (Дж. Кейнс, Дж. Хикс, У. Ростоу, Р. Харрод, Е. Домар)	Обеспечить высокие темпы роста ВРП на основе высоких темпов роста инвестиций, глубоких структурных изменений экономики за счет внешних и внутренних источников развития
Неоклассическая теория (У. Льюис, Дж. Фей, Г. Ранис, А. Хиршман, Э. Хекшер, Б. Олин)	Осуществить переход к современной экономике за счет повышения конкурентоспособности отечественной продукции на внешнем рынке, использования сравнительных преимуществ страны в международной торговле. Обеспечить высокие темпы роста душевых доходов населения за счет увеличения занятости, улучшения качества трудовых ресурсов и накопления человеческого капитала
Институциональная теория (М. Вебер, А. Тойнби, К. Витт-фогель, Г. Мюрдаль, К. Полань, Р. Коуз)	Обеспечить более полное удовлетворение основных потребностей всех членов общества за счет инвестиций в человеческий капитал, ликвидации бедности, обеспечения правовой доступности, сокращения неравенства, увеличения занятости. Снизить транзакционные издержки регионального развития. Развивать внутренние и внешние связи региона
Эволюционная теория (А. Алчин, Р. Нелсон, С. Уинтер, С.Ю. Глазьев, В.Л. Макаров, В. Маевский, А. Ноув, Д. Стиглиц)	Повысить продуктивность производства за счет периодической смены технологий, видов продукции, организаций и институтов, осуществляющейся как процесс естественного отбора, конкуренции, внедрения инноваций на основе взаимодействия внешних и внутренних факторов, а также под влиянием управляющих воздействий и целеполагания
Поведенческая теория (Г. Саймон, Р. Хайнер, Р. Сайерт, Д. Марч)	Осуществлять выбор и сближение коалиционных целей организации в условиях ограниченной рациональности участников, наличия нескольких целей, неполной информации или слишком большого ее объема
Теория стратегического управления (Г. Миннберг, М. Портер, Б. Альстрэнд, Д. Лэмпел)	Обеспечить устойчивое состояние (конфигурацию) региона во внешней среде и его трансформацию в новое состояние на основе изменения и самой организации, и ее внешней среды. Способствовать развитию внешних связей и самоорганизации региона. Создать конкурентные преимущества региона на основе стратегических активов как факторов устойчивого развития

Примечание: таблица составлена автором с использованием работы [8].

Принцип использования установленных и оценочных измерителей основан на различных подходах к измерению и моделированию целевых показателей, определяемых по методологии международных (национальных) организаций (например, валовой региональный продукт) или по методологии экспертов (например, конкурентоспособность региона).

Принцип многомерности и динамичности измерения целей реализуется в многовариантности, многокритериальности и выборе управленческих решений по стратегическому целеполаганию и отражает нелинейность развития.

Важное значение для формирования методологии целеполагания имеют принципы измерения целей, к которым относятся последние четыре принципа.

Институциональное обеспечение регионального целеполагания формируется также на нескольких уровнях исходя из функций региона как субъекта развития на основе субъектно-функционального, системного, организационного и стратегического подходов. Инструментами его систематизации и проектирования могут быть методы классификации, когнитивные, матричные, разработки сценариев и др. В частности, применение субъектно-функционального и системного подходов позволяет построить матрицы институций и институтов по разным осям: по уровням экономических систем, по субъектам стратегического целеполагания (активные элементы экономической системы), по режимам функционирования.

Институции и институты целеполагания развития региона должны формироваться для разных уровней экономических систем: макро- (национального), мезо- (регионального), микро- (муниципального), мини- (поселенческого).

На всех уровнях стратегического целеполагания должны отражаться интересы основных субъектов целеполагания – органов управления, населения, делового сообщества, а также других элементов региональной системы (институтов, инфраструктуры, безопасности, экологии).

Функции региона и связанные с ними цели (институции) могут дифференцироваться по субъектам-целеносителям и режимам управления на уровне субъекта Федерации. Цели регионального уровня (табл. 2) могут служить основой системы нормативно-правовых

Таблица 2

Основные социально-экономические функции и цели (институции) региона

Субъекты – носители целей	Режимы функционирования региона	
	Текущий (выживание)	Стратегический (развитие)
Население	Обеспечение условий жизни. Обеспечение источниками доходов. Социальная защита. Здравоохранение. Экологическая защита, охрана природы. Доступность образования, спорта, культуры. Обеспечение инфраструктурой. Обеспечение безопасности	Обеспечение уровня и качества жизни, сопоставимых с показателями развитых стран. Обеспечение системной безопасности. Обеспечение развития интеллекта и личности. Уверенность в будущем. Национальные и цивилизационные ценности. Доверие к государству, власти. Гордость за свое Отечество. Обеспечение европейского соотношения дифференциации доходов разных групп населения
Деловое сообщество	Обеспечение здоровой деловой средой и условиями ведения производства (бизнеса). Обеспечение безопасности и снижение рисков	Капитализация результатов бизнеса. Рост капитала и его эффективности. Развитие (диверсификация) бизнеса. Инвестиционный климат. Стратегическое партнерство с властью и профсоюзами. Социализация бизнеса
Органы управления	Обеспечение безопасности и стабильности регионального сообщества (населения, деловых кругов, органов власти). Обеспечение воспроизводства условий жизнедеятельности населения, делового сообщества, власти, включая институты, инфраструктуру, экологию, безопасность, де-бюрократизацию, демонополизацию и т.д. Предоставление качественных услуг и общественных благ	Обеспечение использования, воспроизводства и обновления потенциалов территорий с учетом интересов настоящего и будущих поколений (привлечение инвестиций, поддержка экспорта, развитие человеческого капитала, финансирование инфраструктуры). Обеспечение роста инновационного потенциала региона. Повышение конкурентоспособности региона, включая все его компоненты (бизнес, власть, трудовые ресурсы и т.д.). Развитие проактивного поведения всех субъектов – носителей целей региона. Обеспечение стратегического партнерства власти, бизнеса и населения. Обеспечение защиты региональных интересов внутри страны и на международном уровне

документов и органов (институтов), связанных с функционированием субфедеральных образований, которая формирует механизмы и условия для обеспечения населения продовольствием, жильем, работой, услугами здравоохранения и т.д., а также для повышения качества жизни, безопасности жизнедеятельности и т.д. Эти институты должны включать в себя государственные, рыночные, а также смешанные компоненты.

Формирование институтов по уровням системы и субъектам целеполагания можно представить в виде матрицы (табл. 3).

Органы власти на разных уровнях управления разрабатывают законы о стратегическом планировании, создают центры стратегического целеполагания, планирования и согласования, агентства и фонды развития, агентства и фонды поддержки малого предпринимательства и другие институты. Деловое сообщество организует разработку и внедрение кодексов делового поведения, создает союзы промышленников и предпринимателей, отраслевые союзы, ассоциации, центры общественных процедур, организации малого и среднего бизнеса и т.д. Население объединяется в формальные и неформальные инициативные и экспертные группы, организует общественные палаты,

Таблица 3

Матрица формирования институтов регионального развития

Уровни системы	Субъекты целеполагания		
	Органы управления	Деловое сообщество	Население
Макроуровень Мезоуровень Микроуровень Мини- и наноуровень	Федеральный и региональные законы о стратегическом планировании, центры стратегического целеполагания, планирования и согласования, агентства развития, фонды развития и др. институты разного уровня	Кодексы делового поведения, союзы промышленников и предпринимателей, отраслевые союзы, ассоциации, центры общественных процедур, организации малого и среднего бизнеса и др.	Уставы общественных организаций, партий, формальные и неформальные инициативные и экспертные группы, общественные палаты, партии, объединения, общества и др. институты разного уровня

партии, объединения, общества, создавая уставы и другие институты разного уровня.

На мезоуровне под цели могут формироваться, соответственно, такие региональные институты, как нормативно-правовые акты и документы, касающиеся стратегического планирования, центр стратегического целеполагания, планирования и согласования, агентство развития территорий, фонды развития, формальные и неформальные инициативные группы, экспертные сообщества, союзы предпринимателей, центры общественных процедур и др. (см. табл. 3). Таким способом проектируются матрицы институций и институтов стратегического целеполагания и развития региона разной конфигурации.

На основе этой же матрицы могут проектироваться совместные институты развития. Например, органы управления совместно с деловым сообществом организуют институты государственно-частного партнерства, кластеры, промышленные площадки, совместно с населением – открытое правительство, Общероссийский народный фронт с региональным активом, экспертные и общественные советы при руководителях и органах управления на всех уровнях.

Предлагаются и другие подходы, например построение институционального атласа развития предпринимательства региона по функциям менеджмента и сферам деятельности [9].

Создание единой системы институтов развития предусматривается также для территорий опережающего развития, каковой является в настоящее время Дальний Восток. На федеральном уровне в эту систему войдут управляющая организация ОАО «Дальний Восток» (создание территорий опережающего социально-экономического развития и управление ими), АНО «Агентство по привлечению инвестиций и поддержке экспорта Дальнего Востока» (инвестиционное и внешне-экономическое продвижение Дальневосточного федерального округа), АНО «Агентство по развитию человеческого капитала» (обеспечение инвесторов необходимыми кадрами за счет обучения местного населения и привлечения в регион новых жителей), ОАО «Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона» (финансирование инфраструктуры и проектов резидентов территорий опережающего

социально-экономического развития со 100%-м государственным участием) [11].

Институты стратегического управления социально-экономическим развитием региона особо важную роль играют в условиях турбулентности. Они должны обеспечить выполнение функций стратегического управления (целеполагание, стратегический анализ внешней и внутренней среды, выбор стратегий, реализация стратегий, стратегический контроль и корректировка стратегий) в двух режимах: установленном, т.е. запланированном, и ситуационном. Последний режим учитывает возникновение непредвиденной ситуации, требующей быстрого реагирования и принятия стратегических решений. В качестве примера можно привести ситуацию с введением санкций против России, когда появилась необходимость корректировки программ на федеральном и региональном уровнях [6]. Построение правил, механизмов и институтов ситуационного реагирования, в частности развития импортозамещения по стратегическим видам продукции, становится жизненно важной задачей. Таким образом, формирование институтов, обеспечивающих выполнение функций стратегического управления на всех уровнях, включая региональный, должно соответствовать требованиям развития страны и обеспечения национальной безопасности и может системно осуществляться на основе предложенной методологии.

Итак, в результате проведенного нами исследования разработана методология систематизации институционального обеспечения развития региона. Новизна и обоснованность предлагаемой методологии формирования институций и институтов заключаются в комплексном применении системного и функционального подходов к региону как субъекту стратегического развития, в многоуровневом учете целей (интересов) основных элементов региональной системы. Сделаны конкретные рекомендации по систематизации институционального обеспечения матричным методом, которые могут использоваться в практической деятельности законодательных и исполнительных органов управления разного уровня, делового сообщества и организованного населения для создания системных институций и институтов. Областью применения является организационная деятельность по

реализации федерального закона о стратегическом планировании на региональном и муниципальном уровнях, в деловых, общественных и партийных организациях, а также научная деятельность в сфере региональной и институциональной экономики. Полученные корректные результаты подтверждают гипотезу.

Список источников

1. Аузан А., Золотов А. Коалиция за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С 97–107.
2. Григорьев Л., Тамбовцев В. Модернизация через коалиции // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 59–70.
3. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 272 с.
4. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. – М.: Прогресс, 1966. – 659 с.
5. Иниаков И., Фролов Д. Эволюционная перспектива экономического институционализма // Вопросы экономики. – 2010. – № 9. – С. 63–77.
6. Латухина К. Точность в программах // Российская газета. – 2014. – 17 сент.
7. Новоселов А.С. Регион как исходное понятие теории регионального воспроизводства // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3. – С. 3–14.
8. Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – 2-е изд. – М.: Норма, 2008. – 640 с.
9. Попов Е.В., Власов М.В., Зубарева М.О. Моделирование институционально-го атласа развития региона в экономике знаний. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2010. – 120 с.
10. Системный анализ и принятие решений: Словарь-справочник / Под ред. В.Н. Волковой, В.Н. Козлова. – М.: Высш. шк., 2004. – 616 с.
11. Смольякова Т. Центр притяжения // Российская газета. – 2014. – 21 февр.
12. Шаститко А., Афонцев С., Плаксин С. Структурные альтернативы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. – 2008. – № 1. – С. 71–85.

Информация об авторе

Шеховцева Лидия Семеновна (Россия, Калининград) – доктор экономических наук, профессор. Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236041, Калининград, ул. А. Невского, 14, e-mail: shehovcev47@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150604

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 70–85

L.S. Shekhovtseva

DEVELOPMENT OF THE PARADIGM OF FORMATION OF STRATEGIC TARGETS AND INSTITUTES IN A REGION AS A SUBJECT OF DEVELOPMENT

The article gives a theoretical and methodological justification for a complex approach to institutional maintenance of a region as a subject of social and economic development in a federal state. The complex approach uses a multi-faceted methodology of regional research that includes subject-functional, system, organizational and strategic analysis tools. This paper proposes a hypothesis that the targets (target benchmarks) for the basic subjects of social and economic development of a region which define its functions are potential and real institutions, and that the concept and methodology identifying these targets can be used to create target institutions and institutes. The author's methodology for ordering institutional maintenance of regional development is designed. Novelty and validity of the proposed methodology for institutions and institutes formation are provided by systematic and functional approaches applied to a region as a subject of strategic development in an integrated manner, and the targets (interests) of the basic elements in a regional system accounted on multiple levels. The author makes recommendations on institutional maintenance ordering using the matrix method.

Keywords: development of a region, methodology, strategic targets, institutions, institutes, ordering

References

1. Auzan, A. & A. Zolotov (2008). Koalitsiya za modernizatsiyu: analiz vozmozhnosti vozniknoveniya [Coalition for modernization: Possibility of genesis]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 1, 97–107.
2. Grigoryev, L. & V. Tambovtsev (2008). Modernizatsiya cherez koalitsii [Modernisation through coalitions]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 1, 59–70.

3. *Evstigneyeva, L.P. & R.N. Evstigneyev* (2010). *Ekonomika kak sinergeticheskaya sistema* [Economy as a synergetic system]. Moscow, LENAND, 272.
4. *Isard, W.* (1966). *Metody regionalnogo analiza: vvedenie v nauku o regionakh* [Methods of regional analysis: an introduction to regional science]. Moscow, Progress, 659.
5. *Inshakov, I. & D. Frolov* (2010). *Evolutsionnaya perspektiva ekonomicheskogo institutsionalizma* [Evolutionary prospects of economic institutionalism]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 9, 63–77.
6. *Latukhina, K.* (2014). *Tochnost v programmakh* [Accuracy in programs]. *Rossiyskaya Gazeta* [Russian Gazette], 17 September.
7. *Novoselov, A.S.* (2006). *Region kak iskhodnoe ponyatie teorii regionalnogo vosproizvodstva* [Region as a basic term of regional reproduction theory]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 3–14.
8. *Nureyev, R.M.* (2008). *Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya rynochnoy ekonomiki* [Economics of development: models of a market economy start-up]. Moscow, Norma, 640.
9. *Popov, Ye.V., M.V. Vlasov & M.O. Zubareva* (2010). *Modelirovanie institucionalnogo atlasa razvitiya regiona v ekonomike znaniy* [Modeling the institutional atlas of regional development in a knowledge economy]. Yekaterinburg, Institut ekonomiki UrO RAN [Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 120.
10. *Volkova, V.N. & V.N. Kozlov* (Eds.) (2004). *Sistemnyy analiz i prinyatie resheniy* [System analysis and decision-making], 616.
11. *Smolyakova, T.* (2014). *Tsentr prityazheniya* [The center of gravity]. *Rossiyskaya Gazeta* [Russian Gazette], 21 February.
12. *Shastitko, A., S. Afontsev & S. Plaksin* (2008). *Strukturnye alternativy sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Structural alternatives for social and economic development of Russia]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 1, 71–85.

Information about the author

Shekhovtseva, Lidiya Semenovna (Kaliningrad, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor at I. Kant Baltic Federal University (14, A. Nevsky st., Kaliningrad, 236014, Russia, e-mail: shehovcev47@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.01.2015 г.

Н.Н. Михеева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Выполнен сравнительный анализ показателей производительности труда в российских регионах. Выявлены возможности и направления активизации региональных факторов роста производительности труда. Представлены результаты анализа динамики и межрегиональной дифференциации производительности труда в регионах, проведенного на основе данных Росстата и оценок уровней производительности труда по регионам и агрегированным видам экономической деятельности. Выявлена тенденция к сокращению в динамике межрегиональных различий в уровнях производительности труда. Оценка почасовой производительности по видам экономической деятельности показала наиболее существенные межрегиональные различия в добыче полезных ископаемых, строительстве, сельском хозяйстве. Приведены результаты сравнительного анализа имеющихся в российской экономике рабочих мест с точки зрения их отраслевого распределения, производительности труда и заработной платы. Дан критический анализ методики определения высокопроизводительных рабочих мест, разработанной Росстатом. Показано, что темп роста числа высокопроизводительных рабочих мест, рассчитанный по данной методике, слабо связан с динамикой производительности труда и реальных доходов населения. Рассмотрены направления активизации региональных факторов производительности труда, предлагаемые в правительственных документах. На основе данных по миграции населения в российских регионах показаны возможности и ограничения, характеризующие меры по повышению мобильности трудовых ресурсов.

Ключевые слова: регионы России, производительность труда, межрегиональная дифференциация, высокопроизводительные рабочие места, занятость в регионах, мобильность трудовых ресурсов

Проблемы производительности труда в российской экономике оказались в центре внимания экономистов, политиков и СМИ после издания указа Президента Российской Федерации¹. Несмотря на важность этой темы, публикации по ней немногочисленны. Можно упомянуть, например, работы, в которых преимущественно анализируется производительность труда в российской экономике в целом и ее отдельных отраслях и проводится сопоставление отечественных показателей с показателями других стран [1; 6; 11; 12]. Работы, посвященные анализу производительности труда на региональном уровне, также немногочисленны (см., например, [2–5; 7–10]). Проблемы измерения и межрегиональных сопоставлений производительности труда были рассмотрены нами в конце 2013 г.² Однако после этого произошел ряд событий, привлечших внимание к вопросам поиска факторов и направлений повышения производительности труда, в том числе на региональном уровне.

Поставленная в Указе Президента РФ от 7 мая 2012 г. задача создания и модернизации к 2020 г. 25 млн высокопроизводительных рабочих мест вызвала в среде экономистов дискуссию относительно того, что следует понимать под высокопроизводительными рабочими местами, и в более широком смысле – о поиске реальных возможностей повышения производительности труда. Принятый Правительством РФ План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест³, являющийся, по сути, дорожной картой реализации указа, представил приоритетные направления в обеспечении роста

---

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 19. – Ст. 2333.

² См.: Михеева Н.Н. Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1 (81). – С. 6–28.

³ См.: Правительство Российской Федерации утвердило «План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест» (распоряжение от 9 июля 2014 года № 1250-п). – URL: <http://worldskills.ru/media/news/6866>.

производительности, в число которых вошла и активизация региональных факторов.

Активное внимание к данной проблематике побудило Росстат опубликовать ряд новых показателей, характеризующих различные аспекты экономической деятельности и оказывающих сильное влияние на рост производительности, что дает возможность более глубокого анализа региональных аспектов производительности.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В РЕГИОНАХ: ДАННЫЕ РОССТАТА

Показатели динамики производительности труда на национальном уровне рассчитываются Росстатом⁴, который определяет индексы производительности труда как частное от деления индексов физического объема ВВП (по видам экономической деятельности – индексов физического объема выпуска) на индексы изменения совокупных затрат труда. Для регионов динамика производительности рассчитывается аналогично, но в качестве базового используется показатель ВРП. Данные по динамике производительности труда в регионах, определенные на основе информации о совокупных затратах труда, опубликованы Росстатом за 2008–2012 гг.⁵

Картина межрегиональных соотношений показателей производительности труда, построенная на основе официальных данных, выглядит следующим образом. В целом по России производительность труда в 2012 г. по сравнению с 2007 г. выросла на 10,8%. Максимальный рост производительности имел место в Калужской (53,7%)

---

⁴ См.: *Методологические рекомендации по расчетам совокупных затрат труда по производству товаров и услуг на всех видах работ и показателя производительности труда по видам экономической деятельности в соответствии с ОКВЭД*. Росстат, 2005. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/metod-prtrud.doc.

⁵ См.: *Индекс производительности труда по субъектам РФ*. Росстат, 2014. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency. Темпы роста производительности труда представлены по субъектам Федерации, данные по автономным округам в составе Архангельской и Тюменской областей рассчитаны только за 2011–2012 гг., данные по федеральным округам не приведены.

и Белгородской (45,5%) областях. В 56 регионах, т.е. в большинстве субъектов Федерации, темпы роста производительности были выше среднероссийских; в Кемеровской, Мурманской, Ивановской областях и Чеченской Республике производительность труда по сравнению с 2007 г. снизилась. На долю регионов с опережающим ростом производительности по сравнению со среднероссийским показателем приходилось в 2012 г. 55,7% суммарного ВРП, в них было занято 66,4% от общей численности занятых в экономике.

Субъекты Федерации, лидирующие по темпам роста производительности труда, представлены тремя группами:

1) регионы с преобладанием в структуре производства обрабатывающей промышленности, а также регионы с диверсифицированной структурой экономики, рост производительности в которых обусловлен модернизацией существующих производств и созданием новых (Калужская, Белгородская, Брянская, Ленинградская, Свердловская, Московская области, Республика Марий Эл, Республика Башкортостан, Республика Татарстан);

2) регионы с низким базовым уровнем производительности, на фоне которого темпы роста производительности существенно превосходили среднероссийские (Республика Дагестан, Республика Адыгея);

3) ресурсодобывающие регионы, в которых вводились новые крупные мощности, что обеспечило значительный рост производства (Забайкальский край, Иркутская, Еврейская автономная и Амурская области).

В большинстве регионов, лидирующих по темпам производительности, выработка ВРП на одного занятого в экономике с учетом межрегиональной дифференциации цен⁶ ниже средней по стране. Высокие темпы роста производительности дают регионам шанс по крайней мере достичь среднероссийских показателей, однако анализ показывает, что прямой зависимости между темпами роста производительности в регионе и отношением ее величины к среднероссийскому

---

⁶ Для учета межрегиональной дифференциации цен показатели произведенной в регионах ВДС корректировались на величину стоимости фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ).

уровню не наблюдается. Таким образом, нет оснований для утверждения, что чем выше базовый уровень производительности, тем ниже ее темпы и, наоборот, что высокие темпы роста производительности определяются ее низким базовым уровнем.

В 2012 г. уровень производительности труда превышал среднероссийский лишь в 14 субъектах Федерации, а во всех остальных он не достигал среднего по стране. Лидеры по абсолютному уровню производительности общеизвестны: это Тюменская, Сахалинская области и Москва. Отрыв показателей остальных 11 регионов от среднероссийского невелик – в пределах 25%. На долю указанных 14 регионов приходится 39,1% производимого ВРП и 30,9% занятых.

Методика расчетов производительности труда Росстата использует показатели совокупных затрат труда, в состав которых входят трудовые затраты на всех видах работ, включая дополнительную работу и производство продукции для собственного потребления, приведенные к условным работникам в эквиваленте полной занятости. Такой подход является несомненным шагом вперед в измерении производительности, поскольку дает более точное представление о динамике производительности, чем ее оценки, рассчитанные как выработка валовой добавленной стоимости на одного занятого в экономике. Однако данные об объемах совокупных затрат, необходимые для расчета абсолютных уровней производительности в регионах, не публикуются, что вынуждает использовать оценку производительности через показатели выработки, которые менее корректны с точки зрения учета реальных затрат труда, но более полно представляют происходящие в экономике процессы.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В РЕГИОНАХ: ОЦЕНКИ

Для оценок производительность труда рассчитана как отношение производимой в регионе ВДС в сопоставимых ценах к среднегодовой численности занятых в экономике. В этом случае производительность труда в среднем по России выросла в 2012 г. по сравнению с 1996 г. (за максимальный с точки зрения доступной статистики период) на 94,2%. Темпы роста производительности были выше

среднероссийских в 32 субъектах Федерации, в число лидирующих по данному показателю регионов вошли Сахалинская, Белгородская, Ленинградская и Ростовская области. Темпы роста производительности в указанных регионах достаточно высоки и по данным Росстата, схожими оказываются также перечни регионов, замыкающих список.

Для измерения степени и динамики межрегиональных различий разработано множество методов [2; 12]. Поскольку наша задача состояла лишь в оценке направления развития процесса, использовались два простейших показателя, характеризующих межрегиональные различия: коэффициент вариации и соотношение максимального и минимального уровней производительности труда в регионах.

Для показателя выработки после 2003 г. обнаруживается тенденция к сокращению межрегиональных различий⁷, которая была нарушена в 2009 г., однако в конце периода оба показателя дифференциации были ниже, чем в 1997 г. (рис. 1).

Экономический рост никогда не распределяется равномерно. Даже когда имеют место высокие темпы по стране в целом, всегда

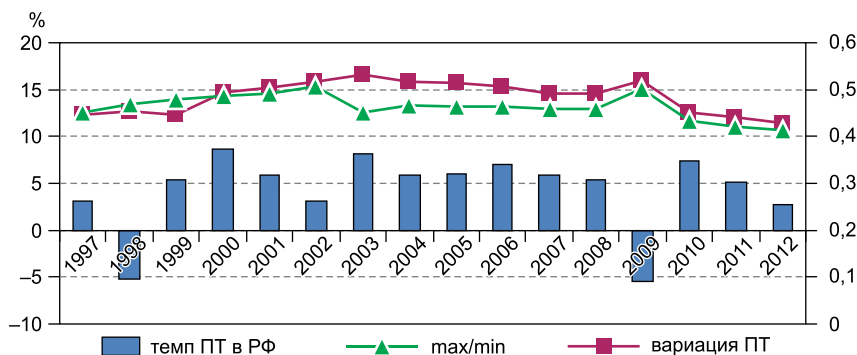

Рис. 1. Темпы прироста производительности труда (ПТ) в РФ (левая ось), отношение максимального и минимального уровней производительности и вариация показателей производительности в регионах (правая ось)

РФ представлена как сумма регионов

⁷ Расчеты проведены по 79 регионам. Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа учтены в составе Архангельской и Тюменской областей соответственно.

находятся проблемные регионы, производство в которых стагнирует либо снижается. Поскольку численность занятых в российских регионах является достаточно стабильным параметром, постольку динамика производительности оказывается сильно коррелированной с динамикой ВРП, поэтому в каждый из периодов обнаруживаются регионы как с положительной, так и с отрицательной динамикой производительности. Даже в наиболее благоприятном с точки зрения общенациональной динамики 2003 г., когда производительность выросла по отношению к предыдущему году на 8,1%, в Новгородской, Псковской, Астраханской, Магаданской областях и Республике Калмыкии отмечалось ее снижение.

Тем не менее региональные тренды примерно соответствуют общероссийским, даже если это происходит с некоторым лагом. Показательным примером в этом отношении является динамика производительности труда в кризисные годы и послекризисное восстановление ее темпов. В 1998 г., когда российский показатель сократился на 5,2%, производительность снизилась в 61 из рассматриваемых 79 регионов, в 10 из 18 регионов, имевших положительный рост в 1998 г., снижение производительности произошло в 1999 г., а еще в двух регионах спад оказался отложенным на два года. В результате стабильную динамику производительности труда демонстрировали только Астраханская и Ростовская области, Республика Тыва, Республика Бурятия и Республика Северная Осетия – Алания. Относительная устойчивость динамики производительности во время кризиса 1998 г. стала фактором опережающего роста производительности за период в целом по сравнению со средними по стране темпами только в Астраханской и Ростовской областях и Северной Осетии. Несмотря на это, во всех указанных регионах к концу периода – 2012 г. производительность не достигла средних по стране значений.

Картина была существенно иной в 2008–2010 г., когда выявился ряд регионов, в которых отклонения от общенационального тренда в динамике производительности имели системный характер. Кризис по-разному отразился на экономике отдельных регионов: в некоторых спад начался в 2008 г., в большинстве произошел в 2009 г., в некоторых был отложен до 2010 г. Однако динамика производительности

была стабильной, т.е. она росла либо оставалась на уровне предыдущего года в течение 2008–2010 гг., в 14 субъектах Федерации. В большинстве случаев это регионы, получавшие господдержку в рамках федеральных целевых программ, – республики Северного Кавказа (Адыгея, Калмыкия), Приморский и Краснодарский края, а также регионы, в которых продолжалась реализация крупных инвестиционных проектов, – Ленинградская, Иркутская области, Республика Башкортостан и Республика Марий Эл.

Проведенная нами оценка вклада региональных факторов и сдвигов в пространственной структуре производства в рост производительности труда в экономике России в целом за 1997–2012 гг.⁸ показала, что в течение рассматриваемого периода рост производительности в отдельных регионах был доминирующим фактором, определяющим динамику общероссийского показателя, а изменения в пространственной структуре влияния практически не оказывали.

Показатель ВРП на одного занятого характеризует добавленную стоимость всех видов экономической деятельности, в том числе социальных услуг, рост производительности труда в которых является весьма условным. В бюджетной сфере рост выработки реально характеризует рост затрат на одного занятого, что является важным при оценке доходов институциональных единиц, формируемых в регионе, но не имеет отношения к эффективности производства этих услуг. Поэтому необходим более детальный анализ процессов и факторов межрегиональной дифференциации производительности труда на уровне отдельных отраслей (видов экономической деятельности).

ОТРАСЛЕВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Отраслевая дифференциация производительности труда значительно сильнее, чем ее межрегиональные различия, что вполне объяснимо, поскольку в структуре производства у регионов даже с высокой долей наиболее производительных видов экономической деятельности

---

⁸ См.: *Михеева Н.Н.* Региональные аспекты исследования динамики производительности труда // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1 (81). – С. 6–28.

(ВЭД) обязательно присутствуют виды деятельности с низкой производительностью. Наиболее корректной характеристикой производительности труда по видам экономической деятельности является почасовая производительность, которая на уровне агрегированных ВЭД (информация по трудозатратам по детализированным ВЭД не публикуется) может быть рассчитана как выработка валовой добавленной стоимости в постоянных ценах на один человеко-час фактически отработанного за год времени⁹.

Отношение среднечасовой выработки ВДС по агрегированным ВЭД к средней по России производительности труда показано на рис. 2. Почасовая выработка в добыче полезных ископаемых оказывается

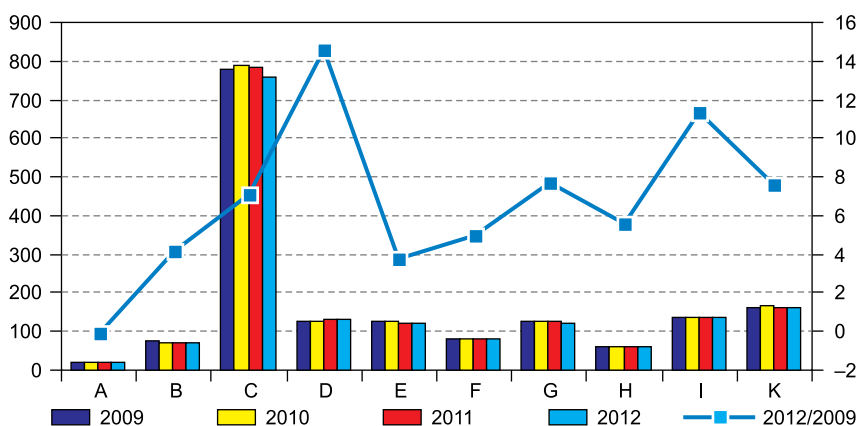

Рис. 2. Отношение почасовой производительности труда по ВЭД к средней по РФ (левая ось) и темп прироста часовой производительности в 2012 г. к 2009 г. по ВЭД (правая ось)

Раздел А – сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; раздел В – рыболовство, рыбоводство; раздел С – добыча полезных ископаемых; раздел D – обрабатывающие производства; раздел Е – производство и распределение электроэнергии, газа и воды; раздел F – строительство; раздел G – оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; раздел H – гостиницы и рестораны; раздел I – транспорт и связь; раздел K – операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг

⁹ См.: *Труд и занятость в России. 2013: Стат. сб.* / Росстат. – М., 2013. – 661 с.

недосягаемой для всех остальных видов деятельности. Она превосходит средний по экономике показатель более чем в 7 раз, разрыв между почасовой выработкой в добыче полезных ископаемых и сельском и лесном хозяйстве – видах деятельности с минимальной производительностью составляет около 40 раз (в 2010 г. – 43,3 раза). С большим отрывом от них идут операции с недвижимым имуществом (в 2012 г. 160,8% от среднего по стране уровня), транспорт и связь (136,4%) и обрабатывающие производства (130,8%).

Следует отметить, что темпы роста почасовой производительности за рассматриваемый период оказались наиболее высокими именно в обрабатывающих производствах, а это при прочих равных условиях позволит производительности в обработке достаточно быстро достичь уровня показателей транспорта и связи и операций с недвижимостью. Вероятность для всех ВЭД (при прочих равных условиях) достичь производительности, наблюдаемой в добывающих производствах, невелика, так как слишком значителен разрыв, при том что темпы роста производительности в добыче остаются достаточно высокими.

Региональные различия в производительности труда по видам экономической деятельности, рассчитанные на основе показателей выработки ВДС на одного занятого с учетом межрегиональной дифференциации цен, оказываются значительно меньше, чем приведенные выше межотраслевые различия (рис. 3). Естественным образом, наиболее значительны региональные различия производительности в добыче полезных ископаемых: они предопределены географией распределения добычи углеводородного сырья. Абсолютными лидерами по величине выработки на одного занятого являются Сахалинская, Астраханская, Архангельская области, список продолжают другие нефтегазодобывающие регионы. Далее по показателю вариации следуют строительство и сельское хозяйство. В строительстве разрыв между максимальным и минимальным уровнями производительности составляет 13,5 раза, в сельском хозяйстве – 19,4 раза.

Из представленных оценок следует, что максимальный уровень производительности в строительстве в 2012 г. был отмечен в Республике Ингушетии, Чукотском автономном округе, Ленинградской, Тамбовской областях и Республике Коми, минимальный – в Рязанской,

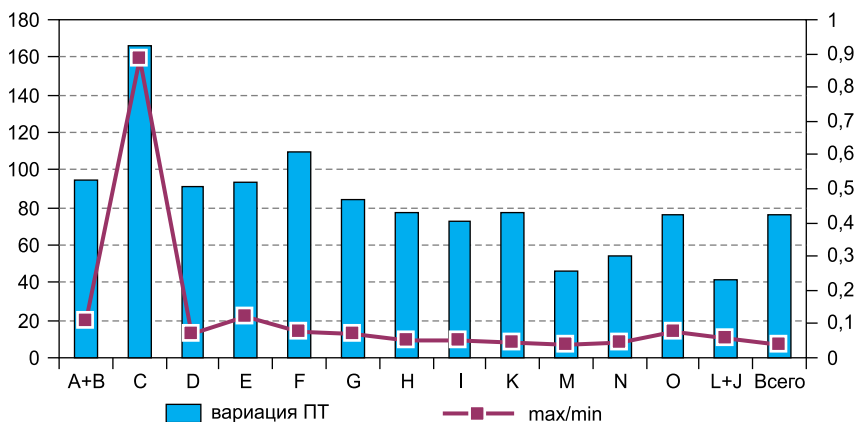

Рис. 3. Межрегиональная дифференциация производительности труда (ПТ) по видам экономической деятельности в 2012 г. (правая ось – коэффициент вариации производительности)¹⁰

Расшифровку обозначений разделов ВЭД см. в подписи к рис. 2

Владимирской и Ивановской областях. Содержательно объяснить такое распределение довольно трудно. Можно предположить, что Чукотский АО оказался в числе лидеров, поскольку недостаточно корректным было использование в расчетах показателя ФНТУ, однако разрыв по уровню производительности в строительстве между Тамбовской областью и замыкающими рейтинг регионами Центрального федерального округа требует более глубокого анализа. Самый простой ответ – плохая статистика, но причиной могут быть и реальные различия в уровне производительности, обусловленные организацией производства.

В сельском хозяйстве в числе лидеров оказались Мурманская, Белгородская, Магаданская и Калужская области. Ситуация в Мурманской и Магаданской областях может быть объяснена объединением в составе данного агрегата сельского, лесного хозяйства и рыболовства, в котором производительность существенно выше, чем в сельском хозяйстве.

¹⁰ Расчеты выполнены по 80 субъектам Федерации, автономные округа включены в состав соответствующих субъектов Федерации.

Уровень дифференциации производительности в обрабатывающих производствах ниже, чем в строительстве, сельском хозяйстве и энергетике, однако достаточно высок, разрыв между максимальным и минимальным значениями показателя составляет более 12 раз. Лидируют по уровню производительности Тюменская область, Красноярский край, Республика Башкортостан, Омская область и только за ними следуют Москва и Санкт-Петербург. В данном случае причины лидерства очевидны: все регионы из первой четверки являются центрами нефтепереработки – отрасли с самой высокой долей добавленной стоимости из числа обрабатывающих.

Значительный уровень дифференциации показателей производительности труда по видам деятельности отчасти можно объяснить невысоким качеством используемых статистических данных, имея в виду распределение созданной ВДС между регионами и учет межрегиональной дифференциации цен. Однако даже с учетом этого фактора значительные различия в уровне производительности между регионами с близкими условиями и схожей структурой производства могут свидетельствовать о наличии в регионах реальных резервов роста производительности.

ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ РАБОЧИЕ МЕСТА В РЕГИОНАХ

Термин «высокопроизводительные рабочие места» был использован в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596, где ставились задачи создания и модернизации к 2020 г. 25 млн высокопроизводительных рабочих мест и увеличения производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза относительно уровня 2011 г. Достижение такой цели требует ежегодного прироста производительности по экономике в целом примерно на 6%, а с учетом того, что в 2012 г. прирост производительности составил 3,1%, а в 2013 г. – 1,8%, в оставшиеся 5 лет ее ежегодный прирост должен составлять около 7,4%. Следует отметить, что такие темпы не являются чем-то экстраординарным для российской экономики, в частности ежегодный прирост производительности на уровне 7,5% имел место в 2006 и 2007 гг.

Поскольку понятия высокопроизводительных рабочих мест не оказалось в числе стандартных экономических показателей, официальная методика расчета показателей, используемых для мониторинга выполнения поручений, содержащихся в президентских указах, после обсуждения ряда предложений и экспертных методик была специально разработана Росстатом¹¹. В данной методике к высокопроизводительным относятся все замещенные рабочие места предприятия (организации), на котором среднемесячная зарплата (для индивидуальных предпринимателей – средняя выручка) равна пороговому значению или его превышает. Речь идет о среднемесячной зарплате работников на одно замещенное рабочее место, дифференцированное по типам предприятий и регионам. Впрочем, методика, как и все предыдущие варианты определения высокопроизводительных рабочих мест, активно критикуется в экспертном сообществе¹².

Дело, на наш взгляд, в том, что микроэкономическую по своей сути задачу – задачу определения некоторых желательных характеристик конкретных рабочих мест невозможно решить, используя макроэкономический показатель производительности труда, поскольку показатель валовой добавленной стоимости в принципе нельзя отнести к каждому конкретному рабочему месту. В этой связи любые варианты оценки рабочих мест на основе макроэкономических показателей дают некий паллиатив для распределения созданной системой

---

¹¹ См.: Приказ Федеральной службы государственной статистики от 14 ноября 2013 г. № 449 «Об утверждении методик расчета показателей “Прирост высокопроизводительных рабочих мест, в процентах к предыдущему году”, “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте” и “Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации”». Росстат. 2013. – URL: http://www.gks.ru/metod/metodika_pr449.pdf.

¹² См.: *Производительность труда как ключевой фактор развития России: правовые и региональные аспекты*: Мат. заседания Науч.-эксперт. совета при Председателе Совета Федерации, 26 июня 2014 г. – М., 2014 г.; *Приоритетные направления повышения производительности труда и реализация промышленной политики в субъектах Российской Федерации*: Аналитический доклад / Совет Федерации Федерального собрания РФ; Науч.-эксперт. совет при председателе Совета Федерации. – М., 2014.

добавленной стоимости по конкретным рабочим местам. В случае методики Росстата предпринята попытка выделить рабочие места, на которых заработная плата работников находится в некотором заданном диапазоне. Очевидно, что «высокопроизводительные» рабочие места в этом случае являются «высокозарплатными» рабочими местами, поэтому дальнейшее совершенствование методики с позиции учета отраслевой или региональной специфики, уточнения пороговых значений и проч. не приближает к решению задачи оценки конкретных рабочих мест.

Тем не менее данный показатель выбран в качестве целевого при мониторинге выполнения указов Президента РФ, он отслеживается Росстатом, используется для оценки результатов развития конкретных регионов. В этой связи заслуживает внимания характеристика рабочих мест, имеющих в российской экономике (табл. 1).

По данным Росстата, в 2012 г. в России насчитывалось 95188 тыс. рабочих мест по производству товаров и услуг¹³. Из них 56103 тыс., или 58,9% от общего числа, представляли собой рабочие места организаций, 20,2% приходилось на рабочие места в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, в фермерских хозяйствах (включая рабочие места наемных работников), еще 20,9% от общего числа составляли рабочие места по производству продукции для собственного использования.

Более четверти всех рабочих мест приходится на долю самого низкопроизводительного и низкодоходного сектора – сельского хозяйства. В структуре рабочих мест в данном секторе 90% от их общего числа составляют рабочие места в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица, в фермерских хозяйствах и рабочие места по производству продукции для собственного использования. Почасовая выработка ВДС в сельском хозяйстве с учетом всех рабочих мест составляет 18% от средней по экономике. Из приведенной статистики следует, что модернизация рабочих мест в сельском хозяйстве, включая рабочие места в фермерских и домашних хозяйствах,

---

¹³ См.: *Труд и занятость в России. 2013: Стат. сб.*

Таблица 1

Характеристики рабочих мест в экономике России в 2012 г.

Виды экономической деятельности	Кол-во рабочих мест (работ) по производству товаров и услуг в экономике по ВЭД		Кол-во рабочих мест (работ) по производству товаров и услуг в организациях по ВЭД		Начисленная среднемесячная заработная плата		Среднечасовая выработка ВДС*	
	Тыс. раб. мест	% к итогу	Тыс. раб. мест	% к итогу	Руб.	% к сред. по экономике	Руб.	% к сред. по экономике
Всего в экономике	95188	100,0	56103	100,0	26629	100,0	352,3	100,0
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	27852	29,3	2804	5,0	14129	53,1	63,8	18,1
Рыболовство, рыболовство	287	0,3	99	0,2	29201	109,7	278,0	78,9
Добыча полезных ископаемых	1114	1,2	1090	1,9	50401	189,3	3011,0	854,5
Обрабатывающие производства	10875	11,4	9065	16,2	24512	92,1	402,5	114,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2019	2,1	1995	3,6	29437	110,5	514,5	146,0
Строительство	6028	6,3	4076	7,3	25951	97,5	354,9	100,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	13325	14,0	7056	12,6	21634	81,2	385,2	109,3
Гостиницы и рестораны	1362	1,4	921	1,6	16631	62,5	213,3	60,5
Транспорт и связь	5826	6,1	4385	7,8	31444	118,1	449,5	127,6
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	6623	7,0	5862	10,4	30926	116,1	558,3	158,5
Другие ВЭД	19877	20,9	18750	33,4	32117,29	120,6	306,1	86,9

* Показатель рассчитан путем деления ВДС в основных ценах на количество фактически отработанного за год времени, млн чел. ч.

представляет собой широкое поле для деятельности с точки зрения повышения производительности труда в экономике в целом.

Около 20 млн рабочих мест (20,9% от общего числа) приходится на другие виды экономической деятельности, по которым Росстат производительность труда не рассчитывает. Это, во-первых, разделы М, N, О (образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг) – ВЭД с невысокими заработными платами. На долю трех указанных видов деятельности в 2012 г. приходилось 18,8% от общей численности занятых в экономике. Во-первых, в данную группу входят также высокодоходные ВЭД «финансовая деятельность» и «государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование» – на них приходилось 7,8% от общей занятости. За счет того, что «другие ВЭД» представлены разнородными с точки зрения уровня заработной платы секторами, средняя заработная плата для данной группы ВЭД оказывается на 20% выше средней по экономике. Условный расчет производительности для «других ВЭД» показывает, что она ниже средней по экономике на 13%.

В различных рекомендациях, касающихся направлений повышения производительности труда, двум указанным выше направлениям внимания, как правило, не уделяется, хотя на их долю приходится половина рабочих мест.

Максимальным уровнем производительности (в 8,5 раза выше средней по экономике) характеризуется добыча полезных ископаемых, заработная плата в данном секторе выше средней в 1,9 раза, однако на его долю приходится лишь 1,2% от общего числа рабочих мест и 1,9% от числа рабочих мест в организациях. Рабочие места в обрабатывающем секторе экономики, с которым, как правило, связываются надежды на быстрый рост производительности, составляют 11,4% от общего числа рабочих мест и 16,2% от числа рабочих мест в организациях. Почасовая производительность труда в данном секторе выше средней по экономике на 14% – это больше, чем в торговле и строительстве, но меньше, чем в операциях с недвижимым имуществом, на транспорте и в связи, в энергетике.

Определенное по методике Росстата число высокопроизводительных рабочих мест составило в 2012 г. 16409 тыс. – это 17,2% от общего числа рабочих мест и 29,2% от числа рабочих мест в организациях. В 2011 г. высокопроизводительные рабочие места составляли 15,3% от общего числа рабочих мест¹⁴.

Принятый в методике Росстата «зарплатный подход» приводит к неожиданным с точки зрения задач модернизации экономики, но вполне ожидаемым с точки зрения роста количества «высокозарплатных» рабочих мест результатам. Отношение числа высокопроизводительных рабочих мест в экономике региона, рассчитанного на основе данных Росстата по динамике высокопроизводительных рабочих мест, к численности занятых в экономике можно рассматривать как долю занятых на высокопроизводительных рабочих местах, если предположить, что на каждом высокопроизводительном месте трудится один работник. В этом случае максимальное число высокопроизводительных рабочих мест обнаруживается в Чукотском автономном округе, где предполагаемая доля занятых на высокопроизводительных местах составляет 43,2%, далее следует Архангельская область с Ненецким автономным округом (38,6%), затем – Магаданская область (36,9%). Средний по России показатель – 24,1%. Минимальная доля высокопроизводительных рабочих мест – в Республике Дагестан (9,3%) и Краснодарском крае (14,1%).

Анализ доступных данных за 2012 г. не позволяет обнаружить зависимость между количеством высокопроизводительных рабочих мест в регионе и темпом роста производительности труда. Не видно положительной связи и между числом высокопроизводительных мест и темпом роста реальных доходов населения в регионе. Отметим, что слабая положительная корреляционная связь обнаруживается между долей высокотехнологичных и наукоемких производств в ВРП и темпами роста производительности.

Другая проблема, связанная с использованием «зарплатной» методики, состоит в трудности содержательной интерпретации результатов мониторинга. Это относится к отрицательным приростам показателя.

---

¹⁴ См.: *Прирост* высокопроизводительных рабочих мест в 2012–2013 гг. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/efficiency.

Данный факт вполне объясним с точки зрения изменения заработной платы, однако трудно понять, почему рабочие места, признанные высокопроизводительными в одном году, перестают быть таковыми в следующем году. Опубликованные Росстатом данные по приросту числа высокопроизводительных рабочих мест показывают, что в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом количество высокопроизводительных мест снизилось в 19 субъектах Федерации, т.е. почти в каждом пятом регионе. В числе таких регионов оказываются признанные лидеры роста по всем другим показателям. К примеру, в Калужской области количество высокопроизводительных рабочих мест в 2012 г. увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 33,3 тыс., однако уже в 2013 г. оно снизилось на 2,1 тыс. Эти процессы происходили на фоне роста промышленного производства в регионе на 5,9%. В Рязанской области прирост в 2012 г. составил 20 тыс. рабочих мест, но в 2013 г. число рабочих мест снизилось на 3,2 тыс. Такие примеры далеко не единичны. Данные факты еще раз подтверждают невысокую ценность рассчитанного подобным образом показателя в качестве индикатора, характеризующего процессы модернизации производства на уровне отдельных предприятий и конкретных рабочих мест.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

В качестве комплекса мер по реализации майских указов в части роста производительности труда в июле 2014 г. распоряжением Правительства Российской Федерации был утвержден План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда и модернизации высокопроизводительных рабочих мест¹⁵. Подготовке этого документа предшествовало обсуждение на ряде экспертных площадок мероприятий, направленных на обеспечение роста производительности труда. В материалах обсуждений представлены предложения по

---

¹⁵ См.: *Правительство* Российской Федерации утвердило «План мероприятий по обеспечению повышения производительности труда, создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест» (распоряжение от 9 июля 2014 года № 1250-р).

самым различным аспектам создания условий для повышения производительности труда. Предлагаемые меры можно объединить в две группы: 1) создание общих условий для экономического роста и ведения бизнеса; 2) меры, связанные с модернизацией производства и повышением его технологического уровня. В том или ином виде они нашли отражение в Плане.

В первую группу включены меры, направленные на стимулирование инвестиций для обновления и модернизации производства. Это в первую очередь налоговое стимулирование различными методами, повышение инвестиционной привлекательности, в том числе через создание особых экономических зон, территорий опережающего развития, индустриальных парков и проч. Меры, включенные во вторую группу, связаны с технологическими и организационными аспектами повышения производительности. В их число вошли мероприятия по разработке специальной системы оценки рабочих мест и используемых технологий, по созданию механизмов, стимулирующих замену устаревших рабочих мест и технологий. Особое место отведено системе переподготовки и обучения кадров.

В Плане предполагается принятие на федеральном уровне ряда мер, которые должны обеспечить условия для роста производительности в регионах. В числе таких мер формирование механизмов предоставления субъектами Федерации налоговых льгот вновь организуемым промышленным предприятиям, механизмов возмещения субъектам Федерации затрат на создание инфраструктуры индустриальных парков, технопарков, бизнес-инкубаторов.

К числу новаций относится включение в План особого раздела, предусматривающего реализацию мер по повышению мобильности трудовых ресурсов. Для этого предполагается внесение изменений в закон «О занятости населения в Российской Федерации» в части совершенствования правового регулирования трудоустройства граждан за пределами места постоянного проживания и в Жилищный кодекс в части регулирования отношений по некоммерческому найму жилых помещений.

Для стимулирования мобильности трудовых ресурсов в Плане намечена реализация в регионах пилотных проектов по выработке

эффективных механизмов привлечения трудовых ресурсов. Предполагается создание региональных программ содействия повышению мобильности трудовых ресурсов, причем в Плате в качестве целевых индикаторов определено число работников, которые переедут на работу в другую местность в рамках программы содействия повышению мобильности трудовых ресурсов (345 тыс. чел. на конец 2018 г.).

Вопрос об использовании трудовой миграции как фактора повышения производительности труда заслуживает особого внимания. Выше мы указывали, что в период 1997–2012 гг. межрегиональное перераспределение рабочей силы не вносило существенного вклада в совокупный рост производительности. Кроме того, миграционные потоки складываются под влиянием множества факторов и плохо поддаются экономическому регулированию.

Судить о динамике межрегиональных перемещений рабочей силы можно только на основе данных об общей миграции. Поскольку наибольшей склонностью к миграции характеризуется активное население в трудоспособном возрасте, по миграционным потокам можно судить о масштабах и направлениях миграции рабочей силы.

Общим направлением миграционных потоков населения в после-реформенный период является перемещение населения в западные и южные регионы, а также в столичные агломерации. Кризис 2008 г. повлек за собой значительное сокращение миграционных потоков в 2010 г., в 2011–2013 гг. количество мигрантов увеличилось, однако показатели миграционных потоков не достигли уровня 2007–2009 гг. По сравнению с предыдущими периодами изменилась структура миграционных потоков. В 2000–2008 гг. основной поток мигрантов направлялся в Центральный федеральный округ (Московская область, Москва, Белгородская, Воронежская, Липецкая области, в отдельные годы положительный миграционный прирост наблюдался в Калужской и Тульской областях), а также в Южный (Краснодарский край и Ростовская область). Значительно меньший по величине миграционный прирост имел место в Северо-Западном округе (Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области). Положительный миграционный прирост на Северном Кавказе обеспечивался за счет Ставропольского края (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты миграционного прироста (на 10 тыс. чел. населения)

Регион	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
РФ	11	25	20	22	25	25	24	19	22	21	21
Центральный ФО	25	82	101	94	70	70	64	74	56	62	60
В том числе:											
Москва	26	239	216	182	106	99	92	141	51	89	90
Московская обл.	28	76	153	169	139	149	142	161	160	157	140
Северо-Западный ФО	8	-0,2	27	33	29	35	33	51	50	58	72
В том числе:											
Санкт-Петербург	12	37	128	137	87	111	97	157	119	148	197
Ленинградская обл.	27	83	146	145	104	126	110	150	149	156	129
Южный ФО	45*	39	32	36	39	39	28	21	43	27	45
Северо-Кавказский ФО	–	35	2	13	35	5	11	4	-34	-41	-40
Приволжский ФО	4	11	-8	-7	2	2	5	-12	-4	-6	-5
Уральский ФО	-16	16	-26	-16	4	2	2	-12	31	19	3
Сибирский ФО	-8	-15	-41	-34	-12	-4	2	-18	1	-4	-8
Дальневосточный ФО	-12	-83	-80	-71	-36	-36	-27	-49	-28	-32	-53

*ЮФО вместе с СКФО.

В восточных районах страны миграционное сальдо практически в течение всего периода было отрицательным. По абсолютному количеству мигрантов лидировали Сибирский федеральный округ, где миграционное сальдо было отрицательным во всех регионах (исключение в отдельные годы составляли Новосибирская и Томская области), и Дальневосточный округ. В Уральском округе положительный миграционный прирост имеют, как правило, Ханты-Мансийский АО и Тюменская область, однако даже эти регионы в 2004–2006 гг. теряли население за счет миграции. Очень неоднородна миграционная ситуация в Приволжском округе, где миграционный отток относительно невелик, а в 2007–2009 гг. для округа в целом миграционное сальдо было также небольшим (2–5 чел. на 10 тыс. чел. населения), но положительным. Ситуация для округа в целом определяется соотношением между миграционным притоком населения в его крупные промышленные центры (Республику Татарстан, Нижегородскую и Самарскую области) и миграционным оттоком из всех остальных приволжских регионов.

В 2009–2013 гг. не только сократилась величина миграционных потоков, но и изменилась их структура. Снизилась доля миграции в Центральный и Южный федеральные округа, но существенно повысилась доля положительного миграционного потока в Северо-Западный округ. В число округов с положительной миграцией вошел Уральский. Северо-Кавказский оказался в числе округов, теряющих население за счет миграции. В Сибирском и Дальневосточном округах снизились абсолютные показатели оттока населения. В общем миграционном потоке увеличилась доля Приволжского округа. Общее направление миграционных потоков – в столичные агломерации и крупные промышленные центры не изменилось, хотя интенсивность их уменьшилась.

Снижение коэффициентов миграционной активности и сокращение абсолютных потоков мигрантов означают уменьшение в динамике мобильности населения и, следовательно, снижение возможностей использования ресурса межрегиональной миграции как условия для обеспечения экономического роста.

Другой момент связан с изменением направления миграционных потоков. В 2000 г. зависимость между величиной коэффициента

миграционного прироста и уровнем среднедушевых доходов населения не наблюдалась, а при исключении из рассмотрения регионов с самыми высокими доходами и положительным миграционным приростом (Москвы и Ханты-Мансийского АО) она была отрицательной. В 2012 г. ситуация обратная: коэффициенты миграционного прироста увеличиваются вместе с увеличением доходов населения. То есть уровень доходов населения стал существенным фактором, определяющим миграционные потоки.

На изменении характера миграционных процессов все больше сказываются экономические факторы, обуславливающие миграцию. Притягательными для мигрантов оказываются регионы с высоким экономическим потенциалом, в которых расположены крупные города. Во всех федеральных округах наблюдается миграционный отток из периферийных регионов с более низким уровнем жизни. Это дает основание полагать, что сложившиеся направления миграционных потоков сохранятся и в перспективе. Вместе с тем из приведенных фактов следует, что при снижении доходов населения миграционная активность уменьшается, т.е. при ожидаемом в ближайшие годы падении реальных доходов населения миграционные потоки, которые Планом предписано стимулировать, с большой вероятностью сократятся.

Существенным является вопрос о том, будут ли нацелены предполагаемые меры просто на повышение мобильности, которая в случае успешности данных мер будет формироваться стихийно и рабочая сила будет направляться в наиболее привлекательные в настоящее время места приложения труда – в столичные регионы, крупные агломерации, или повышение мобильности будет использоваться для обеспечения трудовыми ресурсами регионов, где будут реализовываться приоритетные проекты и развиваться современные высокотехнологичные производства с высоким уровнем производительности труда. Вторая задача на порядок сложнее первой, и, как показывают многолетние попытки осуществить декларируемые меры по привлечению населения и трудовых ресурсов на Дальний Восток, эффективных механизмов ее решения пока не предложено.

* * *

Задача повышения производительности труда имеет макроэкономические аспекты, связанные со структурой производства и качественными характеристиками производственного и трудового потенциала каждого региона. В этом отношении совершенствование структуры производства в регионах, модернизация либо санация производства, в первую очередь в отраслях с низкой производительностью труда, являются важным направлением повышения производительности труда для региона в целом.

Не менее важно использование микроэкономических механизмов стимулирования роста производительности. Целевым объектом в этом случае являются непосредственные характеристики рабочих мест, а также квалификация занимающих их работников. Данные характеристики должны быть достаточно детальными и подробно учитывать специфику конкретных производств и используемых технологий. В этой связи более продуктивным, чем методика определения высокопроизводительных рабочих мест на основе макроэкономических индикаторов, представляется подход, связанный с разработкой соответствующих отраслевых справочников, определяющих необходимые характеристики производств и квалификационные требования к работникам.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие»

Список источников

1. Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики. – М.: ИД ГУ ВШЭ, 2009. – 66 с.
2. Глуценко К.П. Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 4. – С. 88–119.
3. Гранберг А.Г., Зайцева Ю.С. Валовой региональный продукт: межрегиональные сравнения и динамика. – М.: СОПС, 2003. – 117 с.
4. Зайцев А. Региональная диагностика и отраслевой анализ производительности труда // Федерализм. – 2013. – № 1 (69). – С. 54–77.

5. *Зубаревич Н.В.* Мифы и реалии пространственного неравенства // *Общественные науки и современность*. – 2009. – № 1. – С. 38–53.
6. *Кондратьев В.Б., Куренков Ю.В.* Проблемы повышения эффективности российской экономики // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2008. – № 12. – С. 34–43.
7. *Лавровский Б.Л., Мурзов И.А.* Большая Сибирь: тенденции производительности труда // *Регион: экономика и социология*. – 2014. – № 4 (84). – С. 103–117.
8. *Лавровский Б.Л., Позднякова И.В.* Самое важное, самое главное для победы // *ЭКО*. – 2014. – № 4. – С. 83–95.
9. *Лавровский Б.Л., Шильцин Е.А.* Российские регионы: сближение или расхождение? // *Экономика и математические методы*. – 2009. – Т. 45, № 2. – С. 31–36.
10. *Мельников Р.М.* Межрегиональное экономическое неравенство в российской экономике: тенденции и перспективы // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2008. – № 3. – С. 7–14.
11. *Gluschenko K.* Price convergence and market integration in Russia // *Regional Science and Urban Economics*. – 2011. – V. 41, No. 2. – P. 160–172.
12. *Ledyeva S., Linden M.* Determinants of economic growth: empirical evidence from Russian regions // *European Journal of Comparative Economics*. – 2008. – V. 5, No. 1. – P. 87–105.

Информация об авторе

Михеева Надежда Николаевна (Россия, Москва) – доктор экономических наук, профессор, заместитель председателя Совета по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (117997, Москва, ГСП-7, ул. Вавилова, 7, e-mail: mikheeva@sops.ru).

DOI: 10.15372/REG20150605

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 86–112

N.N. Mikheyeva

WORKFORCE PRODUCTIVITY IN RUSSIAN REGIONS: COMPARATIVE ANALYSIS

A comparative analysis of workforce productivity data in Russian regions is carried out. The paper discovers possibilities to strengthen regional factors

inducing a rise in workforce productivity. It presents results from the analysis of the dynamics and interregional differentiation of workforce productivity based on statistics published by the Russian Federal State Statistics Service (Rosstat) and estimates of workforce productivity levels in regions and aggregate types of economic activity. Interregional differences in workforce productivity levels exhibit a tendency to decrease. An assessment of hourly productivity by types of economic activity revealed the most significant interregional differences in mineral production, construction, and agriculture. The article provides results from the comparative analysis of existing jobs in Russia in terms of their industrial distribution, workforce productivity, and salary levels. The paper gives a critical overview of the method to determine high-performance workplaces developed by Rosstat. We show that the growth rate in the number of high-performance workplaces calculated with this method is loosely related to the dynamics of workforce productivity and real income of the population. Directions to promote regional factors that increase workforce productivity suggested in government decrees are examined. Basing on interregional migration data in Russia, we show enabling and constraining effects of measures designed to enhance labor mobility.

Keywords: Russian regions, workforce productivity, interregional differentiation, high-performance workplaces, regional employment, labor mobility

The publication is supported by funding from the Program for Basic Research «Spatial development of Russia in the 21st century: nature, society and their interaction» of the Presidium of the Russian Academy of Sciences

References

1. Bessonov, V.A., V.Ye. Gimpelson, Ya.I. Kuzminov & Ye.G. Yasin (2009). *Proizvoditel'nost i faktory dolgosrochnogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki* [Productivity and longterm factors of the Russian economy development]. Moscow, HSE Publishing House, 66.
2. Gluschenko, K.P. (2010). *Issledovaniya neravenstva po dokhodam mezhdru rossiyskimi regionami* [Income inequality in Russian regions: comparative analysis]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4, 88–119.
3. Granberg, A.G. & Yu.S. Zaytseva (2003). *Valovoy regionalnyy produkt: mezhr regionalnye sravneniya i dinamika* [Gross regional produkt: inter-regional comparisons and dynamics]. Moscow, SOPS [The Council for the Study of Productive Forces], 117.

4. Zaytsev, A. (2013). Regionalnaya diagnostika i otraslevoy analiz proizvoditel'nosti truda [Regional diagnostics and branch analysis of labor productivity]. *Federalism*, 1 (69), 54–77.
5. Zubarevich, N.V. (2009). Mify i realii prostranstvennogo neravenstva [Myths and realities of a spatial inequality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Studies and the Present]*, 1, 38–53.
6. Kondratyev, V.B. & Yu.V. Kurenkov (2008). Problemy povysheniya effektivnosti rossiyskoy ekonomiki [Boosting efficiency of the Russian economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 12, 34–43.
7. Lavrovskiy, B.L. & I.A. Murzov (2014). Bolshaya Sibir: tendentsii proizvoditel'nosti truda [Workforce Productivity in Siberian Regions]. *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]*, 4 (84), 103–117.
8. Lavrovskiy, B.L. & I.V. Pozdnyakova (2014). Samoe vazhnoe, samoe glavnoe dlya pobedy [The most important thing for victory (Productivity trends in the world and Russia)]. *EKO*, 4, 83–95.
9. Lavrovskiy, B.L. & Ye.A. Shiltsin (2009). Rossiyskie regiony: sblizhenie ili rassloenie? [Russian regions: leveling or stratification?]. *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, vol. 45, no. 2, 31–36.
10. Melnikov, R.M. (2008). Mezhdunarodnoye ekonomicheskoe neravenstvo v rossiyskoy ekonomike: tendentsii i perspektivy [Inter-regional economic inequality in the Russian economy: trends and prospects]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*, 3, 7–14.
11. Gluschenko, K. (2011). Price convergence and market integration in Russia. *Regional Science and Urban Economics*, vol. 41, no. 2, 160–172.
12. Ledyeva, S. & M. Linden (2008). Determinants of economic growth: empirical evidence from Russian regions. *European Journal of Comparative Economics*, vol. 5, no. 1, 87–105.

Information about the author

Mikheyeva, Nadezhda Nikolaevna (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Deputy Chairperson at the Council for the Study of Productive Forces under the Ministry of Economic Development of the Russian Federation and Russian Academy of Sciences (7, Vavilov st., Official municipal post no.7, Moscow, 117997, Russia, e-mail: mikheeva@sops.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 09.02.2015 г.

© Михеева Н.Н., 2015

УДК 316.344.23

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 113–132

О.Э. Бессонова

КРИЗИС КВАЗИРЫНКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫХОДА РОССИИ НА МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

Экономика России вступила в состояние системного кризиса в связи с исчерпанием потенциала модели квазирынка. Исторически преодоление такого кризиса осуществлялось революционным переходом к экономике раздатка. Однако закономерности глобального рыночно-раздаточного развития открывают возможность эволюционного перехода к порядку открытого доступа через интеграцию рыночных и раздаточных институтов. В статье на основе теории раздатка построена периодическая таблица институциональных форм развития России. Проведен сравнительный институциональный анализ двух трансформационных периодов, основанных на квазирынке. Делается прогноз о формировании в России «контрактного раздатка», который является основой институциональной матрицы открытого доступа, и с этих позиций оценивается перспективность вводимых институциональных норм и правил.

Ключевые слова: институциональная матрица, квазирынок, раздаток, рыночно-раздаточная эволюция, магистральный путь институционального развития, порядок открытого доступа

Начавшаяся в России стагнация является следствием исчерпания потенциала квазирынка, который всегда составлял основу трансформационных фаз институциональных циклов. Исторически такие системные кризисы преодолевались через революционный переход к экономике раздатка. Однако в связи с наступлением новой институциональной

эпохи открывается возможность эволюционного преодоления кризиса путем перехода к порядку открытого доступа [7]. В рамках этого порядка осуществляется синтез рыночных и раздаточных механизмов для оптимизации экономического развития по векторам индивидуальной свободы и общественной справедливости.

КВАЗИРЫНОЧНАЯ ПРИРОДА КАПИТАЛИЗМОВ В РОССИИ

Квазирынок – это такая экономика, в которой формальные рыночные отношения являются только внешней правовой оболочкой неформальных раздаточных связей. Квазирыночная среда представляет собой типичную основу трансформационных фаз раздаточных экономик и возникает в результате институциональной аномии, когда перестают работать правила старого раздатка на фоне еще не сложившихся рыночных механизмов. В России такая институциональная среда всегда возникала в периоды построения капитализма, один из которых проходит сейчас. Сравнение первого и второго российского капитализмов¹ позволило сделать вывод об институциональной идентичности двух периодов, отстоящих друг от друга на столетие.

Новые экономико-исторические исследования [6; 10] показывают, что в период первого капитализма, как и в настоящее время, в России сохранялся большой государственный сектор. Все банки были подчинены Госбанку не только в финансовом, но и в административном отношении. Элементами финансовой системы были также акционерные банки, тесно связанные с иностранными банками. Кризис 1900–1903 гг. ускорил слияние банков с промышленностью. Связь осуществлялась через личные унии: банковские деятели становились во главе промышленных компаний. Каждая российская акционерная фирма находилась в зависимости от одного или нескольких банков.

Позиции государства в тот исторический период не ограничивались присутствием государственного сектора. Инструментом государственного регулирования были и госзаказы, которые давали почти все

---

¹ В теории раздатка период первого капитализма – с 1861 по 1917 г., период второго капитализма – с 1991 по настоящее время.

ведомства. Еще одним направлением государственного воздействия были казенные монополии: сохранялась казенная питейная монополия, действовали акцизы на сахар и табак. Другими словами, одна часть промышленности находилась в собственности государства, а другая ее часть в той или иной степени подлежала государственному регулированию.

Как и сейчас, российская «буржуазия» в период первого капитализма привыкла надеяться на помощь государства. Казенные заказы были надежным источником доходов, высокие пошлины защищали от конкуренции. Если предприятие оказывалось на грани банкротства, его хозяева обращались за помощью прежде всего к государству. Однако отношение буржуазии к государственному вмешательству было двойственным: с одной стороны, буржуазия была недовольна ограничением сферы своей деятельности, а с другой стороны, устанавливались тесные связи между частными предпринимателями и чиновниками, что порождало коррупцию.

Особенно тесные связи между государством и промышленной буржуазией имели место при производстве вооружения. Например, весь руководящий состав Морского министерства одновременно занимал высокооплачиваемые должности в кораблестроительных компаниях. Директора Государственного банка, Департамента торговли и мануфактур, Горного департамента и других высших государственных учреждений состояли в правлениях крупнейших компаний и коммерческих банков. Другими словами, уже первый российский капитализм базировался на слиянии буржуазии и чиновников в единый слой предпринимателей. Только третью часть предпринимательской элиты составляли не дворяне и не чиновники, а купцы.

После мирового экономического кризиса 1900–1903 гг. стали образовываться монополии, сначала в форме синдикатов, чему способствовали и казенные заказы. Правительство устраивало конкурс и давало заказ той фирме, которая назначала самую низкую цену на свои изделия. Чтобы не сбивать цены, промышленники договаривались между собой и конкурс становился фикцией. В 1902–1904 гг. были созданы наиболее известные синдикаты: «Продамет», «Продуголь», «Продвагон», «Кровля». А к 1909 г. синдикаты объединяли основную

часть предприятий в ведущих отраслях промышленности. Помимо синдикатов среди российских монополий были распространены тресты и концерны. В нефтяной отрасли монополии рождались сразу в форме международных трестов.

Аграрная реформа 1905–1907 гг., как и реформа 1991 гг., имела цель направить развитие сельского хозяйства по фермерскому рыночному пути. Для этого крестьянину было разрешено выходить из общины вместе с землей. Однако к 1916 г. вышли из общины и получили землю в собственность менее четверти всех крестьян. Большинство не только отказались выходить из общины, но и защищали общину с оружием в руках: когда чиновники и землемеры являлись в деревню выделять желающих, крестьяне нередко встречали их кольями и вилами. Из общины выходили крайние полюса – «кулаки» и беднота. Но не вся беднота, а только те, кто уже стали наемными рабочими. Кулаки скупали участки выделявшихся бедняков, объединяли их и на этой основе создавали крупные фермерские хозяйства.

Как и в период постсоветских рыночных реформ, в период первого капитализма жилье было приватизировано. Жилье при фабриках было передано на праве частной собственности их владельцам, которые стали сдавать его своим рабочим. Дома, в которых жили крестьяне в общинах, также стали их индивидуальными владениями. С 1870 г. началось строительство доходных домов частными лицами, и строительный бум продолжался до 1911 г. В это время власти осознали проблему ограниченности рынка жилья из-за низкой платежеспособности рабочих и служащих. Когда перед властями впервые встал вопрос о доступном жилье, был задуман механизм финансирования типового жилищного проекта для рабочих на льготных условиях кредитования. Квартиры стандарта «экономкласса» должны были предоставляться низкооплачиваемым жителям города за невысокую квартирную плату.

По итогам развития первого капитализма в прошлом столетии сформировалось крайне негативное отношение к частнику – как у правительства, так и у населения. «К началу мировой войны власти были готовы перейти к политике достаточно жесткого регулирования в аграрном (и не только в аграрном) секторе, а общественное мнение было готово отнестись с пониманием к мерам подобного рода» [6, с.123].

В записке Министерства финансов 1916 г. отмечалось, что российская экономика вступила в новый этап, когда для ее эффективного развития необходимо государственное регулирование. Подчеркивалось, что будущее России настоятельно требует обеспечения должной планомерности правительственных экономических преобразований. Ведомственную политику необходимо заменить правительственной политикой, опирающейся на единый план, обязательный для всех ведомств. Этот план должен был охватить единой системой все движение продукта от производителя к потребителю, опосредовать связи между ними, регулируя, по возможности, их взаимоотношения [6]. Но эти задачи, поставленные царским правительством еще до революционных событий, были реализованы только в советское время при плановом хозяйственном механизме.

Почему рыночная трансформация раздаточной экономики в России регулярно приводила к построению квазирынка? Квазирынок отличается от классического рынка тем, что использует механизмы купли-продажи для присвоения уже созданных производственных систем и инфраструктуры. Если рынок движим интересами предпринимателей и потребителей, то квазирынок обслуживает прежде всего интересы властных структур через механизмы предпринимательства. Свойство квазирыночности состоит в том, что за внешними рыночными механизмами (конкурсы, тендеры, аукционы) скрываются искаженные по отношению к нормативному порядку раздачи «своим». Нормативно-функциональные отношения сдачи-раздачи, которые в структурированных фазах подчинены реализации государственных задач, в трансформационных фазах переводятся в плоскость неформальных связей, нацеленных на получение личной прибыли от использования государственных ресурсов. Внешне присутствуют все атрибуты рыночного хозяйства: частная собственность, отношения купли-продажи, свободное ценообразование. Однако сохраняется латентное раздаточное содержание: частные компании в массе своей не вырабатывают рыночно ориентированные стратегии, а ведут борьбу за государственный ресурс в разных его формах и стремятся использовать связи во властных структурах для контроля над конкуренцией.

Основой квазирыночных институтов является государственно-коммерческая форма, в которой сейчас существуют крупные государственные корпорации и федеральные фонды. Эта форма коренным образом отличается как от государственных предприятий в экономике раздатка, так и от частных фирм в рыночной экономике. В ней проявляются противоречия между долгосрочным характером государственных инвестиций в виде направляемых бюджетных ресурсов и частными, во многом корыстными, интересами при их освоении. Промежуточные институциональные формы периодов квазирынка носят оппортунистический характер и нацелены на институционализацию практик, в которых латентные раздаточные механизмы продолжают играть главную роль, и позволяют под прикрытием рыночной экономики получать государственный ресурс для личной выгоды. Такие организационные формы являются неэффективными в связи с конфликтом государственных и личных интересов, и одновременно они создают институциональные ловушки в экономике, из которых общество зачастую выбирается уже революционным, а не эволюционным путем. В этом одна из причин того, почему квазирыночные фазы имеют внутренние причины для внезапного торможения и порождают длительную стагнацию на фоне революционного обострения глубинного народного архетипа «борьбы с иностранными захватчиками», к которым в этот период относят именно собственный правящий класс, вывозящий ресурсы и обслуживающий заграничные интересы.

Результаты рыночной трансформации постсоветского периода, как и периода первого капитализма, также привели к построению не эффективного рынка, а квазирынка. Рыночная институциональная матрица, внедряемая в эти периоды, выступает только оболочкой реального хозяйственного механизма, сформированного в недрах предыдущего этапа раздаточной экономики. В фазе исчерпания возникает так называемый «административный рынок» – механизм сращивания интересов чиновников и руководителей хозяйственных объектов в нелегальных формах, близких к частнособственническому совладению. Этот механизм государственно-чиновнического предпринимательства и составляет основу российской экономики в трансформационных фазах. Масштабы оппортунизма в бизнесе существенно превышают

«норму» рыночной среды, а хищническое использование всех видов ресурсов свидетельствует об отсутствии долгосрочной мотивации. Оппортунизм в бизнесе многогранен и проявляется в таких формах, как теневые схемы ухода от налогов, офшоры, «конвертные» зарплаты, невыплаты за сделанную работу, рейдерство, нарушение договоров с контрагентами, «проедание» основных фондов [1].

При квазирынке широко распространяется и «бюджетный» оппортунизм: манипулирование ставками штатного расписания, превращение экономии фонда заработной платы в источник регулярных «премий» для управленцев, статистическая маскировка избыточной дифференциации в оплате труда между управляющими и трудовым коллективом, регулярная практика одновременной занятости бюджетников в нескольких организациях.

Такая экономика в итоге ставит нацию на грань исчезновения, а масштабный уровень оппортунизма приводит к запретительным транзакционным издержкам, из-за которых эффективный бизнес не может развиваться. Потенциал квазирыночной модели быстро исчерпывается, в том числе по причине низкой платежеспособности населения. Квазирыночные периоды заканчиваются, оставляя нерешенными важнейшие вопросы: как обеспечить жильем рабочий класс, сельских жителей – колхозников и служащих-бюджетников, если их доходы с трудом покрывают необходимые затраты на простое воспроизводство семьи, как проводить технологическое обновление, если некуда размещать рабочую силу, и т.д. В итоге для решения задач модернизации единственным выходом становится обращение к раздаточной модели в новых формах. К концу трансформационных фаз ценности и условия жизни подавляющего большинства граждан входят в противоречие с квазирыночной средой, в которой не действует канал обратной связи через административные жалобы и потеряна мотивация к труду из-за массовой ориентации на «быстрые» деньги. Это выливается в поддержку служебно-социальными группами действий государства по восстановлению раздаточной матрицы.

Тем не менее квазирынок в России – объективная фаза институционального цикла, в которой происходит экспериментирование посредством механизма институциональных инноваций. Такая среда дает

временный экономический эффект благодаря ее внешней открытости и переориентации внутренних задач на ресурсное обслуживание мировой экономики, а также за счет рыночного использования уже имеющейся инфраструктуры и индустриальных объектов, созданных в предыдущем цикле. С помощью этого механизма осуществляется подбор новых форм базовых институтов раздатка, которые и составляют основу институциональной матрицы в следующем цикле.

МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Анализ институционального развития России, включая советский период, показал, что свойства базового механизма раздаточной экономики проявлялись в трех институциональных циклах в разных исторических формах. Каждый цикл и его форма раздатка – это адаптация к новой трудовой модели, новым технологиям и новым пространствам (см. таблицу).

На протяжении всего исторического развития экономики раздатка производственные ресурсы находились в общественно-служебной собственности, права на владение ею были распределены между всеми хозяйствующими субъектами, а доступ к ней осуществлялся в форме службы. Отсутствовала частная собственность, ограничивались купля-продажа, залог и наследование по завещанию. Разрешались только мена и наследование по установленному порядку, в особых случаях – продажа недвижимости с разрешения государственных органов.

Работающее население во все исторические периоды развития экономики раздатка «по горизонтали» было организовано в коллективные хозяйства, а «по вертикали» упорядочено по разрядам и чинам и через обязательную систему регистрации прикреплено к месту жительства. Наряду с военной и государственной службой существовала хозяйственная служба с оплатой по общегосударственному штатному расписанию; для ее прохождения работники по нормам и необходимости получали через иерархическую систему условия существования в виде бесплатных жилья, образования и медицинского обслуживания. Хозяйственные объекты (мануфактуры, фабрики,

Периодическая таблица институционального развития России

Структурный блок хозяйственного механизма	Урочный механизм общинного раздатка IX–XII вв.	Тягловый механизм поместного раздатка XVI–XIX вв.	Плановый механизм административного раздатка 1917–1991 гг.
Система управления	Бояре введенные, наказы, пути, чети	Приказы, коллегии, министерства	Министерства, ведомства, комитеты
Формы организаций	Община, посад, слобода	Поместье, служебная вотчина, община, фабрики казенные, посессионные, вотчинные	Государственные предприятия и организации, колхозы, совхозы
Директивные производственные задания	Урок, дань на основе грамоты князя	Тягло, подушная подать, наряды, повинности – государственная роспись доходов и расходов	План для предприятий, организаций – Госплан
Единая система нормативов	Црен, чан, кузница, погородье, почестье, от дыма, от орала, от сохи	Подушная, подворная, посошная подати, обжа, оброк	Территориально-отраслевая нормативная база
Централизованные цены	По закону «Русской Правды» в гривнах, кунах, ногах	Указные цены	Тарифы и цены – Госкомцен
Безналичная система обеспечения	Розданы, данье, милость, дары, пиры	Наделение фабрик деньгами и ресурсами из государственной казны	Фондирование предприятий – Госснаб, финансирование – Госбанк
Оплата служебного труда	По родословцу – для бояр и князей, оуроци – для работающих	Табель о рангах – для дворян, указные ставки казенного плаката – для крестьян и рабочих	Номенклатурный перечень для руководства, единая тарифная система и штатное расписание должностей – Госкомтруд
Обеспечение жильем и социальными благами состоящих на службе	Коллективное строительство жилья из выданных материалов – для общинников, раздача земли – для бояр	Наделение поместьями и служебными вотчинами, домами в городах, расселение в фабричном жилье	Раздача жилья по очереди и по нормативам, бесплатное образование, медицина
Система обязательной регистрации	Общинник не мог покинуть общину без разрешения, только для подачи жалобы князю	Крепость – полное прикрепление к земле, нельзя покинуть место жительства без разрешения вышестоящего начальства	Прописка по месту жительства – без прописки и жилья не брали на работу, без работы не прописывали
Сигнальная система	Жалобы князю	Жалобы, челобитные в ведомства	Иерархические жалобы, обращения в партийные органы, газеты

колхозы, заводы и т.д.) в основном создавались государством и находились под контролем ведомственной системы управления по территориальному или отраслевому контуру.

Организации и предприятия всех исторических этапов раздаточной экономики для выполнения производственных заданий получали через раздачу (или безналичное фондирование по советскому образцу) все необходимые ресурсы: средства производства, сырье, материалы и комплектующие, зарплату и другие оборотные средства, а также средства на строительство и содержание жилья. Исходя из народно-хозяйственных потребностей, определяемых госорганами с учетом имеющихся мощностей, устанавливались директивные задания по сдаче продукции, которые разрабатывались в количественных показателях и фиксировались в нормативах. Единая система нормативов обеспечивала все экономические пропорции: на продукцию сдаваемую и раздаваемую назначались централизованные цены на государственном уровне; для обеспечения потребительскими продуктами функционировали государственные магазины с фиксированными ценами; жалобы и обращения от всех служебно-социальных групп обрабатывались в органах управления, где для этого были предусмотрены специальные регламенты. В этой ситуации личные подсобные хозяйства, дачные и садовые участки, индивидуальное и кооперативное жилье, рыночная торговля на базарах выполняли функцию «подстраховки» раздаточных отношений и также находились под контролем государства.

Таким образом, историческая логика институционального развития России привела к экономике раздатка советского периода. Советский Союз не просто повторил российскую историю, взяв на вооружение раздаточные механизмы, а развил их и довел до совершенства с точки зрения возможностей конкретной исторической эпохи. Методология оптимального планирования, логика дотационных схем, методика общественных секторов и фондов потребления позже были заимствованы западной рыночной экономикой в кризисные периоды ее развития. Внутренняя динамика всего цикла советской экономики также была воспроизведена по однотипным историческим лекалам, хотя и в более сжатые сроки, практически с тем же уровнем насилия,

который наблюдался в предыдущих циклах. Тем не менее насилие нельзя рассматривать как неотъемлемую часть исключительно экономики раздатка – рыночная экономика на аналогичных стадиях своего развития также проходила через насильственные формы [7]. Сегодня важно отделить устаревшие методы реализации модернизационных программ от самой раздаточной матрицы. Использование модели экономики раздатка в определенные исторические периоды поднимало российское общество на новую ступень развития. На ее основе преодолевалось технологическое отставание от Запада, а по некоторым позициям обеспечивалось мировое лидерство.

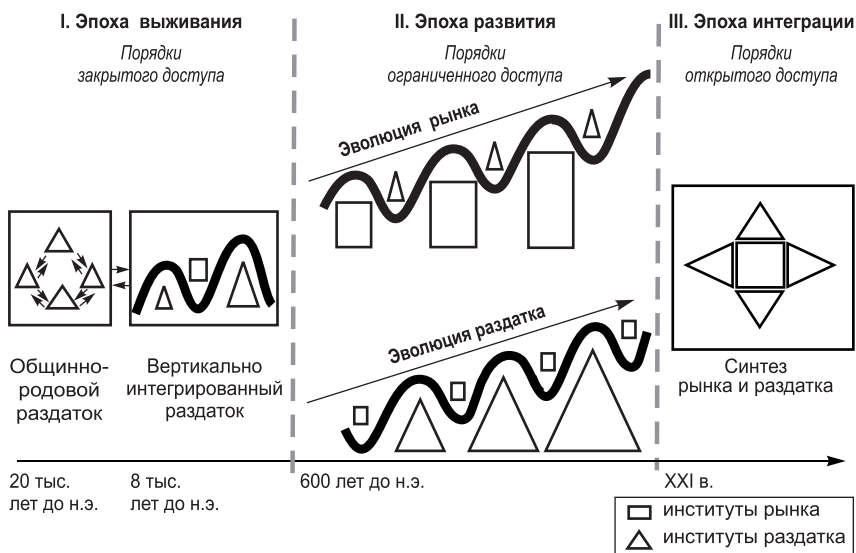
Марксистская платформа социалистической идеологии, на которой был построен Советский Союз, отрицала частную собственность и рыночную экономику. Современный мейнстрим базируется на абсолютизации рынка и частной собственности. Более того, утверждается, что все нерыночные институты по своей сути архаично-традиционные и должны быть преобразованы в рыночные.

Однако и рынок, и раздаток зародились в глубокой древности как два объективно необходимых институциональных механизма выживания человечества. Раздаток организовывал хозяйственную жизнь общин, обеспечивая приспособление к природной среде, а рынок формировал экономические связи между общинами. Раздаток возникал как реакция на неопределенность внешней среды, в рамках которой затраты и результаты экономической деятельности не находились в однозначном соответствии. Более того, такого соответствия в связи с непредсказуемостью природно-климатических условий часто просто не существовало. Поэтому любой полученный результат естественно считался интегральным, т.е. принадлежащим всему обществу, независимо от трудовых и временных затрат на его получение.

Нормы распределения ресурсов и согласование взаимодействий внутри общины отлаживались веками, пока не вызрели в устойчивые формы служебного раздатка. Затем обезличенные институты раздатка (впервые около 4 тыс. лет назад) были перенесены на высший, надобщинный уровень, из которого родились государственные образования (царства, княжества, империи), предоставляющие возможность эффективно координировать деятельность большого числа общин [4].

Рынок, напротив, помогал человечеству индивидуализировать затраты и результаты, что позволяло отбирать более эффективные формы развития, которые затем часто использовались и в раздаточной среде. Именно поэтому рынок и раздаток всегда дополняли друг друга и, несмотря на конфликтное взаимодействие, обеспечивали равновесие социально-экономических систем начиная с древнейших цивилизаций (см. рисунок).

В эпоху выживания экономика раздатка проявлялась в двух видах: на базе родовых общин, а затем в рамках империй, соединяющих общины для реализации масштабных работ под руководством централизованной власти. В кризисные периоды империи вводили частное

Закономерности рыночно-раздаточной эволюции²

² Категории «порядок ограниченного доступа» и «порядок открытого доступа» введены Д. Нормом, Д. Уоллисом и Б. Вайнгатом [7]. Здесь они используются для демонстрации соотношения между этапами рыночно-раздаточной эволюции и этими социальными порядками, которые в теории раздаточной экономики ранее я называла монасударством и демосударством.

владение, в результате чего развивались квазирыночные институты. Исторически рынок был рожден самим раздатком для решения внутренних проблем и существовал длительное время только в недрах вертикально интегрированного раздатка древних империй [8]. Частные формы владения ослабляли империи и приводили к их распаду или завоеванию другими империями, находящимися в тот момент в стабильной раздаточной фазе [2]. Именно поэтому длительное время частная собственность не могла стать самостоятельной основой экономической эволюции.

Во времена Древнего Рима, более 2,5 тыс. лет назад, началась эпоха институционального развития, когда выделились два типа экономических систем, в которых доминантой выступали либо частная собственность и отношения купли-продажи, либо общественно-служебная (государственная) собственность и отношения сдачи-раздачи. В эту эпоху развитие рыночных и раздаточных институтов происходило на идентичных трудовых моделях: рабстве, крепостном праве, наемном труде.

Разделение экономики на рыночную и раздаточную произошло в связи с различиями в устойчивости территориально-служебных империй Востока и колониальных империй Запада. Восточные государства раздавали завоеванные территории в служебную собственность и включали их в состав своего государства. Западные государства формировали колонии вдали от своих территорий и закрепляли захваченные земли в частную, т.е. полностью суверенную, собственность [9].

Служебный труд являлся интегрирующей основой, соответственно, служебных империй, поскольку связывал через свои механизмы разнокалиберные регионы и большое количество народностей. Но для своей реализации он требовал раздачи материальных условий труда и эквивалентности сдачи-раздачи. Многонациональное население России во всех трех институциональных циклах находилось на службе у государства, привнося в его развитие свой неповторимый опыт адаптации к определенной территории, ставшей частью российской и советской империй. Именно служебные механизмы раздаточной экономики снимали национальные противоречия, пока сам раздаток не попадал в кризис. Однако квазирынок, устраняя принцип служебного

труда, открывал простор межнациональным конфликтам по поводу ресурсов, располагающихся в мононациональных регионах. В периоды квазирынка Россия из служебной империи превращалась по своей внутренней организации в империю колониальную. Правящая элита возвращалась к политике «русов» [3], собирающих дань и вывозящих ее на Запад, а служебные производительные сословия оказывались «рентопотребителями», зависящими от связей с властными структурами [4].

Результатом квазирынка каждый раз становилась угроза территориального распада России или ее действительного завоевания, что и являлось причиной быстрого восстановления раздаточных механизмов под эгидой новой идеологии. Западные идеи – христианство и марксизм в России существенно трансформировались и приобретали особый смысл. Православие обосновывало путь к Творцу только через служение государству, в то время как протестантизм критерием соединения с Творцом считал достижение личного успеха.

Социализм в России стал служебно-государственной идеологией построения «светлого будущего». Внедрение идеологии служебного труда после периодов квазирынка меняло природу российского государства также и экономически, поскольку вновь его ресурсы направлялись на внутренние модернизационные цели и на осуществление службы всеми социальными группами. На основе идеологического проекта общественного единства и разворачивался каждый из трех институциональных циклов.

С тех пор как в начале эпохи институционального развития человечество разделилось на рыночный Запад и раздаточный Восток, оно находилось в состоянии конфликтного рыночно-раздаточного равновесия. К началу XX в. противостояние идеологий рынка и раздатка привело к разному толкованию свободы и справедливости в рамках учений либерализма и социализма. В целом результатом данной эпохи стали зрелые формы базовых институтов рынка и раздатка, проявившие как позитивные, так и негативные свойства.

В механизмах развития базовых институтов рынка и раздатка заложено использование противоположных архетипов по принципу «доминантности – компенсаторности» или даже полного замещения в кризисной фазе. Поэтому рыночные и раздаточные институты

развивались одновременно, помогая друг другу проходить трансформационные периоды. В эпохи кризисов и трансформаций обычно включались механизмы институционального заимствования из противоположной среды [5]. После Великой депрессии 1930-х годов рыночная экономика стала активно заимствовать из советской экономики институты раздатка. И уже к 1960-м годам на Западе многие государства стали социальными, т.е. была построена экономическая система, опирающаяся на интеграцию базовых рыночных институтов и компенсаторных раздаточных механизмов в форме широкомасштабных социальных программ, общественных секторов, бюджетной поддержки низкорентабельных отраслей, государственных инвестиций в инфраструктуру и инновационные технологии.

Этот период развития рыночной экономики Д. Норт и его коллеги называли порядком открытого доступа, когда «граждане разделяют системы убеждений, которые акцентируют равенство, совместный доступ и всеобщее включение. Чтобы поддержать эти убеждения, все порядки открытого доступа используют институты и проводят политику, позволяющие распределить выгоды и понизить индивидуальные риски участия в рыночной деятельности, которые включают всеобщее образование, набор программ социального страхования, а также обширную инфраструктуру и общественные блага. Более того, поскольку эти программы широко распределяют выгоды рыночной экономики дополняющим рынки способом, они способствуют снижению потребности граждан в таком перераспределении, которое способно нанести вред экономике» [7, с. 204–205]. Именно этот порядок и есть магистральный путь развития как для рыночных, так и для раздаточных экономик.

Раздаточные отношения в рыночной экономике представлены финансовыми гарантиями для пенсионной системы, пособиями по безработице, системой социальной защиты, государственной поддержкой малого и среднего бизнеса. Все это прямые раздачи в разных видах и формах, как пассивных – посредством пособий и соцзащиты, так и активных – через субсидии малому и среднему бизнесу. Но главное – это государственные жилищные программы, которые сделали собственниками большинство населения, изменив рыночную

жилищную стратегию: от частного найма к обладанию собственным жильем. Посредством раздаточных отношений значительная доля граждан получила от государства либо пособия на жилье, либо дешевую ипотеку, а значит, право собственности на недвижимость и на свой мелкий бизнес, в результате чего средний класс стал составлять необходимое для устойчивой демократии большинство.

Активное интегрирование институтов раздатка, во многом заимствованных из советской практики, происходило с целью минимизации провалов рынка и создания социальных государств за счет системы общественных благ, перераспределяющей выгоды от рыночной экономики между разными социальными слоями. Институты и механизмы раздатка, имплантированные в рыночную среду, снижали возможный уровень агрессии и насилия со стороны малоимущих групп. Это привело к формированию порядка открытого доступа и качественному видоизменению идеологии рыночной экономики, которая ориентируется уже не только на личный успех, но и на обеспечение равных шансов для развития всем социальным группам.

Российская экономика в периоды квазирынка, в свою очередь, активно заимствовала западные институты, которые приживались на местной почве только после существенного видоизменения, многие же просто отторгались. Сегодня заимствование идет без учета ограниченного и открытого порядков, в рамках которых развивалась рыночная экономика. Рыночные институты порядка ограниченного доступа, поляризующие население по уровню жизни, в развитых странах давно изжиты, в то время как Россия пытается осуществить очередную модернизацию на основе именно этих неэффективных институтов.

Возьмем пример с жилищной ипотекой. Сравнение российской и американской ипотечной системы показывает, что американцы к ней относятся достаточно позитивно, в России же ипотека воспринимается как долговая кабала, она ориентирована на потребности только узкого сегмента среднего класса. Это происходит потому, что американская модель в начале XX в. была трансформирована с учреждением ипотечных государственных корпораций. Федеральный бюджет США взял все страховые риски на себя, в результате чего были сформированы доступные ипотечные продукты для разных социальных

групп. В России же применяется чисто коммерческая схема ипотеки, когда все риски перекладываются на заемщика. Именно такая модель ипотеки привела к тому, что жилищный рынок в России работает неэффективно и разрыв между массовым спросом на доступное жилье «экономкласса» и элитным предложением дорогостоящих квартир, большинство из которых используются только как инвестиционный ресурс, все увеличивается.

Процесс перехода от порядка ограниченного доступа к порядку открытого доступа означает новую эпоху в развитии человечества – эпоху интеграции на базе разнообразных сочетаний рыночных и раздаточных форм, способных создать условия для одновременной реализации принципов свободы и справедливости. В институциональной матрице России в эпоху интеграции рыночных и раздаточных институтов в сравнении с советским периодом произойдет развитие по следующим направлениям:

- стратегическое и программно-целевое планирование заменит пятилетнее директивное планирование;
- вертикально интегрированные корпорации и холдинги разных форм собственности придут на смену отраслевым комплексам с иерархическим подчинением;
- государственные долгосрочные контракты с разными по форме собственности хозяйственными субъектами заменят директивные распоряжения;
- госзаказ и конкурсное распределение бюджетных ресурсов между организациями разных форм собственности придут на смену отраслевому натуральному «фондированию»;
- бюджетный хозрасчет в государственном секторе отменит жесткую регламентацию статей затрат;
- оплата с учетом результативности труда в отраслевом разрезе заменит выплаты на основе общероссийского штатного расписания;
- жилищная модель будет сочетать механизмы частной и государственной (социальной) ипотеки, вновь разовьются сектора служебного и социального жилья, но уже с новыми правилами предоставления.

Эффективной моделью развития России может стать только контрактный раздаток, поскольку в нем рыночные инструменты смогут органично дополнять раздаточные институты, а порядок ограниченного доступа на квазирынке преобразуется в порядок открытого доступа и общественного служения. Такая модель предполагает раздачу общегосударственных ресурсов предпринимателям и бюджетникам всех уровней на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий. Для России это перспективная модель социального государства, из которой Советский Союз сумел осуществить лишь малую часть необходимого, однако при этом стал катализатором социального порядка открытого доступа для всего мира.

Список источников

1. Барсукова С.Ю. Теневая экономика: специфика фаз в условиях раздатка // Вопросы экономики. – 2012. – № 12. – С. 133–145.
2. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. – М.: Евразия, 1995. – 205 с.
3. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.), 2001. – URL: <http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/> (дата обращения 08.10.2014).
4. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Фонд «Общественное мнение», 2008. – 216 с.
5. Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г. Институты: от заимствования к выращиванию (опыт российских реформ и возможность культивирования институциональных изменений) // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27.
6. Мау В.А. Государство и экономика: опыт экономической политики. – М.: Дело, 2010. – Т. 1. – 710 с.
7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. – М.: Ин-т Гайдара, 2011. – 480 с.
8. Полањи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. – М.: Алетейя, 2002. – 320 с.
9. Хикс Дж. Теория экономической истории. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2003. – 224 с.
10. Экономическая история мира. Европа / Под ред. М. Конотопова. – М.: Дашков и К°, 2005. – Т. 3. – 350 с.

Информация об авторе

Бессонова Ольга Эрнестовна (Россия, Новосибирск) – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: beol@ngs.ru).

DOI: 10.15372/REG20150606

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 113–132

O.E. Bessonova

THE QUASI-MARKET CRISIS AS AN OPPORTUNITY FOR RUSSIA TO JOIN THE MAINSTREAM OF DEVELOPMENT

The Russian economy has entered a systemic crisis due to the exhaustion of quasi-market model. In the course of history, countries overcame it through a revolutionary transition to the «razdatok» economy. However, regularities of market-razdatok global development give the possibility of an evolutionary transition to an open access regime by integrating market and razdatok institutions. We use the Razdatok theory and build a periodic table of the institutional development of Russia. The article contains a comparative institutional analysis of the two transition periods based on quasi-market. We give a forecast of how a «contract razdatok», which is the basis of the institutional matrix of an open access regime, can appear in Russia and assess the prospects for introduced institutional norms and rules.

Keywords: institutional matrix, quasi-market, razdatok, market-razdatok evolution, mainstream institutional development, open access regime

References

1. Barsukova, S.Yu. (2012). Tenevaya ekonomika: spetsifika faz v usloviyakh razdatka [The shadow economy in the framework of «razdatok»]. Voprosy ekonomiki [Problems of Economics], 12, 133–145.

2. *Gaidar, Ye.T.* (1995). *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and evolution]. Moscow, Evraziya Publ., 205.
3. *Danilevskiy, I.N.* (2001). *Drevnyaya Rus glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.)* [Ancient Rus as Seen by Contemporaries and Descendants (IX–XII cc.)]. Available at: <http://www.lants.tellur.ru/history/danilevsky/> (date of access: 08.10.2014).
4. *Kordonskiy, S.G.* (2008). *Soslovnaya struktura postsovetsoi Rossii* [Social Class Structure of Post-Soviet Russia]. Moscow, Fond «Obshchestvennoe mnenie» [Public Opinion Foundation], 216.
5. *Kuzminov, Ya.I., V.V. Radaev, A.A. Yakovlev & Ye.G. Yasin* (2005). *Instituty: ot zaïmstvovaniya k vyrashchivaniyu (opyt rossiiskikh reform i vozmozhnost kultivirovaniya institutsionalnykh izmenenii)* [Institutions: from borrowing to growing (Russian reforms and a chance to cultivate institutional changes)]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 5, 5–27.
6. *Mau, V.A.* (2010). *Gosudarstvo i ekonomika: opyt ekonomicheskoy politiki. Tom 1* [State and Economy: Economic Policy Practices. Volume 1]. Moscow, Delo Publ., 710.
7. *North, D., J. Wallis & B. Weingast* (2011). *Nasilie i sotsialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow, Gaidar Institute, 480.
8. *Polanyi, K.* (2002). *Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashogo vremeni* [The Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time]. Moscow: Aleteiya Publ., 320.
9. *Hicks, J.* (2003). *Teoriya ekonomicheskoy istorii* [A Theory of Economic History]. Moscow, *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 224.
10. *Konotopov, M.* (Ed.). (2005). *Ekonomicheskaya istoriya mira. Evropa. T. 3* [Economic History of the World. Europe. Vol. 3]. Moscow, Dashkov & Co. Publ., 350.

Information about the author

Bessonova, Olga Ernestovna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Sociology), Leading Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: beol@ngs.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 18.11.2014 г.

© Бессонова О.Э., 2015

Л.Н. Гарусова, Н.В. Петрова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В КАМЧАТСКОМ КРАЕ

Выявлены динамика и основные тенденции социально-этнических и демографических процессов в Камчатском крае. Показано, что ключевые социально-демографические и социально-этнические проблемы региона (убыль населения, этнопсихологические переживания коренных малочисленных народов, их слабая адаптация к рыночной экономике) типичны для арктических районов Дальнего Востока. Уточнены задачи в области превентивной миграционной политики в регионе. Предложены рекомендации по регулированию занятости коренного населения Камчатского края и сохранению его этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: Камчатский край, социально-этнические процессы, государственная социально-экономическая политика

В Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» отмечается, что этот макрорегион вследствие своего экономико-географического положения имеет важное геостратегическое значение для страны. Программа предусматривает использование природных, финансовых, производственных и социально-демографических ресурсов входящих в его состав краев и областей. В свою очередь, региональные органы власти конкретизируют обозначенные в этой программе задачи посредством разработки стратегий развития своих территорий. Так, например, была разработана Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2025 г. Очевидно, что залогом успешной реализации стратегии развития региона

является учет специфики происходящих в нем социально-этнических процессов.

Камчатский полуостров был одной из первых дальневосточных территорий, присоединенных к Российской империи в конце XVII в. Тогда Камчатке отводилась роль важного опорного пункта на пути дальнейшего продвижения русских к Северной Америке и на юг Дальнего Востока. Первые русские поселения возникали либо в удобных бухтах как порты (Петропавловск-Камчатский, Усть-Камчатск), либо в центральной части полуострова по р. Камчатке (Ключи, Мильково). После того как во второй половине XIX в. дальневосточная столица переместилась во Владивосток, оторванность Камчатки от остальной территории страны усугубилась. Периферийное положение региона в пределах Дальнего Востока сохранилось в советское и постсоветское время.

Развитие Камчатки в советский период только отчасти типично для ресурсных регионов Севера: помимо мигрантов эта окраинная территория пополнялась военными и их семьями. Численность населения Камчатской области с Корякским автономным округом за 1950–1989 гг. возросла более чем в 4 раза – до 472 тыс. чел. За счет притока мигрантов на Камчатке сформировалась полиэтническая структура населения, сохранившаяся до настоящего времени.

В постсоветский период изменилась направленность миграционных потоков. Это оказало влияние и на этнический состав населения Камчатского края. Темпы и суммарные коэффициенты миграционной убыли в Камчатской области и Корякском АО за 1993–2006 гг. были максимальными в России.

Переписи населения Российской Федерации дают представление о динамике численности проживающих в Камчатском крае, включая этнические трансформации. Прежде всего, данные переписей свидетельствуют о перманентном сокращении населения региона. Если в 1989 г., согласно переписи, здесь проживало 471932 чел., то в 2010 г. – 322079 чел., т.е. население Камчатки сократилось почти на треть (на 32,1%).

На настоящий момент численность жителей Камчатского края точно не определена. Так, по данным Росстата по состоянию на

начало 2014 г., в регионе проживает 320549 чел., а по другим данным – 333644 чел. Средняя плотность населения на Камчатке составляет 0,69 чел./кв. км (по РФ – 8,5 чел./кв. м). Основная часть жителей сконцентрирована в южной части полуострова. В Петропавловске-Камчатском – региональной столице проживает 60% населения. Плотность населения в северных районах – около 0,1 чел./кв. км. Доля городских жителей в крае составляет почти 80%. Система расселения пока не сформирована, есть только несколько оторванных друг от друга очагов освоения.

Сегодня на территории Камчатского края проживают представители более 140 национальностей. Преобладающей в количественном отношении нацией на протяжении многих десятилетий остаются русские: согласно данным переписи населения 2010 г., их доля в общей численности населения региона составила 78,4%. Однако она сократилась по сравнению с 2002 г. на 2,4%, что является наибольшей демографической потерей по сравнению с долями в населении региона других этнических групп (табл. 1). Отток русского населения с преобладанием в нем образованной и мобильной молодежи – явление весьма распространенное в Дальневосточном федеральном округе. Эта же тенденция характерна для северных регионов Дальнего Востока (см., например, работу [5]).

В Корякском автономном округе, Алеутском и Быстринском районах проживают коренные малочисленные народы Севера (КМНС): коряки, эвены, алеуты, ительмены, чукчи и др. В настоящее время их численность составляет менее 5% от населения края (табл. 2).

Для коряков, чукчей, ительменов, эвенов, алеутов, относящихся к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков, Камчатка является исторической родиной. Территория их компактного проживания – Корякский АО.

Анализ данных двух последних переписей населения указывает на следующие этнодемографические тенденции, имеющие место на Камчатке:

- русские остаются доминирующей в количественном отношении нацией;

Таблица 1

Национальный состав населения Камчатского края

Националь- ность	2002		2010	
	Численность, чел.	% от общего населения	Численность, чел.	% от общего населения
Русские	290108	80,85	252609	78,43
Украинцы	20870	5,82	11488	3,57
Коряки	7328	2,04	6640	2,06
Ительмены	2296	0,64	2394	0,74
Татары	3617	1,01	2374	0,74
Белорусы	3489	0,97	1883	0,58
Эвены (ламуты)	1779	0,50	1872	0,58
Камчадалы	1881	0,52	1551	0,48
Чукчи	1487	0,41	1496	0,46
Корейцы	1749	0,49	1401	0,43
Азербайджанцы	1311	0,37	1270	0,39
Чуваши	1292	0,36	807	0,25
Армяне	948	0,26	748	0,23
Узбеки	267	0,07	646	0,20
Алеуты	446	0,12	401	0,12
Башкиры	575	0,16	363	0,11
Буряты	223	0,06	335	0,10
Киргизы	63	0,02	264	0,08
Казахи	343	0,10	235	0,07
Таджики	141	0,04	194	0,06
Айны	—	—	94	0,03

Рассчитано по: *Всероссийская перепись населения 2002 года: Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ.* – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; *Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010 года. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года.* – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm; *Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам.* – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html.

Таблица 2

Численность коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае

Националь- ность	2002		2010	
	Численность, чел.	% от общего населения	Численность, чел.	% от общего населения
Коряки	7328	2,04	6640	2,06
Ительмены	2296	0,64	2394	0,74
Эвены (ламуты)	1779	0,50	1872	0,58
Камчадалы	1881	0,52	1551	0,48
Чукчи	1487	0,41	1496	0,46
Алеуты	446	0,12	401	0,12
Айны	—	—	94	0,03
И т о г о	15217	4,23	14448	4,47

- имеет место отток представителей этнических групп – украинцев, белорусов, татар, башкир и др., которые активно участвовали в заселении и освоении региона еще в советское время (их численность сократилась на 3–4%);
- заметен рост численности этнических групп из Центральной Азии (узбеков, киргизов, казахов, таджиков), что связано с современными миграционными процессами на Дальнем Востоке. В абсолютном и относительном выражении присутствие в крае среднеазиатских мигрантов незначительно (около 1400 чел., а вместе с представителями кавказских этносов – азербайджанцами и армянами примерно 1%);
- растет доля коренного населения. Это объясняется тем, что на фоне сокращения общей численности населения края присутствие коренного населения остается относительно стабильным. Однако не стоит воспринимать данную тенденцию излишне оптимистично. Например, численность чукчей увеличилась очень незначительно – всего в пределах 10 чел.

Одновременно с некоторым ростом доли коренных малочисленных народов Севера в общем этническом составе населения региона их абсолютная численность снижается (коряки, камчадалы, алеуты) или растет весьма незначительно. В целом, тенденция к снижению численности КМНС, проживающих в арктических районах Дальнего Востока, представляется весьма типичной. Так, по итогам последней переписи населения, людность в арктических районах Якутии (схожих по природно-климатическим характеристикам с северными территориями Камчатки) устойчиво снижается. За последние 34 года она уменьшилась на 42% [1].

По данным администрации Камчатского края, использованным при разработке концепции устойчивого развития северных территорий региона (2012 г.), численность КМНС сегодня составляет 15381 чел., или 4,3% населения (что несколько не совпадает с приведенными выше данными Росстата и переписей населения, а по смыслу противоречит некоторым выявленным ранее тенденциям). Представители наиболее многочисленной коренной народности Камчатского края – коряки проживают в Корякском АО (96,9%), большая часть чукчей – в Пенжинском и Олюторском районах (98,1%), ительменов – в Тигильском районе (92,7%).

Сокращение коренного населения Камчатки остается актуальной проблемой, решать которую должны федеральные, региональные и местные органы власти. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. подчеркивается, что основным направлением государственной национальной политики, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов, является обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств. На Камчатке реализация государственной национальной политики входит в компетенцию Агентства по внутренней политике Камчатского края, Министерства территориального развития Камчатского края во взаимодействии с Комитетом по вопросам государственного строительства, местного самоуправления и гармонизации межнациональных отношений Законодательного собрания Камчатского края, Советом по вопросам

коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Камчатском крае.

На территории Камчатского края сегодня действует 296 родовых общин коренных малочисленных народов Севера и 35 национальных общественных объединений. Среди последних Камчатская региональная национальная азербайджанская общественная организация «Азери», Камчатское объединение корейцев «Ханзо», Дагестанская община Камчатского края, Северо-Восточный союз казаков Отдельного Северо-Восточного казачьего округа, Бурятское землячество «Байкал», Чувашское общество «Канаш», Центр национальных культур Вилючинского городского округа, Еврейский культурно-просветительский центр «Цафон», Камчатское региональное белорусское землячество, Узбекская община «Ислом», Национально-культурная автономия украинцев г. Петропавловска-Камчатского, Таджикская община Камчатки, Армянская община Камчатки «Урарту», Курдская община Камчатки «Шамса», Чеченская община «Вайнах», Татаро-башкирская община Камчатки, Дом польский.

Культура и традиции коренных малочисленных народов Севера оказывают заметное влияние на общественную и культурную жизнь всего региона. Например, национальные праздники День оленевода, День первой рыбы, эвенский Новый год «Нургэнэк», праздник ительменского народа «Алхалалалай», корякский праздник «Хололол» являются официальными праздниками Камчатского края.

Ежегодно проходят гонки на собачьих упряжках «Маклал'У» в Карагинском муниципальном районе и «Берингия». Последняя в 1992 г. была занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самая протяженная в мире гонка на собачьих упряжках (тогда ее протяженность составила 2044 км). В с. Эссо Быстринского муниципального района проводятся гонки на оленьих упряжках и соревнования по северному многоборью, которое включает в себя метание чаута и топорика, прыжки через нарты, тройной национальный прыжок, бег с палкой по пересеченной местности.

Проводятся фестивали национальных культур, национальные праздники, межнациональные просветительские акции. Ежедневно в теле- и радиозфир выходят выпуски новостей на языках народов

Севера. Издаются газеты «Батьківщина» (на украинском языке) и «Абориген Камчатки» (частично на ительменском, корякском, эвенском языках). В г. Петропавловске-Камчатском действуют Дом дружбы, казачьи кадетские классы. Все это способствует культурному взаимопониманию и формированию толерантности в полиэтничном обществе.

Сложный этнический состав населения Камчатского края порождает возможность межнациональных трений, что при недостаточной толерантности сообщества в целом может привести к локальным конфликтам на этнической почве. Исследования толерантности населения Камчатки, осуществляемые в последние годы, к сожалению, это подтверждают. Например, по данным социологического опроса, проведенного в конце 2011 г., около 40% жителей края старше 18 лет убеждены, что Россия – это родной дом только для русских, что указывает на наличие на Камчатке националистических настроений, а готовность большей части населения (от 65 до 77%) поддержать возможные радикальные решения властей в отношении представителей других национальностей говорит о скрытом потенциале распространения националистических настроений и проявлений.

Около 40% жителей Камчатского края в разной степени сталкиваются с недоброжелательным отношением к ним из-за национальной принадлежности. Интенсивность подобных явлений невелика, но при определенных условиях они могут распространяться в форме «социального заражения».

В зоне риска находятся в первую очередь выходцы из Азербайджана, Армении (67,7% населения Камчатки отрицательно относятся к их приезду в регион), Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана (63% недовольных их приездом). Эти опасения подтверждаются исследованиями среди студенческой молодежи г. Петропавловска-Камчатского: 83,2% опрошенных отрицательно относятся к трудовым мигрантам из Азербайджана, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Узбекистана. Почти 65% камчатцев поддержали бы решение о выселении представителей некоторых национальностей за пределы края. Против подобных мер высказались только 14%

респондентов; 21,5% затрудняются в определении своей позиции по данному вопросу.

Как видно, в Камчатском крае имеют место тенденции к национальной нетерпимости, которая провоцирует возникновение конфликтных ситуаций. В том случае, если эти процессы будут носить стихийный, неконтролируемый характер, возникает риск их распространения. При этом коренные малочисленные народы Севера не являются объектами нетолерантного отношения со стороны представителей более многочисленных наций, что объясняется относительно спокойными и неконфликтными взаимоотношениями этнических большинства и меньшинства на Камчатке.

Социологические опросы представителей КМНС Камчатки, проведенные в 2011–2012 гг., показывают, что у этих этносов уважение к своему народу и своей культуре выше, чем у славянских этносов [2]. Например, для респондентов из числа КМНС в большей степени свойственно чувство гордости за свой народ, чем для респондентов из славянской выборки ($p < 0,05$). При этом респонденты из группы КМНС меньше испытывают чувство стыда за свой народ ($p < 0,001$), меньше сопереживают ему ($p < 0,01$) и меньше испытывают чувство обиды за свой народ ($p < 0,001$), больше думают о своем народе ($p < 0,01$). Сопоставление результатов, полученных по показателям шкалы «чувство принадлежности к своей этнической группе», показало, что активнее других чувство принадлежности к своей этнической группе демонстрируют представители КМНС.

При ответе на вопрос о соблюдении традиций респондентам было предложено перечислить соблюдаемые ими традиции своего народа. У респондентов из группы КМНС набор соблюдаемых традиций был более ориентирован на собственно культуру народов Севера, в основном упоминались обряды (кормление духов, улекич, нимыт) и традиции (почитание старших, одушевление природы), а также традиционные запреты, связанные с отношением к огню, поведением в лесу, охотой и рыбалкой. В качестве соблюдаемых традиций также были названы *«традиционная еда»*, *«преемственность поколений, дружба в клане»*, *«бережное отношение к людям»*. Таким образом, для народов Севера традиции являются философией

жизни, стремление соблюдать их диктуется некогда усвоенной или представляемой как идеальная моделью взаимоотношений с миром и окружающими людьми, определяющей картину мира человека и его образ жизни.

В ходе исследования были выявлены особенности переживания этнической принадлежности у коренных малочисленных народов Севера и славянских этносов. У респондентов из группы КМНС обнаружилась более сложная, чем у славян, и развернутая структура этнических представлений и переживаний. Этническая принадлежность у северных этносов представлена как эмоциональная отнесенность к идеальному образу своего народа (*«Коряки живут в согласии с природой, не нарушая ее законы»; «Я горжусь, что ительмен, потому что мы живем здесь сотни лет, знаем и любим природу, не разрушаем, бережем ее»; «Я хочу, чтобы чукчи были всегда такими, какие есть, жили в мире»*), отдаленного во времени (*«Раньше мой народ был настоящим, лучше, чем в нынешнее время»*) или пространстве (*«Настоящие чукчи живут далеко на Севере, они сохранили то, что осталось от предков»*).

При разработке направлений развития Камчатского края региональным властям следует учитывать значимость фактора этнической самоидентификации коренных малочисленных народов Севера, осознания и переживания ими своей этнической принадлежности, имеющегося у них ощущения собственной уязвимости в меняющемся мире. Как правило, именно такие сюжеты отражаются формально или даже выпадают из поля зрения разработчиков программ социально-экономического развития территорий. Отчасти это характерно и для Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2025 г.

Однако не только этнопсихологические переживания представителей коренных малочисленных северных народов, но также их реальный социально-экономический статус, социальные проблемы, недостаточная адаптивность к условиям рыночной экономики и т.п. требуют особого отношения к КМНС со стороны местных и региональных властей, что также должно находить адекватное отражение в стратегии развития региона. Для коренного населения, ведущего

традиционный образ жизни, особенно острыми являются проблемы безработицы, алкоголизма, высокой смертности, в том числе из-за низкой доступности базовых медицинских услуг.

Ситуация с обеспечением прав коренных малочисленных народов обострилась в связи с тем, что в отраслях природопользования все шире внедряются элементы рыночных экономических отношений. В природоресурсное законодательство и правоприменительную практику внесены и продолжают вноситься изменения, в которых недостаточно учитываются права КМНС, особенности их традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности. При этом, по мнению некоторых исследователей, адекватной мерой поддержки КМНС будет простое исполнение требований законодательства, например о рыболовстве, в полном объеме. Действующий закон о рыболовстве гарантирует право на доступ к ресурсам тихоокеанских лососей сообществам местного населения прибрежных районов Камчатки, включая КМНС. Для реализации этого права необходимо более четко определить группы населения, на которые оно распространяется. Размытые формулировки не дают возможности отчетливо идентифицировать различные группы населения с целью реализации права на доступ к ресурсам [4].

Низкая конкурентоспособность традиционных видов хозяйственной деятельности обусловлена малыми объемами производства, высокими транспортными издержками, отсутствием современных предприятий и технологий по комплексной переработке сырья и биологических ресурсов. Вполне понятно, что хозяйства коренных малочисленных народов не могут на равных конкурировать с коммерческими структурами, которые приходят в северные регионы, а возможность предоставления или сохранения преференций местному населению расценивается некоторыми авторами экономических реформ как нарушение принципа свободной конкуренции. В результате получается сложная и запутанная ситуация, когда многие положения природоресурсного законодательства и законодательства о коренных малочисленных народах не соответствуют друг другу. Например, Лесным кодексом РФ лесные участки разрешено использовать только на основе аренды по итогам аукционов. Но в это положение никак не

вписываются ни северное оленеводство, ни заготовка коренными народами пищевых лесных ресурсов и лекарственных растений, ни осуществление различных видов пользования лесными ресурсами на одном участке, как это здесь принято. Сюда можно добавить и неподъемные на ряде территорий размеры ставок платы за использование лесных площадей для развития оленеводства.

В традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера применяются одни и те же, передаваемые из поколения в поколение приемы и способы труда, поэтому внедрение новых, не связанных с традиционным хозяйством видов хозяйственной деятельности не может стать эффективным способом регулирования занятости коренного населения. По мнению А.С. Матвеева (первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов), попытки коммерциализации традиционных способов хозяйствования, создания национальных предприятий по типу крестьянско-фермерских оказались бесплодными. Без стартового капитала, без бюджетного финансирования социальной инфраструктуры национальных сел, без рынка сбыта традиционной продукции все, что люди пробовали создать, вскоре приходило в упадок. Народы, чья ментальность веками формировалась в условиях адаптации к суровым условиям Севера, оказались неприспособленными к рыночным отношениям [3].

Необходимо изыскивать средства на федеральном и региональном уровнях для решения этой проблемы, в том числе и путем развития традиционных видов хозяйствования КМНС. Разрабатываемые мероприятия по регулированию занятости коренного населения должны быть привязаны к его традиционным видам деятельности и способу хозяйствования. Все это предполагает сохранение на Камчатке родовых, семейных и территориально-соседских общин, а также развитие народных промыслов. Для сравнения, в Канаде такой подход – это государственная политика. У эскимосов-инуитов, например, государство закупает мясо диких оленей, шкуры, рога, изделия народных промыслов, множество другой традиционной продукции по достаточно высокой цене, а затем реализует все это через свои структуры.

Экономически успешная и социально здоровая жизнь коренного северного народа – это во благо государства.

Региональная политика, направленная на улучшение жизни коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае, должна опираться на наработанный опыт. Например, в Стратегии обеспечения устойчивого развития традиционных форм хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов Севера Камчатского края в местах их компактного проживания до 2025 г. предложены рациональные меры по поддержке и адаптации КМНС, включающие

- восстановление и развитие народных промыслов;
- развитие морского зверобойного промысла;
- развитие производств по сбору и переработке дикоросов;
- развитие туристской инфраструктуры – этнокультурное обустройство территорий традиционного проживания коренных народов;
- предоставление медицинских услуг в режиме выездных бригад.

Реализация названных мер будет способствовать созданию новых рабочих мест, повышению уровня доходов и улучшению качества жизни коренных малочисленных северных этносов. Одновременно это поможет решать проблему сохранения этнокультурной идентичности коренных народов и создания предпосылок для позитивных демографических изменений в их среде.

В целом, социально-этническая ситуация в Камчатском крае остается устойчивой и не угрожающей региональной стабильности и безопасности. Однако при формировании направлений социального и экономического развития региона на перспективу необходимо учесть следующие моменты.

Во-первых, многонациональный состав населения региона является как благом для его социально-экономического развития (возможность привлечения трудовых и иных ресурсов, а также инвестиций из стран и регионов, из которых пополняется население края), так и фактором дестабилизации общества (межэтнические конфликты и трения вследствие различий в культуре, образе жизни, а также конкуренции за ресурсы).

Во-вторых, потребность в трудовых ресурсах в условиях депопуляции региона неизбежно вызовет необходимость расширения трудовой миграции из Центральной Азии, Кавказского региона и, возможно, стран Северо-Восточной Азии.

В-третьих, население Камчатского края не обладает высоким уровнем толерантности к представителям иных культур, особенно к трудовым мигрантам из Средней Азии и Закавказья, что может повлечь за собой в перспективе как минимум сложности в межкультурных коммуникациях.

В-четвертых, коренные малочисленные народы Севера как особая составляющая социально-этнической структуры края должны постоянно оставаться в фокусе и региональной, и федеральной государственной политики. На основе анализа неоднозначных статистических сведений можно констатировать лишь то, что заметных количественных изменений численности КМНС в ту или иную сторону пока не происходит, а также прогнозировать невозможность таких изменений при отсутствии радикальных (позитивных или негативных) социально-экономических трансформаций в регионе.

* * *

Нехватка трудовых ресурсов, непрекращающийся отток населения, непростые межэтнические отношения, а также нерешенные проблемы коренных малочисленных народов Севера являются типичными для Камчатского края, так же как и для большинства регионов Дальнего Востока. С учетом депопуляции и растущей потребности в трудовых ресурсах региональным властям следует разработать адекватную миграционную политику, в том числе начать превентивную подготовку по следующим направлениям: формирование толерантности у жителей Камчатки посредством различных мер – экономических, правовых и культурно-воспитательных; создание центров адаптации и социализации иностранных трудовых мигрантов (что поможет смягчить этнокультурные раздражители с обеих сторон).

Государственная социально-экономическая политика федерального и регионального уровней призвана улучшить социально-демо-

графическую ситуацию в Камчатском крае. Ее ключевым элементом должна стать акцентированная поддержка коренных малочисленных народов Севера, обеспечивающая им достойный уровень жизни, а также сохранность этнокультурной идентичности. Это означает оптимизацию процесса адаптации КМНС к рыночным отношениям и экономическим инновациям, в том числе через поддержку традиционных (общинных) форм хозяйственной и культурной деятельности, а также на основе использования зарубежного опыта. Очевидно, что учет специфики региональных социально-этнических процессов во многом определяет успех государственной политики развития Дальнего Востока.

Список источников

1. *Больницкая А.Н.* Регион как объект и субъект социальной политики // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 3 (83). – С. 148–161.
2. *Бучек А.А.* Особенности переживания этнической принадлежности народами Севера (на примере представителей коренных народов Камчатского края) // Пятые Международные исторические и Свято-Инокентьевские чтения «К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741–2011)». – Петропавловск-Камчатский, 2012. – С. 85–91.
3. *Матвеев А.С.* От парадигмы покорения Арктики к парадигме ее обживания // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / Под общ. ред. В.А. Штырова. – М.: Совет Федерации Федерального Собрания РФ, 2012. – С. 23–32.
4. *Шарахматова В.Н.* Развитие предпринимательства родовых общин на основе рационального использования природных ресурсов Камчатского края: Автореф. дисс. ... канд. экон. наук. – Владивосток, 2010.
5. *Osipova O., Maklashova E.* Youth of the Arctic: Migration Intentions and Social Expectation // Journal of Siberian and Far Eastern Studies. – 2014. – No. 10. – P. 6–44.

Информация об авторах

Гарусова Лариса Николаевна (Россия, Владивосток) – доктор исторических наук, профессор. Владивостокский государственный

университет экономики и сервиса (690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: lgarusova@mail.ru).

Петрова Наталья Владимировна (Россия, Владивосток) – кандидат исторических наук, доцент. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41, e-mail: natalia-v-petrova2010@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20150607

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 133–149

L.N. Garusova, N.V. Petrova

SPECIFICITIES OF SOCIAL AND ETHNIC PROCESSES IN KAMCHATKA KRAI

The article identifies the dynamics and main trends of modern social, ethnic and demographic processes in Kamchatka Krai. Crucial socio-demographic and ethnic problems of the region (depopulation, psychological experiences of native peoples, and their poor adaptation to the market economy) are defined as typical for the Arctic regions of the Russian Far East. The authors have specified the tasks of the preventive migration policy in the region. They have made recommendations on how to regulate the employment of the indigenous population of Kamchatka Krai and preserve their ethnic and cultural identity.

Keywords: Kamchatka Krai, social and ethnic processes, state socio-economic policy

References

1. *Bolnitskaya, A.N.* (2014). Region kak obyekt i subyekt sotsialnoy politiki [Region as an object and a subject of social policy]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3 (83), 148–161.
2. *Buchek, A.A.* (2012). Osobennosti perezhivaniya etnicheskoy prinadlezhnosti narodami Severa (na primere predstaviteley korennykh narodov Kamchatskogo kraya) [Ethnic experiences of the peoples of the North (the case of the indigenous people

of Kamchatka)]. Pyatye Mezhdunarodnye istoricheskie i Svyato-Innokentievskie chteniya «K 270-letiyu vykhoda Rossii k beregam Ameriki i nachala osvoeniya Tikhogo okeana (1741–2011)» [The fifth international historical and St. Innokentiy's readings «To 270 years of Russian outlet to the Pacific and the beginning of ocean development (1741–2011)»]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 85–91.

3. *Matveyev, A.S., Shtyrov, V.A.* (Ed.) (2012). Ot paradigmy pokoreniya Arktiki k paradigme ee obzhivaniya [From the paradigm of the Arctic's exploration to its settlement]. Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii [The Current State and Development Trends for the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow, Sovet Federatsii Federalnogo Sobraniya RF [Edition of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation], 23–32.

4. *Sharakhmatova, V.N.* (2010). Razvitie predprinimatelstva rodovykh obshchin na osnove ratsionalnogo ispolzovaniya prirodnnykh resursov Kamchatskogo kraya [The development of business activity in tribal communities basing on rational use of natural resources in Kamchatka Krai]. Avtoreferat dis. ...kand. ekonom. nauk [Author's abstract of candidate's dissertation, economics]. Vladivostok.

5. *Osipova, O. & E. Maklashova* (2014). Youth of the Arctic: migration intentions and social expectation. Journal of Siberian and Far Eastern Studies, 10, 6–44.

Information about the authors

Garusova, Larisa Nikolaevna (Vladivostok, Russia) – Doctor of Sciences (History), Professor at Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia, e-mail: lgarusova@mail.ru).

Petrova, Natalya Vladimirovna (Vladivostok, Russia) – Candidate of Sciences (History), Assistant Professor at Vladivostok State University of Economics and Service (41, Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia, e-mail: natalia-v-petrova2010@yandex.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.01.2015 г.

© Гарусова Л.Н., Петрова Н.В., 2015

УДК 332.122.6, 330.341.1

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 150–174

С.Р. Халимова

ОЦЕНКА РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ ПО УРОВНЮ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Инновационная деятельность российских регионов рассматривается в двух аспектах: создание инноваций и использование инноваций. Представлена методика оценки регионов по уровню инновационного развития. Для того чтобы выявить специализацию регионов на различных аспектах инновационной деятельности, построены два индекса инновационного развития: индекс создания и индекс использования инноваций. Каждый регион получает численную оценку уровня инновационного развития. На основе этих значений регионы ранжируются, что позволяет определить, какие регионы являются развитыми, а какие – отстающими. Анализируются регионы – лидеры инновационного развития. Оценены стабильность группы лидеров и устойчивость их лидерства. Показано, что инновации создаются в одних и тех же регионах-лидерах и их число (19 регионов) мало меняется в течение рассматриваемого периода, а используются инновации в 41 регионе, состав которых меняется от года к году. Ранжирование регионов позволяет сравнивать уровни инновационного развития территории, определяя сильные и слабые стороны конкретных инновационных систем, что может быть учтено при разработке государственной инновационной политики.

Ключевые слова: регион, инновационная деятельность, оценка, региональное неравенство, рейтинг регионов, индекс инновационного развития

НЕРАВЕНСТВО РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Неравенство в экономическом развитии регионов и территорий – объективная реальность. Региональная наука говорит о том, что такое

неравенство является закономерным следствием концентрации преимуществ в одних местах и их отсутствия в других (см., например, [1]). Новая экономическая география делит конкурентные преимущества территорий на два типа: «первой природы» и «второй природы». Первые существуют независимо от человека (природные ресурсы, географическое положение), вторые возникают в результате деятельности человека и общества (агломерационные эффекты, качество человеческого капитала, институты и инфраструктура) [1; 10].

С одной стороны, пространственное неравенство социального и экономического развития обуславливается распределением конкурентных преимуществ между территориями, а с другой стороны, оно является стимулом для дальнейшего развития. Однако не всякое неравенство дает толчок к развитию. Слишком большие различия в уровне развития, наоборот, угнетают. Минимальный уровень неравенства также не стимулирует: зачем развиваться, если все хорошо? Здесь, как в спортивной гонке, разрыв должен быть, и он должен быть осязаем, чтобы понимать, что догнать можно, но для этого нужно приложить усилия. Тогда наличие неравенства будет подталкивать территории к опережающему развитию.

Сказанное еще более верно в отношении инновационного развития. Инновации сами по себе создают конкурентные преимущества, а если рассматривать инновационную деятельность на региональном уровне, то видно, что к ним добавляются преимущества, вытекающие из пространственного неравенства. Одного лишь признания стимулирующей роли неравенства для экономического развития недостаточно. Чтобы запустить механизм, неравенство необходимо оценить, надо сравнить регионы между собой, определить место каждого в «пелотоне» (от фр. *peloton*) инновационной гонки, и только в этом случае возникнет стимул к дальнейшему развитию.

Для оценки уровня инновационности регионов России и сравнения их между собой мы предлагаем методический подход, основанный на построении индекса инновационного развития, который строится по данным официальной статистики. Массив статистических данных составлен по 80 субъектам Федерации (за исключением автономных округов, входящих в другие субъекты) за период 2000–2012 гг.

Анализируемый временной интервал охватывает и период высоких темпов экономического роста, и кризис, и послекризисное восстановление. Таким образом, влияние случайных причин на оценку инновационного развития исключается.

В фокусе внимания в настоящей статье лидеры инновационного развития. С помощью предложенного методического подхода мы выявляем регионы, лидирующие в инновационном развитии, оцениваем стабильность группы лидеров и анализируем устойчивость их лидерства.

ИНДЕКС ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Построение индексов инновационного развития широко применяется как исследователями, так и региональными ассоциациями. Например, оценка инновационной деятельности в регионах на основе ранжирования субъектов Федерации по построенному обобщающему показателю приводится в работах ученых ИЭОПП СО РАН С.В. Казанцева [3] и Г.А. Унтуры [7]. Свой рейтинг инновационного развития регионов России разработали ученые из НИУ «Высшая школа экономики» [5]. Ранжирование российских регионов на основе интегральных оценок проводится также в исследованиях Независимого института социальной политики¹. Рейтинг инновационных регионов России для целей мониторинга и управления составляется Ассоциацией инновационных регионов России [2].

В отличие от существующих методик оценки уровней развития регионов, в предлагаемой нами методике инновационная деятельность регионов анализируется в двух аспектах: рассматриваются регионы создания инноваций и регионы использования инноваций. Выявляются регионы – лидеры в создании инноваций и регионы – лидеры в их использовании. Кроме того, мы изучаем 12-летний период, что позволяет выбрать инновационно развитые регионы, лидерство которых устойчиво, поскольку влияние случайных причин на итоговый результат при таком анализе, как уже говорилось, исключается.

---

¹ См.: *Социальный атлас российских регионов*. – URL: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_innov.shtml.

Инновационная деятельность² – это сложный вид экономической активности, включающий в себя множество различных элементов. Согласно концепции, предложенной авторами работы [8], любая функционирующая инновационная система³ состоит из двух подсистем: подсистемы, использующей знания, и подсистемы, их генерирующей и распространяющей. Об этом же пишут авторы работы [9] применительно к микроуровню. Есть отрасли, производящие машины и оборудование, – именно в них сосредоточен процесс исследований и разработок. И есть отрасли, производящие потребительские товары, – они покупают у первых машины и с их помощью выпускают различные потребительские продукты. Безусловно, подобное разделение является в значительной степени модельным упрощением, однако оно четко иллюстрирует разницу между процессом создания инноваций и процессом их использования, подчеркивая, что разные аспекты инновационной деятельности подчиняются разным внутренним законам и описываются разными математическими моделями.

Таким образом, в инновационной деятельности можно выделить различные аспекты: *создание инноваций* и *использование инноваций*. Созданием инноваций мы будем называть ту часть инновационной деятельности, которая включает исследования и разработки. Под использованием инноваций будем понимать инновационную активность, направленную на распространение и внедрение инноваций, на доведение результатов исследований и разработок до конечного инновационного продукта. Несмотря на то что процессы создания

---

² Согласно Рекомендациям по сбору и анализу данных по инновациям (<http://old.mon.gov.ru/files/materials/7766/ruk.oslo.pdf>), «инновация есть введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях». Тогда инновационной деятельностью (или, по-другому, инновационной активностью) будут считаться действия, включая научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие, направленные на осуществление инноваций.

³ Под инновационной системой мы понимаем совокупность организаций и институтов и сети взаимосвязей между ними. Эти организации и институты, действующие в заданных территориальных границах, совместно и каждый в отдельности создают и используют знания (инновации).

инноваций и использования инноваций взаимосвязаны, мы предполагаем, что высокий уровень инновационной активности в регионе в каком-то одном аспекте не является гарантией того, что другой аспект также будет высокоразвитым. Использование только одного интегрального индекса, описывающего инновационную деятельность, может привести к исключению из рассмотрения регионов, в которых инновационная система не сбалансирована, т.е. развита лишь какая-то одна сторона инновационного процесса.

Таким образом, говоря об инновационно развитых регионах, мы будем рассматривать отдельно регионы, специализирующиеся на создании инноваций, и регионы, специализирующиеся на использовании инноваций.

Построение индексов инновационного развития начинается с выбора индикаторов, описывающих инновационную деятельность. Как именно оценивать инновационную деятельность, во многом определяется тем, какие признаки, или атрибуты, инновации считать существенными. Выбор зависит от того, что находится в фокусе внимания исследователя. Если это затраты, то используется показатель затрат на исследования и разработки, если результаты – то количество патентов, продуктов, если процесс – то сети, кластеры и т.д. [4]. Мы рассматриваем инновационные системы российских регионов в разрезе их специализации на различных аспектах инновационной деятельности, и нужно выбрать индикаторы создания инноваций и индикаторы использования инноваций. Государственная статистика, данные которой мы привлекаем, предлагает достаточно широкий набор индикаторов, описывающих состояние различных аспектов научной и инновационной деятельности. Из них для каждого аспекта инновационной деятельности мы выбираем по три индикатора, которые характеризуют состояние различных элементов инновационной системы и основные показатели входа и выхода инновационной активности⁴. При этом мы переходим к относительным показателям, чтобы масштаб региона не оказывал влияния на получаемый результат.

---

⁴ С помощью формальных методов (факторный анализ) из показателей раздела «Наука и инновации» официальной государственной статистики было выбрано по три индикатора, описывающих каждый из рассматриваемых аспектов иннова-

В качестве *индикаторов создания инноваций* используются

- доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП;
- доля организаций, выполнявших исследования и разработки, в общем числе предприятий и организаций;
- доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общем числе занятых.

В качестве *индикаторов использования инноваций* применяются

- объем инновационных товаров, в процентах от общего объема товаров;
- удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации;
- доля затрат на технологические инновации в ВРП.

После того как выбраны индикаторы, мы строим промежуточные индексы для каждого из рассматриваемых индикаторов (здесь мы основываемся на применении методологии Независимого института социальной политики [6]):

$$И_{ij}^t = \frac{X_{ij}^t - X_{i \min}^t}{X_{i \max}^t - X_{i \min}^t},$$

где X_{ij}^t – значение переменной i для региона j в году t ; $X_{i \min}^t$ – минимальное значение переменной i в году t ; $X_{i \max}^t$ – максимальное значение переменной i в году t .

Далее необходимо объединить полученные промежуточные индексы в обобщающий показатель. Ключевой момент здесь – выбор удельных весов, с которыми промежуточные индексы будут входить в интегральный. При объединении различных показателей в обобщающий индекс необходимо учитывать взаимосвязи между ними, чтобы исключить ситуацию, когда влияние одного фактора на общий индекс

ционной деятельности (подробно см.: *Халимова С.П.* Оценка региональных различий развития инновационной деятельности. – URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/81e230c40931bf4c5e81208263c3a42a4fe18921.doc>).

Таблица 1

Результаты факторного анализа (метод главных компонент)*

Промежуточные индексы инновационного развития	K1	K2
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП	0,906	0,171
Доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общем числе занятых	0,894	0,175
Доля организаций, выполнявших исследования и разработки, в общем числе предприятий и организаций	0,595	–0,234
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации	0,273	0,540
Объем инновационных товаров, % от общего объема товаров	0,143	0,697
Доля затрат на технологические инновации в ВРП	0,085	0,779

* Рассчитано по: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.*

оказывается переоцененным или недооцененным из-за влияния факторов друг на друга. Для определения удельных весов промежуточных индексов мы используем результаты факторного анализа. В таблице 1 приведены средние за период значения факторных нагрузок (на каждом отрезке рассматриваемого периода полученные значения факторных нагрузок оказались близкими, поэтому мы берем средние значения).

Промежуточные индексы по построению принимают значения от 0 до 1. Чтобы интегральные индексы также могли принимать значения от 0 до 1, в качестве удельных весов промежуточных индексов возьмем факторные нагрузки, нормированные таким образом, чтобы их сумма была равна 1. Полученные удельные веса приведены в табл. 2.

Учитывая изложенное выше, мы строим интегральные индексы следующим образом:

$$I_{\text{создания}}^t_j = 0,38 I_{1j}^t + 0,25 I_{2j}^t + 0,37 I_{3j}^t,$$

где I_{ij}^t – промежуточные индексы: (1) – доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП; (2) – доля организаций, выполнявших

Таблица 2

Удельные веса промежуточных индексов

<i>Индекс создания инноваций</i>	
Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП	0,38
Доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общем числе занятых	0,25
Доля организаций, выполнявших исследования и разработки, в общем числе предприятий и организаций	0,37
<i>Индекс использования инноваций</i>	
Объем инновационных товаров, % от общего объема товаров	0,35
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации	0,27
Доля затрат на технологические инновации в ВРП	0,39

исследования и разработки; (3) – доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых;

$$I_{\text{использования}}^t \quad 0,35 \quad I_{4j}^t \quad 0,27 \quad I_{5j}^t \quad 0,39 \quad I_{6j}^t,$$

где I_{ij}^t – промежуточные индексы: (4) – объем инновационных товаров, % от общего объема товаров; (5) – удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации; (6) – затраты на технологические инновации по отношению к ВРП.

Теоретически построенные интегральные индексы могут принимать значение от 0 в случае полного отсутствия инновационной деятельности в регионе до 1 в том случае, если регион является лидером в области инновационной деятельности по всем показателям.

Таким образом, каждый регион получает численную оценку уровня инновационного развития по обоим аспектам (вычисленные значения индексов). На основе вычисленных значений мы упорядочиваем (ранжируем) регионы по уровню инновационного развития. Полученный рейтинг регионов позволяет определить, какие из них являются наиболее развитыми, а какие – отстающими.

Какие же регионы считать инновационно активными? Как определить ту границу, ниже которой экономика региона уже не является инновационно развитой? На наш взгляд, использование для этого жестко заданных границ изменения интегральных индексов малопригодно. Во-первых, в этом случае встает вопрос о том, как задать такие границы. Во-вторых, разброс показателей развития инновационной деятельности в регионах меняется в разные периоды времени и, соответственно, меняются разброс между самими индексами, их максимальные и минимальные значения, однако это не всегда будет означать изменение дифференциации уровней инновационности регионов.

Мы полагаем, что инновационно активными регионами следует считать такие, в которых инновационная деятельность находится на более высоком уровне развития, чем в большинстве остальных регионов страны. Тогда для выделения инновационно развитых регионов необходимо сравнивать значения интегральных индексов для региона со средним значением соответствующего индекса в данном периоде. Так, инновационно развитыми регионами в области создания инноваций (в каждый конкретный момент времени) мы будем считать те, для которых значение индекса создания инноваций выше среднего по стране. При этом если имеет место превышение более чем на 0,1, то такие регионы мы будем называть регионами – лидерами в области создания инноваций. Точно так же будем определять инновационно развитые регионы в области использования инноваций⁵.

ИННОВАЦИОННО РАЗВИТЫЕ РЕГИОНЫ

Здесь в фокусе нашего внимания находятся лидеры инновационного развития. Мы выбрали регионы, которые становились лидерами в каждом из аспектов инновационной деятельности хотя бы один раз в течение рассматриваемого периода. В области создания инноваций таких регионов 19, а в области их использования – 41.

---

⁵ См.: Халимова С. Инновационная деятельность российских регионов: Анализ развития региональных инновационных систем. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publ., 2011.

В число *инновационно развитых регионов в сфере создания инноваций* вошли: Владимирская область (9 раз – 2000–2008 гг.), Воронежская область (12 раз – 2000–2011 гг.), г. Москва (13 раз – 2000–2012 гг.), г. Санкт-Петербург (13 раз – 2000–2012 гг.), Калужская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Камчатский край (три раза – 2003, 2006, 2008 гг.), Магаданская область (четыре раза – 2006–2008, 2011 гг.), Московская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Мурманская область (один раз – 2003 г.), Нижегородская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Новосибирская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Пензенская область (11 раз – 2000–2007, 2010–2012 гг.), Самарская область (10 раз – 2000–2002, 2004–2007, 2009–2010, 2012 гг.), Свердловская область (пять раз – 2000–2004 гг.), Тверская область (шесть раз – 2000–2003, 2006–2007 гг.), Томская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Тульская область (один раз – 2001 г.), Ульяновская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Ярославская область (четыре раза – 2000–2001, 2007–2008 гг.).

К *инновационно развитым регионам в сфере использования инноваций* отнесены: Архангельская область (два раза – 2002–2003 гг.), Белгородская область (один раз – 2001 г.), Владимирская область (один раз – 2006 г.), Волгоградская область (семь раз – 2000–2001, 2004–2005, 2007, 2009–2010 гг.), Вологодская область (три раза – 2001, 2003, 2007 гг.), Воронежская область (три раза – 2005, 2007–2008 гг.), г. Москва (два раза – 2000, 2012 гг.), г. Санкт-Петербург (три раза – 2001, 2011–2012 гг.), Иркутская область (один раз – 2002 г.), Калининградская область (один раз – 2006 г.), Калужская область (пять раз – 2000–2002, 2004–2005 гг.), Карачаево-Черкесская Республика (один раз – 2008 г.), Кировская область (один раз – 2008 г.), Костромская область (один раз – 2004 г.), Курганская область (один раз – 2007 г.), Липецкая область (четыре раза – 2009–2012 гг.), Магаданская область (пять раз – 2008–2012 гг.), Московская область (три раза – 2000, 2003–2004 гг.), Мурманская область (два раза – 2001–2002 гг.), Нижегородская область (10 раз – 2000, 2002–2004, 2006–2007, 2009–2012 гг.), Новгородская область (восемь раз – 2000–2001, 2003–2008 гг.), Орловская область (восемь раз – 2000–2002, 2004–2008 гг.), Пензенская область (один раз – 2001 г.), Пермский край (12 раз – 2000–2010, 2012 гг.), Республика Адыгея (один раз – 2006 г.), Республика Дагестан (один

раз – 2002 г.), Республика Коми (один раз – 2000 г.), Республика Мордовия (восемь раз – 2005–2013 гг.), Республика Саха (Якутия) (один раз – 2001 г.), Республика Татарстан (13 раз – 2000–2012 гг.), Рязанская область (два раза – 2001–2002 гг.), Самарская область (13 раз – 2000–2012 гг.), Саратовская область (два раза – 2000, 2005 гг.), Сахалинская область (три раза – 2009, 2011–2012 гг.), Свердловская область (девять раз – 2000, 2002–2009 гг.), Томская область (один раз – 2003 г.), Тульская область (пять раз – 2000–2002, 2006, 2012 гг.), Ульяновская область (три раза – 2004, 2008, 2010 гг.), Челябинская область (12 раз – 2000–2010, 2012 гг.), Чувашская Республика (шесть раз – 2005, 2007–2010, 2012 гг.), Ярославская область (пять раз – 2007–2008, 2010–2012 гг.).

В области создания инноваций регионов, становившихся лидерами, значительно меньше, чем в области их использования, но при этом регионы-«создатели» попадают в выборку лидеров большее количество раз, среди них практически нет таких, которые попали в выборку случайно. В области использования инноваций, напротив, много выбросов, когда регион в один год становится лидером, а в другие периоды значение соответствующего индекса для него оказывается даже ниже среднего по стране. Из 41 региона – лидера в использовании инноваций таких «разовых» регионов четырнадцать⁶. Среди остальных регионов всего десять были лидерами в этой сфере более половины периода (семь или более раз), тогда как в сфере создания инноваций таких регионов двенадцать. Лидеры в использовании инноваций меняются, в то время как выборка лидеров – создателей инноваций гораздо более постоянна. Таким образом, инновации создаются в одних и тех же регионах, а используются в разных.

По тому, что учитывается в статистических данных по инновационной деятельности, использование инноваций по своему характеру может быть отчасти эпизодическим и несистемным, когда компании одного региона сегодня активно совершенствуют производственные

---

⁶ Это Белгородская, Костромская, Липецкая, Архангельская, Калининградская, Кировская, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области, Республика Коми, Республика Адыгея, Республика Дагестан, Карачаево-Черкесская Республика и Республика Саха (Якутия).

процессы или запускают новые продукты и услуги (и этот регион выходит в лидеры), а завтра дальнейшего совершенствования уже не происходит. Так, на отдельно взятом предприятии процессы модернизации и серьезного технического перевооружения, которые отражаются в статистике в высоком уровне затрат на технологические инновации, осуществляются, как правило, циклично, при покупке нового оборудования предприятие рассчитывает, что оно будет работать не один год. С другой стороны, если в регионе большое число предприятий вовлечено в инновационную деятельность, то когда одна компания временно сокращает масштабы своей активности, остаются другие, которые, может быть, напротив, становятся активнее, и на уровне региона в целом падение показателей инновационного развития оказывается не столь значительным. Тот факт, что регионы – лидеры в использовании инноваций меняются, говорит о том, что в отдельные годы в некоторых регионах появляются инновационные проекты, которые потом заканчиваются, а столь же масштабные новые, реализуемые, возможно, уже другими компаниями, им на смену не приходят.

В деятельности по созданию инноваций, напротив, наблюдается стабильность, лидерами в этой области из года в год становятся одни и те же регионы. В одних и тех же регионах из года в год создание инноваций ведется в больших масштабах, чем в среднем по стране. По агрегированным статистическим данным мы не можем точно определить, занимаются ли исследованиями и разработками одни и те же организации, но с высокой долей вероятности это одни и те же агенты. При этом мы точно можем сказать, что это одни и те же региональные инновационные системы.

Тот факт, что инновации создаются в одних и тех же регионах, а используются в разных, говорит о том, что на процесс создания инноваций состояние и качество внешней среды региона оказывает большее влияние, чем на процесс их использования. Среди лидеров в создании практически нет случайных, тогда как использование оказывается менее привязанным к конкретным региональным инновационным системам.

Теперь рассмотрим регионы, которые попадали в лидеры как по созданию, так и по использованию инноваций. Таких регионов

пятнадцать (табл. 3). Это территории, на которых инновационная деятельность развивается сбалансированно: здесь есть оба выделяемых нами аспекта инновационной деятельности.

Мы видим, что многие лидеры-«создатели» хотя бы один раз становились лидерами также в использовании инноваций. Можно предположить, что региональная среда, формирующая лидерство в создании инноваций, более сбалансирована и способствует также активному развитию инновационной деятельности в части использования инноваций. При этом не столь важно, какие именно разработки внедряются в данном регионе – созданные тут же или какие-либо другие. Здесь важно, что создается среда, в которой субъекты понимают, зачем нужно быть инновационно активным.

Для выделенных регионов периоды лидерства в разных аспектах инновационной деятельности связаны: они либо накладываются друг на друга, либо следуют один за другим. Мы рассматриваем это как свидетельство того, что в наиболее сбалансированно развитых регионах различные направления инновационной деятельности влияют друг на друга и взаимно стимулируют развитие. Здесь мы можем говорить о системности в инновационном развитии.

Для эффективного функционирования российской инновационной системы (как совокупности региональных инновационных систем) важное значение имеет как сбалансированность регионального инновационного развития, так и стабильность лидерства. Мы уже говорили о том, что лидеры в создании инноваций практически не меняются в отличие от лидеров в их использовании. Еще более ярким свидетельством стабильности группы лидеров является то, что восемь из 19 регионов становились лидерами на протяжении всего периода. Это г. Москва и г. Санкт-Петербург, Калужская, Московская, Нижегородская, Ульяновская, Новосибирская и Томская области. Тогда как среди лидеров в использовании инноваций таких регионов всего два: Республика Татарстан и Самарская область.

В каких регионах инновационное развитие одновременно и стабильно, и сбалансированно? Это восемь регионов: г. Москва и г. Санкт-Петербург, Калужская, Московская, Нижегородская, Ульяновская, Самарская и Томская области. Их региональные инновационные системы

Таблица 3

Инновационно развитые регионы

Регион	Аспект иннов. деят-ти	Кол-во лет	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Владимирская обл.	Создание	9	л	л	л	л	л	л	л	л	л				
	Исполыз.	1							л						
г. Москва	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	2	л												л
г. Санкт-Петербург	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	3		л										л	л
Калужская обл.	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	5	л	л	л		л	л							
Магаданская обл.	Создание	4							л	л	л			л	
	Исполыз.	5								л	л	л	л	л	л
Московская обл.	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	3	л			л	л								
Мурманская обл.	Создание	1				л									
	Исполыз.	2		л	л										
Нижегородская обл.	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	10	л		л	л	л		л	л		л	л	л	л
Пензенская обл.	Создание	11	л	л	л	л	л	л	л	л			л	л	л
	Исполыз.	1		л											
Самарская обл.	Создание	10	л	л	л		л	л	л	л	л	л			л
	Исполыз.	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
Свердловская обл.	Создание	5	л	л	л	л	л								
	Исполыз.	9	л		л	л	л	л	л	л	л				
Томская обл.	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	1				л									
Тульская обл.	Создание	1		л											
	Исполыз.	5	л	л	л				л						л
Ульяновская обл.	Создание	13	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	Исполыз.	3					л				л		л		
Ярославская обл.	Создание	4	л	л	л					л	л				
	Исполыз.	5								л	л		л	л	л

можно условно считать полноценными, т.е. такими, в которых стабильно присутствуют оба выделяемых нами аспекта инновационной деятельности. Условно – поскольку при постоянном лидерстве в создании инноваций большинство из этих регионов становились лидерами в использовании менее пяти раз. Полноценные инновационные системы сформированы лишь в двух регионах: в Нижегородской (13 раз лидер в создании инноваций и 10 – в использовании) и Самарской (10 раз лидер в создании и 13 – в использовании) областях.

Чем обусловлен такой уровень инновационного развития Нижегородской и Самарской областей? Перейдем от интегральных индексов к статистическим показателям, на основе которых они строятся.

Нижегородская область является абсолютным лидером по доле внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП, а доля организаций, выполнявших исследования и разработки, и доля персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых, здесь существенно выше среднероссийского уровня. В Самарской области показатели доли внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП и доли персонала, занятого исследованиями и разработками, в общей численности занятых, превышают средний уровень, хотя организаций, выполнявших исследования и разработки, в относительном выражении в регионе меньше, чем в среднем по стране. Однако высоких значений двух других показателей достаточно, чтобы обеспечить лидерство региона в создании инноваций. Что касается использования инноваций, то все соответствующие показатели Самарской области выше средних, а в отдельные годы регион становился абсолютным лидером по доле инновационной продукции в выпуске. В Нижегородской области также показатели доли затрат на технологические инновации в ВРП и удельного веса организаций, осуществлявших технологические инновации, выше средних, а доля инновационной продукции в выпуске колебалась: в отдельные годы она была и на среднем уровне, и выше среднего, и здесь был максимум среди всех регионов.

Что стоит за этими показателями? Что представляет собой структура экономики этих регионов? С одной стороны, в каждом из них высоко развиты фундаментальная наука и высшее образование: здесь

находятся Нижегородский научный центр РАН и Самарский научный центр РАН, а вузы (Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского и Самарский государственный аэротехнический университет им. С.П. Королева) получили субсидии для попадания в мировые рейтинги. С другой стороны, основу экономики обеих областей составляют обрабатывающие производства, на которые приходилось в 2011 г. 29,9 и 25,5% ВРП Нижегородской и Самарской областей соответственно. Обрабатывающие производства этих регионов составляют 6,6% всего производства страны, хотя их суммарный ВРП – это только 3,5% российской экономики. Кроме того, в данных регионах развиты преимущественно отрасли, характеризующиеся высоким уровнем инновационной активности. В Нижегородской области 56,5% обрабатывающих производств – это производство нефтепродуктов, транспортных средств и оборудования, а также химическое производство, а в Самарской – 53,6% приходится на производство транспортных средств и оборудования и химическое производство⁷.

Таким образом, и в Нижегородской, и в Самарской областях широко представлены как создание, так и использование инноваций, что и позволяет этим регионам стабильно попадать в лидеры инновационного развития в обоих его аспектах.

Кроме выявления факта попадания региона в группу лидеров (т.е. превышения значения соответствующего индекса над средним более чем на 0,1) обратимся и к самим значениям индексов инновационного развития. В рассматриваемый период времени четыре региона оказывались в рейтинге на первом месте: это г. Санкт-Петербург (2000, 2002, 2003, 2007, 2008 гг.), Нижегородская (2004–2006, 2010–2012 гг.), Калужская (2009 г.) и Московская (2001 г.) области. В рейтинге по индексу использования инноваций в разные годы лидерами становились Самарская (2000–2006 гг.), Липецкая (2009, 2010 гг.) и Нижегородская (2012 г.) области, Республика Мордовия (2007, 2011 гг.) и Пермский край (2008 г.).

Рассмотрим динамику индексов инновационного развития (рис. 1). В 2000–2012 гг. максимальное значение индекса создания

---

⁷ См.: *Регионы России: Основные характеристики субъектов Российской Федерации*. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013.

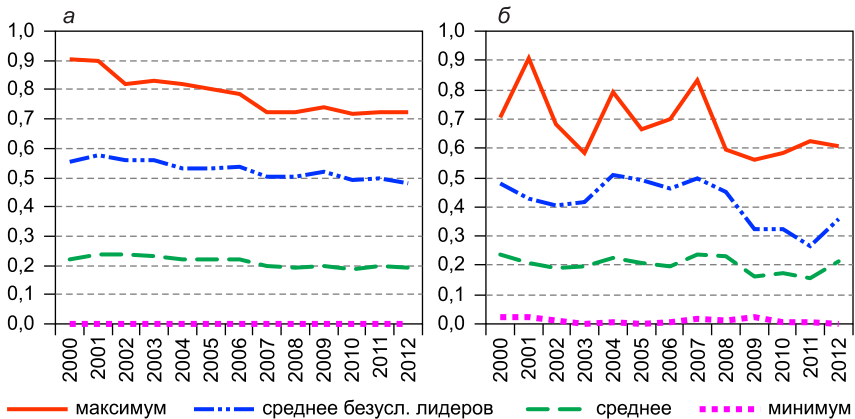

Рис. 1. Динамика индексов создания (а) и использования (б) инноваций

Рассчитано по: *Регионы России: Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. – М., 2013*

инноваций в среднем за период составило 0,785, минимальное – 0,001. Среднее же значение индекса по всем регионам равнялось 0,211. При этом наблюдается тенденция к снижению максимального значения. Происходит уменьшение разрыва между лидирующими регионами и отстающими, причем в большей мере за счет снижения активности лидеров, которые перестают быть лидерами во всем, т.е. наблюдается сокращение превышения показателей активности по созданию инноваций в лидирующих регионах над показателями остальных регионов. Что касается индекса использования инноваций, то его максимальное значение в среднем за период составило 0,680, минимальное – 0,010, среднее по всем регионам – 0,203. Индекс использования инноваций (его максимальное значение) изменялся более нестабильно, наблюдалось как существенное падение, так и рост его значений.

Несмотря на то что динамика индекса использования инноваций выглядит более нестабильной (наблюдались как взлеты, так и падения) по сравнению с индексом создания, итоговое изменение индекса использования в 2012 г. оказалось меньшим (см. рис. 1). Максимальное значение индекса создания снизилось на 20%, тогда как максимум индекса использования упал всего на 14%. То же наблюдается и для

средних значений: средний индекс создания уменьшился на 13%, а использования – на 8%. Несмотря на то что снизились оба индекса инновационного развития, уверенно говорить об устойчивой тенденции снижения можно только для индекса создания инноваций, так как в его динамике не наблюдается сильных всплесков и колебаний.

Отдельно рассмотрим динамику индексов инновационного развития для безусловных лидеров (т.е. регионов, которые становились лидерами более половины периода). Среднее значение индекса для безусловных лидеров в создании инноваций ближе к его максимальным значениям, тогда как для безусловных лидеров в использовании оно ближе к средним значениям по всем регионам. Такая картина является очередным подтверждением большей стабильности в группе лидеров по созданию инноваций и упорядоченности в таких регионах этой части инновационной деятельности.

Отметим также, что распределение регионов по уровню развития инновационной деятельности как в сфере создания инноваций, так и в сфере их использования неравномерно: средние значения обоих индексов ближе к минимальным. То есть имеется значительное отставание существенной части регионов страны от лидеров инновационного развития.

ГЕОГРАФИЯ ЛИДЕРОВ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Еще один момент, на который мы здесь хотим обратить внимание, – это география лидеров инновационного развития. Рассмотрим расположение лидирующих регионов на карте: на рис. 2 и 3 отмечены выбранные в 2000–2012 гг. регионы и даны средние за период значения соответствующего индекса инновационного развития. Как видно из рис. 2, регионы – лидеры в создании инноваций мало граничат друг с другом. Исключение составляет пояс из восьми регионов вокруг г. Москвы. В остальном инновации создаются в разрозненных центрах. Регионы, лидирующие в использовании инноваций, напротив, в большинстве случаев являются географическими соседями. Здесь

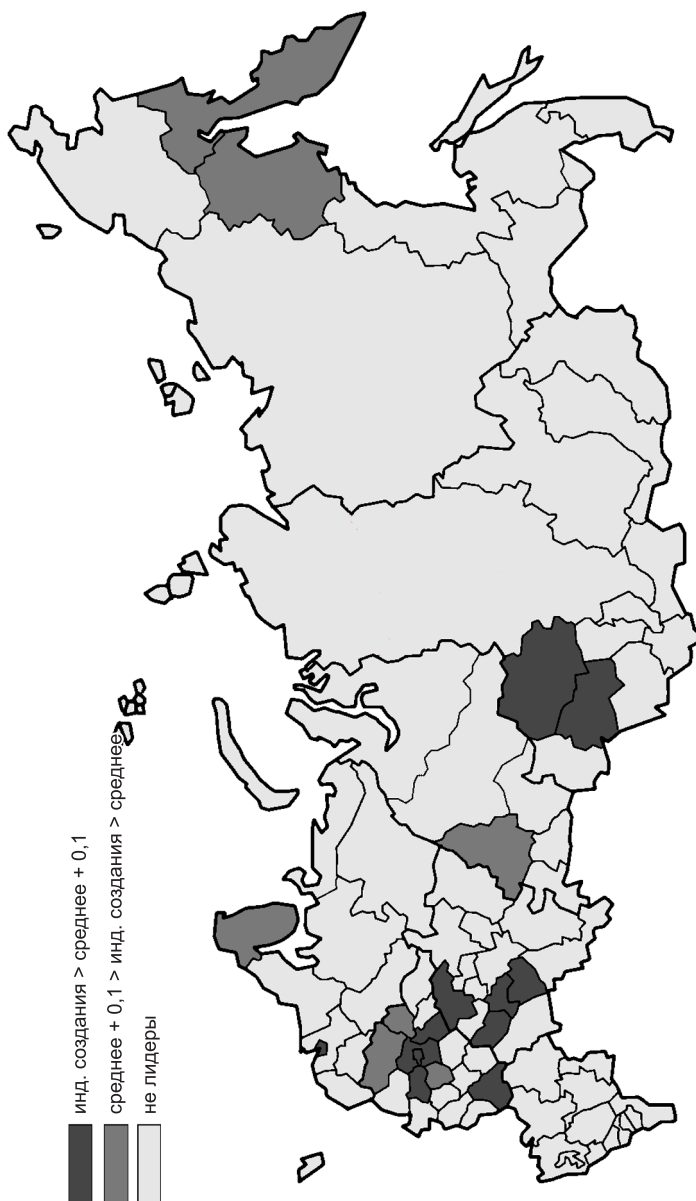

Рис. 2. География лидеров в создании инноваций, 2000–2012 гг.

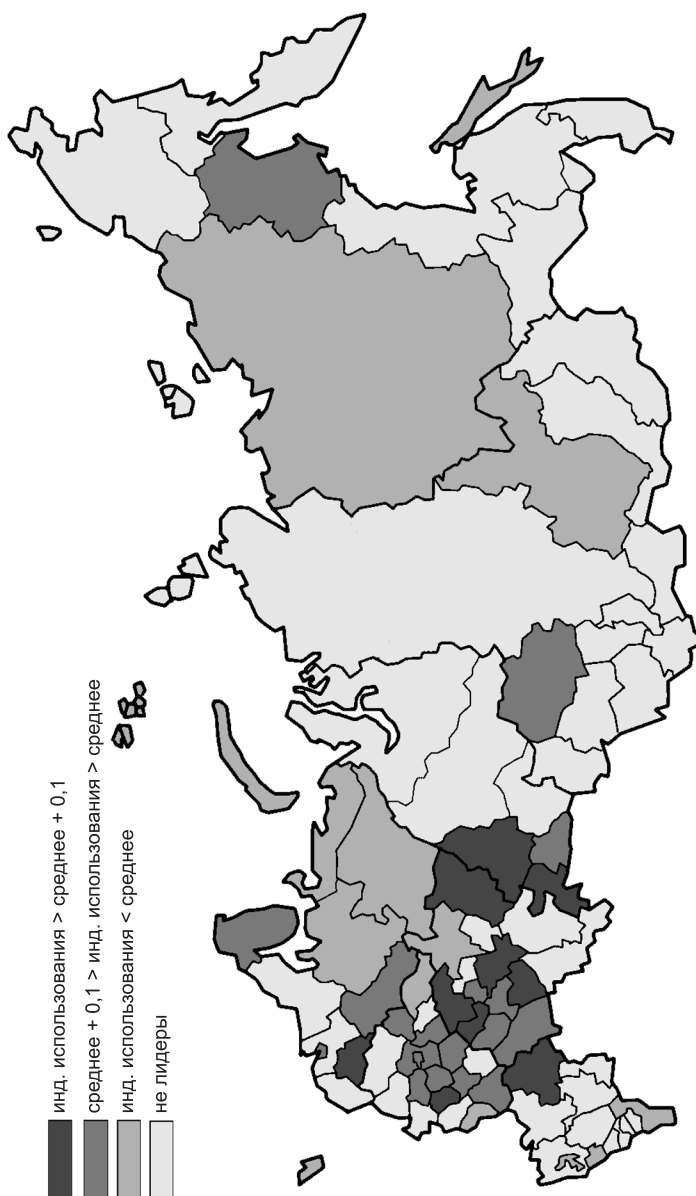

Рис. 3. География лидеров в использовании инноваций, 2000–2012 гг.

можно говорить о едином инновационном пространстве, в которое входят практически вся европейская часть России и Южный Урал. Безусловно, предположение о влиянии на инновационную деятельность в том или ином регионе уровня инновационного развития соседних регионов в дальнейшем необходимо проверять формальными методами. Тем не менее в качественном отношении видно, что для процесса использования инноваций инновационность соседних территорий имеет более важное значение, чем для создания инноваций.

По своей сути использование инноваций – это производство инновационной продукции. Компании, которые запускают производство нового продукта или совершенствуют производственные процессы, неизбежно начинают предъявлять более высокие требования к своим партнерам, побуждая их также развиваться. Каким бы технически сложным и уникальным ни был процесс использования инноваций в отдельной компании, с высокой долей вероятности часть ее поставщиков и контрагентов находятся в территориальной близости, что способствует запуску цепочки, приводящей к повышению уровня инновационной активности на данной территории и в соседних регионах. Таким образом, лидеры в использовании инноваций стимулируют инновационное развитие соседних территорий.

ОЦЕНКА РАЗЛИЧИЙ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ВЫРАБОТКИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Предложенная методика позволила нам проранжировать регионы России по уровню инновационной активности в разрезе различных аспектов инновационной деятельности и выделить регионы – лидеры в создании инноваций и в их использовании. Получилось, что инновации создаются в одних и тех же регионах, а используются в разных: выборка лидеров в создании инноваций состоит из 19 регионов и мало меняется в течение всего периода 2000–2012 гг., тогда как лидерами в использовании инноваций можно назвать 41 регион, причем состав лидирующей группы меняется год от года. Кроме того,

следует отметить, что региональная среда, формирующая лидерство в создании инноваций, более сбалансирована и способствует также активному развитию инновационной деятельности в части использования инноваций.

Ранжирование регионов позволяет сравнивать уровни инновационного развития территорий, выявляя сильные и слабые стороны конкретных инновационных систем. В этом смысле построение рейтинга по своей сути включает стимулирующую функцию неравенства: когда неравенство оценено и измерено, каждый конкретный регион может видеть, в чем он превосходит другие регионы или отстает от них. Таким образом, вычерчиваются ориентиры для дальнейшего развития.

С практической точки зрения рейтинги инновационного развития могут быть использованы для разработки государственной инновационной политики. При этом рейтинг показывает не то, какие именно регионы необходимо поддерживать, а то, что регионы находятся на разных уровнях развития инновационной деятельности. Нам представляется, что разные регионы требуют разных мер поддержки, так чтобы региональное неравенство выполняло стимулирующую функцию, а не увеличивалось и не тормозило дальнейшее развитие. Наше ранжирование показало, что легче стать лидером в использовании инноваций (с учетом того, что большое количество разных регионов занимали в рейтинге лидирующие позиции). Можно предположить, что поддержка деятельности по использованию инноваций принесет видимый результат при относительно менее масштабных мерах. Если мы говорим о системном развитии инновационной деятельности, то, на наш взгляд, стимулирование должно быть направлено на регионы, где есть и создание, и использование инноваций, тогда поддержка одного какого-то аспекта этой деятельности отразится на всей региональной инновационной системе. Однако необходимо помнить, что поддержка только сильных делает их сильнее, поэтому инновационная политика должна предусматривать отдельные меры и для аутсайдеров инновационного развития.

Конкретные меры региональной инновационной политики зависят от долгосрочных целей и приоритетов экономического развития.

Предложенная методика измерения неравенства инновационного развития российских регионов – лишь один из возможных инструментов, которые могут помочь определить направления государственной политики.

Список источников

1. *Зубаревич Н.В.* Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: Независ. ин-т соц. политики, 2010. – 160 с.
2. *Иванова О., Сорокина А.* Рейтинг инновационных регионов России для целей мониторинга и управления: версия 2013-2.0. – URL: <http://www.i-regions.org/upload/nasait.pdf> (дата обращения 05.09.2014).
3. *Казанцев С.В.* Оценка масштабов инновационной деятельности в субъектах Российской Федерации // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 111–138.
4. *Кравченко Н.А.* К проблеме измерения и оценки национальных инновационных систем // ЭКО. – 2010. – № 1. – С. 61–75.
5. *Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации: аналитический доклад* / Под ред. Л.М. Гохберга. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 104 с.
6. *Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?* / Под ред. Н.В. Зубаревич. – М.: Поматур, 2005. – 278 с.
7. *Унтура Г.А.* Стратегическая поддержка регионов России: проблемы оценки статуса территорий инноваций // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 1 (73). – С. 123–141.
8. *Cooke P., Boekholt P., Tödtling F.* The Governance of Innovation in Europe: Regional Perspectives on Global Competitiveness. – London: Pinter, 1999. – 192 p.
9. *Dosi G., Fagiolo G., Roventini A.* Schumpeter meeting Keynes: A policy-friendly model of endogenous growth and business cycles // Journal of Economic Dynamics and Control. – 2010. – V. 34, is. 9. – P. 1748–1767.
10. *Krugman P.R.* Geography and Trade. – Cambridge, MA: MIT Press, 1991. – 85 p.

Информация об авторе

Халимова София Раисовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: sophiakh@academ.org).

DOI: 10.15372/REG20150608

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 150–174

S.R. Khalimova

EVALUATING RUSSIAN REGIONS ACCORDING TO THE LEVEL OF INNOVATION DEVELOPMENT

Innovation activity in Russian regions is considered in two aspects: as creation of innovation on the one hand and use of innovation on the other. The article provides a method of ranking Russian regions in terms of innovation development. To seize the regional specialization on different aspects of innovation activity, we build two innovation development indices: the one of creation and the other of use. Each region obtains a numerical estimate of its level of innovation development. On the basis of these values regions are ranked; consequently, the ranking makes it possible to determine which regions are the most developed ones, and which are lagging behind. This article focuses on analyzing those Russian regions that are the leaders of innovative development. We assess the stability of their position and leadership. We have found that innovations are created in the same leading regions, while they are used in different ones: the sample of creators varies little in the period under review (19 regions), whereas 41 regions can be called users and the structure of their leading group changes from year to year. Ranking of territories allows us to compare the regional levels of innovation development, identifying strengths and weaknesses of particular innovation systems, which can be used in developing a national innovation policy.

Keywords: region, innovation activity, assessment, regional inequality, ranking of regions, innovation development index

References

1. Zubarevich, N.V. (2010). Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow, Nezavisimyy institut sotsialnoy politiki [Independent Institute for Social Policy], 160.

2. *Ivanova, O. & A. Sorokina* (2013). Reyting innovatsionnykh regionov Rossii dlya tseley monitoringa i upravleniya: versiya 2013-2.0 [Ranking of innovative Russian regions for monitoring and managing purposes: version 2013-2.0]. Available at: <http://www.i-regions.org/upload/nasait.pdf> (date of access: 05.09.2014).
3. *Kazantsev, S.V.* (2012). Otsenka masshtabov innovatsionnoy deyatel'nosti v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii [Assessing a scope of modernization in the units of the Russian Federation]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 4 (76), 111–138.
4. *Kravchenko, N.A.* (2010). K probleme izmereniya i otsenki natsionalnykh innovatsionnykh sistem [The problem of measuring and assessing national innovation systems]. EKO, 1, 61–75.
5. *Gokhberg, L.M.* (Ed.) (2012). Reyting innovatsionnogo razvitiya sub'yektov Rossiyskoy Federatsii: Analiticheskiy doklad [Ranking of innovation development of Russian regions. Analytical report]. Moscow, National Research University – Higher School of Economics, 104.
6. *Zubarevich, N.V.* (Ed.) (2005). Rossiya regionov: v kakom sotsialnom prostranstve my zhivem? [Russia of regions: what social space are we living in?]. Moscow, Pomatur, 278.
7. *Untura, G.A.* (2012). Strategicheskaya podderzhka regionov Rossii: problemy otsenki statusa territoriy innovatsiy [Strategic support for regions: problems in assessing a status of an innovation territory]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (73), 123–141.
8. *Cooke, P., P. Boekholt & F. Tödtling* (1999). The Governance of Innovation in Europe: Regional Perspectives on Global Competitiveness. London, Pinter, 192.
9. *Dosi, G., G. Fagiolo & A. Roventini* (2010). Schumpeter meeting Keynes: A policy-friendly model of endogenous growth and business cycles. Journal of Economic Dynamics and Control, vol. 34, is. 9, 1748–1767.
10. *Krugman, P.R.* (1991). Geography and Trade. Cambridge, MA, MIT Press, 85.

Information about the author

Khalimova, Sophia Raisovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: sophiakh@academ.org).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 19.01.2015 г.

С.Г. Важенин, И.С. Важенина

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ ТЕРРИТОРИЙ В КОНКУРЕНТНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются феномены жизнестойкости и уязвимости территории в конкурентном экономическом пространстве и предлагается толкование соответствующих понятий. Для классификации возможных сбоев и других деструктивных ситуаций представляется перспективной разработка карты уязвимости территории. На основе данных социологического опроса, проведенного авторами, сделан вывод о том, что в целях снижения уязвимости и повышения жизнестойкости территорий требуется максимально реализовать их конкурентное сотрудничество. В качестве одного из механизмов повышения жизнестойкости территорий видится программа аграрно-промышленной кластеризации. Показано, что жизнестойкость территорий непосредственно зависит и от институциональной среды для бизнеса в регионе, и от мобильности экономики на данной территории, и от репутационной зрелости территории в конкурентном экономическом пространстве.

Ключевые слова: жизнестойкость и уязвимость территории, конкурентное сотрудничество, аграрно-промышленная кластеризация, доверие, мобильность экономики

«Жизнестойкость» – понятие, используемое в различных сферах. Не существует общепринятого определения жизнестойкости, единого понимания ее сущности и основных характеристик. Наиболее общие определения даются в толковых словарях. Так, согласно Толковому словарю Д.Н. Ушакова, жизнестойкий – это упорно отстаивающий свое существование, такой устойчивый, крепкий, что трудно

разрушить. А например, в Толковом словаре Т.Ф. Ефремовой жизнестойкий – это способный сопротивляться неблагоприятным жизненным обстоятельствам, условиям. Можно трактовать жизнестойкость и как упругую деформацию, гибкость, устойчивость (в английском – *resilience*). Термин «*resilience*» позаимствован из материаловедения, где он означает свойство тел восстанавливать свою форму после прекращения внешнего воздействия.

В экономической теории проблема жизнестойкости бизнеса длительное время игнорировалась, к ее изучению в практических целях ученые обратились недавно. Основоположителем исследований феномена жизнестойкости в экономике принято считать профессора Университета Миннесоты Н. Гармези. Весомый вклад в разработку данной проблемы внес Й. Шеффи [19]. Секретам жизнестойкости и выявлению качеств и элементов живучести организации посвящена работа Д.Л. Кутю [11]. Представляется удачным толкование жизнестойкости организации, предложенное профессором И. Чернявским: «Жизнестойкость – это способность организационной структуры противостоять угрозам, быстро восстанавливаться» [18, с. 72].

Понятие «жизнестойкость территории» можно трактовать аналогично. Жизнестойкость территории – это ее способность преодолевать препятствия, компенсировать потери, связанные, например, с несовершенством институциональной среды, различными негативными ситуациями, криминализацией экономики, стихийными бедствиями. Кроме того, жизнестойкость рассматривается и как способность к восстановлению конкурентного иммунитета территории после разного рода сбоев, деструктивных процессов в развитии страны или отдельных регионов. Жизнестойкость города, региона, страны формируется в процессе их взаимодействия с другими территориями в конкурентном экономическом пространстве в результате успешной адаптации к изменяющимся условиям и проявляется в ситуации вызова, угрозы, кризисных явлений.

Сложность изучения феномена жизнестойкости связана с тем, что «жизнестойкость – это качество, о наличии которого узнаешь лишь после того, как пришлось им воспользоваться» [11, с. 92]. Территориям требуется учиться выживать и поддерживать свои конкурентные

позиции еще до того, как в этом возникнет необходимость, и еще без четкого понимания, когда и какие именно угрозы появятся, т.е. им надо формировать конкурентный иммунитет. Думается, что жизнестойкость зависит от умения минимизировать риски при ведении конкурентной борьбы в экономическом пространстве за те или иные ресурсы, активы. Дело в том, что жизнестойкость территории не означает ее неуязвимость, – скорее, это способность восстанавливать функционирование и конкурентоспособность после негативных явлений, вызванных деструктивными ситуациями или чрезвычайными происшествиями, способность идти наперекор обстоятельствам, умение находить нетривиальные решения и возвращаться к «дострессовой компетентности».

Противоположностью жизнестойкости является уязвимость территории, которая характеризуется многими, причем изменчивыми, факторами, которые вряд ли возможно свести в какой-либо единый показатель «ожидаемой уязвимости». Тем не менее для классификации возможных сбоев и других деструктивных ситуаций представляется перспективной разработка карты уязвимости территории, состоящей из восьми квадрантов: финансовой уязвимости, стратегической уязвимости, уязвимости в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей, операционной уязвимости, информационной уязвимости, коррупционно-криминальной уязвимости, репутационной уязвимости и демографической уязвимости.

Финансовая уязвимость – это широкий спектр макроэкономических и внутренних финансовых проблем: от возникновения дефицита бюджета до колебания обменного курса валют и изменения цен на топливо и сырье, от ошибок в финансовой отчетности до сбоев в финансово-кредитной инфраструктуре и т.п.

Стратегическая уязвимость связана с негативными событиями, которые можно предотвратить или минимизировать, избрав правильную стратегию. Это могут быть внешнеполитическая нестабильность и протестные выступления населения, погрешности планирования и сезонные колебания потребительского спроса, появление новых конкурентов за рубежом и снижение рейтинга конкурентоспособности и т.п.

Уязвимость в отношении стихийных бедствий и опасных случайностей возникает в связи с суровыми климатическими условиями,

в результате пожаров, наводнений, землетрясений и других природных катаклизмов, а также под влиянием техногенных факторов и вследствие неосторожных действий людей (аварии, катастрофы) и т.п.

Операционная уязвимость связана с вероятностью возникновения экономического ущерба вследствие, например, высоких административных барьеров, сбоев в системе поставок и сбыта, дефицита кадров, присвоения или растраты имущества и т.п.

Информационная уязвимость обусловлена сбоем в бизнесе из-за запоздалой, неполной или искаженной информации о ситуации на рынке, о поведении конкурентов, об изменениях в законодательстве. Также информационная уязвимость вероятна вследствие вирусных или хакерских атак, сбоев IT-систем и т.д.

Коррупционно-криминальная уязвимость порождается прежде всего «заигрыванием» с органами государственной власти и управления, сращиванием власти и бизнеса с криминальными структурами. Она связана с масштабностью теневой экономики, высоким уровнем правонарушений, включая экономические преступления, а также с умышленным вредительством, внутренним и международным терроризмом.

Репутационная уязвимость вероятна как в связи с неадекватным позиционированием территории в экономическом пространстве, так и с некорректными взаимоотношениями с целевыми аудиториями (жителями, инвесторами, представителями бизнеса, туристами и т.д.), властными структурами, СМИ, включая нарушение деловых и этических норм, утрату доверия к власти и бизнесу и т.п.

Демографическая уязвимость обусловлена неблагоприятной демографической ситуацией в стране, регионе, связанной в том числе с миграционными процессами, ростом смертности населения и снижением рождаемости, сложившейся половозрастной структурой населения территории и т.п.

Решить проблему потери жизнестойкости территории по причине того или иного сбоя только методами антикризисного управления вряд ли возможно, поскольку «лечение» в этом случае происходит «в пожарном режиме», а восстановление утраченной жизнестойкости территории сегодня не гарантирует, что завтра она не окажется

снова подорванной. Необходим целый комплекс действий, позволяющих заранее выявлять и оценивать риски и уровень уязвимости территории. Кроме того, требуется разработка совокупности превентивных мероприятий, цель которых не допустить потери жизнестойкости территории.

В современном экономическом пространстве имеется много примеров потери территориями жизнестойкости с последующими деструктивными процессами. Так, проблемы с банкротством Детройта подогрели интерес к жизнестойкости отдельных городов и регионов. В России стала обсуждаться идея введения в законодательство процедуры банкротства территорий вместо решения проблем с долгами регионов в «ручном режиме» путем их погашения за счет федеральных субсидий (так называемый механизм «ручной расшивки»). Пока в российских регионах отвергают эту идею, но исключать вероятность ее проработки не следует, учитывая, например, опыт США, где муниципальное банкротство предусмотрено американским законодательством.

Утрата жизнестойкости в конечном итоге может приводить к упадку целых городов и регионов и даже к исчезновению поселений. Исследование механизмов формирования и поддержания жизнестойкости предполагает изучение факторов, влияющих на нее.

В докладе ООН «Состояние городов мира 2012/2013», в частности, представлены рейтинги, с одной стороны, стремительно исчезающих, а с другой – наиболее быстро развивающихся городов. Мегалополисы, например, оценивались по пяти факторам: по экономической продуктивности, качеству жизни, состоянию инфраструктуры и окружающей среды, а также по социальной справедливости¹.

В 2011 г. Минрегионразвития России сообщило, что за 20 лет в стране исчезло 23 тыс. населенных пунктов. К сожалению, неуклонно растет список городов, находящихся на грани выживания². Например,

---

¹ См.: ООН составила доклад о быстро исчезающих городах. – URL: <http://www.nr2.ru/inworld/409868.html> .

² См.: Руины и нищета. Каждый год с карты России исчезает тысяча населенных пунктов. – URL: <http://svpressa.ru/society/article/58400> .

на Среднем Урале в 2012 г. насчитывалось около 40 городов, деградирующих с экономической точки зрения³.

Сегодня в России существует много проблемных городов, среди которых преобладают моногорода, где градообразующее предприятие определяет практически все происходящие в нем экономические и социальные процессы. Эти территориальные образования наиболее сильно пострадали в результате рыночных реформ и кризисных явлений в экономике, сопровождающихся масштабным спадом производства, резким ростом безработицы. Дело в жесткой зависимости жизнестойкости города от финансово-экономического благополучия градообразующего предприятия. В настоящее время в стране насчитывается около 300 моногородов, в которых проживает 16 млн чел. Правительство РФ подразделяет моногорода на категории по экономической ситуации: стабильные (89 моногородов), наиболее сложные (75) и города, где есть риски ухудшения (149) [3].

По оценкам экспертов Центра стратегических разработок (ЦСР), большинство моногородов могут пойти по пути индустриальной диверсификации и создать от 60 до 90 тыс. рабочих мест. В ЦСР считают, что нужно развивать муниципальные индустриальные парки и особые экономические зоны, где закрепится средний бизнес, который в будущем может стать основой городской экономики. Это приведет к диверсификации местной экономики и ослабит зависимость от градообразующего предприятия [13].

Механизм, способствующим повышению жизнестойкости проблемных территорий России (в том числе моногородов), может стать *комплексная программа региональной аграрно-промышленной кластеризации*, концепция которой разработана авторами настоящей статьи. Реализация подобной программы может явиться предпосылкой для выхода России и ее отдельных территорий из кризиса за счет оптимизации структуры экономики и ее диверсификации, за счет роста аграрного и перерабатывающего производств, легкой промышленности, за счет увеличения численности занятых, за счет стимулирования

---

³ См.: На Среднем Урале нашли «мертвые» муниципалитеты. – URL: <http://www.nr2.ru/ekb/389509.html> .

внутреннего спроса и т.д. В условиях экономических санкций программа позволит решать проблему импортозамещения.

Концепция программы предусматривает создание региональных агропромышленных кластеров. Комплексность программы проявляется в том, что она нацелена не только на развитие агропромышленной сферы, но и на решение многих взаимосвязанных социально-экономических проблем. Предлагаемый комплекс мероприятий может породить мощнейший мультипликативный эффект, что позволяет рассматривать программу в качестве значимого антикризисного проекта. Данные мероприятия частично финансируются из государственного бюджета, а также предполагается привлечение инвесторов на основе государственно-частного партнерства. На рисунке 1 представлены институциональные предпосылки программы.

Особенностью нашего предложения является то, что аграрно-промышленный кластер формируется не только и не столько за счет

Рис. 1. Институциональные предпосылки комплексной программы региональной аграрно-промышленной кластеризации

объединения уже существующих хозяйствующих структур и налаживания связей между ними. Кластер и ряд структур, его составляющих могут создаваться почти «с нуля». Очень важно, что при этом могут быть задействованы территории, ранее хозяйственно не освоенные.

Основные составляющие программы аграрно-промышленной кластеризации показаны на рис. 2. Пошаговый алгоритм программы и комплекс программных мероприятий представлены в ряде наших работ [4–6]. В ходе реализации программы можно решить многие жизненно важные для России проблемы:

- поднять сельскохозяйственное производство;
- воссоздать отечественное перерабатывающее производство на современной технологической и экономической основе;
- внести вклад в решение жилищной проблемы;
- повысить жизнестойкость территорий и региональную конкурентоспособность;
- решить проблему занятости в моногородах, разместив в них предприятия пищевой, легкой и фармацевтической промышленности, строительные и ремонтные производства, логистические организации (транспортные, складские, снабженческие и др.), предприятия, производящие машины и оборудование для сельского хозяйства и перерабатывающих производств, научно-исследовательские и учебные заведения и т.д.;
- обеспечить приток населения на малонаселенные территории, стратегически важные для России, например на территории Сибири и Дальнего Востока;
- создать дополнительные рабочие места в дорожном и жилищном строительстве, в производстве стройматериалов, в сооружении объектов инфраструктуры, в сферах разработки и производства сельскохозяйственной техники и оборудования для перерабатывающей промышленности и т.д.;
- стимулировать внутреннее потребление;
- создать условия для восстановления трудовой мотивации работников в сельском хозяйстве;
- решить продовольственную проблему и обеспечить продовольственную безопасность страны;

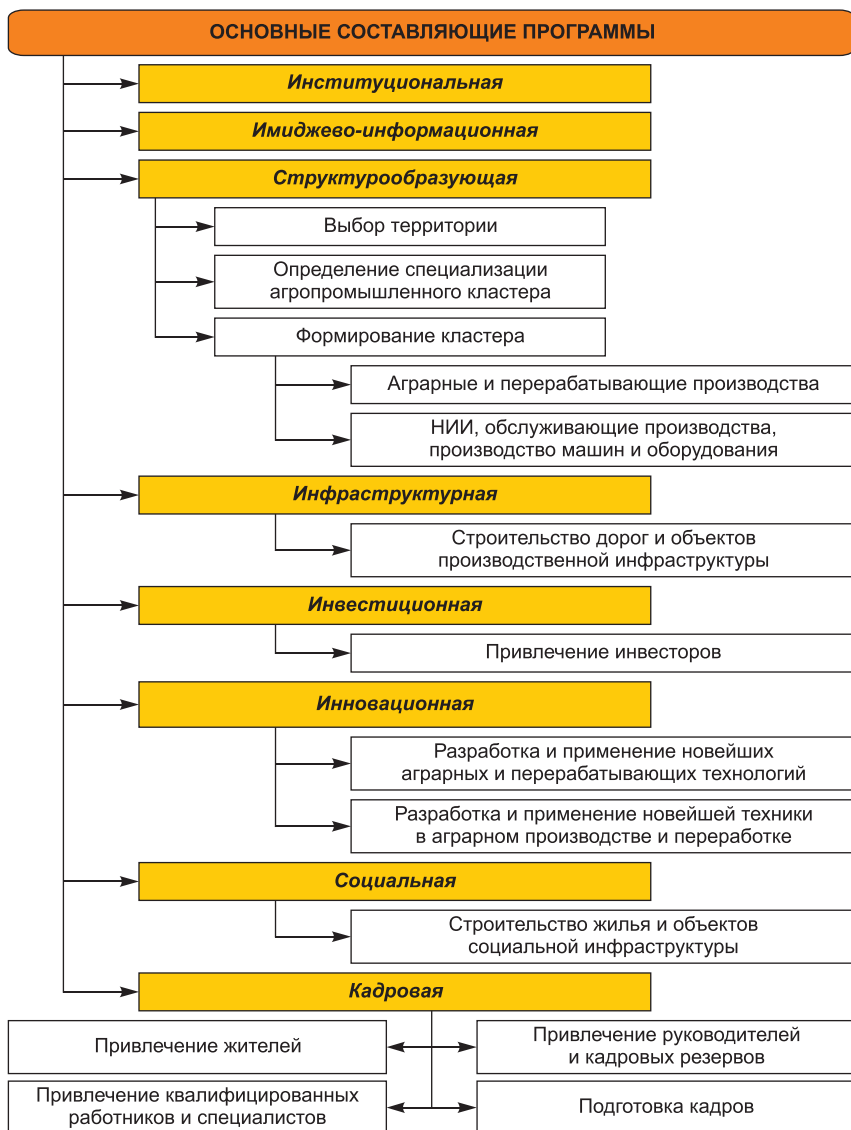

Рис. 2. Основные составляющие комплексной программы региональной агропромышленной кластеризации

- обеспечить удовлетворение потребностей населения за счет собственного производства одежды, обуви, кожгалантереи и проч. из отечественного сырья;
- улучшить лекарственное обеспечение населения и т.д.

Реализация программы даст возможность повысить жизнестойкость как городов и регионов, так и страны в целом, позволит существенно поднять уровень и качество жизни населения, будет способствовать росту национального благосостояния, социально-экономической суверенизации, нивелирует соответствующие угрозы национальной безопасности.

Диверсификация и кластеризация экономики возможны, к сожалению, не везде, они не могут быть гарантированными моделями помощи всем территориям. Поэтому Минэкономразвития некоторые неперспективные моногорода предлагает «закрывать», а их жителям придется стать более мобильными, т.е. быть готовыми к переезду в другие места.

В России предпринимались попытки сохранить ряд стагнирующих, теряющих жизнестойкость регионов путем их объединения⁴. Проанализировав результаты объединений ряда регионов, сотрудники Института современного развития пришли к выводу, что суммарно они имеют нулевой эффект [8]. Этот проект власти не повысил управляемость территорий, не решил назревшие социально-экономические проблемы, тормозящие развитие территорий и снижающие их жизнестойкость. Эксперты не обнаружили никакого экономического эффекта от всех таких объединений.

Адекватная региональная политика – это не только управление по вертикали, но и связь по горизонтали между регионами через совместные инфраструктурные проекты, развитие межрегиональной кооперации. Не случайно В.Н. Лексин среди многочисленных российских

---

⁴ С 1 декабря 2005 г. в Пермский край включены Пермская область и Коми-Пермяцкий автономный округ; 1 января 2007 г. Красноярский край объединил Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО и Эвенкийский АО; 1 июля 2007 г. путем слияния Камчатской области и Корякского АО образовался Камчатский край; 1 января 2008 г. в состав Иркутской области вошел Усть-Ордынский Бурятский АО; 1 марта 2008 г. Забайкальский край объединил Читинскую область и Агинский Бурятский АО.

рисков для стабильного функционирования государства и регионов особо выделил риски, обусловленные разорванностью экономического и социального пространства – крайне слабыми хозяйственными и социальными связями между большинством регионов и муниципальными образованиями [12].

В конкурентном экономическом пространстве жизнестойкость территории все больше зависит от ее умения сотрудничать и завоевывать доверие, так как разделение рисков с другими, конкурирующими территориями минимизирует возможные потери. Чем с большим числом экономических агентов сотрудничает территория, тем выше ее жизнестойкость, хотя необходимо отметить, что с увеличением числа партнеров на конкурентном рынке могут увеличиваться и риски. Однако и применительно к территориям сохраняет актуальность утверждение, что «сотрудничество – это рискованный, но и неизбежный выбор бизнеса» [15, с. 35].

В достижении своих целей территориям приходится все больше сотрудничать с другими регионами, компаниями. Поэтому у ряда ученых-экономистов и практиков возникла идея: нельзя ли получить выгоду от сотрудничества и с конкурентами (раз уж они все равно существуют и никуда не исчезнут) или по крайней мере разделить с ними риски? Особенно привлекательным представляется конструктивное объединение преимуществ сотрудничества с выгодами от конкуренции [7; 10; 14]. Сотрудничество может стать основой для формирования стратегического преимущества, платформой для снижения уязвимости и повышения жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве. Диалектика экономического развития показывает, что существование и даже процветание конкурентов могут быть выгодными. Иногда лучший способ добиться успеха – это дать возможность преуспеть другим [1].

Конкурентное сотрудничество компаний и особенно территорий в российской экономике по-прежнему редкое явление. Потенциал конкурентного сотрудничества остается недооцененным либо вообще не востребованным. Но уже приходит понимание того, что конкурентное сотрудничество – это неизбежность, которую надо не только признать, но и максимально использовать в целях снижения своей

уязвимости и повышения жизнестойкости в конкурентном экономическом пространстве. Это подтвердили результаты социологического опроса, проведенного авторами в середине 2013 г.⁵ Оказалось, что респонденты позитивно относятся к конкурентному сотрудничеству территорий: три четверти опрошенных ответили «да» и «скорее да, чем нет» (табл. 1).

Конкурентная борьба ведется регионами для того, чтобы быть и оставаться в будущем лидерами в стране по уровню социально-экономического развития, становиться все более привлекательными для инвестиций, для притока квалифицированных кадров и т.д. Однако стремление победить в конкурентной борьбе любой ценой не всегда ведет к позитивному результату в полном смысле этого слова. Зачастую не имеет смысла биться до победного конца. Обычно конкурирующие регионы идут на добровольное самоограничение своих экономических интересов и между ними развивается конкурентное сотрудничество, для реализации которого существует три основные причины:

1) возникают разного рода ситуации политического, социально-экономического и природного характера, которые требуют от конкурирующих регионов скоординированных действий;

---

⁵ Опрос был посвящен оценке конкуренции и перспектив становления конкурентного сотрудничества территорий в современном экономическом пространстве. Всего было получено 367 анкет от представителей органов власти и управления (128 респондентов), бизнеса (111 респондентов) и научного сообщества (142 респондента) Уральского и Приволжского федеральных округов. Среди представителей власти и управления депутаты областных и городских дум, ведущие специалисты экономических министерств и ведомств Свердловской, Челябинской, Тюменской, Оренбургской и Курганской областей, а также работники экономических комитетов городов Екатеринбург, Нижний Тагил, Ижевск, Пермь. В числе представителей бизнеса руководители и заместители руководителей предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в Свердловской, Тюменской, Курганской, Челябинской, Пермской областях, а также в Республике Башкортостан и Удмуртской Республике. Научное сообщество в опросе представлено учеными-экономистами Института экономики УрО РАН, Уральского государственного экономического университета, Тюменского государственного нефтегазового университета, Пермского национального исследовательского политехнического университета и Удмуртского государственного университета.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Поддерживаете ли вы конкурентное сотрудничество соперничающих территорий?», %

Вариант ответа	Все респонденты	В том числе представители		
		власти	бизнеса	науки
Да	27	19	24	36
Скорее да, чем нет	46	57	34	45
Скорее нет, чем да	12	14	18	6
Нет	7	4	9	7
Затрудняюсь ответить	8	6	15	6
В с е г о	100	100	100	100

2) у конкурирующих регионов имеются общие интересы (например, в создании и эксплуатации инфраструктурных объектов, в борьбе с различного рода преступлениями, в том числе в экономической сфере и т.д.);

3) зачастую масштабная и ожесточенная борьба не стоит «пролитой крови», поскольку «конкурентные затраты» оказываются больше, чем полученный выигрыш.

Добровольное ограничение регионами своих экономических интересов в целях достижения консенсуса – весьма новый взгляд на конкурентное поведение территорий в современной России. Примечательно, что более половины участников опроса поддерживают некоторые самоограничения территорий при организации конкурентного сотрудничества. На вопрос: «Поддерживаете ли вы некоторые ограничения территорий, применяемые ими самими при организации конкурентного сотрудничества?» – были получены следующие ответы: «да» – 11% респондентов, «возможно, но избирательно» – 51%, «нет» – 16% и «затрудняюсь ответить» – 22%.

Среди наиболее результативных мер поддержки конкурентного сотрудничества территорий все три группы респондентов вполне справедливо выделили участие в стратегических проектах, альянсах

(23% опрошенных), а также совместную реализацию целевых программ (24%). В мире, в том числе и в России, известны случаи успешного сотрудничества в разработке и реализации межрегиональных стратегических проектов с участием нескольких конкурирующих территорий. Например, в Уральском фармацевтическом кластере объединены 25 предприятий Свердловской и Челябинской областей. А в проекте строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали Екатеринбург – Москва выразили намерение участвовать Владимирская и Нижегородская области, Республика Татарстан и Республика Башкортостан. В октябре 2013 г. открыта трасса Ивдель – Ханты-Мансийск, которая даст мощный импульс развитию двух крупнейших регионов Уральского федерального округа – Ханты-Мансийского АО и Свердловской области. Конкурентное сотрудничество территорий получает признание и на международном уровне. Так, Зауралье и Казахстан планируют создать международное объединение городов – приграничную агломерацию Кургана и Петропавловска⁶.

Нельзя оставить без внимания и то, что становление конкурентного сотрудничества территорий немыслимо без должного доверия как в экономике соперничающих территорий, так и непосредственно во взаимоотношениях между самими регионами и муниципалитетами. Доверие стимулирует экономическое взаимодействие, обеспечивает стремление к сотрудничеству и выполнению принятых на себя обязательств. Как утверждает М. Грановеттер, «экономическая деятельность часто загнана в угол из-за отсутствия доверия» [9, с. 83].

К сожалению, в России, в большинстве ее регионов и городов доверие к власти со стороны бизнеса и населения остается на низком уровне. Требуется также повысить уровень доверия в экономике страны между регионами. Наш опрос показал, что 42% респондентов оценили уровень доверия в экономике как «ниже среднего» и «низкий» (табл. 2). Причем если у представителей власти доля таких ответов составила 26%, то у бизнесменов – 41%, а у научного сообщества – уже более половины (56%).

---

⁶ См.: *Агломерация без границ*. – URL: [http:// www.invur.ru/news&id=103821](http://www.invur.ru/news&id=103821) .

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как бы вы оценили сегодняшний уровень доверия в экономике России (между регионами – субъектами РФ)», %

Вариант ответа	Все респонденты	В том числе представители		
		власти	бизнеса	науки
Высокий	–	–	–	–
Выше среднего	5	8	4	4
Средний	42	58	40	29
Ниже среднего	30	22	27	39
Низкий	12	4	14	17
Затрудняюсь ответить	11	8	15	11
В с е г о	100	100	100	100

Думается, что в данном случае представители власти, которые провозглашают ориентацию на сотрудничество и становление доверия в экономике, в своих ответах выдают желаемое за действительное. Проблема формирования доверия между регионами и в экономике России в целом остается крайне актуальной, и от ее решения будут зависеть в том числе конкурентная зрелость и жизнестойкость территорий в современном экономическом пространстве.

В России, особенно в последнее время, сотрудничество территорий получает свое материальное воплощение. Так, 6 ноября 2014 г. Ханты-Мансийский АО и Томскую область, ранее разделенные р. Вах, связал новый мост. Его пропускная способность составляет 5,5 тыс. единиц транспорта в сутки. В строительстве объекта участвовали бюджеты Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого автономных округов, Тюменской и Томской областей. Мостовой переход считается одним из основных объектов Северного широтного коридора – автомобильной дороги Пермь – Серов – Ханты-Мансийск – Сургут – Нижневартовск – Томск.

Повышение жизнестойкости территорий, несомненно, обеспечивается не только диверсификацией их экономики и развитием

конкурентного сотрудничества. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве непосредственно зависит и от институциональной среды для бизнеса, и от мобильности экономики в данном регионе, и от репутационной зрелости территории.

Не вызывает сомнений, что жизнестойкость территорий будет тем выше, чем совершеннее будет институциональная среда, регламентирующая предпринимательскую деятельность. О том, насколько это актуально для современной России, убедительно говорят результаты исследования Всемирного банка, в котором представлена оценка регулирования предпринимательской деятельности в 30 городах России. Исследование показало, что несмотря на наличие единого правового и институционального поля, местные органы власти зачастую по-разному истолковывают и применяют федеральные законы⁷. Так, срок создания компаний составил от 16 дней в Калининграде до 33 дней в Екатеринбурге. Стоимость регистрации компании варьирует от 1,7% от годового дохода на душу населения в Казани до 3% в Сургуте и Хабаровске (при средней по России в размере 2,3%). Срок получения разрешений на строительство составляет от 150 дней в Сургуте до 448 дней в Твери (при среднероссийском показателе 269 дней), а затраты на получение разрешений на строительство – от 40% от дохода на душу населения в Казани до 418% в Самаре. Регистрация прав собственности – 13 дней в Хабаровске и 60 дней в Якутске. Присоединение к электрическим сетям во Владикавказе занимает 120 дней, а в Екатеринбурге – 360 дней.

Следует согласиться с утверждением, что в России при несовершенной институциональной среде и неразвитости федерализма, предусматривающего экономическую и политическую автономию регионов, большинство территорий оказываются просто не в состоянии участвовать в глобальной экономике, привлекать инвестиции, а в конечном счете – сохранять свою жизнестойкость [2]. У многих территорий уязвимость сопровождается депрессивностью и безынициативностью, но это не только и не столько следствие дефицита тех или

---

⁷ См.: *Ведение бизнеса в России* – 2012. – URL: <http://russian.doingbusiness.org/reports/subnational-reports/russia> .

инных ресурсов, а в значительной степени продукт слабой институциональной «поддержки».

В архитектуре жизнестойкости территории все активнее проявляет себя репутационная зрелость регионов и городов, составляющими которой выступают их привлекательный имидж и позитивная репутация. Дело в том, что действенные имиджево-репутационные преобразования не только ведут к результативному продвижению территорий в конкурентном экономическом пространстве, но и практически не тиражируются. Общеизвестно то, что имидж и репутацию невозможно купить, их можно только заработать.

В проведенном авторами в 2013 г. социологическом опросе был задан вопрос: «За что, по вашему мнению, конкурируют регионы и города?». В качестве приоритетных целей конкурентной борьбы регионов и городов респонденты отметили следующие: «привлечение российских и иностранных инвестиций» (18% от общего числа ответов), «право проведения деловых, культурных и спортивных мероприятий» (13%), «привлекательный имидж и позитивная репутация» (10%). В этой связи представляется важным знать наиболее результативные инструменты формирования привлекательного имиджа и позитивной репутации территории. Результаты опроса выявили следующие три наиболее результативных инструмента: «стратегические проекты развития регионов и городов» (14% от общего числа ответов), «организацию выставок, ярмарок, конкурсов и т.д.» (13%) и «проведение деловых, культурных и спортивных мероприятий» (13%).

Сегодня, когда мир и Россия вступают в новый виток экономического кризиса, мобильность экономики, т.е. отсутствие привязанности к конкретному месту, виду экономической деятельности, свободное движение в экономическом пространстве, это способ более эффективного использования имеющихся ресурсов и активов, способ сохранения жизнестойкости компаний, городов и регионов. Мобильность⁸ все более явно становится непременным условием ведения бизнеса.

---

⁸ Согласно Экономическому словарю (2007 г.), мобильность (англ. *mobility*) – мера подвижности экономических ресурсов, факторов производства, их способность перемещаться между разными сферами использования.

Об этом, в частности, говорит и то, что понятие мобильности из ИТ-сферы активно переходит в менеджмент и управление бизнесом.

Конкурентная экономика, с одной стороны, все заметнее инициирует создание новых фирм и содействует их активной деятельности, до тех пор пока вновь созданные корпорации остаются конкурентоспособными. С другой стороны, она беспощадно избавляется от тех компаний, которые теряют жизнестойкость, не могут успешно бороться с конкурентами на соответствующем рынке. Сейчас все меньше компаний сохраняют шансы на то, чтобы оставаться в категории «долгожителей» и удерживать свои позиции на конкурентном рынке. Если в 20–30-е годы XX в. ротация предприятий в индексе Standard and Poor's (S&P) составляла около 1,5% в год (компании, попавшие в S&P, могли рассчитывать на сохранение своих позиций в нем в среднем в течение 65 лет), то экстраполяция данных за предшествующие периоды позволяет утверждать, что к концу 2020 г. средняя продолжительность пребывания компаний в индексе S&P 500 сократится примерно до 10 лет при 20 годах сегодня [17].

«Созидательное разрушение», органично встраиваясь в механизм рыночной экономики, становится, согласно теории роста Й. Шумпетера, стратегическим ресурсом повышения качества экономического развития. Мобильность экономики, проявляющаяся в том числе через приход на рынок новых фирм и уход с рынка старых, все заметнее формирует новые рынки, внося тем самым вклад в повышение общей производительности многих стран мира. Так, одно из исследований вклада факторов роста в общую производительность труда таких индустриальных стран, как Великобритания, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Португалия, США, Финляндия и Франция, показало, что в период с 1987 по 1997 г. вклад входа фирм на рынок и выхода с рынка составил в среднем около 25%.

Общая оборачиваемость компаний (отношение суммы количества вступивших на рынок и выбывших с рынка в процентах к общему числу организаций на рынке хозяйствующих субъектов) в экономике развитых стран в среднем за последние 10 лет составила около 20% (в России – около 15%), т.е. примерно пятая часть всех фирм экономически развитых стран каждый год меняется. При этом темп входа

новых компаний на рынок в среднем составлял около 12% (в России – 10%), а выхода старых – 8% (в России – около 5%). В то же время анализ данных о «перемешивании фирм» фиксирует превышение темпов входа компаний на рынок над темпами выхода, что опять-таки объясняется процессом «созидательного разрушения», при котором замена организаций обусловливается их готовностью участвовать в конкурентной борьбе, сохранять свою жизнестойкость.

Процесс «созидательного разрушения», когда новые организации непрерывно заменяют старые, утратившие жизнестойкость, имеет не только особенности соответственно видам экономической деятельности или формам собственности хозяйствующих субъектов, но и ярко выраженную дифференциацию в современном экономическом пространстве, в том числе и в региональном формате. Заметные региональные особенности вступления на рынок новых компаний и ухода старых прослеживаются как у федеральных округов, так и у отдельных субъектов Федерации внутри округа. С 2001 по 2013 г. общая оборачиваемость организаций имела тенденцию роста во всех без исключения федеральных округах и в большинстве субъектов Федерации. Наиболее высокое ее значение сохраняется в последние годы в Сибирском, Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Лидером по входу новых компаний на рынок среди федеральных округов является Уральский, а внутри него тон задают индустриально развитые Свердловская и Челябинская области (табл. 3).

Региональные различия в мобильности компаний объясняются рядом факторов, среди которых специфические особенности существующего потенциала территории (сырьевая и отраслевая специализация, степень диверсификации экономики, уровень инфраструктурного обустройства, имидж и репутация и т.д.), развитость институциональной среды, место и роль в общероссийском разделении труда. Однако анализ данных о «перемешивании организаций», как правило, указывает на то, что в более устойчивых, динамично развивающихся регионах темпы входа новых компаний на рынок хозяйствующих субъектов выше, чем в других регионах. В значительной степени общая оборачиваемость организаций определяется насыщением рынка хозяйствующих субъектов малым бизнесом.

Таблица 3

Мобильность организаций на рынке хозяйствующих субъектов в среднем за 2001–2013 гг., % к общему числу организаций*

Федеральный округ	Среднегодовой вход на рынок новых организаций	Среднегодовой выход с рынка старых организаций	Среднегодовая общая оборачиваемость организаций (вход на рынок и выход с рынка)
Российская Федерация	10,0	4,8	14,8
Центральный	10,0	3,6	13,6
Северо-Западный	10,3	5,0	15,3
Южный	8,0	5,3	13,3
Северо-Кавказский	7,2	4,4	11,6
Приволжский	10,4	5,6	16,0
Уральский	11,1	5,3	16,4
В том числе:			
Курганская обл.	7,6	5,7	13,3
Свердловская обл.	12,2	6,2	18,4
Тюменская обл.**	10,0	4,5	14,5
Ханты-Мансийский АО	9,4	3,6	13,0
Ямало-Ненецкий АО	9,6	4,5	14,1
Челябинская обл.	11,1	4,5	15,6
Сибирский	10,8	6,5	17,3
Дальневосточный	10,3	5,8	16,1

* Рассчитано по данным Росстата.

** Включая Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Малое предпринимательство, которое быстрее реагирует на происходящие на рынке перемены, на те или иные деструктивные события в экономике страны и отдельных ее регионах, отличается высокой мобильностью. Многократно доказано, что развитие малого и среднего бизнеса составляет основу не только материального благосостояния, но и экономической безопасности страны.

Представляется, что малое предпринимательство является необходимым и стратегическим активом в плане сохранения и укрепления жизнестойкости территорий в конкурентном экономическом пространстве. Мировая практика показала возможность значительного повышения конкурентоспособности и жизнестойкости территорий за счет современных форм организации малого бизнеса: кластеров, венчурных фирм, технопарков, технополисов. Необходимо добавить и то, что малые предприятия вносят весомый вклад в стабилизацию социальной ситуации в регионах и городах, создавая новые рабочие места, повышая благосостояние местного населения и увеличивая налоговые поступления в соответствующие бюджеты. Будет справедливым утверждать, что инициатива местных органов власти, направленная на поддержку малого и среднего бизнеса, позволит не только сохранить, но и повысить жизнестойкость территории в конкурентном экономическом пространстве.

Список источников

1. *Бранденбургер А., Нейлбафф Б.* Co-opetition. Конкурентное сотрудничество в бизнесе. – М.: ООО «Кейс»; ООО «Омега-Л», 2012. – 352 с.
2. *Бусыгина И.М., Филиппов М.Г.* Конкурентоспособность российских регионов: хорошие институты или хорошая география? // *Общественные науки и современность.* – 2013. – № 6. – С. 5–14.
3. *Бухарова О.* Каждый рубль к месту. На развитие моногородов будет выделено 30 миллиардов. – URL: <http://www.rg.ru/2014/11/18/monogoroda.html> (дата обращения 18.11.2014).
4. *Важенина И.С.* Аграрно-промышленная кластеризация как инструмент социально-экономической суверенизации России // *Проблемы теории и практики управления.* – 2014. – № 7. – С. 48–57.
5. *Важенина И.С.* Концептуальные основы обеспечения национальной безопасности России и повышения благосостояния населения на основе аграрно-промышленной кластеризации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2010. – № 13. – С. 2–10.
6. *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Алгоритм конструирования региональных аграрно-промышленных кластеров в модернизируемой экономике // *Экономика региона.* – 2010. – № 1. – С. 129–136.

7. Волков С.К. Кооперация регионов как фактор повышения конкурентоспособности близлежащих территорий // Маркетинг в России и за рубежом. – 2014. – № 3. – С. 103–107.
8. Городецкая Н., Скачкова К. Это была попытка управлять территорией страны как корпорацией // Коммерсант. – 2010. – 8 апр.
9. Грановеттер М. Экономические институты как социальные конструкторы: рамки анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII, № 1. – С. 76–88.
10. Жихаревич Б.С. Стратегическое планирование как фактор стимулирования региональной сотруенции // Регион: экономика и социология. – 2011. – № 1. – С. 3–14.
11. Кутю Д. Секреты жизнестойкости // Управление бизнесом в бурные времена. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 243 с.
12. Лексин В.Н. Региональная действительность и региональные исследования // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 2 (82). – С. 7–38.
13. Мельников А. Кризис моногородов. Сжимать или ликвидировать? – URL: <http://kapital-rus.ru/articles/article/243012> (дата обращения 31.01.2014).
14. Тарануха Ю.В. Стратегия поведения в современной конкуренции // Маркетинг в России и за рубежом. – 2014. – № 2. – С. 68–84.
15. Уэлборн Р., Кастен В. Деловые партнерства: Как преуспеть в совместном бизнесе. – М.: Вершина, 2004. – 336 с.
16. Факторы роста на уровне фирм // Проблемы теории и практики управления. – 2005. – № 5. – С. 80–87.
17. Фостер Р., Каплан С. Созидательное разрушение: Почему компании, «построенные навечно», показывают не лучшие результаты и что надо сделать, чтобы поднять их эффективность. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. – 378 с.
18. Чернявский И. Концепция жизнестойкости // Экономист. – 2008. – № 5. – С. 71–77.
19. Шеффи Й. Жизнестойкое предприятие: Как повысить надежность цепочки поставок и сохранить конкурентное преимущество. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 301 с.

Информация об авторах

Важенин Сергей Григорьевич (Россия, Екатеринбург) – кандидат экономических наук, заведующий сектором. Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: svazhenin@mail.ru).

Важенина Ирина Святославовна (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник. Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29, e-mail: isvazhenina@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150609

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 175–199

S.G. Vazhenin, I.S. Vazhenina

RESILIENCE OF THE TERRITORIES IN A COMPETITIVE ECONOMIC ENVIRONMENT

The article presents an authors interpretation of the resilience and vulnerability of the territory in a competitive economic environment. A promising method to classify possible failures and other destructive situations is creating vulnerability maps of the territories. A conclusion is made based on the sociological survey conducted by the authors: in order to reduce the vulnerability and increase the resilience of the territories, it is necessary to maximize competitive cooperation between the territories. As one of the mechanisms to raise the resilience of the territories, the authors propose a program of agro-industrial clustering. It is shown that the resilience of the territories directly depends on the institutional environment for business in the region, the mobility of the economy in this territory, and the reputation of the territory in a competitive economic environment.

Keywords: resilience and vulnerability of the territory, competitive cooperation, agro-industrial clustering, trust, mobility of the economy

References

1. *Brandenburger, A. & B. Nalebuff* (2012). Co-opetition. Konkurentnoe sotrudnichestvo v biznese [Co-Opetition: A Revolution Mindset That Combines Competition and Cooperation]. Moscow, ООО Omega-L, 352.

2. *Busygina, I.M. & M.G. Filippov* (2013). Konkurentosposobnost rossiyskikh regionov: khoroshie instituty ili khoroshaya geografiya? [Competitiveness of Russian regions: Good institutions or good geography?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporaneity], 6, 5–14.
3. *Bukharova, O.* Kazhdyi rubl k mestu. Na razvitie monogorodov budet vydeleno 30 milliardov [Each ruble is in its place. Russia to spend 30 billion rubles on development of single-industry towns]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/11/18/monogoroda.html> (date of access: 18.11.2014).
4. *Vazhenina, I.S.* (2014). Agrarno-promyshlennaya klasterizatsiya kak instrument sotsialno-ekonomicheskoy suverenizatsii Rossii [Agro-industrial clustering as a Russia's tool to achieve social and economic sovereignty]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the Theory and Practice of Management], 7, 48–57.
5. *Vazhenina, I.S.* (2010). Kontseptualnye osnovy obespecheniya natsionalnoy bezopasnosti Rossii i povysheniya blagosostoyaniya naseleniya na osnove agrarno-promyshlennoy klasterizatsii [Conceptual bases of ensuring the national security of Russia and improving the welfare of the population on the basis of agro-industrial clustering]. *Natsionalnye interesy: priority i bezopasnost* [National Interests: Priorities and Security], 13.
6. *Vazhenina, I.S. & S.G. Vazhenin* (2010). Algoritm konstruirovaniya regionalnykh agrarno-promyshlennykh klasterov v moderniziruемой ekonomike [Algorithm for construction of regional agrarian-industrial clusters in the modernized economy]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 1.
7. *Volkov, S.K.* (2014). Kooperatsiya regionov kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti blizlezhashchikh territoriy [Regional cooperation as a factor for the increase in competitiveness of neighboring territories]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and Abroad], 3, 103–107.
8. *Gorodetskaya, N. & K. Skachkova* (2010). Eto byla popytka upravlyat territoriei strany kak korporatsiei [This was an attempt to run a territory as a corporation]. *Kommersant*, 8 April.
9. *Granovetter, M.* (2004). Ekonomicheskie instituty kak sotsialnye konstrukty: ramki analiza [Economic institutions as social constructions: a framework for analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], volume VII, issue 1, 76–88.
10. *Zhikharevich, B.S.* (2011). Strategicheskoe planirovanie kak faktor stimulirovaniya regionalnoy sotruentsii [Strategic planning as a factor of cooperative competitiveness]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 1, 3–14.
11. *Coutu, D.* (2006). Sekrety zhiznestoykosti [How Resilience Works]. *Upravlenie biznesom v burnye vremena* [Business Planning in Turbulent Times]. Moscow, Alpina Business Books, 243.

12. *Leksin, V.N.* (2014). Regionalnaya deystvitel'nost' i regionalnye issledovaniya [Reality of regions and regional research]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2 (82), 7–38.
13. *Melnikov, A.* Krizis monogorodov. «Szhimat» ili likvidirovat? [Single-industry towns in crisis. Force together or liquidate?]. Available at: <http://kapital-rus.ru/articles/article/243012> (date of access: 31.01.2014).
14. *Taranukha, Yu.V.* (2014). Strategiya povedeniya v sovremennoy konkurentsii [Behavior strategy in contemporary competition]. Marketing v Rossii i za rubezhom [Marketing in Russia and Abroad], 2, 68–84.
15. *Wellborn, R. & V. Casten* (2004). Delonye partnerstva: Kak preuspet v sov-mestnom biznese [Business Partnerships: How to Succeed in Joint Business]. Moscow, Vershina, 336.
16. *Fakto-ry* rosta na urovne firm [Growth factors at the enterprise level] (2005). Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of the Theory and Practice of Management], 5, 80–87.
17. *Foster, R. & S. Kaplan* (2005). Sozidatel'noe razrushenie. Pochemu kompanii, «postroennye navechno», pokazyvayut ne luchshie rezul'taty i chto nado sdelat', chtoby podnyat ikh effektivnost' [Creative Destruction. Why Companies That Are Built to Last Underperform the Market—And How to Successfully Transform Them]. Moscow, Alpina Business Books, 378.
18. *Chernyavskiy, I.* (2008). Kontseptsiya zhiznestaykosti [The concept of resilience]. Ekonomist [Economist], 5, 71–77.
19. *Sheffi, Y.* (2006). Zhiznestaykoe predpriyatie: kak povysit nadezhnost' tse-pochki postavok i sokhranit konkurentnoe preimushchestvo [The Resilient Enterprise: Overcoming Vulnerability for Competative Advantage]. Moscow, Alpina Business Books, 301.

Information about the authors

Vazhenin, Sergey Grigorievich (Yekaterinburg, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Department Head at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: svazhenin@mail.ru).

Vazhenina, Irina Svyatoslavovna (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Leading Researcher at the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya st., Yekaterinburg, 620014, Russia, e-mail: isvazhenina@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 26.01.2015 г.

УДК 33с5.04

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 200–223

Н.М. Журавель

**СИСТЕМНАЯ ОЦЕНКА
ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
НАИЛУЧШИХ ДОСТУПНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В статье рассмотрены последствия изменений на основе наилучших доступных технологий (НДТ) законодательства в природоохранной деятельности предприятий. Предложена иерархическая группировка наиболее значимых факторов, определяющих уровень эколого-экономической эффективности НДТ, показаны взаимодействие факторов и представлен тип используемых измерителей этого уровня. Эффективность НДТ анализируется с позиций влияния на технологию региональных природных факторов, при этом используются конкретные примеры по угольной и нефтегазовой отраслям как важнейшим участникам природоохранной деятельности. Обобщены исследования по замене существующих технологий на НДТ для сокращения ущерба природным комплексам сибирских угледобывающих регионов с привлечением методик оценки предотвращенного ущерба. Сделан вывод о бесспорном влиянии специфики регионального природного фона на размеры этого сокращения и на эффективность НДТ. Установлено, что максимальный экологический эффект возможен на угольных предприятиях Южной Якутии, Дальнего Востока и Кузбасса. Показано, что достижение проектной эффективности НДТ на предприятиях угольной и нефтегазовой отраслей в значительной мере зависит от наличия и грамотного использования базовых элементов системы эколого-экономического менеджмента, особенно оценки воздействия на окружающую среду и мониторинга. Даны рекомендации по применению инди-

каторов устойчивого развития для измерения влияния природных факторов на эффективность НДТ.

Ключевые слова: наилучшие доступные технологии, эколого-экономическая эффективность, измерители, экологический ущерб, индикаторы устойчивого развития региона

Негативное влияние существующей технологической платформы промышленного производства на окружающую среду в большинстве регионов России является реальностью. Изменить это положение призван Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Закон формирует правовые основы и стимулы для модернизации производства, снижения загрязнения окружающей среды, для энерго- и ресурсосбережения и в конечном счете для повышения конкурентоспособности промышленности на основе внедрения наилучших доступных технологий (НДТ). Основные новации закона направлены на реформирование действующей системы регулирования природоохранной деятельности. Важно, что законом предусмотрено введение государственной экологической экспертизы в отношении проектной документации объектов I категории (наиболее крупные загрязнители). Также предусмотрен комплекс мер экономического стимулирования экологической модернизации. Среди этих мер

- отнесение платы за негативное воздействие на природную среду в пределах норматива к себестоимости, за сверхнормативное воздействие – к прибыли;
- включение затрат на осуществление мер по снижению негативного воздействия и внедрение НДТ в счет платы;
- увеличение коэффициентов, применяемых к ставкам платы за сверхнормативное воздействие;
- возмещение затрат на уплату процентов по инвестиционным кредитам;
- введение дополнительного двойного коэффициента амортизации для оборудования, используемого в НДТ.

Переход на НДТ рассматривается как механизм структурной модернизации экономики в целом. Модернизация предприятий будет проводиться на основе программ повышения экологической эффективности, которые разрабатываются на определенный, не подлежащий продлению срок: 14 лет – для градообразующих предприятий и предприятий стратегического назначения, 7 лет – для остальных предприятий. Проектирование и строительство новых объектов, относящихся к областям применения НДТ, в случае использования технологий, не соответствующих показателям НДТ, допускаться не будут.

С учетом того, что предприятиям необходимо время на такую модернизацию, законом предусмотрен поэтапный переход на новую систему регулирования. В 2019–2022 гг. будет осуществлен переход на комплексные экологические разрешения, предполагающие нормирование на основе НДТ для предприятий – крупнейших «загрязнителей» и всех новых предприятий, отнесенных к областям применения НДТ. В этот же период планируется увеличение платы за негативное воздействие на окружающую среду. Плата достигнет размера, сопоставимого со стоимостью мероприятий по снижению уровня загрязнений. В 2022–2023 гг. переход на НДТ и комплексные экологические разрешения будет осуществлен для всех предприятий I категории [4].

К настоящему времени под эгидой Минпромторга России уже образован Межведомственный совет по переходу на принципы НДТ и внедрению современных технологий. Состоялось его первое заседание, на котором одобрен подход к разработке справочников по наилучшим доступным технологиям для различных отраслей промышленности. На официальном сайте Минприроды России уже размещено шесть таких справочников: по обращению с отходами; по переработке черных металлов; по обеспечению энергоэффективности; по экономическим аспектам и вопросам воздействия на различные компоненты окружающей среды; по общим принципам мониторинга; по производству керамических изделий. Всего к 2016 г. планируется разработать 27 справочных документов по НДТ в различных отраслях промышленности.

Накопленный автором статьи опыт исследований как по оценке ущерба, причиняемого природной среде наиболее грязными отраслями –

металлургией и ТЭК, так и по сокращению его путем замены традиционных технологий на экологически более чистые¹ позволяет говорить о необходимости подходить к оценке эколого-экономической эффективности НДТ системно. Системно, на наш взгляд, означает с учетом наиболее значимых факторов, определяющих уровень эколого-экономической эффективности НДТ (ЭЭЭ НДТ), и их взаимодействия или взаимовлияния.

Все значимые факторы могут быть представлены в виде структурной иерархии групп (рис. 1), в рамках которой сделана попытка ранжировать их по возможности оказывать влияние на уровень совместной эколого-социально-экономической эффективности отдельно рассматриваемой НДТ. Внутри каждой из двух более или менее одинаково влиятельных групп верхнего уровня (объективные факторы и субъективные факторы) выделено по две группы второго уровня, обозначаемые как группы А, Б, В, Г. В них факторы объединены по дихотомическому основанию «внешние – внутренние» в зависимости от влияния на эколого-экономическую эффективность НДТ. Причем в совокупности субъективных факторов, на наш взгляд, более влиятельны внешние факторы (группа Г – стоимостные), менее влиятельны – внутренние (группа В – нормативные), а среди объективных факторов, наоборот, большее значение в плане эффективности имеют внутренние (группа Б – экологические), меньшее – внешние (группа А – региональные). Внутри групп второго уровня включенные в них факторы ранжированы в соответствии с их значимостью для эффективности НДТ.

На этой же схеме римскими цифрами для каждого фактора зашифрован тип измерителя, который уже используется или может быть использован для оценки уровня влияния данного фактора на совместную эффективность отдельно рассматриваемой НДТ: I – натуральный, II – условно натуральный, III – стоимостной, IV – трудовой. Арабскими цифрами обозначен уровень использования измерителя: 1 – уже используется; 2 – использование возможно, существуют нормативные материалы, но случаи использования единичны; 3 – использование возможно, но отсутствует нормативная база; 4 – адекватность

---

¹ См., например [1; 12].

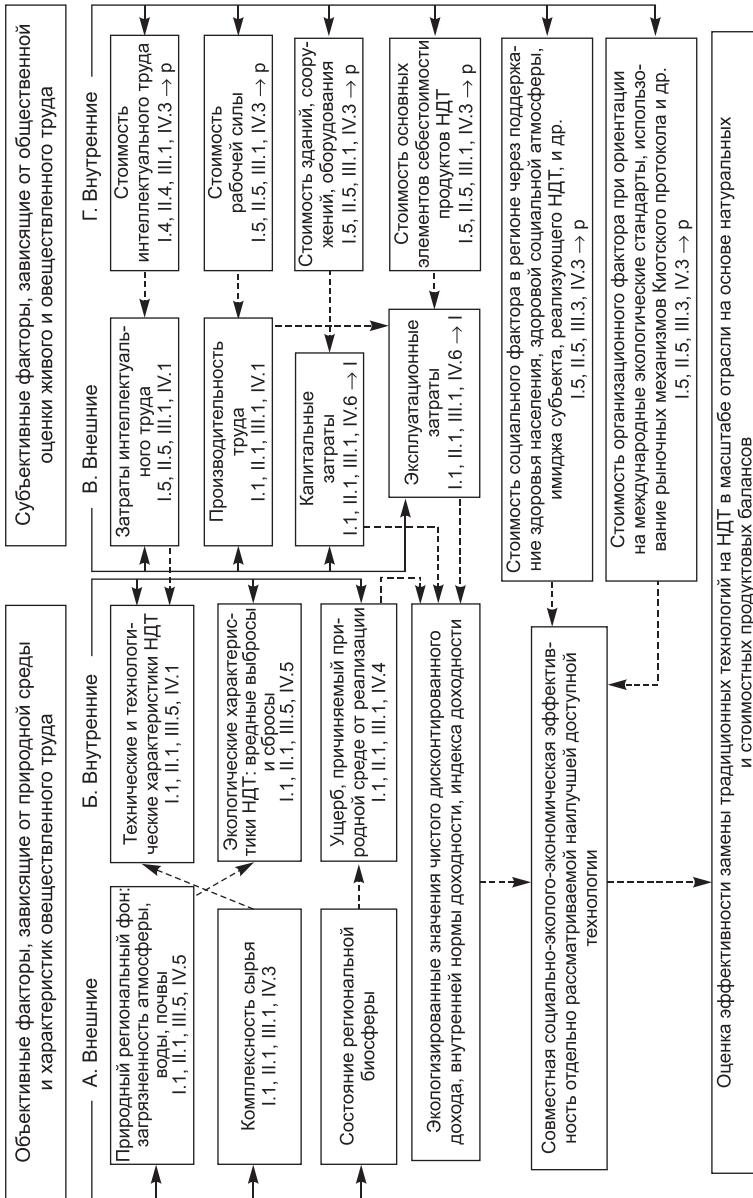

Рис. 1. Факторы эколого-социально-экономической эффективности НДТ, их взаимодействие и соотношение с измерителями эффективности

использования под вопросом; 5 – использование невозможно в принципе; 6 – стрелка указывает возможный способ измерения данного фактора с помощью трудового измерителя: через редукцию труда (р) или через натуральный измеритель (I).

В приведенной на рис. 1 схеме дискуссионным является подход к соизмерению всех факторов в конечном показателе «совместная эффективность отдельно рассматриваемой НДТ». Экономические исследования в этой области говорят о наличии трех видов измерителей экономических показателей: натуральных, трудовых и стоимостных. Безоговорочно можно признать, что наиболее универсальным является стоимостной показатель. Наибольшую точность обеспечивают натуральный показатель и его широко применяемая разновидность – условно натуральный, когда физические единицы объектов, близких по своим свойствам, например товаров, близких по потребительской стоимости, соизмеряются через коэффициенты, отражающие эту близость. Так, в энергетике объемы разных видов энергоресурсов соизмеряются через коэффициенты, отражающие теплотворную способность угля (тут) или нефти (нефтяной эквивалент). В экологии при расчетах ущерба, причиняемого природной среде различными видами загрязнителей (например, для воздушной среды – окислы серы, окислы азота, углекислый газ и др.), их объемы, представленные в натуральных измерителях, соизмеряются через коэффициенты, отражающие относительную экологическую опасность, класс опасности.

Трудовой измеритель в современных экономических условиях занимает очень скромное место и используется в основном в статистических показателях по экономике труда: по нормированию труда, по занятости и миграции населения и т.п. В 2008 г. опубликован документ «Базовые индикаторы результативности. Рекомендации по использованию в практике управления и корпоративной нефинансовой отчетности», подготовленный Российским союзом промышленников и предпринимателей. Рекомендации опираются на апробированные в мировой практике стандарты и регламенты корпоративной ответственности и социальной отчетности, такие как Глобальный договор ООН, Глобальная инициатива по отчетности (GRI). Использование базовых индикаторов позволяет компаниям представлять информацию

о своей деятельности в соответствии с принципами отчетности относительно устойчивого развития по «триединому итогу»: по экономической, социальной, экологической результативности. Общий перечень индикаторов содержит 48 показателей, из них восемь экономических, 18 экологических и 22 социальных. Все экономические показатели имеют стоимостное измерение, большинство экологических, так же как и социальных, – натуральное, кроме двух (взысканный экологический ущерб и инвестиции в основной капитал на объекты окружающей среды), измеряемых в тысячах рублей.

Механизмы увязки типов измерителей при оценке эколого-экономической эффективности НДТ уже рассмотрены нами для блоков экологических и стоимостных факторов (групп Б и Г на рис. 1)². В данной статье сосредоточимся на региональном аспекте ЭЭЭ НДТ, отталкиваясь от идей теории «анклава региона» академика А.Г. Гранберга [3]. Согласно этим идеям, конкретный социальный и эколого-экономический эффект можно реально изучить только применительно к конкретной единице хозяйствования, представляющей собой антропогенную проекцию на природный регион. Такая единица формирует своеобразную природно-антропогенную систему со специфическими экологическими, экономическими, этнографическими, культурными и правовыми отношениями. И в этом анклавном взаимоотношении НДТ как антропогенное порождение не только изменяет природный естественный фон, но и сама вынуждена функционировать, подвергаясь влиянию этого фона. Более того, природный фон становится в ряде случаев первопричиной создания НДТ. Особенно это характерно для регионов, где хозяйственная деятельность осуществляется в экстремальных условиях. Наглядно эта сторона проявления регионального аспекта НДТ демонстрируется ходом реализации регионально-транспортного мегапроекта БАМ, который стал полигоном для создания и отработки новых, уникальных технологий проходки трассы и туннелей в условиях вечной мерзлоты и сложнейших горно-геологических

---

² См.: Журавель Н.М. Эколого-экономическая эффективность наилучших доступных технологий: значимые факторы и их измерители // Вестник НГУ. Сер.: Социально-экономические науки. – 2013. – Т. 13, вып. 4. – С. 27–37 (ч. 1); 2014. – Т. 14, вып. 1. – С. 35–46 (ч. 2).

условиях. А.А. Кин, проанализировавший выполнение этого мегапроекта и знающий проблемы не понаслышке, подчеркивает, что «новые технологии строительства, разработанные для БАМа и апробированные при его сооружении, позволяют сегодня уверенно проектировать и строить дороги и другие объекты в экстремальных природно-климатических условиях» [6, с. 62]. Дальнейшее освоение богатств Сибири и Дальнего Востока непременно породит технологии мирового уровня, как это было при освоении космоса. В этом уверен академик В.В. Кулешов, когда рассматривает перспективы разрабатываемых мегапроектов для сибирских территорий опережающего развития [7].

Рассмотрим влияние на ЭЭЭ НДТ и ее измеримость наиболее значимого фактора регионального блока – *фактора регионального природного фона* (первый фактор в группе А) в связке с предложенным для экологического блока механизмом экологизации финансовых показателей эффективности инвестиционных проектов по реализации конкретной НДТ через учет ущерба окружающей среде региона, предотвращаемого этой технологией. Покажем влияние фактора регионального природного фона для отраслей, значительно зависящих от природных условий, – угольной и нефтегазовой.

Проведенный нами анализ влияния деятельности угольных предприятий Сибири и Дальнего Востока на окружающую среду показал, что наибольший ущерб причиняется земельным ресурсам, в несколько меньшей мере страдают водные ресурсы и атмосфера. Эта ситуация побудила Росстандарт при стандартизации наилучших доступных технологий рассмотреть в первую очередь НДТ обращения с отходами для решения проблем ресурсосбережения в горно-добывающей промышленности³. При прогнозе экономического ущерба от разработки угольных месторождений восточных районов России нами использованы опубликованные нормативные материалы⁴. С их помощью можно учитывать специфику экологического состояния в регионе,

---

³ См.: *Ресурсосбережение*. Наилучшие доступные технологии обращения с отходами в горнодобывающей промышленности. Аспекты эффективного применения: Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 55100-2012. – М.: Стандартиформ, 2013. – 31 с.

⁴ См.: *Методика* определения предотвращенного экологического ущерба / Госкомитет по охране окружающей среды. – М.: Экономика, 1999. – 71 с.

природную значимость ресурса, относительную экологическую опасность загрязняющих веществ. Например, для атмосферы коэффициент опасности по твердым выбросам составляет 2,7, по газообразным – 0,7. Показатель удельного ущерба от выброса в атмосферу

Таблица 1

Прогноз нормативных коэффициентов для расчета эколого-экономического ущерба за период до 2020 г.

Угольные бассейны, месторождения	Коэффициенты для расчета ущерба, руб.			
	по атмосфере от 1 усл. т	по водным ресурсам от 1 усл. т	по земельным ресурсам для 1 га	от неиспользованных отходов для 1 куб. м
<i>Коэффициенты для расчета ущерба в ценах 2015 г.</i>				
РФ	292,88	37378,4	181260,0	7,5
Угольные бассейны:				
Кузнецкий	229,72	43551,0	189718,8	7,1
Канско-Ачинский	208,80	31420,1	201198,6	0,0
Южно-Якутский	140,56	26022,4	54378,0	3,8
Месторождения:				
Восточной Сибири	208,80	26027,0	189718,8	7,8
Дальнего Востока	140,56	26460,1	54378,0	3,7
<i>Коэффициенты для расчета ущерба в ценах 2020 г.</i>				
РФ	323,27	41257,3	200070,0	8,3
Угольные бассейны:				
Кузнецкий	253,56	48070,5	209406,6	7,9
Канско-Ачинский	230,47	34680,6	222077,7	0,0
Южно-Якутский	155,14	28722,9	60021,0	4,2
Месторождения:				
Восточной Сибири	230,47	28727,9	209406,6	8,6
Дальнего Востока	155,14	29206,0	60021,0	4,0

условной тонны массы загрязняющих веществ по региону, приведенных к равной экологической опасности, для Западной Сибири равен 60,2 руб./усл. т, для Восточной Сибири – 46,9, для Дальнего Востока – 44,2 руб./усл. т. Коэффициент экологической ситуации – соответственно 1,2; 1,4; 1,0.

Критическое осмысление полученных на основе этой методики результатов, говорящих о подавляющем влиянии неиспользованных пород и отходов обогащения на общий эколого-экономический ущерб, дало основание утверждать, что применительно к угольной промышленности собственнo отходами следует считать только отходы обогащения, составляющие около 3% суммарных объемов упомянутого показателя. Расчет же ущерба от изъятия земельных площадей под вскрышные породы целесообразно проводить на основе нормативов стоимости освоения новых земель взамен сельскохозяйственных угодий, изымаемых для несельскохозяйственных нужд. В связи с этим предложена корректировка методики. С помощью скорректированных нормативных материалов сделан прогноз обобщающих коэффициентов для расчета эколого-экономического ущерба по всем угольным бассейнам и месторождениям востока страны за период до 2020 г. (табл. 1).

Наглядно динамику влияния регионального природного фона на эколого-экономическую эффективность НДТ можно проследить по рис. 2 и 3. Из сопоставления рисунков видно, что динамика сокращения удельных ущербов по регионам при реализации НДТ не дублирует характер их изменения при сохранении существующего положения с природоохранной деятельностью, что можно объяснить лишь региональной спецификой положительных эффектов НДТ. Этот вывод иллюстрируется также несовпадением ранжирования бассейнов и месторождений по уменьшению величины удельных ущербов при сохранении существовавшего на 2000 г. положения и после реализации НДТ. Так, при ранжировании, например, для 2020 г. (табл. 2) вместо угольных предприятий Дальнего Востока (сокращение удельных ущербов с максимальных 22,5 до 2,2 руб./т) на первое место выходят предприятия Кузбасса и Восточной Сибири (сокращение соответственно с 17,0 и 8,0 до 3,0 руб./т). И очевидно, что такое существенное расхождение в ЭЭЭ НДТ по регионам вызвано различием их регионального

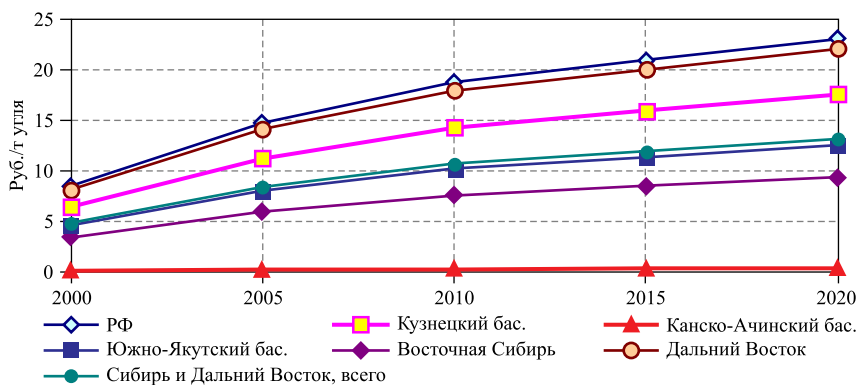

Рис. 2. Прогноз удельных ущербов при сохранении существовавшего на 2000 г. положения в природоохранной деятельности угольных предприятий (с учетом прогнозируемого коэффициента инфляции)

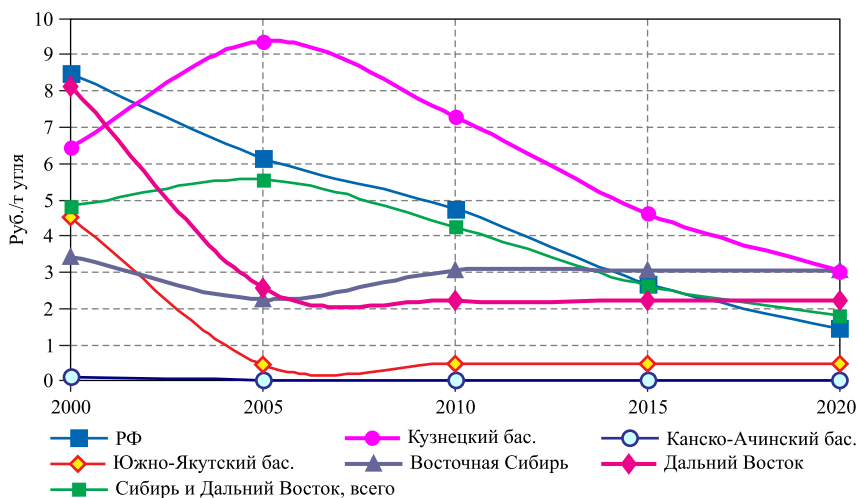

Рис. 3. Прогноз удельных ущербов при реализации в угольной промышленности НДТ (с учетом прогнозируемого коэффициента инфляции)

природного фона в отношении загрязненности воздуха, воды и почвы и связанным с этим различием откликом экологических характеристик

Таблица 2

Ранжирование угольных бассейнов по величине удельных ущербов для 2020 г., руб./т угля

Угольные бассейны, месторождения	Вариант с сохранением технологической базы 2000 г.		Вариант технологической базы с НДТ	
	Ущерб	Ранг	Ущерб	Ранг
Кузнецкий	17,0	2	3,0	1–2
Восточной Сибири	8,0	4	3,0	1–2
Дальнего Востока	22,5	1	2,2	3
Южной Якутии	13,0	3	0,5	4
Канско-Ачинский	0,5	5	0,1	5

НДТ. Такая связка фиксируется на рис. 1 как стрелка, идущая от регионального природного фактора к экологическому блоку факторов. Из данных табл. 2 следует, что наибольший экологический эффект внедрение НДТ дает на месторождениях Южной Якутии, Дальнего Востока и Кузбасса.

Реализовать экологический потенциал НДТ для достижения сбалансированного устойчивого развития восточных регионов позволит внедрение на предприятиях, являющихся главными загрязнителями, системы эколого-экономического менеджмента. Основными элементами этой системы являются оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС), экологическая экспертиза, экологический аудит, экологическая сертификация, экологическая отчетность, мониторинг окружающей среды. Результаты исследований по внедрению системы эколого-экономического менеджмента для условий шахты им. С.М. Кирова, которая входит в состав ОАО «СУЭК-Кузбасс», показали высокую эколого-экономическую эффективность данной системы [2]. ОАО «Сибирская угольная энергетическая компания» (СУЭК) – крупнейший производитель энергетического угля и основной его экспортер в России. Компания придерживается концепции устойчивого развития на основе соблюдения баланса между финансовыми, экономическими, экологическими и социальными аспектами деятельности, последовательного снижения и, где это возможно, предупреждения

воздействия на окружающую среду и, как следствие, на основе системного подхода к управлению окружающей средой как составной частью системы менеджмента. Для условий шахты им. С.М. Кирова применяется четыре элемента системы: экологический аудит, экологический мониторинг, экологический контроль и ОВОС.

Шахта им. С.М. Кирова разрабатывает подземным способом Ленинское каменноугольное месторождение. При шахте есть обогатительная фабрика. По выбросам метана шахта относится к сверхкатегорийным, т.е. является одной из самых опасных. Благодаря внедрению элементов системы эколого-экономического менеджмента на шахте резко сокращаются выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сбросы загрязняющих веществ в водоемы, осуществляется восстановление нарушенных и обработанных земель (на уровне 53,2 га к 2017 г.). Внедрение системы эколого-экономического менеджмента позволит улучшить природоохранную политику предприятия.

В нефтегазовой отрасли влияние фактора регионального природного фона на эколого-экономическую эффективность НДТ особенно важно учитывать на стадии проектирования транспортных систем. Многолетний опыт газовиков говорит о том, что незаменимыми механизмами учета влияния этого фактора являются процедуры ОВОС и мониторинга. Необходимость в получении большого объема разноплановой информации (гидрогеологической, фаунистической, биологической, медицинской и т.д.), в полевых и инструментально-лабораторных работах, аэрофотосъемке, современной обработке данных с использованием цифровых карт и геоинформационных технологий – все это, естественно, делает ОВОС достаточно затратной, на нее приходится до 20% стоимости проектных работ. В связи с этим Ю.В. Илатовский, Э.Б. Бухгалтер и Н.Б. Пыстина попытались оценить возможные выгоды, получаемые компанией при проведении ОВОС. Грамотное ее выполнение всегда подразумевает решение двудеиной задачи: развитие производственных мощностей и сохранение экологической стабильности территории. Опыт подтверждает, что ОВОС при условии неформального ее выполнения позволяет на ранней стадии проектирования определить целесообразность производственной деятельности в данном районе, очертить границы экологических

и социальных условий реализации этой деятельности, выявить наиболее приемлемый ее вариант с учетом результатов общественных слушаний. Базовый принцип ОВОС – превентивность позволяет предусмотреть наиболее оптимальный вариант размещения производственных объектов, запроектировать комплекс необходимых очистных устройств, учесть интересы разных слоев населения, а в итоге избежать необоснованных финансовых затрат.

Эффективность процедуры ОВОС зависит, и не в последнюю очередь, от наличия информации о состоянии территории, которая может быть получена посредством мониторинговых исследований. Централизованно внедряемая в «Газпроме» система производственно-экологического мониторинга фактически базируется на составляющих блоках – конкретных программах (комплексный экологический мониторинг территорий месторождений, почвенно-грунтовый мониторинг зоны деятельности производственного объекта, геокриологический мониторинг в районах с многолетнемерзлыми породами и др.). В процессе мониторинга делаются выводы о соответствии фактических нарушений окружающей среды проектным уровням воздействий, выявляются сверхнормативные нагрузки и определяются зоны потенциального экологического риска. При этом экологические риски, как показано в работе [9], следует четко разделять на природные, социальные и технические (промышленные).

По всем прогнозным оценкам, разведка и добыча нефти и газа будут смещаться в регионы нового хозяйственного освоения – в Восточную Сибирь и на шельф, а также предполагается увеличение добычи на старых месторождениях с использованием более новых и эффективных технологий. Оба направления требуют использования новых управленческих решений, поскольку работа в более сложных горно-геологических и экономических условиях связана с повышенной неопределенностью и рисками. Успешность планирования и выполнения проектов нефтегазодобывающих компаний во многом зависит от квалифицированного управления рисками. Процесс корпоративного управления рисками включает предвидение рисков, определение их вероятных размеров и последствий, разработку и реализацию мероприятий по предотвращению или минимизации связанных

с рисками потерь. Кроме общих проектных рисков для нефтегазовых проектов существует специфический геологический риск. Геологический риск при оценке локального объекта определяется как вероятность того, что реальные геологические запасы окажутся ниже ожидаемого уровня или фильтрационно-емкостные характеристики будут хуже тех, что учитывались при оценке ресурсов или запасов.

Согласно стандартам ISO/IEC, оценка риска представляет собой качественный анализ риска и его измерение. При оценке эффективности мероприятий, связанных с минимизацией проектных рисков в нефтегазовом комплексе, следует ориентироваться на критерий «отношение величины предотвращенного ущерба к затратам по его предотвращению». Оценку рисков любого инвестиционного проекта стоит рассматривать как конкурентное преимущество, от полноты и качества которого зависят минимизация возможных потерь и успешная реализация проекта в целом.

Важным финансовым механизмом защиты нефтегазовых проектов от рисков является страхование. Наибольшее развитие получили имущественное страхование и страхование различных видов ответственности. Проблема страхования имущества и ответственности газо- и нефтедобывающих предприятий, работающих в регионах нового хозяйственного освоения, должна решаться с обязательным участием государства. Такое участие может выражаться в совместном страховании, например, экологической ответственности предприятий, когда часть страхового платежа осуществляет предприятие, а другая часть оплачивается из специального государственного экологического фонда. Участие государства целесообразно и в страховании ответственности предприятий, когда ставка страхования превышает вероятность экологической аварии на данном промышленном объекте.

Результаты оценки экологической обстановки в районе промышленного объекта не только являются основанием для прогноза дальнейшего развития территории и для разработки специальных мероприятий и ограничений, но и служат исходным материалом для необходимой корректировки проектных решений. В ходе мониторинга формируются информационные базы данных по территориям, позволяющие в том числе существенно повысить качество проектирования. Показа-

тельным примером могут служить работы по экологическому обоснованию размещения площадок компрессорных станций (КС) системы газопровода «СРТО – Торжок» [5].

Изначально генеральным проектировщиком (ОАО «ЮжНИИгипрогаз») площадки под КС были выбраны на значительном удалении от существующих. Одним из доводов в пользу такого подхода послужила убежденность в существовании высокого уровня загрязнения атмосферного воздуха в районе КС. Установленные на основе математического моделирования предельно допустимых выбросов размеры санитарно-защитных зон составляли 5–6 км. Отсутствие у генпроектировщика результатов инструментального исследования атмосферного воздуха в районах КС привело к тому, что выбранные площадки были отнесены на значительные расстояния друг от друга, следовательно, потребовалось проектирование дополнительных объектов, дорог и коммуникаций, что, естественно, вызвало существенное удорожание проекта. Кроме того, спорным оказался и экологический результат подобного решения. Отвод новых земель (при этом зачастую в зоне влияния на атмосферный воздух существующих КС), переходы трассы магистрального газопровода через водные преграды, потребность в больших количествах природных ресурсов для прокладки дополнительных коммуникаций (вода, общераспространенные полезные ископаемые и др.) – все эти факторы, безусловно, снижали экологическую и экономическую привлекательность проекта.

Филиал ООО «ВНИИГАЗ» – «Север-НИПИгаз» выполнил собственное технико-экологическое обоснование размещения компрессорных станций, основываясь на исследованиях по определению фактических зон влияния КС на состояние атмосферного воздуха. В результате проработок и оценки нескольких альтернативных вариантов размещения нового компрессорного цеха были определены граничные условия по объемам реконструкции существующих КС, при которых размещение нового цеха стало возможным вблизи них. Дополнительная проработка технологических, технических и архитектурно-строительных аспектов позволила принять окончательное решение. Благодаря неформально выполненному блоку экологических работ (фактически пятилетняя программа мониторинга атмосферного

воздуха и ОВОС) появилась принципиальная возможность совмещения/приближения проектируемых и существующих площадок КС. Выгода от реализации такого решения составила в текущих ценах несколько миллиардов рублей. Кроме того, есть и дополнительный экологический эффект. Он связан с реконструкцией действующего производства, что позволяет обновить парк газоперекачивающего оборудования, заменив имеющиеся машины на машины с бóльшим КПД и меньшими выбросами в атмосферу, модернизировать ряд природоохранных объектов (очистные сооружения, канализационные сети и др.) и построить новые (полигоны утилизации отходов, автоматизированные мойки машин и т.д.).

Не случайно западные компании, ориентированные на получение максимальной прибыли, идут на опережающее финансирование блока работ экологической направленности. Известный пример – длительные (более 10 лет) предварительные экологические исследования перед проектированием трансконтинентального нефтепровода на Аляске.

Таким образом, конкретный вклад в эколого-экономическую эффективность НДТ от проведения ОВОС и мониторинга в нефтегазовой отрасли заключаются в следующем:

- оптимальное размещение промышленных объектов с учетом всех особенностей района на основе детального изучения территории;
- выбор наиболее эффективных для района промышленных и строительных технологий;
- снижение риска аварийных ситуаций и обеспечение эксплуатационной надежности производственных объектов за счет всестороннего учета природных факторов. Результат – минимизация эксплуатационных затрат и предотвращение ущерба окружающей среде, а значит, экономия средств на его компенсацию;
- максимальный учет возможных затрат на охрану окружающей среды применительно к конкретному району;
- оптимизация затрат на охрану природы (разработка и внедрение научно обоснованных природоохранных мероприятий);
- формирование в отношении планируемого производственного объекта благоприятной социальной атмосферы и, соответственно, положительного имиджа компании.

Последнее особенно важно, поскольку мировое развитие природоохранных процессов показывает, что при оценке их эффективности наряду с экономической составляющей обязательно учитывается усиливающаяся роль социального фактора. Компании все больше озабочены формированием собственного положительного имиджа, при этом экологии отводится одно из первых мест. Передовые российские компании уже широко внедряют в свою практику международные стандарты ISO серии 14000 «Системы экологического менеджмента», согласованные с концепцией устойчивого развития. И это говорит о своевременности принятия Федерального закона № 219 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и о благоприятной реакции этих компаний на его принятие.

Согласованность стандартов ISO серии 14000 с концепцией устойчивого развития позволяет рассмотреть вопрос об измерителях уровня влияния фактора регионального природного фона на ЭЭЭ НДТ с использованием уже разработанных в мировой практике индикаторов устойчивого развития. Как отмечает Н.А. Флуд [11], разработка индикаторов устойчивого развития идет по двум направлениям: через выстраивание комплекса индикаторов по отдельным аспектам устойчивого развития (экономического, экологического, социального) и через конструирование интегрального, агрегированного индикатора. В работе этого автора справедливо подчеркивается, что для России с огромным разнообразием природно-климатических, национальных, экономических условий на ее территориях ведущим субъектом устойчивого развития являются регионы. И в качестве положительных примеров разработок по первому направлению приводятся разработки, сделанные в Кемеровской области [10] и Дальневосточном регионе [8]. Из множества индикаторов, используемых в этих разработках, для целей измерения уровня влияния на ЭЭЭ НДТ фактора регионального природного фона наиболее приемлемы *показатели природоемкости*: удельные (в расчете на единицу продукции) затраты природных ресурсов и величины загрязнений при применении конкретной НДТ в том или ином регионе на том или ином производственном объекте. Наиболее точны эти показатели в натуральном измерении, стоимостные могут

давать искажения из-за сложностей ценообразования, трудовые – из-за методических и информационных сложностей.

На наш взгляд, более продуктивно в плане измерения *совокупного* влияния экономической и экологической составляющих эффективности НДТ использование результатов научных исследований по второму направлению разработки индикаторов устойчивого развития (по поиску интегрального индикатора). В отличие от показателей природоёмкости, которые измеряют эффекты этих составляющих разрозненно, в силу чего возникает проблема их соизмерения, при применении интегральных индикаторов эта проблема решается тем или иным способом. Разработаны интегральные индикаторы устойчивого развития в стоимостном измерении и в натуральном. К первым относятся экологически адаптированный чистый внутренний продукт (показатель предложен статистическим отделом Секретариата ООН) и скорректированные чистые сбережения (показатель разработан специалистами Всемирного банка). Оба индикатора отражают величину соответствующего экономического показателя (валового внутреннего продукта и валовых национальных сбережений) за минусом потребления основного капитала, стоимостных оценок истощения природных ресурсов и ущерба от загрязнения окружающей среды.

Идея корректировки экономического показателя с учетом экологического ущерба использована нами для оценки влияния экологического блока факторов (группа Б на рис. 1) на обобщающие характеристики инвестиционного проектирования (чистый дисконтированный доход, внутреннюю норму доходности и индекс доходности) при внедрении НДТ и проверена на примере замены традиционного сжигания угля на плазменные технологии его переработки в ОАО «Третья генерирующая компания оптового рынка электроэнергии» (ОГК-3). Расчеты по предлагаемой схеме продемонстрировали, что учет предотвращенного ущерба в инвестиционных проектах резко увеличивает чистый дисконтированный доход и, следовательно, коммерческую привлекательность проектов. Включение предотвращенного ущерба в оценку коммерческой эффективности инвестиционных проектов по модернизации энергоблоков Гусиноозерской ГРЭС (филиала ОГК-3) улучшает все показатели эффективности, особенно внутреннюю норму доходности.

Однако когда речь, по существу, идет о таких проявлениях рассматриваемого фактора регионального природного фона, как климатические условия, биологическое разнообразие и т.п., использовать названные стоимостные интегральные индикаторы устойчивости или их модифицированные версии в форме экологизированных ЧДД, ВНД, ИД для измерения уровня влияния на ЭЭЭ НДТ невозможно. Этой цели более всего удовлетворяет индикатор биофизического, природного характера, и такой индикатор в рамках исследований по устойчивому развитию разработан. Он называется *«экологический след»* и определяется как площадь территории, выраженная в глобальных гектарах (гга), необходимая для производства товаров и услуг в размере конечного потребления (населения города, региона, отдельного производственного комплекса), для размещения инфраструктуры, ассимиляции всевозможных отходов и абсорбции выбросов углекислого газа. Под глобальным гектаром понимается гектар земли со среднемировой способностью продуцировать пригодную для использования биомассу. В расчетах экоследа различают шесть типов биопродуктивных территорий, которые обеспечивают процесс жизнедеятельности человека: пахотные угодья, пастбища, леса, рыбопромысловые зоны, инфраструктурные земли, энергетические земли.

Например, экологический след энергетической отрасли равен территории, соответствующей уровню энергопотребления по четырем видам энергии: ископаемому топливу, биомассе, атомной энергии и гидроэнергии. След ископаемого топлива эквивалентен площади лесной территории, необходимой для поглощения углекислого газа, выделяемого при использовании угля, нефти и природного газа, за вычетом доли, поглощаемой океанами (примерно 35%). След атомной энергии равен произведению ее количества на след ископаемого топлива в расчете на единицу энергии. След гидроэнергии равен площади территорий, занимаемых плотинами ГЭС и их водохранилищами.

Очень важным свойством показателя «экологический след» для регионального аспекта оценки ЭЭЭ НДТ является возможность учета трансфера энергии в потребляемых товарах. При расчете показателя энергия, используемая при создании товаров, когда они производятся в одном регионе, а потребляются в другом, вычитается из следа региона-производителя и прибавляется к следу региона-потребителя. Это

свойство экологического следа может существенно повлиять на повышение ЭЭЭ НДТ при инвестиционном проектировании наилучших доступных технологий для восточных регионов России, являющихся энергетическими донорами, и тем самым ускорить их внедрение здесь.

Концепция экологического следа воплощается на практике с конца прошлого века. В 1990-е годы была создана Глобальная сеть экологического следа, которая объединила представителей науки и организаций, заинтересованных в продвижении концепции и расчетах экологического следа для отдельных стран, регионов и групп населения. Деятельность сети способствует популяризации идеологии приведения потребностей человечества в соответствие с ограниченными ресурсами Земли. В 2003 г. был создан российский узел этой всемирной сети. По расчетам ее специалистов, в 1999 г. показатель экологического следа для России составлял 4,5 гга/чел. при биологической емкости 4,9, т.е. экологический запас оценивается в 0,4 гга/чел. Для сравнения: в среднем по миру эти показатели составляют соответственно 2,3 и 1,9, т.е. уже накоплен экологический дефицит в 0,4 гга/чел. В США наибольший экологический дефицит – 9,7 и 5,3 гга/чел., в Австралии наибольший экологический запас – 7,6 и 14,6 гга/чел. В Китае экологический след составляет 1,5, биологическая емкость – 1,0 гга/чел., в Германии – 4,7 и 1,7 гга/чел. соответственно. Очевидно, что соотношения экологического следа и биологической емкости существенно различаются по городам и регионам РФ, но пока таких исследований не проводилось.

Список источников

1. Айзатулов Р.С., Рехтин Н.Е., Журавель Н.М., Ноздренко Г.В. Реконструкция металлургических комбинатов Сибири: эколого-экономический аспект // Регион: экономика и социология. – 1996. – № 2. – С. 98–117.
2. Аржаткина М.С., Мясков А.В. Анализ системы эколого-экономического менеджмента на угледобывающих предприятиях // Экология и экономика: Сб. науч. тр. – М.: МГТУ, 2010. – С. 5–9.
3. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. – 4-е изд. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – 495 с.
4. Венчикова В.Р. Совершенствование правового регулирования в области охраны окружающей среды // Экология производства. – 2014. – № 10. – С. 13–19.

5. Илатовский Ю.В., Бухгалтер Э.Б., Пыстина Н.Б. К вопросу оценки социально-экономической эффективности природоохранной деятельности // Экология и промышленность России. – 2003. – № 8. – С. 24–27.
6. Кин А.А. Регионально-транспортный мегапроект БАМ: уроки освоения // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 4 (84). – С. 55–72.
7. Кулешов В.В. Современные вызовы социально-экономическому развитию России // ЭКО. – 2014. – № 12. – С. 5–15.
8. Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровень. Зарубежный опыт и проблемы России / Колл. авт. под рук. чл.-к. РАН Н.Ф. Глазковского. – М.: Изд-во КМК, 2002. – 444 с.
9. Сергеев И.Б., Череповицын А.Е., Жуков А.М. Институт партнерства государства и нефтегазовых компаний в решении проблемы снижения проектных рисков // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. – 2010. – № 9. – С. 12–16.
10. Устойчивое развитие и экологический менеджмент: Мат. междунар. конф. – СПб.: СПбГУ; ВВМ, 2005. – Вып. 1. – 484 с.
11. Флуд Н.А. Как измерить «устойчивость развития»? // Вопросы статистики. – 2006. – № 10. – С. 19–29.
12. Эколого-экономическая эффективность плазменных технологий переработки твердых топлив. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 2000. – 159 с.

Информация об авторе

Журавель Нинэль Михайловна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: zhnela@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150610

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 200–223

N.M. Zhuravel

SYSTEMATIC ASSESSMENT OF ENVIRONMENTAL AND ECONOMIC EFFICIENCY OF BEST AVAILABLE TECHNOLOGIES: A REGIONAL VISION

The article presents the effects of BAT-based (best available technology) legislative changes in the environmental activities of companies. It proposes

a hierarchical grouping of the most significant factors determining the level of environmental and economic efficiency of BAT, their interaction, and meter type. Efficiency of BAT was analyzed from the standpoint of the impact of natural regional factors with concrete examples from the coal and oil-and-gas industries as the most relevant environmental stakeholders. The paper summarizes the studies that suggest replacing existing technologies with BAT to reduce harm caused to natural complexes in Siberian coal-mining regions and involve techniques assessing the prevented damage. It is concluded that the specificities of natural and regional background undoubtedly affect the amount of the reduction and the efficiency of BAT. It is possible to avert the maximum damage at the coal-mining companies of South Yakutia, the Far East, and the Kuznetsk Basin. Whether the enterprises in these sectors achieve project efficiency of BAT largely depends on whether the basic elements of ecological and economic management are available and properly used, especially the EIA process and monitoring. The author makes recommendations on the use of sustainable development indicators to measure the impact of natural factors on the regional ecological and economic efficiency of BAT.

Keywords: best available technologies (BAT), ecological and economic efficiency, meters, environmental damage, indicators of sustainable development of the region

References

1. Ayzatulov, R.S., N.Ye. Rekhtin, N.M. Zhuravel & G.V. Nozdrenko (1996). Rekonstruktsiya metallurgicheskikh kombinatov Sibiri: ekologo-ekonomicheskii aspekt [Reconstruction of iron and steel works in Siberia: environmental and economic aspects]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 2, 98–117.
2. Arzhatkina, M.S. & A.V. Myaskov (2010). Analiz sistemy ekologo-ekonomicheskogo menedzhmenta na ugledobyvayushchikh predpriyatiyakh [Analysis of environmental and economic management systems in coal mining companies]. Ekologiya i ekonomika. Sbornik nauchnykh trudov [Ecology and Economics. Collection of research papers]. Moscow, MGTU [Bauman Moscow State Technical University], 5–9.
3. Granberg, A.G. (2004). Osnovy regionalnoy ekonomiki: Uchebnik dlya vuzov [Bases of regional economy: Textbook for higher schools]. Moscow, GU VSHE [National Research University – Higher School of Economics], 495.
4. Venchikova, V.R. (2014). Sovershenstvovanie pravovogo regulirovaniya v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy [Improvement of legal regulation in the context of environmental protection]. Ekologiya proizvodstva [Industrial Ecology], 10, 13–19.

5. *Ilatovskiy, Yu.V., E.B. Bukhgalter & N.B. Pystina* (2003). К вопросу otsenki sotsialno-ekonomicheskoy effektivnosti prirodookhrannoy deyatel'nosti [The assessment of social and economic efficiency of the environmental conservation activities]. *Ekologiya i promyshlennost' Rossii* [Ecology and Industry of Russia], 8, 24–27.
6. *Kin, A.A.* (2014). Regionalno-transportnyy megaproekt BAM: uroki osvoeniya [The Baikal-Amur Regional and Transport Megaproject: Lessons from Exploration]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4 (84), 55–72.
7. *Kuleshov, V.V.* (2014). Sovremennyye vyzovy sotsialno-ekonomicheskomu razvitiyu Rossii [Modern challenges for socio-economic development of Russia]. *EKO*, 12, 5–15.
8. *Glazovskiy, N.F. et al.* (2002). Perekhod k ustoychivomu razvitiyu: globalnyy, regionalnyy i lokalnyy uroven. Zarubezhnyy opyt i problemy Rossii [Transition to sustainable development: global, regional and local levels. Foreign experience and problems of Russia]. Moscow, KMK Publ., 444.
9. *Sergeyev, I.B., A.Ye. Cherepovitsin & A.M. Zhukov* (2010). Institut partnerstva gosudarstva i neftegazovykh kompaniy v reshenii problemy snizheniya proektnykh riskov [Partnership between the government and oil and gas companies focused on reducing project risks]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom* [Problems of Economics and Management of Oil and Gas Complex], 9, 12–16.
10. *Ustoychivoe razvitiye i ekologicheskiy menedzhment: Mat. mezhdunar. konf* [Sustainable Development and Environmental Management. Proceedings of the international conference] (2005). St. Petersburg, Saint Petersburg State University, issue 1, 484.
11. *Flud, N.A.* (2006). Kak izmerit «ustoychivost' razvitiya»? [How to measure the «sustainability of development»?]. *Voprosy statistiki* [Statistical Studies], 10, 19–29.
12. *Ekologo-ekonomicheskaya effektivnost' plazmennyykh tekhnologiy pererabotki tverdykh topliv* [Environmental and Economic Efficiency of Plasma Technologies in Solid Fuel Processing] (2000). Novosibirsk, Nauka, Siberian Department, Russian Academy of Sciences, 159.

Information about the author

Zhuravel, Ninel Mikhaylovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: zhnela@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 08.02.2015 г.

© Журавель Н.М., 2015

УДК 330.322.54

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 224–240

О.А. Округко

ФЕНОМЕН ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Калужская область за последние 15 лет утвердилась в числе регионов-лидеров с благоприятным инвестиционным климатом. Реализуемые на ее территории модели инвестиционного сотрудничества получили высокую оценку со стороны российских и зарубежных инвесторов. В статье показаны основные преимущества инвестиционной политики Калужской области, а также ее приоритеты на ближайшую перспективу. Выявлены факторы, препятствующие ускорению инвестиционных процессов. Сделан вывод о возможности использования опыта Калужской области другими российскими регионами в сфере привлечения инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции, Калужская область, государственно-частное партнерство, институты развития, индустриальные площадки

Сегодня в России созданы федеральные и региональные институты развития. При государственной поддержке реализуются инфраструктурные проекты, разработана законодательная база для успешной инвестиционной деятельности. Однако многие потенциальные зарубежные инвесторы опасаются вкладывать средства в российскую экономику. Часто сдерживающим фактором для инвесторов служат административные барьеры на различных уровнях государственного управления [1; 2; 4].

По данным Национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации, в России есть регионы, где качественное региональное управление обеспечивает необходимые

условия для ведения бизнеса и способствует активному привлечению инвестиций. В пятерку лидеров вошли Республика Татарстан, Красноярский край, Калужская, Костромская и Ульяновская области¹.

Для оценки условий предпринимательской и инвестиционной деятельности и для расчета рейтинга регионов по состоянию инвестиционного климата используются показатели, объединенные в 19 групп. В свою очередь, группы показателей структурированы по четырем ключевым индикаторам. Этими индикаторами являются

- регуляторная среда, характеризующая качество предоставления государственных услуг и уровень удовлетворенности бизнеса административными процедурами;
- наличие институтов для бизнеса как критерий оценки уровня защищенности предпринимательской деятельности, ее прозрачности, степени информационной и организационной поддержки;
- доступность ресурсов и качество инфраструктуры для бизнеса, включая наличие транспортной, инженерной и инвестиционной инфраструктуры, обеспеченность бизнеса земельными и трудовыми ресурсами, достаточные объемы региональной финансовой помощи хозяйствующим субъектам;
- поддержка малого и среднего предпринимательства. Данный индикатор позволяет оценить степень финансовой, инфраструктурной, информационной и иных форм поддержки малого и среднего бизнеса.

В 2014 г. лидером среди регионов страны по всем четырем индикаторам признана Калужская область. Это по российским меркам небольшой регион с населением чуть более 1 млн чел. Область не относится к числу субъектов Федерации с крупным потенциалом минерально-сырьевых ресурсов. Несмотря на то что здесь нет ни газовых, ни нефтяных месторождений, ни месторождений редких и цветных металлов, экономика области устойчиво развивается, помогая успешно стартовать различным сегментам бизнеса. В 2013 г. в регионе создано 14 крупных предприятий и три агропромышленных комплекса.

---

¹ См.: *Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации*. – URL: <http://www.asi.ru/regions/rating>.

Только за первую половину 2014 г. объем его промышленного производства вырос на 6,4%².

В 2013 г. Калужская область заняла шестое место среди регионов страны в номинации «Инвестиционные территории» по показателю легкости ведения бизнеса³. В январе 2014 г. эксперты Всемирного экономического форума в Давосе предложили распространить опыт Калужской области по привлечению инвестиций на всю территорию России [5]. Свои лидерские позиции область подтвердила во Всероссийском конкурсе «Лучшие управленческие решения региональных органов власти по развитию инвестиционной среды» (сентябрь 2014 г.), отстояв в конкурентной борьбе первое место в номинации «Инвестиционные территории»⁴.

Но так было далеко не всегда. В 1990-е годы Калужская область относилась к числу депрессивных регионов. Доходная часть ее консолидированного бюджета формировалась в значительной степени за счет дотаций из федерального бюджета, налоговые поступления в региональный бюджет были минимальными. В молодежной среде преобладала безработица, а задолженность по заработной плате не погашалась месяцами. Потребовалось не только преодоление сложившейся ситуации, но и выстраивание грамотной стратегии развития. Ориентиром стала концепция перехода к инновационной модели экономики, а такой переход немыслим без новых технологий, современных способов ведения бизнеса, без привлечения финансовых ресурсов.

Региональные органы исполнительной власти Калужской области изучили опыт привлечения инвестиций, накопленный в Китае, Южной Корее, Сингапуре, США, европейских государствах. Результатом анализа мирового опыта стала разработка стратегии привлечения инвестиций на уже подготовленные индустриальные площадки.

---

² См.: *В России* отмечен рост промышленного производства. Официальный сайт информационного агентства REGNUM. – URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1840446.html>.

³ См.: *Рейтинг экономик* – Российская Федерация. Официальный сайт группы Всемирного банка Doing Business. – URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings/russia>.

⁴ См.: *Минэкономразвития* России подвели итоги конкурса. Калужский регион признан лучшим в номинации «Инвестиционные территории». – URL: <http://invest.kaluga.ru/news/1022>.

Реализация новой инвестиционной политики потребовала формирования законодательной базы, способствующей привлечению капиталовложений. В 1998 г. был принят региональный закон о поддержке субъектов инвестиционной деятельности, а впоследствии был пересмотрен ряд нормативных актов, обеспечивающих систему преференций российским и иностранным инвесторам⁵. Повышению действенности региональной инвестиционной политики способствовали принятые программы развития, предусматривающие

- устранение административных барьеров;
- создание и развитие инфраструктуры индустриальных парков, промышленных площадок, особой экономической зоны промышленно-производственного типа «Людиново»;
- информационно-консультативную поддержку субъектов инвестиционной деятельности, в том числе развитие инвестиционного интернет-портала и системы оперативной связи инвесторов с руководством региона в режиме онлайн;
- повышение качества предоставления государственных и муниципальных услуг на базе многофункциональных центров, работающих по принципу одного окна;
- региональную поддержку малого, среднего и инновационного предпринимательства;
- предоставление субсидий промышленным предприятиям, осуществляющим модернизацию и техническое перевооружение, использующим труд людей с ограниченными возможностями, производящим изделия детского ассортимента;
- полную или частичную компенсацию затрат на уплату лизинговых платежей и выплату процентов по кредитам предприятиям строительной отрасли и агропромышленного комплекса;
- субсидирование затрат на модернизацию и развитие инфраструктуры по переработке сельскохозяйственной продукции, на приобретение специализированного автотранспорта для мо-

---

⁵ См.: *Инвестиционное законодательство Калужской области*. – URL: <http://www.investkaluga.com/podderzhka/investitsionnaya-strategiya/investitsionnoe-zakonodatelstvo>.

лочного и хлебопекарного производства, для организации ярмарочной торговли;

- совершенствование системы подготовки и закрепления кадров на территории Калужской области;
- социальные выплаты сотрудникам организаций, созданных на территории промышленных парков и технопарков;
- развитие сети учреждений начального и среднего профессионального образования, а также специализированных ресурсных центров.

За 15 лет от отдельных мер государственной поддержки предприятий органы регионального управления перешли к комплексной работе с инвесторами. Это положительно отразилось на динамике экономических показателей Калужской области (табл. 1).

Сегодня различными видами финансовой и нефинансовой помощи охвачены все стадии отношений с инвестором начиная от подпи-

Таблица 1

Показатели экономического развития Калужской области*

Показатель	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2011	2012	2013
Индекс физического объема ВРП	95,1 (12)**	107,4 (13)	102,5 (12)	106,2 (7)	106,7 (14)	115,8 (2)	110,1 (1)	112,9 (2)	109,6 (1)	111,1 (2)
Объем ВРП на душу населения, тыс. руб.	9,3 (13)	22,4 (11)	35,7 (12)	56,3 (9)	84,3 (10)	113,6 (7)	156,3 (6)	182,4 (5)	232,3 (5)	286,5 (4)
Объем инвестиций в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	1,7 (9)	5,0 (11)	7,1 (10)	10,5 (11)	17,4 (8)	54,5 (5)	66,5 (2)	68,6 (4)	93,5 (1)	89,4 (4)
Объем иностранных инвестиций, млрд долл. США	0,047 (16)	0,081 (14)	0,037 (15)	0,024 (13)	0,127 (6)	1,503 (4)	1,194 (3)	0,932 (3)	1,099 (4)	1,329 (3)
Денежные доходы на душу населения, тыс. руб.	0,7 (9)	1,31 (14)	2,5 (13)	4,18 (7)	6,99 (8)	11,8 (6)	15,5 (5)	17,6 (4)	20,6 (4)	37,9 (3)

* Таблица составлена по: Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; *Федеральный план статистических работ*. Официальный сайт единой межведомственной информационно-статистической системы. – URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do>.

** В скобках указано место по соответствующему показателю среди субъектов Центрального федерального округа.

сания соглашения о сотрудничестве и заканчивая вводом предприятия в эксплуатацию. При этом главным инвестиционным преимуществом региона является гарантированное выполнение областью возложенных на нее обязательств и максимальный учет интересов каждого инвестора. Основным критерий для привлечения компаний в регион – отсутствие экологических рисков при создании новых производств.

В Калужской области сведены к минимуму бюрократические барьеры, максимально упрощены бумажные процедуры. Инвесторам предоставлена свобода выбора подрядчиков, поставщиков и других деловых партнеров. Все, кто вкладывает свой капитал в экономику региона, получают существенные льготы по налогу на прибыль и по налогу на имущество организаций. В частности, закон Калужской области «О налоге на имущество организаций» предусматривает налоговые каникулы от одного года до семи лет, а также снижение суммы имущественного налога от 18 до 100% по инвестиционным проектам, включенным в реестр Калужской области. Размеры и сроки предоставления налоговых преференций по налогу на прибыль, подлежащему зачислению в региональный бюджет, зависят от объема капиталовложений и от сферы инвестирования капитала. Инвесторам также предоставлена возможность получения инвестиционного налогового кредита по транспортному налогу и налогу на имущество организаций.

Следует отметить, что принимаемые в регионе программы и законопроекты проходят обязательное предварительное обсуждение в деловых кругах через областную торгово-промышленную палату, Калужское объединение промышленников и предпринимателей, Координационный совет по развитию промышленности и технологий при губернаторе области. В частности, в результате такого взаимодействия был разработан режим льготного налогообложения прибыли и имущества промышленных предприятий, у которых объемы инвестиций в модернизацию производства и техническое перевооружение превышают 10 млн руб.

В Калужской области действует институт публичной защиты инвестиционных проектов. При этом условия и процедуры такой защиты одинаковы для всех инвесторов. После утверждения инвестиционного проекта никто не вправе предъявлять к инвестору дополнительные требования. Подписав соглашение, инвестор уже на следующий день может приступить к строительству предприятия.

Оформление земельных участков в собственность производится в предельно короткие сроки. Не возникает проблем и с получением разрешения на строительство. Кроме того, если строительство инфраструктурного объекта не входит в планы инвестора, его сооружают за счет бюджетных средств региона с последующей передачей имущества партнеру на условиях аренды. С момента подписания соглашения до завершения первой очереди строительства, как правило, проходит не более года. При этом ускорению сроков реализации проекта помогают созданные в регионе институты развития. Так, например, Агентство регионального развития Калужской области специализируется на оказании консалтинговых услуг и на сопровождении инвестиционных проектов. Корпорация развития Калужской области обеспечивает создание инфраструктуры промышленных парков и технопарков. Привлечением инвестиций в инновационные проекты занимается Агентство инновационного развития. Поддержку инновационных предприятий также обеспечивают четыре бизнес-инкубатора, Российская сеть трансфера технологий, Обнинский центр науки и технологий, венчурный и гарантийный фонды, центры коллективного пользования и прототипирования, Центр молодежного инновационного творчества. Привлечению капиталовложений в сферу высоких технологий способствует Региональный центр инжиниринга.

Расширять горизонты инвестиционного сотрудничества помогает взаимодействие органов регионального управления с общероссийскими институтами развития, такими как Роснано, Российская венчурная компания, Ассоциация инновационных регионов России, Российский фонд прямых инвестиций. Кроме того, Калужская область активно сотрудничает с Внешэкономбанком и международными финансовыми институтами, включая Всемирный банк и Европейский банк реконструкции и развития.

Еще одним ноу-хау региона является организация промышленных парков. Это земельные участки с четко прописанными юридическими правами, созданные по кластерному принципу и оборудованные необходимой инфраструктурой для конкретного отраслевого профиля. Сейчас на территории Калужской области насчитывается 10 промышленных парков площадью более 5,5 тыс. га. В них реализуется

свыше 80 крупных инвестиционных проектов, значительная часть которых финансируется за счет иностранного капитала.

В последние годы приток иностранных инвестиций в Калужскую область стабильно превышает 1 млрд долл. США в год. В 2013 г. объем привлеченных инвестиций вырос на 21% и составил 1,329 млрд долл. При этом инвесторы готовы сотрудничать с Калужской областью, не смотря на ужесточение экономических санкций против России.

За девять месяцев 2014 г. в области реализовано восемь крупных инвестиционных проектов, в 2015 г. предусмотрены завершение строительства и ввод в эксплуатацию еще 13 новых предприятий (табл. 2). Подавляющее большинство этих проектов финансируется зарубежными партнерами.

У Калужской области налажены партнерские связи со 107 странами мира. По прямым иностранным инвестициям на душу населения регион успешно конкурирует с сырьевыми территориями страны. И что немаловажно, наибольший объем этих инвестиций сконцентрирован в обрабатывающих производствах. Активное сотрудничество с российскими и иностранными инвесторами позволило создать на территории области более 20 тыс. новых рабочих мест⁶.

Следует отметить, что особое внимание в регионе уделяется расширению транспортной инфраструктуры для привлечения инвесторов и стабильного ведения бизнеса. Для развития транспортного узла и обслуживания транспортных потоков здесь сформировано два логистических комплекса: «Росва» и «Ворсино». Будущее за крупнейшим мультимодальным терминально-логистическим центром «Freight Village Kaluga». Он размещен на площади более 200 га и включает в себя железнодорожный терминал, таможенную зону, деловой центр внешнеэкономической деятельности, контейнерный терминал и кросс-докинг. Также в области ведутся работы по реконструкции международного аэропорта «Калуга» в районе индустриального парка «Грабцево». На границе технопарка «Ворсино» производится реконструкция аэропорта «Ермолино».

---

⁶ См.: *Работа в Калужской области – это перспективно и надолго* // Вестник Калужской области: Инвестиции. Инновации. Инфраструктура. – 2013. – № 4. – С. 6–7.

Таблица 2

Реализация инвестиционных проектов в Калужской области

Инвестиционный проект	Компания	Кол-во вновь создаваемых рабочих мест
Реализация проектов за 9 мес. 2014 г.		
<i>Индустриальный парк «Грабцево»:</i> строительство завода по производству фармацевтической продукции	ЗАО «Берлин-Фарма»	150
<i>Индустриальный парк «Калуга-Юг»:</i> строительство завода по производству автомобильных запчастей (блоки управления автомобильных двигателей);	ООО «Континентал Аутомотив Системс Рус»	600
строительство завода по производству навесного уборочного оборудования	ООО «Меркатор Калуга»	100
<i>Индустриальный парк «Ворсино»:</i> строительство производственно-складского комплекса;	ООО «Мале Текнолджиз Рус»	40
строительство завода по производству молотого мрамора	ООО «Омиа Урал»	30
<i>Индустриальный парк «Росва»:</i> строительство завода по производству трубопроводов для систем кондиционирования и деталей гидроусилителя рулевого управления автомобилей	«ContiTech»	160
<i>Дзержинский район:</i> строительство завода по производству цемента	ОАО «Лафарж Цемент»	552
<i>Боровский район:</i> создание производственного комплекса по выпуску керамогранитной плитки	ЗАО «ФРИЛАЙТ»	330
Проекты на 2015 г.		
<i>Индустриальный парк «Росва»:</i> создание комплекса по глубокой переработке пшеницы;	ЗАО «Биотехнологический комплекс «Росва»	270
строительство завода по производству строительных материалов	ООО «Сибирский элемент-Рента-К»	140
<i>Индустриальный парк «Калуга-Юг»:</i> строительство завода по производству автомобильных запчастей (блоки управления автомобильных двигателей);	ООО «Континентал Аутомотив Системс РУС»	330

Окончание табл. 2

Инвестиционный проект	Компания	Кол-во вновь создаваемых рабочих мест
строительство завода по производству упаковочных и тарных материалов на основе сотовых бумажных наполнителей	ЗАО «РЕКАСТ»	50
<i>Индустриальный парк «Грабцево»:</i> строительство завода по производству двигателей внутреннего сгорания	ООО «ФОЛЬКСВАГЕН Груп Рус»	150
<i>Индустриальный парк «Ворсино»:</i> строительство производственно-логистического центра (2-я очередь);	ООО «Омега Лиз-Калуга»	100
строительство комплекса по промышленной обработке, хранению и транспортировке текстильных изделий;	ООО «Коттон Вэй»	200
строительство завода по производству сверхтонких керамических панелей;	ООО «ЛАМИНАМ РУС»	50
строительство завода по производству фотокаталитических очистителей воздуха	ООО «АЭРОЛАЙФ»	50
<i>Индустриальный парк «Обнинск»:</i> строительство завода по производству упаковки для фармацевтической и косметической продукции	«Palladio Zannini Industri Grafiche Cartotecniche SpA»	100
<i>Индустриальный парк «Маклаки»:</i> строительство завода по производству цемента	ООО «Калужский цементный завод»	1000
<i>Индустриальный парк «Детчино»:</i> строительство тепличного комплекса для производства сельскохозяйственных культур	ООО «Агроинвитро»	320
<i>ОЭЗ ППТ «Людиново»:</i> строительство завода по производству плит МДФ	ООО «Управляющая компания «Магнат»	450

Источник: Инвестиционные проекты Калужской области. Инвестиционный портал Калужской области. – URL: <http://www.investkaluga.com/o-kaluzhskoy-oblasti/promyshlennost-regiona/investproekty/>.

Всего за пять лет в регионе создан третий в России по величине автомобилестроительный кластер. Именно с него началась история новой экономики Калужской области. Сегодня этот кластер объединяет 30 компаний, в том числе три завода OEM-производителей и 27 предприятий по производству автокомпонентов. На территории региона разместили свое производство автомобильные корпорации «Volkswagen AG», «PSA Peugeot Citroen», «Mitsubishi Motors Corp.», «Volvo Truck Corp.». Промышленные гиганты «потянули» за собой металлургию, строительство, торговлю, сферу услуг и высоких технологий.

Оживление инвестиционного рынка послужило толчком к развитию регионального кластера биотехнологий, фармацевтики и ядерной медицины. Сегодня он входит в десятку наиболее перспективных инновационных кластеров России. По прогнозам, к 2020 г. объем продаж калужского фармкластера может превысить 140 млрд руб., а доля его товарооборота достигнет 20% оборота всей фармацевтической продукции России⁷.

Агропромышленный комплекс – это еще один драйвер экономического развития Калужской области. Сегодня в регионе делают ставку на развитие молочно-мясного скотоводства и модернизацию устаревших агропроизводств. С этой целью в 2014 г. начали создавать индустриальный парк «К-Агро», ориентированный на переработку сельхозпродукции, производимой в регионе. На базе «К-Агро» реализуется областная программа по созданию 100 роботизированных фермерских хозяйств, способствующая привлечению в региональный агробизнес миллионов рублей частных инвестиций.

В Калужской области формируется особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Людиново». По предварительной оценке, только ОЭЗ «Людиново» будет способствовать привлечению свыше 30 млрд руб. частных капиталовложений, а ее приори-

---

⁷ См.: *Отчет* о реализации инвестиционной стратегии Калужской области до 2020 года в 2013 году. – URL: <http://investkaluga.com/podderzhka/investitsionnaya-strategiya/investitsionnaya-strategiya> .

тетными направлениями станут машиностроение (производство автомобильных комплектующих), индустрия строительных материалов, металлообработка, лесоперерабатывающие производства. Очевидными преимуществами ОЭЗ «Людиново» являются правовые гарантии защиты прав инвесторов, особый налоговый режим, свободная таможенная зона, возможность выкупа земельных участков по льготной цене, применение механизма ускоренной амортизации и минимальная арендная плата за помещения.

Под особой опекой региональных властей находится сектор малого предпринимательства. Областная политика стимулирования малого бизнеса включает систему налоговых льгот и трансфертов, софинансирование федеральных программ поддержки малых предприятий, сотрудничество с созданными в регионе институтами развития – Государственным фондом поддержки малого предпринимательства Калужской области и Калужским агентством поддержки малого и среднего бизнеса. Еще одной площадкой для привлечения инвесторов с небольшим капиталом станет создаваемый вблизи индустриальной зоны «Калуга-Юг» парк малого и среднего бизнеса. На его территории смогут разместиться до 2 тыс. небольших предприятий. К реализации этого проекта Калужская область приступила в 2014 г. Концепция нового парка соответствует европейскому уровню ведения бизнеса, при этом в состав парка войдут бизнес-инкубатор, диспетчерский центр распределения сельскохозяйственной продукции, широкий продовольственный рынок. Также на его территории разместятся гостиница, экспоцентр, детская площадка и паркинг.

Развивая партнерские отношения с бизнесом, Калужская область активно реформирует кадровую политику, с тем чтобы она способствовала росту обеспеченности инвесторов трудовыми ресурсами. Для этого с учетом потребностей экономики в регионе создаются новые образовательные центры, применяются современные стандарты и технологии обучения, стимулируются перспективные научные разработки. К примеру, для обеспечения квалифицированным персоналом предприятий автокластера из бюджета региона было

выделено около 1 млрд руб. на создание специализированного учебного центра. За последние шесть лет он подготовил более 9 тыс. востребованных специалистов [3]. В филиале МГТУ им. Н.Э. Баумана совместно с концерном «Фольксваген» внедрена дуальная система образования, позволяющая успешно сочетать обучение и практику. В областном центре открыта общеобразовательная школа, где ведется преподавание по стандартам IB (International Baccalaureate) для детей иностранных работников.

В регионе нет отставания и в предоставлении жилья для специалистов. С этой целью реализуются программы по развитию жилищного строительства, рынка арендного жилья, жилищно-коммунального хозяйства.

Нет сомнений в том, что приток новых инвестиций создает условия для повышения качества жизни населения Калужской области, ведь привлеченные в экономику средства реинвестируются в развитие науки, культуры, спорта, здравоохранения, в благоустройство среды обитания. В то же время для удовлетворения растущих потребностей в реализации социальных программ, в создании новых рабочих мест с высокой заработной платой, в стимулировании ряда региональных рынков необходимы открытие новых производств и совершенствование областной инвестиционной политики. Однако при том, что у Калужской области есть значительный потенциал для размещения новых инвестиционных проектов, существует ряд барьеров, затормаживающих процесс привлечения инвестиций. Прежде всего это ограниченность бюджетных средств для развития инженерной, логистической и социальной инфраструктуры. Большие надежды здесь возлагаются на возможность федерального субсидирования части региональных затрат на создание инфраструктуры для привлечения инвесторов.

Остаются пока не решенной проблемой недостаточная проработанность на федеральном уровне инвестиционного законодательства и, как следствие, сложность судебного рассмотрения хозяйственных споров [5]. Это касается прежде всего системы государствен-

но-частного партнерства. Сегодня в Калужской области используется сразу несколько моделей сотрудничества власти и бизнеса. Наиболее распространены отношения в рамках комиссионных соглашений. Однако существуют и другие перспективные формы совместной работы: возврат средств инвестору путем выплаты арендной платы за построенный объект; выкуп акций компании, занимающейся строительством социально значимого объекта; возможность оформления как государственной, так и частной собственности на создаваемые объекты. При этом серьезным препятствием на пути развития партнерских отношений с бизнесом является отсутствие соответствующего федерального закона о государственно-частном партнерстве. Отчасти по этой причине некоторые инвесторы не рискуют участвовать в долгосрочных проектах, опасаясь возможных противоречий между региональным и федеральным законодательством. Это плохо сказывается на крупных долгосрочных проектах, касающихся жизненно важных сфер: образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, переработки и утилизации бытовых отходов и т.д.

Фактором, сдерживающим инвестирование отечественного капитала, является высокая стоимость обслуживания кредитных ресурсов. Повышение Банком России ключевой ставки до 17%, высокий уровень инфляционных ожиданий и резкие колебания валютного курса неизбежно ведут к росту процентных ставок по кредитам и серьезно тормозят инвестиционную активность российских предпринимателей.

Успешной реализации инвестиционных проектов также препятствует низкая мобильность населения. В отдельных муниципальных районах Калужской области наблюдается нехватка трудоспособных граждан.

Инвестиционную привлекательность экономики ограничивает и высокая стоимость услуг государственных монополий (топливно-энергетического комплекса, транспортного сообщения).

В ближайшем будущем Калужской области предстоит сосредоточить свои усилия на повышении энергоэффективности экономики, на

внедрении современных технологий в сельское хозяйство, на развитии лесоперерабатывающей промышленности, на продвижении проектов в сфере туризма и логистики. В приоритете останутся увеличение объемов жилищно-коммунального строительства, реализация различных мер социальной поддержки, создание новых образовательных центров и стимулирование перспективных научных разработок. Будут смещены акценты в сторону качества инвестиций, стратегически важным направлением станет переход от прямых капиталовложений в реальный сектор экономики к частному финансированию инновационных проектов.

Решение этих вопросов потребует дальнейшего развития механизма привлечения инвестиций (включая микроинвестирование), а также поиска новых моделей государственно-частного партнерства, в том числе на базе глобальной экономической интеграции, промышленной кооперации, создания совместных предприятий. Кроме того, нельзя забывать и о расширении действующих форм финансирования инвестиций, таких как лизинг, форфейтинг, венчурное финансирование. Именно использование вышеперечисленных инструментов послужит дополнительным стимулом для повышения инвестиционной привлекательности региона.

* * *

Сегодня Калужская область продолжает делать ставку на инвестиции, заслужив репутацию надежного делового партнера и стабильно развивающейся территории. При этом ее благоприятный инвестиционный климат основывается на системной управленческой работе, обеспечивающей реализацию сбалансированной социально-экономической политики региона. Эта работа предполагает государственное стимулирование инвестиционной деятельности и всестороннюю поддержку хозяйствующих субъектов, повышение качества инфраструктуры и доступности ресурсов для ведения бизнеса, снижение административных барьеров, гарантированное исполнение

государственных обязательств и оказание государственных услуг. Ключевые механизмы такой работы могут стать хорошим ориентиром в создании комфортных условий для развития цивилизованного бизнеса на всей территории России.

Список источников

1. *Зубаревич Н.* Регионы и города России: сценарии-2020 / Pro et Contra. – 2011. – № 1-2. – С. 28–41.
2. *Илларионов А.* Экономическая политика в условиях открытой экономики со значительным сырьевым сектором // Вопросы экономики. – 2001. – № 4. – С. 4–31.
3. *Коробова И.* Эффективные инвестиции – это только начало // Стратегия. – 2014. – № 14. – С. 36–40.
4. *Мельникова Л.В.* Оценка географических направлений инвестиционных потоков // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 81–101.
5. *Самофалова О.* Пример для подражания. – URL: <http://vz.ru/economy/2014/1/23/669248.html> (дата обращения 18.11.2014).

Информация об авторе

Окружко Оксана Александровна (Россия, Калуга) – доцент. Калужский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (248018, Калуга, ул. Чижевского, 17, e-mail: oksana3d@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20150611

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 224–240

O.A. Okrzhko

THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS PHENOMENON IN KALUGA OBLAST

Over the last 15 years Kaluga Oblast has established itself among the leading regions with a favorable investment climate. Regional models of invest-

ment cooperation were highly appreciated by Russian and foreign investors. The article discusses the main advantages of the investment policy in Kaluga Oblast, as well as its priorities for the nearest future. It also describes the factors impeding the acceleration of investment. It is concluded that the experience of Kaluga Oblast can be possibly used by other Russian regions in attracting investments.

Keywords: investments, Kaluga Oblast, public-private partnership, development institutions, industrial parks

References

1. Zubarevich, N. (2011). Regiony i goroda Rossii: stsennari-2020 [Regions and cities of Russia: scenarios-2020]. Pro et Contra, No. 1-2, 28–41.
2. Illarionov, A. (2001). Ekonomicheskaya politika v usloviyakh otkrytoy ekonomiki so znachitelnym syrievym sektorom [Economic policies in open economy with massive natural resources sector]. Voprosy ekonomiki [Economic issues], 4, 4–31.
3. Korobova, I. (2014). Effektivnye investitsii – eto tolko nachalo [Successful investments are just the beginning.] Strategiya [Strategy], 14, 36–40.
4. Melnikova, L.V. (2010). Otsenka geograficheskikh napravleniy investitsionnykh potokov [Assessment of the geographic directions of investment flows]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 3, 81–101.
5. Samofalova, O. Primer dlya podrazhaniya [Role model]. Available at: <http://vz.ru/economy/2014/1/23/669248.html> (date of access: 18.11.2014).

Information about the author

Okruzhko, Oksana Aleksandrovna (Kaluga, Russia) – Assistant Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kaluga Branch (17, Chizhevskiy st., Kaluga, 248018, e-mail: oksana3d@yandex.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.04.2015 г.

© Окрузко О.А., 2015

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 241–265

А.С. Шумков

ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Изменения Бюджетного кодекса РФ в связи с принятием Федерального закона от 27 мая 2014 г., по которому значительная часть полномочий сельских поселений перераспределена в пользу муниципальных районов, закрепили за муниципальными районами часть доходных источников бюджета, поступающие из которых средства ранее подлежали зачислению в бюджеты сельских поселений. С учетом изменений федерального законодательства встает вопрос о целесообразности сохранения существующей формы местного самоуправления на сельских территориях. В статье анализируются факторы, предшествовавшие новому этапу реформирования местного самоуправления на селе, и дается оценка возможных последствий реформирования для экономики сельских поселений. На примере Московской области рассмотрено влияние пространственных факторов на возможность осуществления сельскими поселениями закрепленных полномочий. Показано, что изменения федерального законодательства практически ликвидируют двухуровневую систему местного самоуправления, оставляя в компетенции сельских органов самоуправления наиболее незначительные полномочия. Сделан вывод, что проводимые реформы в целом продиктованы объективной неспособностью большинства сельских поселений оказывать качественные муниципальные услуги. С учетом социально-экономического положения сельских поселений региональные органы власти будут проводить выборочную политику перераспределения полномочий, либо закрепляя за наиболее богатыми муниципалитетами дополнительные полномочия, либо продолжив передачу полномочий на региональный и районный уровни.

Ключевые слова: местное самоуправление, сельские поселения, Московская область, доходы, полномочия

ИЗМЕНЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Российское законодательство предусматривает формирование двух уровней местного самоуправления: районного и поселенческого. При этом в мировой практике более распространена схема одноуровневого местного самоуправления [1]. Сложившаяся система организации местного самоуправления напрямую влияет на качество жизни сельского населения. Федеральными властями реализуется комплекс программ и мероприятий, направленных на развитие сельского хозяйства и повышение качества жизни на селе [15], но несмотря на это, по ряду причин социально-экономическое положение сельских территорий остается неудовлетворительным [2]. Российское село продолжительное время находится в глубоком социально-экономическом кризисе [6]. Большинство сельских муниципалитетов не способны самостоятельно выполнять возложенные на них полномочия на должном уровне. Перед региональными властями стоит сложная задача выравнивания бюджетной обеспеченности сельских территорий, на что ежегодно выделяются средства в объеме, сопоставимом с доходными возможностями сельских муниципалитетов. Налицо проблема реализации принципов самостоятельности и сбалансированности местных бюджетов. Нестабильность нормативов отчислений в местные бюджеты от федеральных и региональных налогов, серьезные недостатки в разграничении доходов и расходов между звеньями бюджетной системы, сложившаяся практика передачи расходных полномочий с федерального и регионального уровней на местный уровень без соответствующего финансового обеспечения, неурегулированность системы межбюджетных отношений ранее рассматривались российскими экономистами (см., например, работу [9]). Однако ситуация с обеспечением доходной части бюджетов сельских поселений остается сложной, так как находясь в самом низу организационной цепочки, они

подчас являются наименее защищенным звеном государственного управления.

Выходом из сложившегося кризиса может быть перераспределение дополнительных доходных источников на местный уровень, что настойчиво предлагается многими экспертами. Однако федеральные власти пошли по иному пути, сокращая количество исполняемых полномочий местных бюджетов и перераспределяя их исполнение на региональный и районный уровни. Федеральным законом от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»¹ установлены отдельные перечни вопросов местного значения для городских и для сельских поселений. При этом в связи с особенностями обеспечения жизнедеятельности населения на сельских территориях в указанном федеральном законе перечень вопросов местного значения для сельских поселений по отношению к перечню вопросов местного значения для городских поселений сокращен. За сельскими поселениями сохранены следующие полномочия:

- составление и рассмотрение проекта бюджета поселения, утверждение и исполнение бюджета поселения, осуществление контроля за его исполнением, составление и утверждение отчета об исполнении бюджета поселения;
- установление, изменение и отмена местных налогов и сборов поселения;
- владение, пользование и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности поселения;

---

¹ См.: *Федеральный закон от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”»* // *Собрание законодательства РФ*. – 2014. – № 22. – Ст. 2770.

- обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах населенных пунктов поселения;
- создание условий для обеспечения жителей поселения услугами связи, общественного питания, торговли и бытового обслуживания;
- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами учреждений культуры;
- обеспечение условий для развития на территории поселения физической культуры и массового спорта, организация проведения официальных физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий в поселении;
- формирование архивных фондов поселения;
- утверждение правил благоустройства территории поселения;
- присвоение адресов объектам адресации, изменение, аннулирование адресов, присвоение наименований элементам улично-дорожной сети (за исключением автомобильных дорог федерального значения, автомобильных дорог регионального или межмуниципального значения, местного значения в пределах муниципального района), наименований элементам планировочной структуры в границах поселения, изменение, аннулирование таких наименований, размещение информации в государственном адресном реестре;
- содействие в развитии сельскохозяйственного производства, создание условий для развития малого и среднего предпринимательства;
- организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью в поселении;
- оказание поддержки гражданам и их объединениям, участвующим в охране общественного порядка, создание условий для деятельности народных дружин.

На уровень муниципального района переданы наиболее ресурсоемкие полномочия: электро-, тепло-, газо- и водоснабжение населения, водоотведение, дорожная деятельность, обеспечение проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями, транспортное обслуживание населе-

ния, библиотечное обслуживание населения, организация сбора и вывоза бытовых отходов и мусора и др.

Иные вопросы местного значения, установленные для поселений Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² и не отнесенные к вопросам местного значения для сельских поселений, на территории сельских поселений будут решаться органами местного самоуправления соответствующих муниципальных районов. В сельских поселениях органы местного самоуправления муниципальных районов смогут осуществлять полномочия по решению указанных иных вопросов местного значения, отнесенных к ведению муниципальных районов, с учетом особенностей обеспечения жизнедеятельности населения соответствующих сельских территорий.

В связи с изменениями Федерального закона № 131-ФЗ скорректированы статьи 46, 61 (пункты 61.1, 61.3, 61.4, 61.5) и 62 Бюджетного кодекса РФ: изменен перечень налоговых доходов муниципального района и сельского поселения, перераспределены отдельные налоговые и неналоговые источники доходов между бюджетами сельских поселений и муниципальных районов, в том числе налог на доходы физических лиц, единый сельскохозяйственный налог, средства от передачи в аренду и продажи земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена и которые расположены в границах территории сельских поселений, средства от продажи права на заключение договоров аренды в отношении указанных земельных участков, средства от специального разрешения на движение по автомобильной дороге транспортного средства, осуществляющего перевозки опасных, тяжеловесных и/или крупногабаритных грузов (табл. 1).

Кроме того, в связи с утратой сельскими поселениями полномочий в сфере дорожного хозяйства дифференцированные ставки производимых на территории Российской Федерации отчислений от акцизов на автомобильный и прямогонный бензин, дизельное топливо,

---

² См.: *Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»* // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

Таблица 1

**Доходные источники, перераспределяемые между бюджетами
муниципальных районов и сельских поселений, %**

Доходный источник	Муниципаль- ный район		Сельское поселение	
	До изменений Бюджетного кодекса РФ	После измене- ний Бюджетно- го кодекса РФ	До изменений Бюджетного кодекса РФ	После измене- ний Бюджетно- го кодекса РФ
Налог на доходы физических лиц, взимаемый на территориях сельских поселений	5	13	15	2
Единый сельскохозяйственный налог, взимаемый на территориях сельских поселений	50	70	50	30
Доходы от передачи в аренду земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена и которые расположены в границах поселений, а также средства от продажи права на заключение договоров аренды указанных земельных участков	50	100	50	0
Доходы от продажи земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена и которые расположены в границах поселений	50	100	50	0

моторные масла для дизельных и/или карбюраторных (инжекторных) двигателей подлежат установлению для муниципальных районов, осуществляющих дорожную деятельность на территории соответствующего муниципального образования.

Рассмотрим характер и последствия указанных изменений законодательства на примере сельских поселений Московской области. Выбор для анализа Московской области поможет рассмотреть реформу местного самоуправления как с позиций сильных поселений – элитных населенных пунктов вблизи Москвы, так и с позиций периферийных муниципалитетов, характеризующихся депрессивным состоянием экономики.

В настоящей статье использованы результаты исследований по бюджетному федерализму и финансовой децентрализации [4; 5; 7; 13; 14; 16; 17]. При рассмотрении проблемы учитывались особенности организации местного самоуправления на селе [3; 11]. Отдельно следует отметить исследования, посвященные пространственным характеристикам расселения и размещения производительных сил в Московском столичном регионе, имеющие важное значение для понимания природы экономической дифференциации муниципалитетов Московской области [8; 10; 12].

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Численность постоянного населения в сельских поселениях Московской области составляет 24% от численности жителей ее муниципальных районов. Сеть сельских поселений региона насчитывает 177 единиц, в них постоянно проживает 1,03 млн чел. (по состоянию на 1 января 2014 г.). Сельские поселения включают в себя более 6,2 тыс. населенных пунктов, значительная часть которых не имеют постоянных жителей. Более крупные сельские населенные пункты расположены в непосредственной близости от Москвы и вдоль радиальных магистралей, являющихся организующими осями лучевых структур Московской агломерации: чем дальше от столицы и вглубь межмагистральных пространств, тем более разреженной становится сеть населенных пунктов, тем меньше их размер и плотность. Несмотря на то что на фоне областей Центрального федерального округа и России в целом сельские поселения Московской области за счет своего пристольного положения выделяются повышенной долей населения в наиболее крупных селах и поселках людностью свыше 1 тыс. чел., мелкоселенность напрямую влияет на удорожание бюджетных услуг.

Согласно утвержденным бюджетам муниципальных образований Московской области на 2014 г., доля сельских поселений в доходах консолидированных бюджетов муниципальных районов составляет 12%, доля в расходах – 12,7%, но укладывается в статистическую погрешность (табл. 2).

Таблица 2

Распределение доходов и расходов между городскими и сельскими поселениями Московской области в 2014 г.

Тип поселения	Численность населения, тыс. чел.	Доходы		Расходы	
		млн руб.	доля в консолидированном бюджете, %	млн руб.	доля в консолидированном бюджете, %
Сельские	1033,2	19812	12,06	22491	12,71
Городские	3262,9	31706	19,30	35892	20,29

Уже до внесения имений в федеральное законодательство сельские поселения характеризовались пониженным по сравнению с городами налоговым потенциалом, а часть полномочий, которые исполняются в городских поселениях, на селе оказывались нефинансируемыми или передавались в район. По данным отчетности об исполнении бюджетов сельских поселений Московской области в 2013 г. представляется возможным оценить объем расходов (всего 4103480 тыс. руб.), которые будут осуществлены за счет бюджетов муниципальных районов в результате передачи полномочий из сельских поселений.

В том числе на участие в предупреждении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций в границах поселения будет израсходовано 26745 тыс. руб., на организацию и осуществление мероприятий по гражданской обороне, защите населения и территории поселения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера – 16046, на создание, содержание и организацию деятельности аварийно-спасательных служб и/или аварийно-спасательных формирований на территории поселения – 12785, на обеспечение безопасности людей на водных объектах, охрану их жизни и здоровья – 7327, на участие в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации или ликвидации последствий терроризма и экстремизма – 26690, на создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организацию транспортного обслуживания населения в границах поселения – 11579, на дорожную деятельность в отношении автомобильных дорог местного значения в границах населенных пунктов

поселения и на обеспечение безопасности дорожного движения на них, включая создание и обеспечение функционирования парковок, осуществление контроля за сохранностью, а также реализацию иных полномочий в области использования автодорог и осуществления дорожной деятельности – 2301272, на обеспечение проживающих в поселении и нуждающихся в жилых помещениях малоимущих граждан жилыми помещениями – 233108, на организацию электро-, тепло-, газо- и водоснабжения – 911918, на содержание мест захоронения – 257249, на организацию библиотечного обслуживания населения, комплектование библиотечных фондов – 298761,2 тыс. руб.

Наиболее значительными расходными полномочиями, передаваемыми на уровень муниципального района, являются дорожная деятельность (56%), организация электро-, тепло-, газо-, водоснабжения населения и водоотведения (22,2%) и библиотечное обслуживание населения (7,3%).

Следует отметить, что планируемые и фактические объемы расходов по соответствующим полномочиям в бюджетах сельских поселений могут существенно различаться. Сумма, закладываемая на исполнение полномочий в прогнозе субфедеральных органов власти Московской области, существенно меньше заявленной (на 40%). В то же время некоторые сельские поселения ввиду дефицитности местного бюджета или отсутствия необходимости не закладывают в бюджет расходы на исполнение некоторых полномочий. Например, из 177 сельских поселений области в 2014 г. расходы на обеспечение малоимущих граждан жилыми помещениями имели 60 сельских поселений, а на организацию библиотечного обслуживания – 126. Передача этих полномочий в муниципальные районы, возможно, будет сопровождаться увеличением расходов в связи с наличием более развитой ресурсной базы для их удовлетворения.

Следует заметить, что сеть сельских поселений Московской области характеризуется измельченностью (табл. 3). Средняя людность сельского населенного пункта составляет 229 жителей, в четверти населенных пунктов проживает менее 10 чел. Согласно общему правилу роста стоимости оказания услуг в расчете на одного жителя при снижении людности населенного пункта, стоимость оказания услуг

Таблица 3

Структура сельских населенных пунктов по количеству и численности проживающего в них населения

Показатель	Людность населенного пункта, чел.							
	без насе- ления	10 и менее	11–200	201–500	501–1000	1001–2000	2001–5000	более 5000
Кол-во населенных пунктов	327	1432	3263	467	254	225	134	22
Общая численность проживающего населения, чел.	0	7412	186234	146969	186858	310367	398446	171460
Доля в общем объеме сельского населения, %	0	1	13	10	13	22	28	12

Примечание: составлено по итогам Всероссийской переписи населения 2010 г.

в сельских населенных пунктах должна быть выше, чем в городских, что подтверждается на практике. Стоимость оказания услуг в сельских поселениях почти в 2 раза превышает аналогичный показатель для городских (21769 руб. на одного жителя в год в сельских поселениях против 11000 руб. в городских).

Помимо общего роста стоимости оказания муниципальных услуг важно обратить внимание на высокую долю расходов на содержание органов местного самоуправления в сельских поселениях Московской области. Доля расходов на содержание аппарата в сельских поселениях составляет в среднем 26,7% от общего объема расходов (соответствующий показатель для городских поселений области – 18,4%). В некоторых поселениях доля этих расходов превышает 40% (в Булатниковском Ленинского района – 44%, в Царевском Пушкинского района – 41%). Обусловлено это высокой долей постоянной части расходов: независимо от величины поселения за счет местного бюджета необходимо содержать главу поселения, совет депутатов, обслуживать здание администрации, проводить выборы и нести иные расходы, которые не снижаются вместе с уменьшением численности населения.

Таким образом, решение вопросов местного значения, связанных с обеспечением жизнедеятельности, в сельских поселениях обходится существенно дороже, чем в городских. Однако это никаким образом не способствует повышению качества предоставления бюджетных услуг. Согласно принципам бюджетного федерализма, передача на местный уровень расходных полномочий сопровождается ростом качества оказываемых услуг, но такая передача не должна приводить к увеличению бюджетных расходов. Необходимость исполнения ряда полномочий на местах является безусловной, но вопрос о закреплении полномочия за районом или поселением не столь однозначен и его решение требует индивидуального подхода.

По общей практике советского времени, благоприятные условия для развития сферы обслуживания на селе существовали в населенных пунктах, где проживало более 500 чел. Предприятия со сложными видами услуг размещались в районных центрах, услуги повседневного спроса оказывались по месту жительства потребителей. Организация сферы обслуживания в сельской местности должна быть направлена, во-первых, на удовлетворение потребностей жителей с минимальными затратами времени и, во-вторых, на более полное удовлетворение потребностей населения в разнообразных видах услуг. Именно в масштабах района возможно обеспечить рациональное обслуживание населения в первичных системах расселения на базе применения иерархического принципа построения сферы обслуживания в зависимости от численности потребителей бюджетных услуг в населенном пункте.

С учетом особенностей сельского расселения в Московской области реализация Федерального закона № 136-ФЗ решает проблему гиперцен на муниципальные услуги при мелкоселенном расселении при отсутствии у сельских поселений возможности самостоятельно оказывать некоторые виды услуг. Управление сферой бюджетных услуг на уровне муниципального района позволит охватить различные поселения, отдельные населенные пункты и построить систему качественного и полноценного оказания бюджетных услуг на всей территории муниципального района.

Следует обратить внимание на финансовую невозможность исполнения некоторых полномочий в сельских поселениях. Например, органы местного самоуправления поселения обязаны обеспечить население данного поселения коммунальными услугами. К коммунальным услугам относятся услуги по тепло-, электро-, водоснабжению и водоотведению независимо от ведомственной принадлежности предприятий, их форм собственности и организационно-правовой формы. Для реализации этих полномочий в сфере ЖКХ органы местного самоуправления вправе создавать муниципальные предприятия и учреждения. Аналогично органы местного самоуправления вправе создавать специализированные муниципальные предприятия для исполнения полномочий по содержанию и строительству автомобильных дорог.

Ввиду значительной стоимости оборудования и сложности его эксплуатации при малых объемах работ в границах одного поселения создание предприятия для обеспечения потребностей нескольких поселений позволит достичь значительной экономии бюджетных средств на уровне муниципального района за счет эффекта масштаба выполняемых работ при увеличении охвата поселений бюджетными услугами.

В целом, рассматриваемое перераспределение полномочий в сторону муниципального района с одновременным лишением сельских поселений наиболее стабильной экономической базы говорит о неспособности сельских поселений обеспечивать высокое качество оказания муниципальных услуг (особенно это характерно для удаленных, труднодоступных и малокоселенных поселений). Можно предположить, что в некоторых муниципальных районах за счет заключения соглашений о перераспределении полномочий между администрациями муниципального района и сельского поселения роль сельских поселений продолжит снижаться. В итоге в этих районах может сложиться ситуация, когда сельские поселения будут исполнять лишь минимально необходимый, гарантируемый Конституцией Российской Федерации объем полномочий. Все социально значимые полномочия будут исполняться муниципальным районом.

По прогнозу субфедеральных исполнительных органов власти Московской области, потери бюджетов сельских поселений региона

от перераспределения доходных источников могут составить 11% налоговых доходов и 87% неналоговых. При отмене дифференцированных нормативов отчислений для сельских поселений от акцизов на автомобильный и прямогонный бензин, дизельное топливо, моторные масла для дизельных и/или карбюраторных (инжекторных) двигателей, установленных исходя из протяженности автомобильных дорог местного значения, находящихся в собственности соответствующих муниципальных образований, потери бюджетов составят 16% налоговых доходов.

Объемы потерь бюджетов сельских поселений по передаваемым из сельских поселений в муниципальные районы доходным источникам достигнут следующих величин: по налогу на доходы физических лиц – 1709,5 млн руб., по доходам от уплаты акцизов – 843,4, по единому сельскохозяйственному налогу – 7,8, по доходам, получаемым в виде арендной платы за земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, а также по средствам от продажи права на заключение договоров аренды в отношении указанных земельных участков – 1170,7, по доходам от продажи земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, – 567,5 млн руб. Как видим, наибольший объем потерь приходится на поступления от НДФЛ.

Зачисление акцизов в местные бюджеты неразрывно связано с обязанностью осуществления дорожной деятельности в отношении автомобильных дорог местного значения. Поэтому в связи с передачей этого полномочия в муниципальные районы подлежит передаче и соответствующий доходный источник.

Законодатель определил необходимость зачисления земельного налога и налога на имущество физических лиц в бюджет поселений, что, вероятно, объясняется тем, что эти два доходных источника неразрывно связаны с землей и имуществом, находящимися в границах поселения. Объектом же налогообложения НДФЛ является не имущество, а результат деятельности работника, полученный им доход. И хотя значение поселений в организации условий для ведения предпринимательской деятельности велико (поэтому часть НДФЛ в размере 2% все же подлежит зачислению в бюджеты сельских поселений в качестве

стимулирующего фактора и после изменения бюджетного законодательства), связь между расположенным в границах поселения предприятием и экономикой муниципалитета не так очевидна: работники предприятия могут быть приезжими и не получать бюджетных услуг в муниципалитете, а для самого предприятия большая часть услуг оказывается федеральными или региональными органами власти.

Значительную часть вновь возникающих расходов муниципальных районов планируется компенсировать за счет неналоговых доходов, что является очень спорным, поскольку стоимость земельных участков и спрос на них подвержены влиянию рыночных факторов и слабо поддаются регулированию со стороны органов местного самоуправления. Предположим, в связи с передачей полномочий у органа местного самоуправления муниципального района возросли расходы бюджета. Законодатель установил, что часть этих расходов подлежит возмещению за счет роста доходов от продажи и аренды земли в сельских поселениях. В муниципалитетах, где спрос на землю невелик и соответствующие доходы не могут покрыть возникающих расходов, образуется несбалансированность доходов и расходов, и эта ситуация будет усугубляться тем, что органы государственной власти регионов не имеют права учитывать при распределении дотаций неналоговые доходы местных бюджетов. Муниципальный район в таком случае, вероятнее всего, пойдет по пути экономии расходов или снижения качества бюджетных услуг. Также вероятна продажа земельных участков по бросовым ценам, что пагубно повлияет на экономику муниципалитета в долгосрочной перспективе в связи с исчерпаемостью этого ресурса.

Таким образом, общий объем полномочий, передаваемых в муниципальные районы, несколько больше объема новых полномочий, назначенных к исполнению. По оценкам Министерства финансов РФ, в 66 субъектах Федерации объем передаваемых расходов превысит объем передаваемых доходов, что требует дополнительного бюджетного выравнивания со стороны субфедеральных властей. В 15 субъектах Федерации (Республика Карелия, Республика Коми, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Татарстан, Удмуртская

Республика, Республика Бурятия, Республика Тыва, Алтайский край, Белгородская, Владимирская, Костромская, Псковская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Кемеровская области) передаваемые доходы превышают передаваемые расходы.

Описываемые изменения основ организации местного самоуправления интересны также с точки зрения различий в экономическом потенциале и роли сельских поселений в свете процесса дезурбанизации в зоне влияния крупного города. Налоговые источники, закрепленные за сельскими поселениями и переданные в муниципальные районы, а также стоимость оказания муниципальных услуг значительно дифференцированы в зависимости от экономико-географического положения муниципалитета.

На состояние сельской местности большое влияние оказывают функциональная роль сельского поселения, качество и количество трудоспособного населения. Например, в числе факторов, влияющих на уровень ставок налога на землю и на размер налоговых поступлений в местные бюджеты Московской области от продажи и аренды земли, находятся такие, как удаленность муниципальных районов и городских округов от столицы, престижность направления от Москвы.

При передаче отдельных доходных источников из бюджетов сельских поселений в бюджеты муниципальных районов финансовая обеспеченность бюджетов многих сельских поселений Московской области остается достаточно высокой. По прогнозу, общий объем доходов сельских поселений превысит объем расходов в 2 раза. Причем прогноз составлен при текущей численности аппарата органов местного самоуправления. Прекращение исполнения ряда полномочий с января 2015 г. приведет к высвобождению значительного количества муниципальных служащих. Соответственно, соотношение доходов и расходов сельских поселений еще больше отклонится в сторону превышения доходов.

Следует заметить, что в структуре расходов на содержание органов местного самоуправления значительную часть расходов составляют постоянные. Уменьшение количества муниципальных служащих не приведет к равнозначному сокращению расходов на содержание органов местного самоуправления.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ

В настоящее время уровень социально-экономического развития сельских поселений, система организации в них местного самоуправления существенно различаются в разных субъектах Федерации. Федеральное законодательство предусматривает, что региональные законы и принятые в соответствии с ними уставы муниципальных районов и уставы сельских поселений могут закреплять за сельскими поселениями также другие полномочия из числа установленных нормами Федерального закона № 131-ФЗ полномочий, касающихся вопросов местного значения для городских поселений (например, утверждение правил застройки и землепользования). Рассмотрим вопрос о передаче полномочий и доходов с точки зрения двух основополагающих факторов: функциональной характеристики муниципалитета в плане проживания и уровня бюджетной обеспеченности и доходного потенциала муниципалитета.

Исследования позволяют выделить три группы проживающих в сельской местности: сезонно проживающие жители (их численность особенно велика в пригородной зоне крупных городов), трудовые мигранты (эта группа интересна прежде всего как источник поступлений НДФЛ в местный бюджет) и местные жители.

Значение сельскохозяйственного производства на территории Московской области повсеместно снижается. Сегодня сельское хозяйство в этом регионе не является системообразующим элементом сельской местности. В ближайшем к Москве поясе соседства обостряется конкуренция за земельные ресурсы. Сельскохозяйственные производители вытесняются на окраину области.

Можно выделить основные факторы опережающего роста численности жителей сельских поселений: близость к крупным городам, удобное транспортное положение (рядом с транспортными магистралями), географическое положение относительно Москвы.

Рост численности сельского населения Московской области происходит на фоне процесса субурбанизации. Увеличение числа сельских

жителей наблюдается преимущественно в ближайших к Москве муниципалитетах, на западе и юге области.

Особенностью сельского расселения пригородов Москвы является сезонный характер проживания. При этом большинство приезжих сохраняют московскую прописку. Численность жителей Московской области в летний период увеличивается примерно на 60%. В среднем по региону сезонное население в летний период более чем в 3 раза превышает постоянное сельское население.

Основная часть садовых и огородных товариществ находится в зоне среднего Подмоскovie, где стоимость земли относительно невысокая. При 6,2 тыс. сельских населенных пунктов в Московской области количество садово-огородных поселков здесь составляет 10,9 тыс. единиц. Фактически эти населенные пункты для многих москвичей выполняют функцию второго дома.

Современные коттеджные поселки тяготеют к столице: в зоне ее ближних и средних пригородов (до 40 км от МКАД) расположено более трех четвертей всех поселков. Рост числа коттеджных поселков происходит под действием определенных законов в их размещении. Лидируют в этом муниципалитеты западного сектора, ближайшие к Москве соседи – Одинцовский (Рублево-Успенское шоссе), Истринский (Новорижское шоссе) и Подольский (Калужское шоссе) районы.

Коттеджные поселки, в которых менее 50 домов, составляют свыше половины от общего количества, но из-за большого числа коттеджных городков, состоящих менее чем из 30 домов, среднее число домов в коттеджном поселке составляет 69. При этом наиболее распространены поселки, где имеется 50 домов, а доля небольших закрытых образований VIP-класса, которые состоят менее чем из 20 домов, превышает долю наиболее крупных поселков с числом жилых комплексов свыше 100 единиц.

Для Московской области в целом, в том числе для сельской местности, характерно широкое распространение маятниковых миграций [18]. Связь между территорией проживания и местом приложения труда является условной.

Западные муниципалитеты характеризуются высокой концентрацией сезонного населения. Восток области в этом отношении является

менее освоенным, хотя и там есть места сосредоточения сезонного населения. Так, в поселке им. Воровского Ногинского района численность сезонного населения более чем в 15 раз превышает численность постоянного.

Особенностями сезонного проживания объясняется повышенная экономическая база ряда муниципалитетов. Порядок зачисления земельного налога и налога на имущество таков, что жители Москвы, временно проживающие в Московской области, являются плательщиками земельного налога и налога на имущество по месту их нахождения, т.е. в Московской области, но не учитываются при оказании государственных и муниципальных услуг в Московской области, а получают их в Москве. Так, при средней по сельским поселениям области величине земельного налога 908 руб. на жителя в отдельных муниципалитетах соответствующий показатель превышает среднее значение более чем в 10 раз (поселения, расположенные на западе: Барвихинское Одинцовского района, Горское Одинцовского района, Обушковское Истринского района).

Немаловажным фактором дифференциации доходных источников местных бюджетов является также кадастровая стоимость земельных участков, учитываемая при налогообложении. На дифференциацию доходов бюджета от поступлений земельного налога влияет расстояние до Москвы, поскольку именно оно определяет доступность мест работы и потребления для большинства жителей области. В муниципалитетах, непосредственно граничащих с Москвой, возникает эффект соседства, когда в городах-спутниках стоимость земли почти такая же, как и в столице. Стоимость земли наиболее резко меняется при переходе от первого пояса соседства ко второму, далее снижение стоимости замедляется и разница становится минимальной между четвертым и пятым поясами. Причем по отдельным видам разрешенного использования кадастровая стоимость земель возрастает в пятом поясе.

Фактор расстояния приводит к повышению налоговой базы для налогообложения при движении от окраин области к столице в среднем в 9 раз. Причем наименьшая разница в стоимости земель установлена для участков, предназначенных под многоэтажную жилую застройку. Наибольшие различия в стоимости земель установлены для

участков, где предполагается разместить производственные здания и малоэтажные жилые дома, что можно рассматривать как косвенное воздействие на характер занятости и расселения населения в Московской области.

После передачи части полномочий такие муниципалитеты сосредоточивают в своих бюджетах доходный потенциал, значительно превышающий расходные потребности (табл. 4). В этих муниципалитетах складывается парадоксальная ситуация: объем имеющихся средств настолько превышает расходы, что муниципалитеты просто не способны их потратить. Даже с учетом взимания с них отрицательного трансферта в бюджет Московской области превышение будет весьма существенным.

Следует заметить, что не весь налоговый потенциал обеспечивает исключительно выгодным географическим положением. Так, расположенное в Истринском районе сельское поселение Букаревское имеет доходы по земельному налогу в 12 раз ниже среднеобластных. Налицо систематическая работа органов местного самоуправления по

Таблица 4

**Оценка доходов и расходов сельских поселений Московской области
по объему налогового потенциала в 2015 г.**

Поселение	Доходы, млн руб.	Расходы, млн руб.	Превышение доходов над расходами, раз
Барвихинское Одинцовского р-на	715,4	33,9	21,0
Горское Одинцовского р-на	435,5	22,7	19,0
Ершовское Одинцовского р-на	342,4	72,6	4,7
Жаворонковское Одинцовского р-на	336,8	47,3	7,1
Захаровское Одинцовского р-на	254,3	29,7	8,6
Назарьевское Одинцовского р-на	320,3	28,3	11,3
Никольское Одинцовского р-на	215,2	57,3	3,7
Успенское Одинцовского р-на	1 170,1	51,1	22,9
Часцовское Одинцовского р-на	89,4	31,6	2,8

привлечению на свою территорию инвесторов и застройщиков, по мобилизации налоговых доходов. Большое значение здесь имеет комплекс хозяйственных услуг, оказываемых органами местного самоуправления. Для потенциальных покупателей земли важны качество подъездных путей к дому, наличие света, газа, воды на границе участка. Мы не утверждаем, что подобные затраты необходимо осуществлять исключительно за счет местного бюджета, но участие муниципалитета все же желательно. Инфраструктура, в том числе социальная, рассматривается как особый фактор развития сельской местности, и при прочих равных условиях более высокий уровень ее развития предопределяет предпочтительность размещения на данной территории новых жилых и социальных объектов.

Передача основных ресурсоемких и важных полномочий на уровень муниципального района для таких муниципалитетов будет иметь резко выраженный отрицательный эффект. Средства будут распределяться пропорционально численности жителей по всему муниципальному району без учета места получения соответствующего дохода. В конечном итоге это приведет к снижению качества предоставляемых услуг в отдельных сельских поселениях. Для подобных случаев законодательно закреплено право муниципального района на передачу части полномочий на уровень сельских поселений с возмещением затрат из районного бюджета. Таким образом, минимально необходимый объем средств выделяется из районного бюджета, а излишки средств, имеющиеся в высокодоходных муниципалитетах, прибавляются к нему и расходуются напрямую на повышение качества бюджетной услуги.

Передача исполнения полномочий, касающихся вопросов местного значения, на уровень сельских поселений, входящих в состав района, осуществляется посредством заключения соглашений между органами местного самоуправления муниципального района и поселения. Эти соглашения предусматривают в том числе определенный объем трансфертов из бюджета района в бюджет поселения на исполнение передаваемых полномочий. При определении целесообразности заключения таких соглашений необходимо учесть следующие факторы:

- размер доходной базы бюджета района и бюджетов сельских поселений;
- размер материально-технической базы на уровне муниципального района и сельских поселений, необходимый для исполнения полномочий;
- наличие в составе администраций муниципального района и сельских поселений структурных подразделений для исполнения полномочий;
- обеспечение сохранения муниципальным районом и сельскими поселениями достигнутого в предыдущие годы уровня оказания соответствующих муниципальных услуг.

В 84 сельских поселениях Московской области (47% от всех сельских поселений) расходы в 2015 г. превышают доходы. Для этих муниципалитетов представляется возможным дальнейшее углубление диспропорций в перечне исполняемых полномочий между уровнем муниципального района и уровнем сельских поселений.

* * *

Изменения федерального законодательства практически ликвидируют двухуровневую систему местного самоуправления, в компетенции сельских органов самоуправления остаются наиболее незначительные вопросы местного уровня. Проводимые реформы в целом продиктованы объективной неспособностью большинства сельских поселений оказывать качественные муниципальные услуги. С учетом социально-экономического положения сельских поселений региональные органы власти будут проводить выборочную политику перераспределения полномочий, либо закрепляя за наиболее богатыми муниципалитетами дополнительные полномочия, либо продолжив передачу полномочий на региональный и районный уровни.

Список источников

1. Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Организационные аспекты развития местного самоуправления на селе // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2005. – № 1. – С. 50–51.

2. Адуков Р.Х., Адукова А.Н., Юсуфов Р.А. Базовые условия развития сельских территорий // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2011. – № 5. – С. 38–41.
3. Адукова А.Н., Коленченко И.А. Обеспечение достойного качества жизни сельского населения // Экономика сельского хозяйства России. – 2014. – № 10. – С. 68–72.
4. Игудин А.Г. Межбюджетные отношения и реформа местного самоуправления // Финансы. – 2006. – № 7. – С. 11–15.
5. Игудин А.Г. Об основах разграничения расходных полномочий и доходных источников // Финансы. – 2008. – № 2. – С. 8–11.
6. Калугина З.И. Вектор посткризисного развития российской деревни // Регион: экономика и социология. – 2010. – № 3. – С. 115–135.
7. Лавров А.М. Мифы и рифы российского бюджетного федерализма. – М.: Магистр, 1997. – 47 с.
8. Лаппо Г.М., Гольц Г.А., Трейвиш А.И. Московский столичный регион: территориальная структура и природная среда (опыт географического исследования). – М.: Ин-т географии АН СССР, 1988. – 320 с.
9. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: Либроком, 2012. – 368 с.
10. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы территориального развития. – М.: Новый хронограф, 2008. – 344 с.
11. Миндрин А.С., Адуков Р.Х., Адукова А.Н. Местное самоуправление на селе: состояние, проблемы и пути развития // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2007. – № 9. – С. 10–16.
12. Нефедова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. – 2008. – № 5. – С. 14–30.
13. Поляк Г.Б. Территориальные финансы: Учеб. пособие. – М.: Вузовский учебник, 2006. – 480 с.
14. Сербулов А.В., Гладун В.В. Оценка финансового обеспечения бюджетной самостоятельности муниципальных образований региона // Финансы и кредит. – 2009. – № 2. – С. 43–51.
15. Трескова Е.А., Воронин Б.А. Экономико-правовые проблемы устойчивого развития сельских территорий // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 1. – С. 68–71.
16. Христенко В.Б. Межбюджетные отношения и управление региональными финансами: опыт, проблемы, перспективы. – М.: Дело, 2002. – 608 с.
17. Чернявский А., Вартапетов К. Финансовая децентрализация и местное самоуправление в период реформ // Вопросы экономики. – 2003. – № 10. – С. 94–107.
18. Шитова Ю.Ю., Шитов Ю.А. Анализ маятниковой трудовой миграции (на примере Московской области) // Регион: экономика и социология. – 2008. – № 4. – С. 119–137.

Информация об авторе

Шумков Алексей Сергеевич (Россия, Москва) – консультант Министерства финансов Московской области (125319, Москва, ул. Коккинаки, 6, e-mail: shumkov_aleksey@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150612

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 241–265

A.S. Shumkov

CONSEQUENCE EVALUATION OF THE LOCAL GOVERNMENT REFORM

Changes to the Budget Code of the Russian Federation that accompanied the Federal law dd. 27 May 2014, which states that a considerable part of rural settlements' powers is redistributed in favor of municipal areas, assigned some budget sources of revenue to municipal areas. Earlier, these sources were transferred into the budgets of rural settlements. Taking into account the changes in the federal legislation, the author contemplates if it makes sense to preserve the existing form of local self-government in rural areas. The article analyzes the factors preceding the latest stage of the reformation of rural local self-government and evaluates possible consequences for the economy of rural settlements. Studying the case of Moscow Oblast, we consider how spatial factors influence the possibility that rural settlements may exercise their vested powers. It is shown that changes in the federal legislation practically liquidate the two-level system of local self-government, leaving the most insignificant powers within the competence of rural self-government institutions. The article proves that the carried out reforms are generally dictated by an objective inability of the majority of rural settlements to render high-quality municipal services. Due to the economic and social situation of rural settlements, regional authorities will pursue selective policy of reauthorization either by assigning additional powers to the richest municipalities or by delegating more powers to regional and district levels.

Keywords: local self-government, rural settlements, Moscow Oblast, revenue, powers

References

1. *Adukov, R.Kh. & A.N. Adukova* (2005). Organizatsionnye aspekty razvitiya mestnogo samoupravleniya na sele [Institutional aspects of local self-government development in rural areas]. *Ekonomika selskokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Economy of Agricultural and Processing Enterprises], 1, 50–51.
2. *Adukov, R.Kh., A.N. Adukova & R.A. Yusufov* (2011). Bazovye usloviya razvitiya selskikh territoriy [Fundamental conditions for development of rural areas]. *Ekonomika selskokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Economy of Agricultural and Processing Enterprises], 5, 38–41.
3. *Adukova, A.N. & I.A. Kolenchenko* (2014). Obespechenie dostoyrnogo kachestva zhizni selskogo naseleniya [Ensuring worthy quality of life of country people]. *Ekonomika selskogo khozyaystva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia], 10, 68–72.
4. *Igudin, A.G.* (2006). Mezhyudzhetye otnosheniya i reforma mestnogo samoupravleniya [Interbudget relations and local government reform]. *Finance*, 7, 11–15.
5. *Igudin, A.G.* (2008). Ob osnovakh razgranicheniya rashodnykh polnomochiy i dokhodnykh istochnikov [Basic delimitation of expenditure powers and revenue sources]. *Finance*, 2, 8–11.
6. *Kalugina, Z.I.* (2010). Vektor postkrizisnogo razvitiya possiyskoy derevni [Vector of the post-crisis development in Russian rural communities]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 3, 115–135.
7. *Lavrov, A.M.* (1997). Mify i rify rossiyskogo byudzhethnogo federalizma [Myths and Reefs of Russian Budgetary Federalism]. Moscow, Magistr Publ., 47.
8. *Lappo, G.M., G.A. Goltz & A.I. Treyvish.* (1988). Moskovskiy stolichnyy region: territorialnaya struktura i pripodnaya sreda (opyt geograficheskogo issledovaniya) [The Moscow capital region: Regularities and prospects for development of its spatial structure (geographical research)]. Moscow, Institute of Geography AS USSR, 320.
9. *Leksin, V.N. & A.N. Shvetsov* (2012). Gosudarstvo i region. Teoriya i praktika gosudarstvennogo regulirovaniya territorialnogo razvitiya [State and Region. The Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development]. Moscow, Librokom, 368.
10. *Makhrova, A.G., T.G. Nefedova & A.I. Treyvish* (2008). Moskovskaya oblast segodnya i zavtra: tendentsii i perspektivy territorialnogo razvitiya [Moscow Oblast Today and Tomorrow: Tendencies and Perspectives of Spatial Development]. Moscow, Novyy Khronograf Publ., 344.
11. *Mindrin, A.S., R.Kh. Adukov & A.N. Adukova* (2007). Mestnoe samoupravlenie na sele: sostoyanie, problemy i puti razvitiya [Rural local self-government: current status,

challenges and development prospects]. *Ekonomika selskokhozyaystvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatiy* [Economy of Agricultural and Processing Enterprises], 9, 10–16.

12. *Nefedova, T.G.* (2008). Rossiyskaya periferiya kak sotsialno-ekonomicheskiy fenomen [Russian periphery as a socio-economic phenomenon]. *Regionalnye issledovaniya* [Regional Studies], 5, 14–30.

13. *Polyak, G.B.* (2006). Territorialnye finansy: ucheb. posobie [Territorial finance: the manual]. Moscow, Vuzovskiy uchebnyk, 480.

14. *Serbulov, A.V. & V.V. Gladun* (2009). Otsenka finansovogo obespecheniya byudzhetoyn samostoyatel'nosti munitsipalnykh obrazovaniy regiona [Evaluation of financial provisions of budget independence of municipal entities of a region]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit], 2, 43–51.

15. *Treskova, Ye.A. & B.A. Voronin* (2013). Ekonomiko-pravovye problemy ustoychivogo razvitiya selskikh territoriy [Economic and legal problems of the rural areas sustainable development]. *Agrarnyy vestnik Urala* [Agrarian Bulletin of the Urals], 1, 68–71.

16. *Khristenko, V.B.* (2002). Mezhyudzhetye otnosheniya i upravlenie regionalnymi finansami: opyt, problemy, perspektivy [Interbudgetary Relations and Management of the Regional Finance: Experience, Problems, Prospects]. Moscow, Delo Publ., 608.

17. *Chernyavskiy, A. & K. Vartapetov* (2003). Finansovaya detsentralizatsiya i mestnoe samoupravlenie v period reform [Financial decentralization and local self-governance in the period of reforms]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 10, 94–107.

18. *Shitova, Yu.Yu. & Yu.A. Shitov* (2008). Analiz mayatnikovoy trudovoy migratsii (na primere Moskovskoy oblasti) [Analyzing push-pull migration in the Moscow region]. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], 4, 119–137.

Information about the author

Shumkov, Aleksey Sergeyevich (Moscow, Russia) – Advisor at the Ministry of Finance of Moscow Oblast (6, Kokkinaki st., Moscow, 125319, Russia, e-mail: shumkov_aleksej@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 16.02.2015 г.

© ШУМКОВ А.С., 2015

УДК 338.242.2

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 266–285

С.А. Кузнецова, В.Д. Маркова

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ ТЕОРИИ И МЕТОДОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

В статье выявлены тренды развития теории стратегического менеджмента, среди которых переход от анализа отрасли к системному анализу экосистем бизнеса, формирование стратегических бизнес-сетей как важнейшего механизма повышения конкурентоспособности компаний в экономике знаний, увеличение роли инновационного предпринимательства в условиях временного характера конкурентных преимуществ и динамизма внешней среды, усиление внимания к фактору ценности как стержневому элементу корпоративной стратегии. На основе обобщения выделенных трендов предложен подход к формированию стратегии, ориентированный на достижение баланса между созданием ценности для потребителей и извлечением ценности для компании. На примерах российских компаний показана важность достижения баланса усилий, направленных на создание ценности для основных заинтересованных сторон.

Ключевые слова: стратегический менеджмент, внешняя среда, потребительская ценность, ключевые компетенции, экосистема бизнеса

Стратегический менеджмент представляет собой один из наиболее динамично развивающихся разделов научного знания о компаниях и их рыночном поведении. За более чем полувековую историю развития теории стратегического менеджмента постоянное изменение взглядов на сущность стратегий компаний и подходов к их разработке стимулировалось как изменениями условий бизнеса, так и влиянием новых результатов, полученных в других сферах экономической

науки. В эпоху инновационной экономики на фоне возрастающего динамизма внешних условий ведения бизнеса назрела потребность в очередной модернизации концепций стратегического менеджмента, в систематизации и обобщении новых результатов, гипотез и проблем, что стимулирует дальнейшие исследования в области теории и практики стратегического управления на уровне государства и компаний. Закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» еще более актуализирует эту проблематику.

Цель настоящей статьи – выявление новых тенденций в исследованиях стратегии, определяющих платформу стратегического управления компаниями в условиях нарастающих изменений и неопределенности внешней среды, и разработка подхода к формированию стратегии на основе баланса ценностных предложений. При подготовке статьи мы опирались на информацию, содержащуюся в открытых российских и зарубежных источниках, а также на внутреннюю информацию российских компаний, полученную в ходе бесед с менеджерами и специалистами, в том числе при выполнении консалтинговых проектов.

ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Огромное влияние на развитие теории стратегического менеджмента оказывают вызовы внешней среды, в которой функционируют компании. В XXI в. эти изменения, по мнению Г. Хэмела, становятся прерывистыми, внезапными, мятежными и революционными [18]. Практически невозможно предугадать, какие товары и услуги будут иметь ценность через 10 лет, что будет представлять собой мировое экономическое пространство, какие специалисты потребуются компаниям для успешной конкуренции. Взаимоотношения участников рынка нелинейны, динамичны и невероятно сложны. Для описания характеристик внешней среды исследователи все чаще используют термин *VUCA* (аббревиатура, образованная от английских слов: *Volatility* – нестабильность, *Uncertainty* – неопределенность, *Complexity* – сложность и *Ambiguity* – неоднозначность). По данным опроса, проведенного компанией IBM, 1500 генеральных директоров самую

большую трудность для своих предприятий видят в необходимости адаптироваться к усложняющейся бизнес-среде. Восемь из десяти руководителей уверены, что деловая среда будет постоянно усложняться, но готовы к этому меньше половины из них. По мнению респондентов, больше всего мешает компаниям недостаточное понимание того, что от них ждут потребители [11].

В целом, наш опыт свидетельствует о том, что наиболее значимое влияние на стратегические решения компаний оказывают следующие группы факторов.

1. *Изменение макросреды и институциональных рамок функционирования компаний.* Согласно теории экономического роста П. Ромера, существует две причины изменения экономики: появление инновационных технологий и изменение политических, социальных, юридических правил, формирующих институциональную среду и определяющих контекст, в котором осуществляется экономическая деятельность. Изменение правил Ромер иллюстрирует примером должников: когда-то их сажали в тюрьму, а теперь их долги реструктурируют в судах, отчего выигрывают все заинтересованные стороны.

Важное влияние на развитие бизнеса оказывает экономика знаний. Б. Артур, исследуя функционирование высокотехнологичных компаний в экономике знаний, констатирует, что продукты этих компаний являются частью инфраструктуры, включающей другие продукты и технологии. Иными словами, высокотехнологичные товары привязаны к определенной продуктовой группе, отдельные составляющие которой дополняют и поддерживают друг друга. Таким образом, формируется новый объект анализа внешней среды – предпринимательская *экосистема*, элементы которой не могут существовать друг без друга [1].

2. *Трансформация отраслей и рынков.* В современном конкурентном ландшафте традиционные барьеры входа на рынок утрачивают свое значение, границы отраслей размываются (например, телекоммуникации), технологические инновации и развитие смежных отраслей делают менее эффективными сложившиеся «рецепты» действий, увеличивают трудности идентификации конкурентов и определения ценности продуктов компании для потребителей. Нетрадиционные

конкуренты (маверики) создают новые бизнес-модели и низкозатратные технологии даже в зрелых отраслях [17].

3. *Изменение характера конкуренции.* Увеличение количества конкурентов в связи с глобализацией экономики, возможность быстрых имитации и подражания лидирующим компаниям, тенденции «миграции ценности» в отраслевых цепочках, другие факторы способствуют изменению природы и моделей конкуренции, развитию соконкуренции и партнерства, поиску и созданию новых рынков или рыночных ниш [3; 13; 15].

Кроме того, согласно Т. Фридману, в современном «плоском» мире возможность сотрудничать и конкурировать на мировом рынке получили индивиды и мини-коллективы. Эти партнеры-конкуренты могут вступать в экономическое соревнование во всех странах, создавая новые корпорации или модифицируя работу уже существующих. Их шансы на успех определяются не гражданством и местом жительства, а образованием, способностями, изобретательностью и доступом к мировой коммуникационной системе. Эта ситуация радикально меняет условия деятельности компаний. Интернет и коммуникационные технологии сделали возможной такую кооперацию в выполнении самых различных работ, затребованных современной цивилизацией, которая практически мгновенно осуществляется в масштабах всей планеты. Вся планета делается единым производственным полем, в котором действуют унифицированные рабочие правила. В этом и состоит принципиальный смысл концепции «плоского» мира, нивелированного информационными технологиями.

4. *Новые модели поведения потребителей.* Существенное влияние на стратегические решения компаний наряду с трансформацией отраслей и изменениями моделей конкуренции оказывают потребители. Непоследовательность и непредсказуемость поведения потребителей, которые перестают быть пассивными получателями продуктов и услуг, снижение их лояльности в условиях насыщения товарных рынков и свободного доступа к рыночной информации, изменение ценностей у потребителей вынуждают компании перестраивать методы работы с ними. Все чаще компании переходят от продажи товаров к оказанию услуг и далее к решению проблем потребителей, продвигаясь по

лестнице ценностей на промышленных рынках, создавая дополнительные ценности на рынках потребительских товаров, развивая партнерство с потребителями (co-working, co-creating) и занимаясь инновациями. При этом «все больше людей требуют решения, но зачастую готовы платить только за продукт» – фактор, становящийся источником напряжения для многих компаний [13, с. 196]. Так, по мнению руководителя новосибирской ГК «Обувь России» А. Титова, российские покупатели в среднем ценовом сегменте становятся все более требовательными к сервису. Поэтому магазины в соответствии с общеевропейскими тенденциями вынуждены расширять список услуг, а впоследствии, возможно, вносить развлекательную составляющую в свою деятельность*.

В совокупности действия указанных факторов увеличивают неопределенность внешней среды и способствуют появлению новых концептуальных подходов в теории стратегического менеджмента, дальнейшему развитию методического и инструментального обеспечения в этой сфере.

НОВЫЕ ТРЕНДЫ В РАЗВИТИИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Системный анализ и обобщение современных концепций и взглядов различных исследователей позволили нам выделить следующие значимые тренды в развитии теории стратегического управления на микроуровне:

- переход от анализа отрасли к системному анализу *экосистемы бизнеса* как контекста формирования стратегии в экономике знаний;
- формирование стратегических *бизнес-сетей* независимых акторов как важнейшего механизма роста конкурентоспособности компаний;
- признание необходимости постоянного потока инноваций и развития инновационного предпринимательства в условиях

---

* URL: <http://nsk.dk.ru/blogs/post/srednie-pokupateli-hotyat-chuvstvovat-sebya-vipami?>.

временного характера конкурентных преимуществ и динамизма внешней среды;

- усиление внимания к фактору ценности и ценностным предложениям, предопределяющее изменение акцентов в работе с потребителями.

Рассмотрим эти тренды с позиций изменения стратегических приоритетов, разработки новых инструментов, методов и подходов к формированию стратегий компаний.

Экосистема бизнеса. Изменения внешней среды бизнеса сопровождаются расширением арсенала инструментов и методов ее анализа. В XX в. в основе успешных стратегий лежали умение играть в игру под названием «конкуренция» и знание правил этой игры. Соответственно, ключевую роль выполняли методы анализа отраслевой конкуренции: модель «пять сил конкуренции» Портера, цепочка ценности Портера, стратегические группы конкурентов, треугольник конкуренции Омаэ и др.

Изменение условий бизнеса в XXI в. предопределило прежде всего необходимость расширения границ анализа внешней среды. Расширяя подход М. Портера к анализу конкуренции, А. Сливоцки [16] вводит термин «радар конкуренции», полагая, что в новых условиях борьбы за потребителей требуется «круговой обзор» конкурентной среды, охватывающий компании с различными бизнес-моделями, а также будущих потенциальных конкурентов. При этом Сливоцки подчеркивает важность ориентации анализа на потребителя, а не только на соперников, поскольку изменение потребностей клиентов и их приоритетов запускает процесс миграции ценностей, открывая возможности для реализации новых бизнес-моделей.

Таким образом, именно намерение раздвинуть границы анализа и проникнуть в мотивы и пожелания потребителей (зачастую скрытые и неосознанные) может позволить компании сформировать новую, нетрадиционную стратегию бизнеса. Так, стратегическая инициатива специалистов компании «Philips» была направлена на то, чтобы предложить людям новый повод для покупки товаров компании, новый способ их использования. Специалистов заинтересовала целостная интерпретация ощущений пациентов (особенно детей) при

компьютерной или магнитно-резонансной томографии: до процедуры, во время процедуры и после нее. Для этого компания обратилась к профессионалам, которые изучали опыт пользователей продукции «Philips», и совместно с ними обсуждала технологии «создания комфортной окружающей среды» как перспективного направления для производителей медицинской техники. В результате томографы дополнили аппаратом для проекции мультфильмов, была создана уменьшенная копия томографа, с которым ребенок может поиграть в приемной, «просвечивая» кукол [4].

По существу, в приведенном примере речь идет об использовании так называемых этнографических методов анализа. Этнографы (или социальные антропологи) стремятся увидеть жизнь людей «изнутри», наблюдая за ними, прислушиваясь к разговорам, беседуя на отвлеченные темы, посещая потребителей дома и на работе. Этот метод дает информацию о среде обитания людей, о ситуациях, в которых они смогут использовать новые продукты, и о роли этих продуктов в их жизни. Компания «Intel», например, начала этнографические исследования в 1995 г., когда решила выйти на потребительский рынок. Сейчас в компании работает 20 этнографов. Достоинства этнографического метода оценили компании IBM, «Samsung», «Pfizer», «Lego», «Adidas», «Procter & Gamble» и др. [11]. Сложно переоценить роль этнографов в прогнозировании будущих тенденций развития высокотехнологичных рынков. Станут ли смартфоны заменой компьютерам или планшетами? Сблизятся ли ТВ- и ПК-технологии? Будут ли пожилые люди по старинке пользоваться телевизором или освоят новые возможности? Ответы на такие вопросы предопределяют стратегические приоритеты компаний.

Другой проблемой анализа внешней среды является ее *неопределенность*. Авторы работы [7] отмечают, что рост уровня неопределенности внешней среды вынуждает компании пополнять набор стратегических инструментов анализа. Огромное значение приобретают методы сценарного планирования, динамика систем, в частности подходы П. Сенге, теория игр, призванная помочь менеджерам разобраться в неопределенности, обусловленной поведением конкурентов. Сценарное планирование, по мнению Дж. Рингланда, «это часть

стратегического планирования, относящаяся к инструментам и технологиям, которые позволяют управлять неопределенностью будущего» [14, с. 18]. Мышление сценариями представляет собой «видение будущего как театральной пьесы, которая еще не поставлена, сценарий пьесы – это краткое, но полное описание развития событий до определенного времени» [10, с. 147]. Сценарное планирование использовали такие компании, как «Shell», «ЗМ», «Krone», «Electrolux» и др.

Широко применяемым в настоящее время инструментом формирования стратегий является методология *дорожных карт*, которая позволяет выстраивать комплексные сценарии с учетом взаимосвязей между контекстом внешней среды и вовлеченностью в экономический оборот тех или иных ресурсов. Дорожные карты позволяют визуализировать возможные пути достижения целей, наглядно иллюстрируя поэтапные изменения технологий, продуктов или их состояния в анализируемом периоде.

Следует отметить, что независимо от выдвигаемой и/или поддерживаемой концепции стратегического менеджмента все авторы обязательно рассматривают две стороны функционирования компании: ее внутренние ресурсы и процессы, а также внешние возможности развития (клиенты, конкуренты, технологии и проч.), которые в совокупности, собственно говоря, и определяют стратегические альтернативы развития компании.

До конца 1970-х годов альтернативы развития бизнеса методически рассматривались преимущественно в координатах продуктов и традиционных границ рынков на основе известной матрицы И. Ансоффа «товар – рынок». В 1980-е годы исследователи, в частности Д. Абель, расширяют сферу стратегического анализа, добавляя технологии и основные потребности клиентов в качестве определяющих факторов развития бизнеса (трехмерная схема Абеля). Затем Г. Хэмел и К. Прахалад вводят понятие ключевых компетенций компании как источника устойчивого развития и критерия определения границ бизнеса (стержневой продукт как рычаг для выхода на новые рынки).

В начале XXI в. К. Зук и Дж. Аллен показывают, что около 90% инициатив в отношении роста бизнеса касаются взаимосвязанных сфер [6]. Опираясь на понятие «ядро бизнеса», они предлагают

формировать возможные направления развития компании на основе многоступенчатых карт смежных сфер бизнеса. Смежные сферы лучами отходят от ядра бизнеса, определяя направления развития технологий и реконфигурации цепочки создания ценности, возможности выбора новых географических зон, новых каналов сбыта, новых сегментов рынка, новых продуктов и бизнесов. Ценность многоступенчатых карт как методического инструмента анализа внешней среды заключается в выявлении разнообразных возможностей роста компаний в стратегическом контексте.

В целом можно сделать вывод о постоянном расширении границ анализа внешней среды и увеличении спектра используемых методов и инструментов: от традиционного анализа отрасли к радару конкуренции Сливоцки и далее к экосистемам высокотехнологичных отраслей. При этом к методам анализа Портера добавляются сценарный анализ, этнографические исследования потребителей, методология дорожных карт, подходы теории игр и другие методы.

Стратегическая бизнес-сеть. Важнейшими составляющими стратегий высокотехнологичных компаний в экономике знаний являются технологические экосистемы (сети). Сегодня компании – технологические лидеры не стремятся к тому, чтобы «сделать свой продукт абсолютным стандартом отрасли», а выстраивают сети (паутины), т.е. создают сравнительно свободные альянсы компаний, группирующихся в рамках той или иной экосистемы [1]. Это, например, системы Windows, Android, Drupal, экосистемы компании «Apple», в центре которой iTunes и iCloud, и множество других.

Закон Меткалфа, сформулированный для IT-сферы и утверждающий, что полезность сети пропорциональна квадрату численности ее пользователей, определяет стратегические приоритеты компаний в рамках экосистемы, включающие широкое распространение развиваемого стандарта. Привлекая к применению своих разработок как можно больше независимых пользователей, доминирующая компания совместно со своими партнерами «закрывает» рынок для конкурентов, тем самым обеспечивая всем участникам сетевые преимущества (эффекты) экосистемы. Сетевой эффект используют системы Visa и MasterCard, аукционный сайт eBay и многие другие. Одновременно

можно привести примеры компаний, которым не удалось выстроить такую сеть, в результате они, имея технически превосходный продукт, уступили большую часть рынка конкурентам. Это компания «Sony» и ее видеомаягнитофон «Betamax», компания «Apple» с системой Macintosh.

Наряду со стратегией закрытия рынка в рамках экосистемы компания может использовать стратегию *«привязки и последующего перебрасывания потребителей»*. Иными словами, набрав на одном участке своей экосистемы значительное число пользователей (привязав их к одному продукту), компания может переводить их на другие продукты. Наиболее известный пример такой стратегии демонстрирует компания «Microsoft», которая перебрoсила миллионную армию пользователей DOS на Windows, затем с одной версии Windows на другие, каждый раз дополняя систему новыми приложениями и предлагая льготные условия обновления. По сути, происходит постоянное обновление продукта в рамках экосистемы (технологической платформы). Отметим, что успех платформы Windows во многом определен поддержкой, которую оказывает компания «Microsoft» партнерам по разработке программного обеспечения, одновременно используя их компетенции, чтобы предложить потребителям комплексные решения.

Формируя стратегию развития в высокотехнологичном бизнесе, компания должна выяснять механизмы положительных и отрицательных связей, которые действуют в экосистемах, где она работает или куда собирается выходить. Соответственно, в рамках экосистемы необходимо тщательно подходить к выбору партнеров и управлять механизмами взаимовыгодных обратных связей. В формируемых в высокотехнологичных отраслях сетевых структурах ключевыми понятиями становятся «миссия», «командная работа», «знания».

В России на создание бизнес-сетей в соответствии с общемировым трендом развития направлены государственные программы поддержки региональных кластеров.

Инновации и инновационное предпринимательство. Внимание к инновационным аспектам развития бизнеса как основе успешных стратегий компаний во многом предопределено временным характером

и нестабильностью конкурентных преимуществ, обусловленными динамизмом внешней среды. Идею о временных конкурентных преимуществах развивают многие современные исследователи. Так, Дж. Морроу с соавторами отмечают, что из-за высокой неопределенности внешней среды поддержание устойчивых конкурентных преимуществ со временем становится маловероятным, в результате чего компании будут стремиться развивать серию временных конкурентных преимуществ [21]. Р. Макграф предлагает подход, основанный на постоянном развитии новых стратегических инициатив для получения множества недолговечных (временных) конкурентных преимуществ [12]. Аналогичные идеи о временном характере конкурентных преимуществ высказывал К. Боумен, по мнению которого единственное действительно устойчивое преимущество заключается в способности обучаться быстрее конкурентов, а стержнем стратегии становится создание преимуществ с помощью накопления знаний [2].

В этих условиях знания и инновации превращаются в ключевой актив бизнеса, позволяющий поддерживать долгосрочную конкурентоспособность компаний за счет формирования уникальных ценностных предложений для потребителей и/или за счет реализации возможностей, когда существующая конкуренция относительно ограничена. Это обуславливает ориентацию компаний на развитие инновационной деятельности и формирование предпринимательской культуры, обеспечивающих непрерывно увеличивающийся поток инноваций: новых продуктов, услуг, процессов их производства и распространения, инновационных бизнес-моделей.

Отмеченные ранее изменения внешней среды бизнеса в сочетании с тенденциями сокращения жизненного цикла товаров, растущей мобильности творческих людей, формирующих интеллектуальный капитал, и с изменениями инструментов финансирования привели к развитию новых подходов к стратегическому управлению инновационными процессами, базирующихся на парадигме «открытых инноваций» (термин ввел в научный оборот Г. Чесбро [20]).

Усиление внимания к фактору ценности. Признание временно-го характера конкурентных преимуществ компаний сопровождается усилением внимания исследователей к фактору ценности и ценност-

ному предложению компаний. Происходит уточнение понятия «ценность» применительно к бизнесу. Так, Ж.К. Лареш отмечает, что ценность имеет два аспекта: ценность предложения компании для клиента (потребительская ценность) и ценность клиента для компании, которую он называет потребительским капиталом [8]. При этом потребительская ценность понимается как свойство продукта (услуги) удовлетворять определенные потребности клиента. Естественно, что потребительская ценность имеет разное наполнение на промышленных (B2B) и на потребительских (B2C) рынках.

Для промышленных рынков и рынков деловых услуг П. Дойль разрабатывает *лестницу ценностей*, выделяя в ней шесть уровней [5]. Стремясь избежать конкуренции, компания должна подниматься по лестнице ценностей, двигаясь от обычного продукта к товару высшего качества и превосходному сервису, ориентируясь на то, чтобы стать специалистом в бизнесе партнера-клиента, разбираться в специфике его деятельности, в той цепочке, по которой создается ценность у клиента. В этом случае организация-поставщик выступает скорее консультантом, чем продавцом, а ее стратегия направлена на создание взаимовыгодных партнерских отношений с клиентом. Понять ценностные ориентиры индивидуальных потребителей на рынках B2C помогает *модель ценностей* Д. ЛаСалля и Т. Бриттона, которые выделяют четыре градации ценностей: физические, эмоциональные, интеллектуальные, духовные – и показывают их наполнение [9].

Французские исследователи У. Чан Ким и Р. Моборн разработали стратегию голубого океана, которая позволяет компаниям конкурировать, не конкурируя. Эта стратегия и ее ценностные предложения основаны на применении специальных методических инструментов: стратегической канвы голубого океана и дополняющей ее модели четырех действий (упразднить – снизить – повысить – создать) [19].

Процесс *создания ценности для потребителей и извлечения ценности* (прибыли) для компании, по мнению Ж.К. Лареша, можно представить в виде трехуровневой пирамиды, которая отражает направление движения ценности и зависимость всех направлений друг от друга [8]. В соответствии с этим подходом компания, работая

с потребителями, порождает ценность, затем в сотрудничестве с партнерами завоевывает ценность и лишь затем может ее извлекать.

К.К. Прахалад и В. Рамасвами разработали модель создания ценности совместно с потребителями, назвав ее *системой DART* (Dialogue, Access, Risk, Transparency) [13]. По мнению этих авторов, эффективный процесс создания ценности для потребителей включает

- диалог равноправных сторон;
- доступ потребителей к продукту и впечатлениям от него через пробное потребление и иные механизмы (без приобретения);
- активное обсуждение рисков и выгод от пользования продуктом;
- обеспечение прозрачности информации, которая облегчает диалог и способствует формированию доверия между компанией и потребителями.

В целом, ориентация на ценности и ценностное предложение для потребителей является значимой тенденцией в сфере стратегического управления. Необходимость формирования *ценностного предложения* для потребителей связана с тем, что в настоящее время логика конкуренции эволюционировала от имитации продуктов (стратегия мимикрии – предлагать потребителям товары лучше, дешевле, красивее и проч.) к революционному противостоянию бизнес-моделей и далее к нынешнему соревнованию *ценностных систем*.

Методический инструментарий в виде лестницы и модели ценностей потребителей, канвы голубого океана, системы DART призван помочь менеджерам в осмыслении ценностей потребителей, а подход Лареша демонстрирует сложность и многоэтапность процесса извлечения ценности компаниями.

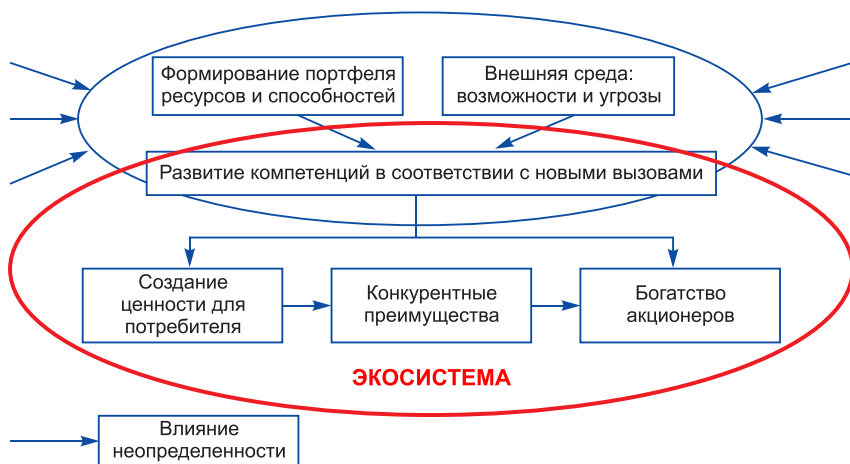
СТРАТЕГИЯ, ОРИЕНТИРОВАННАЯ НА ЦЕННОСТИ

Анализ и обобщение выявленных тенденций развития теории стратегического менеджмента позволили нам предложить подход к формированию стратегии, направленный на достижение баланса между созданием ценности для потребителей и извлечением ценности для

компании. Иными словами, ценностное предложение компании должно воплощать в себе как воспринимаемую целевой группой клиентов выгоду, так и капитал, который приносит эта целевая группа. При этом в современном динамично меняющемся мире такое предложение должно основываться на оригинальной идее, на открывающихся новых возможностях и поддерживаться способностями компании к обучению, к быстрой реконфигурации компетенций, к формированию партнерских связей в рамках технологических экосистем.

Наше видение общего подхода к формированию стратегии, направленной на создание ценности, отражено на рисунке. Подчеркнем, что представленный подход учитывает прежде всего изменение роли анализа покупательской ценности: от тактического средства привлечения и удержания клиентов к стержневому элементу корпоративной стратегии, определяющему платформу для постоянного формирования новых конкурентных преимуществ и, в конечном итоге, обеспечивающему богатство акционеров.

Анализ практики российских компаний показывает, что разумный баланс между усилиями компании по созданию ценности для потребителя и акционерной стоимостью компании является еще одним

Формирование стратегии, направленной на создание ценности

Сравнительный анализ стратегий компаний

Основные параметры, определяющие формирование стратегии	К1 – крупная диверсифицированная ИТ-компания, возникшая на волне реформ экономики и формирования рынка банковских услуг	К2 – «Топ-книга», известная на российском рынке книготорговая компания	К3 – машиностроительное предприятие, в советский период ведущий производитель конкурентоспособного на мировом рынке оборудования
Внешняя среда: возможности и угрозы	Благоприятная: развитие информационных технологий, финансовых рынков, сетевых услуг	Спрос на книги при нарастании угроз со стороны интернет-магазинов и электронных книг	Обострение конкуренции на глобальных рынках. Вход на российский рынок крупных иностранных игроков. Возникновение новых инжиниринговых компаний
Ресурсы и способности (ключевые компетенции – КК)	КК: автоматизация операций и разработка интегрированных решений плюс партнерство (внутреннее и внешнее)	КК: управление широким ассортиментом, логистика, партнерство	КК: технологические и организационные в сфере выполнения сложных индивидуальных заказов (но внутренняя направленность)
Развитие (адаптация) компетенций и продуктов в соответствии с новыми вызовами	Разработка новых ИТ-продуктов, объединенных идеологией электронных платежей, в т.ч. для новых сфер. Изменения бизнес-модели, способствующие инновациям	Расширение продуктового ряда. Интернет-магазин	Устаревание технологических компетенций. Неразвитость маркетинговых компетенций и компетенций по работе с клиентами
Потребительская ценность	Увеличение ценности на основе – продуктовых и технологических инноваций; – индивидуального подхода к клиентам; – системы сопровождения продуктов	Доступность книг (можно было заказать любую книгу)	Продукция проигрывает конкурентам – по эксплуатационным и экологическим параметрам; – по комплексности решений (нет поставки «под ключ» и дополнительных услуг); – по послепродажному обслуживанию и сопровождению; – по цене контракта
Конкурентное преимущество	Лидер рынка. Партнерские отношения с крупнейшими банками, финансовыми группами, мэриями городов	Лидер рынка книготорговли	Утрата конкурентного преимущества

важным фактором успеха в современных условиях. Нахождение этого баланса – очень сложная задача, а его смещение в одну из сторон может иметь очень тяжелые последствия, что видно на примере обанкротившейся книготорговой компании «ТОП-книга» (см. таблицу).

В таблице представлены результаты сравнительного анализа трех российских компаний, оперирующих в разных секторах экономики, с позиций рассматриваемого подхода к формированию стратегии компании. Осмысление этих результатов позволило сделать вывод, что проанализированные ситуации являются довольно типичными, т.е. с позиции стратегии, ориентированной на ценности, в российской практике можно выделить три группы компаний.

Компании *первой группы* демонстрируют разумный баланс ценностных предложений для клиентов и акционеров и динамичное развитие ресурсов и способностей в соответствии с новыми вызовами внешней среды (К1 в таблице). Результат – устойчивое развитие этих компаний в течение длительного времени.

Ко *второй группе* мы отнесли компании, которые успешно развивались в течение определенного периода, но сдвиг баланса ценностных предложений в сторону акционерной стоимости либо в сторону ценности для потребителя привел их к угрозе банкротства или смене собственников (К2 в таблице).

В *третью группу*, по нашему мнению, входят компании, которые не сумели создать адекватное требованиям рынка ценностное предложение (как, например, компания К3 в таблице) и находятся в сложном экономическом положении, теряя имевшиеся ранее конкурентные преимущества. Сюда же мы отнесли и многочисленные инновационные компании, которые сосредоточены на технологических и продуктовых инновациях, но при этом не задумываются о ценностном предложении для потребителей (не смотрят на рынок) и не создают ценности для владельцев бизнеса.

Подводя итоги, можно сказать, что мы присоединяемся к мнению ведущих специалистов по стратегическому менеджменту, считающих, что в сегодняшнем динамичном, непредсказуемом и хаотичном мире разработка стратегий и собственно стратегическое управление

напоминают игру в шахматы, где исход игры зависит не от количества сил, а от умелого пошагового управления компетенциями компании и от соблюдения разумного баланса ценностных предложений.

Список источников

1. *Артур Б.* Растущая прибыльность и новый мир бизнеса // Управление высокотехнологичным бизнесом. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – С. 162–189.
2. *Боумен К.* Стратегия на практике. – СПб.: Питер, 2003. – 251 с.
3. *Бранденбургер А., Нейлбафф Б.* Со-опетition: Конкурентное сотрудничество в бизнесе. – М.: Омега-Л; Кейс, 2012. – 352 с.
4. *Верганти Р.* О природе технологических озарений // Harvard Business Review – Россия. – 2011. – Ноябрь. – С. 84–91.
5. *Дойль П.* Менеджмент: стратегия и тактика. – СПб.: Питер, 1999. – 560 с.
6. *Зук К., Аллен Дж.* Стратегии роста компании в эпоху нестабильности. – М.: ИД «Вильямс», 2007. – 192 с.
7. *Кортни Х., Керкленд Дж., Вигери П.* Стратегия в условиях неопределенности // Управление в условиях неопределенности. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – С. 9–40.
8. *Лареш Ж.К.* Эффект импульса: Как выжить в «голубом океане». – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. – 400 с.
9. *ЛаСалль Д., Бриттон Т.* Бесценные: Как превратить обычные продукты в необычные впечатления. – М.: ИД «Вильямс», 2006. – 192 с.
10. *Линдгрен М., Бандхольд Х.* Сценарное планирование: связь между будущим и стратегией. – М.: Олимп Бизнес, 2009. – 256 с.
11. *Мадсбьерг К., Расмуссен М.* Пришел антрополог в бар ... // Harvard Business Review – Россия. – 2014. – Март. – С. 81–89.
12. *Макграф Р.* Успех на час – новая норма для бизнеса // Harvard Business Review – Россия. – 2013. – Ноябрь. – С. 56–65.
13. *Прахалад К.К., Рамасвами В.* Будущее конкуренции: Создание уникальной ценности вместе с потребителями. – М.: Олимп-Бизнес, 2006. – 352 с.
14. *Рингланд Дж.* Сценарное планирование для разработки бизнес-стратегии. – М.: Диалектика, 2008. – 560 с.
15. *Си Чжун Чанг.* Sony против Samsung. – М.: Эксмо, 2010. – 288 с.
16. *Сливоцки А.* Миграция ценности: Что будет с вашим бизнесом послезавтра? – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2006. – 432 с.
17. *Тейлор У., Лабарр П.* Маверики в деле: Почему в бизнесе побеждают наиболее оригинальные умы. – Бест Бизнес Букс, 2008. – 307 с.
18. *Хэмел Г.* Во главе революции: Как добиться успеха в турбулентные времена, превратив инновации в образ жизни. – Бест Бизнес Букс, 2007. – 365 с.

19. Чан Ким У., Моборн Р. Стратегия голубого океана. – М.: HIPPO, 2005. – 272 с.
20. Чесбро Г. Открытые инновации. – М.: Поколение, 2007. – 336 с.
21. Morrow J.L., Sirmon D.G., Hitt M.A., Holcomb T.R. Creating value in the face of declining performance: Firm strategies and organizational recovery // Strategic Management Journal. – 2007. – No. 28 (3). – P. 271–283.

Информация об авторах

Кузнецова Светлана Анатольевна (Россия, Новосибирск) – кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: kuzosvet@mail.ru).

Маркова Вера Дмитриевна (Россия, Новосибирск) – доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором. Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: markova.pro@yandex.ru).

DOI: 10.15372/REG20150613

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 266–285

S.A. Kuznetsova, V.D. Markova

NEW TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF STRATEGIC MANAGEMENT THEORY AND METHODS

The article deals with trends in the development of strategic management theory as follows: a transfer from analysis of the industry to analysis of business ecosystems, strategic business networks as the most important mechanism to increase companies' competitiveness in knowledge economy, a growing role of innovative entrepreneurship when competitive advantages are temporary and under dynamic external environment, and a greater attention to the values factor as the core element of a corporate strategy. Having summarized these trends, we propose an approach to strategy formulation focused on achieving a balance between creating values for customers and maximizing values (profit) for the

company. The importance of balanced efforts aimed at creating values for key stakeholders is shown in the cases of Russian companies.

Keywords: strategic management, external environment, customer value, core competencies, business ecosystem

References

1. *Arthur, B.* (2007). *Rastushchaya pribylnost i novyy mir biznesa* [Increasing Returns and the New World of Business]. *Upravlenie vysokotekhnologichnym biznesom* [High Tech Business Management]. Moscow, Alpina Business Books, 162–189.
2. *Bowman, C.* (2003). *Strategiya na praktike* [Strategy in Practice]. St. Petersburg, Piter, 251.
3. *Brandenburger, A. & B. Nalebuff* (2012). *Co-opetition. Konkurentnoe sotrudnichestvo v biznese* [Co-Opetition: A Revolution Mindset That Combines Competition and Cooperation]. Moscow, OOO Omega-L, 352.
4. *Verganti, R.* (2011). *O prirode tekhnologicheskikh ozareniy* [Designing Break-through Products]. *Harvard Business Review Russia*, November, 84–91.
5. *Doyle, P.* (1999). *Menedzhment: strategiya i praktika* [Marketing Management and Strategy]. St. Petersburg, Piter, 560.
6. *Zook, C. & J. Allen* (2007). *Strategii rosta kompanii v epokhu nestabilnosti* [Growth Strategy in an Era of Turbulence]. Moscow, Williams Publishing, 192.
7. *Courtney, H., J. Kirkland & P. Viguerie* (2006). *Strategiya v usloviyakh neopredelennosti* [Strategy Under Uncertainty]. *Upravlenie v usloviyakh neopredelennosti* [Management under uncertainty]. Moscow, Alpina Business Books, 9–40.
8. *Larreche, J.C.* (2008). *Effekt impulsa. Kak vyzhit v «golubom okeane»* [The Momentum Effect. How to Ignite Exceptional Growth]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 400.
9. *LaSalle, D. & T. Britton* (2006). *Bestsennyye. Kak prevratit obychnyye produkty v neobychnyye vpechatleniya* [Priceless: Turning Ordinary Products into Extraordinary Experiences]. Moscow, Williams Publishing, 192.
10. *Lindgren, M. & H. Bandhold* (2009). *Stsenarnoe planirovanie: svyaz mezhdu budushchim i strategiyey* [Scenario Planning: The Link between Future and Strategy]. Moscow, Olympus Business, 256.
11. *Madsbjerg, C. & M. Rasmussen* (2014). *Prishel antropolog v bar...* [An Anthropologist Walks into a Bar...]. *Harvard Business Review Russia*, March, 81–89.
12. *McGrath, R.* (2013). *Uspekhi na chas – novaya forma dlya biznesa* [Transient Advantage]. *Harvard Business Review Russia*, November, 56–65.
13. *Prahalad, C.K. & V. Ramaswamy* (2006). *Budushcheye konkurentsii. Sozdanie unikalnoy tsennosti vmeste s potrebitelyami* [The Future of Competition: Co-Creating Unique Value with Customers]. Moscow, Olympus Business, 352.

14. *Ringland, G.* (2008). *Stsenarnoe planirovanie dlya razrabotki biznes-strategii* [Scenario Planning: Managing for the Future]. Moscow, Dialektika, 560.
15. *Sea-Jin Chang* (2010). *Sony protiv Samsung* [Sony vs. Samsung: The Inside Story of the Electronics Giants' Battle For Global Supremacy]. Moscow, Eksmo, 288.
16. *Slywotzky, A.* (2006). *Migratsiya tsennosti. Chto budet s vashim biznesom poslezavtra?* [Value Migration: How to Think Several Moves Ahead of the Competition]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 432.
17. *Taylor, W. & P. LaBarre* (2008). *Maveriki v dele. Pochemu v biznese pobezhdayut naiboleye originalnye umy* [Mavericks at Work: Why the Most Original Minds in Business Win]. Best Business Books, 307.
18. *Hamel, G.* (2007). *Vo glave revolyutsii. Kak dobitya uspekha v turbulentnye vremena, prevrativ innovatsii v obraz zhizni* [Leading the Revolution. How to Thrive in Turbulent Times by Making Innovation a Way of Life]. Best Business Books, 365.
19. *Chan Kim, W. & R. Mauborgne* (2005). *Strategiya golubogo okeana* [Blue Ocean Strategy]. Moscow, HIPPO, 272.
20. *Chesbrough, H.* (2007). *Otkrytye innovatsii* [Open Innovation]. Moscow, Pokolenie Publishing, 336.
21. *Morrow, J.L., D.G. Sirmon, M.A. Hitt & T.R. Holcomb* (2007). *Creating value in the face of declining performance: Firm strategies and organizational recovery*. Strategic Management Journal, vol. 28, is. 3, 271–283.

Information about the authors

Kuznetsova, Svetlana Anatolievna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Engineering), Assistant Professor, Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: kuzosvet@mail.ru).

Markova, Vera Dmitrievna (Novosibirsk, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Department at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: markova.pro@yandex.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 02.02.2015 г.

© Кузнецова С.А., Маркова В.Д., 2015

УДК 327.3:339.9(470)

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 286–303

Б.А. Икбал, Я. Цин, Л.А. Бастос

ГРУППА СТРАН БРИКС: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Стратегическая экономическая группа БРИКС, состоящая из пяти стран с развивающейся экономикой (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР), приобрела влияние на мировую экономику и решения по экономическим вопросам. На долю группы приходится 27% мирового ВВП, 40% населения земного шара и около 30% территории суши. Доля БРИКС в мировом потоке прямых иностранных инвестиций составляет 18%, внутренняя торговля между странами БРИКС – 228 млрд долл. США. Уже эти данные показывают, насколько стратегически значимой является группа БРИКС. На основе этих стратегически важных фактов в статье анализируются место БРИКС в мировой экономике и вклад в нее этой группы. Авторы показывают направления по укреплению роли БРИКС в XXI в.

Ключевые слова: экономическая группа, ВВП, экспорт, прямые иностранные инвестиции, валовые внутренние сбережения, валовые внутренние инвестиции

Группа, включающая пять стран с развивающимися национальными экономиками – Бразилию, Россию, Индию, Китай и Южно-Африканскую Республику, известная как БРИКС, в настоящее время привлекает внимание как влиятельное экономическое объединение благодаря своему значительному вкладу в расширение мировых горизонтов развития за счет двух основных направлений: прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и торговли. В 2000 г. доля БРИКС в глобальном потоке ПИИ составляла 6%, а в 2011 г. этот показатель

достиг уже 18%, т.е. за 11 лет его начальное значение утроилось. В мировой торговле наблюдаются схожие тенденции. Если в 2000 г. общий объем торговли между странами БРИКС составлял 27 млрд долл. США, то в 2011 г. он вырос до 282 млрд долл., что превышает начальный показатель в 10,4 раза. Эти данные свидетельствуют, что экономическое сотрудничество между пятью государствами, входящими в группу, выгодно как для них самих, так и для мировой экономики в целом.

Валовой внутренний продукт. Несмотря на продолжающийся мировой экономический кризис, ВВП стран БРИКС сохраняет умеренный рост (табл. 1). При сравнении ВВП пяти стран можно заметить, что наибольший рост этого показателя, превышающий также среднемировое значение, имел место в Китае и Индии. Наиболее низкие темпы прироста ВВП были в России.

Относительная доля в мировом ВВП. Относительная доля стран БРИКС в мировом ВВП составляет 27%. По данным за 2011 и 2012 гг. лидирует Китай: 3,9 и 14,3% соответственно. За ним следуют Индия, Бразилия и Россия. Наименьшая доля у ЮАР (рис. 1). За год доля Китая в мировом ВВП повысилась на 10,4 п.п., доля Индии – на 2,5 п.п. В течение того же периода показатели Бразилии и ЮАР снизились, при этом у Бразилии спад был сильнее.

Таблица 1

Темпы роста валового внутреннего продукта стран БРИКС, %

Страна	2011	2012	2013	2014
Бразилия	2,7	1,0	3,5	4,0
Россия	4,3	3,6	3,7	3,8
Индия	7,9	4,5	5,9	6,4
Китай	9,3	7,8	8,2	8,5
ЮАР	3,5	2,3	2,8	4,1
Среднемировой показатель	3,9	3,2	3,5	4,1

Источник: World Economic Outlook. – Washington: IMF, 2013.

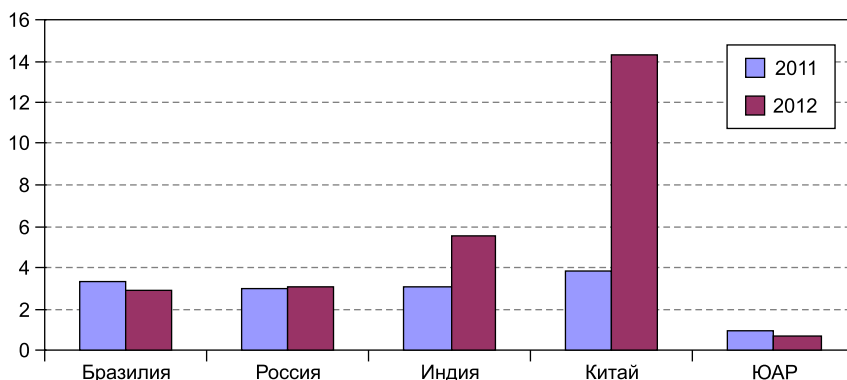

Рис. 1. Доли стран БРИКС в мировом ВВП в 2011 и 2012 гг.

Составлено по данным: *World Economic Outlook*

Относительная доля в мировом экспорте. Снижение мирового спроса на товары и услуги в условиях глобального экономического кризиса, особенно в зоне евро, а также ужесточение кредитной политики в странах БРИКС привели к падению экспорта этих стран в 2012 г. В указанном году доля БРИКС составляла 16% в мировом экспорте товаров и услуг. Доля Китая (9,4%) во много раз превышала соответствующие показатели остальных четырех стран – членов группы, которые расположились в следующем порядке: Россия (2,6%), Индия (2%), Бразилия (1,3%), ЮАР (0,6%).

Валовые внутренние сбережения (ВВС). Это один из основных стратегических параметров экономического роста и развития страны. Среди стран БРИКС Китай и Индия демонстрируют наиболее высокий уровень ВВС, что, в свою очередь, говорит о высокой доле инвестиций в ВВП этих стран. В 2000 г. самый большой уровень валовых внутренних сбережений был в России, следом шли Китай, Индия, Бразилия и ЮАР (рис. 2). В 2011 г. ситуация и тенденции изменились. В результате по величине ВВС Китай вышел на первое место, Индия – на второе, Россия заняла третье место, четвертое – ЮАР. Наихудшие показатели имели место в Бразилии. Таким образом, Китай потеснил Японию, его экономика стала второй по величине в мире.

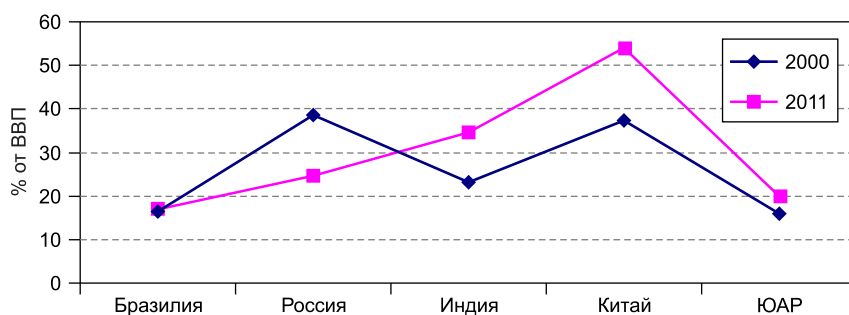

Рис. 2. Валовые внутренние сбережения стран БРИКС в 2000 и 2011 гг.

Составлено по данным: *World Economic Outlook*

Валовые внутренние инвестиции. Еще одним показателем экономического роста и развития являются валовые внутренние инвестиции. Среди стран БРИКС наименьшая величина государственных инвестиций в процентах от ВВП у ЮАР, Бразилии и России (табл. 2). В 2000 г. Китай лидировал по этому показателю, за ним следовали Индия, Россия, Бразилия и ЮАР. В 2011 г. ситуация с государственными инвестициями осталась практически неизменной, за исключением того, что ЮАР и Бразилия поменялись местами. Это было связано с тем, что темпы прироста государственных инвестиций в ЮАР опережали темпы прироста в Бразилии. Наибольший прирост

Таблица 2

Валовые внутренние инвестиции стран БРИКС в 2000 и 2011 гг., % от ВВП

Страна	2000	2011
Бразилия	18,3	19,3
Россия	18,7	19,8
Индия	24,2	37,9
Китай	35,1	48,8
ЮАР	15,9	21,7

Источник: *World Economic Outlook*.

госинвестиций зафиксирован в Индии – 64,8%, в Китае он составил 39%, в ЮАР – 36,5%. Наименьший прирост имел место в России.

Доля в мировом потоке прямых иностранных инвестиций.

Китай, Бразилия, Россия и Индия успешно привлекают прямые иностранные инвестиции. В 2000 г. доля стран БРИКС в мировом потоке ПИИ составляла всего 5,8%. К 2011 г. этот показатель вырос до 18%. В 2000 г. лучший показатель притока ПИИ демонстрировал Китай (2,9%), следом шли Бразилия, Индия и Россия, самый низкий показатель был у ЮАР (рис. 3). В 2011 г. ситуация практически не изменилась: наибольший приток ПИИ имел место в Китае (9,1%), за ним следовали Бразилия, Россия и Индия, а ЮАР все так же занимала последнее место. Самое удивительное состоит в том, что относительная доля ЮАР осталась неизменной на фоне того, что остальные страны БРИКС существенно улучшили свои показатели. Причина заключается в принятой южно-африканским правительством политике ограничений инвестиций. За 12 лет наибольший рост притока ПИИ (1800 п.п.) произошел в России, на втором месте оказалась Индия (733,7 п.п.), за ней – Китай (213,3 п.п.). Наименьший прирост ПИИ

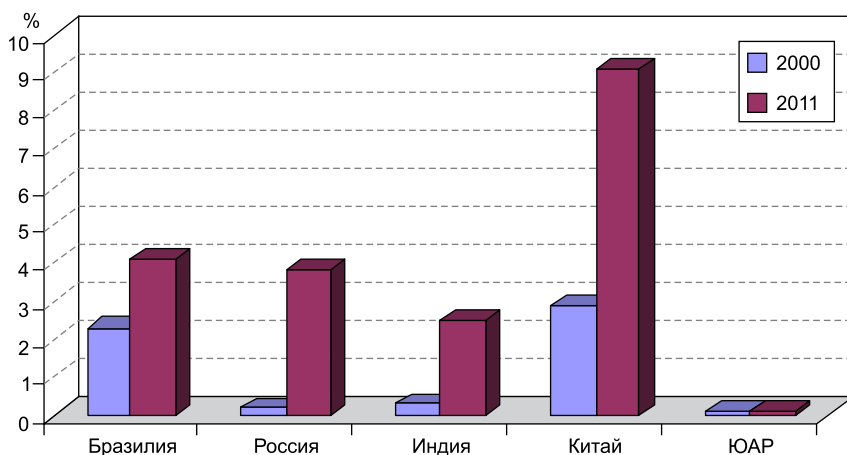

Рис. 3. Доли стран БРИКС в мировом потоке прямых иностранных инвестиций в 2000 и 2011 гг.

Составлено по данным: *World Economic Outlook*

имел место в Бразилии – только 48,3 п.п. Как видно из статистических данных, экономика России более открыта для иностранных инвесторов по сравнению с экономиками Индии, Китая и Бразилии.

Доля в мировом объеме денежных переводов. Денежные переводы для развивающихся стран служат основным источником финансирования развития их экономик. Китай и Индия являются крупнейшими в мире странами – получателями денежных переводов. Относительная доля других стран БРИКС в мировом объеме денежных переводов невелика. В 2005 г. крупнейший поток переводов поступил в Китай, их относительная доля составила 8,8% от мирового объема переводов. Относительная доля Индии была несколько ниже, а самый низкий показатель – у ЮАР (табл. 3). В 2011 г. Индия потеснила Китай и стала крупнейшим получателем иностранных денежных переводов. В период между 2005 и 2011 гг. несколько снизилась относительная доля Бразилии, в то время как доли России и ЮАР, напротив, увеличились. В 2012 г. Индия и Китай сохранили позиции крупнейших получателей денежных переводов.

Внутренние кредиты банковского сектора. Кредитная система – основа развития предпринимательства и экономического роста как в развитых странах, так и в развивающихся. Банковские кредиты служат ускорению темпов роста экономики и развития страны. Среди стран БРИКС самые крупные кредиты для покрытия растущих потребностей, связанных с развитием экономики, выдают ЮАР, Китай

Таблица 3

Доли стран БРИКС в мировом объеме денежных переводов, %

Страна	2005	2011
Бразилия	1,3	1,2
Россия	1,1	1,6
Индия	8,1	13,5
Китай	8,8	12,0
ЮАР	0,2	0,5

Источник: World Economic Outlook.

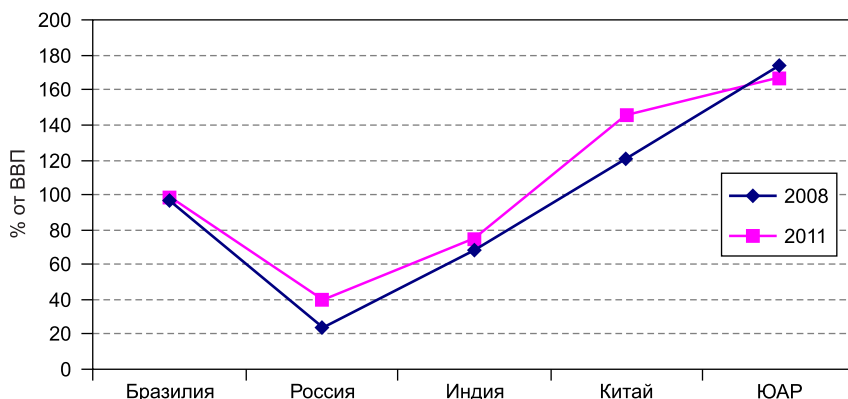

Рис. 4. Внутренние кредиты банковского сектора стран БРИКС в 2008 и 2011 гг.

Составлено по данным: *World Economic Outlook*

и Индия. В 2008 г. наиболее крупным кредитором была ЮАР, за ней шли Китай, Бразилия, Индия и Россия. В 2011 г., несмотря на некоторое сокращение общего объема кредитов, выданных южно-африканскими банками, ЮАР сохранила лидирующее положение в качестве крупнейшего кредитора (рис. 4). Остальные страны БРИКС поддерживали темпы роста объема выдаваемых кредитов. В ЮАР общий объем внутренних кредитов превышает ВВП с 1990 г., в Китае – с 2000 г.

Валютные резервы. Среди стран БРИКС самыми крупными валютными резервами обладают Китай и Россия (табл. 4). Худший показатель у Бразилии – лишь 1% от ВВП. В период между 1990 и 2011 гг. объемы валютных резервов Индии, Китая, России и ЮАР заметно увеличились. Максимальный рост наблюдается в Индии (3500 п.п.), далее идут ЮАР (1088 п.п.) и Китай (542,1 п.п.).

Дефицит государственного бюджета. Для стран БРИКС это одна из самых сложных проблем, и особенно остро она стоит для Индии, где уровень бюджетного дефицита постоянно наиболее высокий. Правительства этих государств стремятся всеми способами сократить дефицит до разумного или контролируемого уровня. По данным за 2000 г., бюджетный дефицит кроме Индии имел место в Бразилии, Китае и ЮАР, тогда как в России, напротив, наблюдался профицит

Таблица 4

Валютные резервы стран БРИКС, % от ВВП

Страна	1990	2011
Бразилия	1,0	1,0
Россия	...	30,4
Индия	0,5	18,0
Китай	7,6	48,8
ЮАР	0,9	10,7

Источник: World Economic Outlook.

бюджета (рис. 5). В 2011 г. ситуация частично изменилась: в Индии бюджетный дефицит несколько увеличился, второй по величине показатель был у ЮАР, в Бразилии и Китае дефицит бюджета снизился, а в России был уже тоже дефицит бюджета.

БРИКС и сфера страхования. Существует сильная положительная связь между приобретением населением полисов страхования и величиной ВВП на душу населения. Среди стран БРИКС страхование наиболее широко распространено в ЮАР, следом идут Индия, Китай и Бразилия, а наименее распространено оно в России. Согласно S-образной кривой, отражающей приобретение страховых полисов,

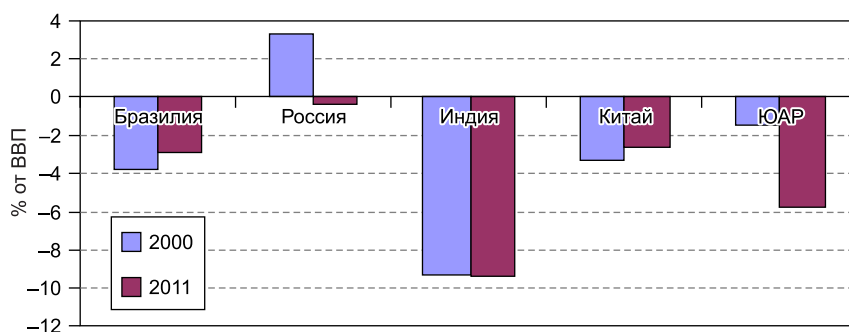

Рис. 5. Состояние государственного бюджета стран БРИКС в 2000 и 2011 гг.

Составлено по данным: World Economic Outlook

Таблица 5

**ВВП на душу населения и охват населения страхованием в странах
БРИКС в 2011 г.**

Страна	ВВП на душу населения, долл. США	Средства, затраченные населением на страхование, % от ВВП
Бразилия	10675	3,1
Россия	12878	2,3
Китай	4227	3,8
Индия	1255	5,1
ЮАР	7129	14,8

Источник: World Economic Outlook.

доля затраченных на них средств должна составлять 2,5% от ВВП. В России эта величина в 2011 г. составляла 2,3%, остальные страны группы БРИКС демонстрируют более высокий уровень страхования населения (табл. 5).

Другие важные сведения о странах БРИКС. По показателям инфляции в области потребительских цен первое место среди стран БРИКС занимает Индия, за ней следуют Бразилия, Россия и Китай. По уровню ВВП в текущих ценах Индия занимает четвертое место, Китай – первое. В Китае самая высокая ставка подоходного налога, в России – самая низкая (табл. 6). В Индии наиболее высокий уровень занятости в сельскохозяйственном секторе. По доле населения, живущего менее чем на 2 долл. США в день, страны распределились следующим образом: на первом месте Индия, следом идут Китай, Бразилия, Россия.

Концепция БРИКС. Эта концепция отвечает ожиданиям представителей среднего класса стран – членов блока, которые считают, что экономики их стран находятся «вне Запада, но и не внутри Юга». БРИКС также может оказать странам-участницам политическую поддержку, чтобы помочь поставить финансовый защитный экран, предохраняющий от кризиса, развившегося в зоне евро. Кроме того, объединение усилий стран – участниц группы БРИКС абсолютно необходимо для реализации всемирных программ в области общественного

Таблица 6

Некоторые показатели развития стран БРИКС в 2012 г. в сравнении с США

Показатель	Бразилия	Китай	Индия	Россия	США
Инфляция потребительских цен, %	5,2	3,0	10,3	5,1	2,0
ВВП в текущих ценах, млрд долл. США	2425,1	8250,3	1946,8	1953,6	15653,4
Ставка подоходного налога, %	27,5	45,0	33,0	13,0	39,5
Занятость в сельском хозяйстве, % от общей занятости	17,0	40,0	51,0	10,0	2,0
Процент населения, живущего менее чем на 2 долл. США в день (по ППС), в ценах 2005 г.	10,8	29,8	68,7	0,1	0,0

Источник: *Hindustan Times*. – 2013. – March 1. – P. 4, 6, 8, 10, 13.

здравоохранения. Идея создания БРИКС воплощается именно в таких постоянных действиях.

Другой аспект создания БРИКС. Создание экономического блока, представляющего промежуточные державы, представляется вполне целесообразным. С учетом того, что число стран с развивающейся экономикой постоянно увеличивается, выдвигается совершенно логичная и естественная идея: у этих региональных держав должны быть свои интересы, отличные от интересов развитых стран и стран третьего мира. Группа БРИКС привлекает внимание, так как ее состав отражает новые мировые реалии. Уместно отметить то, о чем напоминает всем блок БРИКС: экономика – это только одна сторона медали, когда дело касается пропаганды и поощрения принципа многосторонних отношений. Обратная сторона – политика, и в этой области БРИКС продолжает испытывать трудности.

БРИКС как группа развивающихся стран борется с двумя политическими проблемами стратегического характера. Первым весьма значимым моментом является доминирование Китая на карте мира. Помимо того, что его экономика превосходит экономику остальных четырех стран вместе взятых, Китай также является крупнейшим торговым партнером для всех членов БРИКС. При этом экономические

отношения между остальными странами БРИКС минимальны. Представители других государств обеспокоены тем, что БРИКС станет средством для продвижения интересов Китая. Второй важный момент состоит в том, что внешнеполитические отношения между странами БРИКС несколько нестабильны и это приводит к дефициту доверия, необходимого для устойчивости группы [6].

Коалиция неравных. БРИКС стремится превратиться из обычного форума развивающихся держав для обсуждения насущных для них вопросов в нечто более существенное путем создания собственного банка для ускорения темпов роста и развития экономик стран-участниц. Группа придерживается точки зрения, что глобальные институты должны отражать современные реалии. Понятно, что развивающиеся державы с растущими экономиками хотят изменить глобальные институты, так чтобы те отражали их новый статус. Но пока очевидно, что страны БРИКС все еще не могут представить содержательную программу действий.

Сегодня БРИКС – коалиция неравных. Китай доминирует среди остальных стран-участниц. Между ними существуют заметные различия: ВВП Китая составляет более 8 трлн долл. США, что в разы превышает совокупный ВВП остальных четырех стран – членов БРИКС [5].

БРИКС до сих пор на плаву, поскольку страны-участницы не увлекаются жалобами на мировой порядок и отрицанием своего положения «развивающихся экономик» в мировом экономическом пространстве. Таким образом, можно сказать, что пока политика этих стран ориентирована вовне, они могут не беспокоиться.

Саммит БРИКС в Дурбане. Саммит, состоявшийся в ЮАР 26–27 марта 2013 г., запомнился двумя значительными инициативами, осуществление которых началось после его завершения. Первая заключается в создании Нового банка развития (НБР) с целью повторного использования избыточных сбережений в виде инвестиций в инфраструктуру, а также для финансирования долгосрочного функционирования инфраструктуры. Вторая инициатива – создание Пула условных валютных резервов (ПВР) в размере 100 млрд долл. США для борьбы с любыми финансовыми кризисами внутри группы.

На саммите лидеры БРИКС признали тот факт, что развивающиеся страны сталкиваются с проблемами развития инфраструктуры в основном из-за недостаточного долгосрочного финансирования и нехватки прямых иностранных инвестиций. Поэтому недавно учрежденный Новый банк развития является шагом на пути к более эффективному использованию мировых финансовых ресурсов, которые могут существенно помочь в устранении указанных основных трудностей [3].

Созданный Пул условных валютных резервов с первоначальным объемом средств 100 млрд долл. США будет в состоянии справиться с любым финансовым кризисом, а также сможет служить в качестве резервного объекта для преодоления кризиса ликвидности, с которым может столкнуться любая из стран – членов группы. Положительной стороной этой инициативы является то, что Китай, обладающий огромным запасом валютных резервов, обязался внести в пул 41 млрд долл. Остальные страны БРИКС предоставят по 18 млрд долл., за исключением ЮАР, которая, будучи небольшим государством с развивающейся экономикой, внесет 5 млрд долл.

Значение Нового банка развития. На встрече в Дурбане лидеры Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР согласились создать Новый банк развития, однако мнения относительно параметров нового института разошлись. Президент РФ В. Путин заявил, что Россия поддерживает создание банка, однако принципы его функционирования должны быть дополнительно проработаны экспертами. Было отмечено, что Новый банк развития представит серьезную проблему для институтов Бреттон-Вудской системы, а именно для МБРР и МВФ, контролируемых США и Европой. Ожидается, что НБР придаст уверенности не только членам БРИКС, но и другим развивающимся, а также бедным странам, которые часто оказываются в ситуации, когда несколько сверхдержав навязывают им свою тактику действий в политической, экономической и финансовой сферах. Коллективные усилия стран БРИКС могут проложить путь для мощного международного института, который будет способен влиять на решения Большой двадцатки, МВФ и других международных организаций. Такой шаг поможет повысить легитимность этих институтов, сегодня находящихся под чрезмерным влиянием Запада и Севера [6].

Основное значение БРИКС. Экономический блок БРИКС в состоянии сделать полезный, действенный и значимый вклад в решение современных проблем и может способствовать формированию в мире стабильности и безопасности, столь необходимых в наши дни. Пять стран – членов группы могут также эффективно представлять альтернативное мнение при обсуждении наиболее важных глобальных вопросов и в дальнейшем помочь сократить число инцидентов, связанных с применением тактики запугивания и неэтичным поведением со стороны западных и северных сверхдержав.

Страны БРИКС задали направление для нового мирового экономического порядка, при котором страны будут контролировать свое финансовое будущее. Есть надежда, что это укрепит уверенность стран, будет способствовать сохранению и преумножению их ресурсов и снизит их зависимость от западных финансовых институтов.

На саммите в Дурбане две страны БРИКС с крупнейшими в этом блоке экономиками – Китай и Индия предложили создать Пул условных валютных резервов с целью укрепления экономик стран-членов для борьбы против возможного кризиса платежного баланса, который может наступить в результате спекулятивных атак на валюты стран БРИКС. Угроза нестабильности мирового капитала не отступила, поскольку большинство стран ОЭСР по-прежнему находятся в фазе длительной рецессии и, возможно, в будущем столкнутся с еще более глубоким кризисом государственного долга. Создавать Пул условных валютных резервов предлагалось по образцу объединения резервов иностранной валюты странами – членами АСЕАН в рамках Инициативы Чианг Май в период после восточно-азиатского финансового кризиса конца 1990-х годов [1].

Кроме того, лидеры стран БРИКС осознали, что блок должен также иметь свой собственный пул валютных резервов, который служил бы «подушкой безопасности» во время краткосрочных оттоков капитала и спекулятивных атак на валюты стран-участниц. Например, наличие пула иностранных валютных резервов в размере 200 млрд долл. США показывает, что страны БРИКС могут обратиться в фонд за помощью на период кризиса платежного баланса. Предлагаемый институциональный механизм сам по себе будет сдерживать потенциальных валютных спекулянтов.

В сущности, предполагается, что пул валютных резервов будет частично дублировать роль МВФ, который помогает странам, столкнувшимся с краткосрочной нехваткой ликвидных средств. Это означает, что Новый банк развития БРИКС будет действовать, как Всемирный банк, а Пул валютных резервов будет содействовать финансовой стабилизации, как МВФ. Создание нового каркаса финансовой системы в контексте сотрудничества Юг – Юг является наиболее стратегически верной и четко выраженной идеей по итогам четырех саммитов БРИКС, состоявшихся в 2009 г. Очень своевременна и сама концепция пула валютных резервов стран БРИКС как «подушки безопасности» в случае возникновения краткосрочных проблем с финансированием платежного баланса. Эта концепция появилась как раз в то время, когда страны Большой двадцатки перестали справляться с некоторыми насущными проблемами, которые не раз возникали у развивающихся экономик в их взаимоотношениях с США и Европой.

Весьма вероятно, что еще две страны с формирующейся рыночной экономикой, а именно Иран и Индонезия, в скором времени примкнут к экономической группе БРИКС. Следует добавить, что присоединиться к блоку и впоследствии играть важную роль в мировой экономике могут также Венесуэла, Турция, Таиланд, Филиппины, Пакистан и Малайзия.

БРИКС как стратегический механизм сотрудничества. Необходимо, чтобы объединение стран БРИКС из форума, в рамках которого ведутся обсуждения, превратилось в полномасштабный механизм стратегического сотрудничества, что позволит объединить усилия в поиске решений основных проблем мировой политики. Блок стремится помочь мировой экономике достигнуть стабильного и самодостаточного роста и реформировать международные финансовую и экономическую системы.

Главные задачи для БРИКС – найти способы ускорения мирового развития, привлечения потоков капитала в реальный сектор экономики и повышения уровня занятости. Особенно важными эти задачи становятся в условиях низких темпов роста мировой экономики и неприемлемо высокого уровня безработицы. Хотя вышесказанное особенно верно для западных экономик, страны БРИКС также ощущают негативное влияние: сокращаются экспортные рынки, мировой финансовой системе не хватает стабильности, замедляются темпы экономического роста.

Традиционно БРИКС призывает к урегулированию всех международных конфликтов политическими и дипломатическими средствами. В Дурбане страны БРИКС работали над формулированием принципиальных подходов к актуальным международным проблемам. Для членов БРИКС настало время постепенно трансформировать блок из форума, функционирующего в диалоговом режиме, координирующего подходы к решению отдельных вопросов, в полномасштабный механизм стратегического сотрудничества, который позволит группе сообща искать решения к ключевым вопросам мировой экономики и политики [4].

Роль БРИКС в контроле за злоупотреблениями международными налоговыми соглашениями. Еще одна важная проблема, которая рассматривалась на саммите в Дурбане, – злоупотребления соглашениями с целью уклонения от уплаты налогов. Страны БРИКС пообещали усилить взаимодействие в предотвращении вымывания правительственных доходов. Они согласились расширить сотрудничество по основным вопросам, а именно, по налоговой политике и налоговому администрированию, включая разработку механизма для борьбы с неправомерными транзакциями, позволяющими избегать уплаты налогов, а также по обеспечению эффективного обмена информацией [2].

Страны БРИКС также выразили недовольство по поводу размывания налоговой базы, связанного со злоупотреблением льготами по налоговым соглашениям, с неполным раскрытием информации и необоснованными претензиями. Блок взял на себя обязательство по совместному решению этих вопросов путем предотвращения размывания налоговой базы и перемещения прибыли. Страны БРИКС также пообещали ускорить процесс законоприменения, принимать соответствующие меры в случае несоблюдения законов и использовать больший объем ресурсов в рамках международного сотрудничества, обмена передовым опытом и наращивания потенциала для решения проблем перемещения прибыли за счет сложных, многоступенчатых схем. В ходе саммита лидеры стран договорились о создании новой системы управления в соответствии с общим направлением деятельности БРИКС, с тем чтобы продолжить сотрудничество в сфере управления налогообложением. Далее участники саммита обсудили вызывающие общее беспокойство вопросы, связанные с налоговым администрированием,

в том числе вопросы международного налогообложения, трансфертного ценообразования, уклонения от уплаты пограничного налога и ее избегания, а также механизмы разрешения налоговых споров.

Как видно из вышеизложенного, в последние годы группа БРИКС стала экономической силой, с которой придется считаться. Этот экономический блок будет играть важную роль при решении как экономических, так и политических вопросов, с которыми сталкивается мировая экономика. Успешность новых инициатив, принятых на саммитах БРИКС, будет зависеть от того, насколько широко будет задействована экономика Китая с точки зрения развития всех стран БРИКС. Группе следует быть внимательной к тому, что она рассматривает в качестве своей основной силы. Сегодня насуточно необходимо более тесное (и бескорыстное) сотрудничество пяти стран. При этом акцент должен быть сделан на претворении решений в жизнь, иначе группа придет в упадок.

* * *

На долю стран БРИКС приходится весомый объем мирового ВВП, бóльшая часть населения и территории планеты. Торговля между странами БРИКС находится на подъеме: группа экспортирует седьмую часть всех мировых товаров и услуг. Прочие стратегически важные экономические показатели, такие как приток прямых иностранных инвестиций, валовые внутренние сбережения и инвестиции, также растут.

Во время мирового экономического кризиса страны БРИКС правильно планировали фискальную и кредитно-денежную политику, внося вклад в глобальный экономический рост. Вследствие вялости мирового спроса на товары и услуги и ужесточения кредитной политики банков объемы экспорта из стран БРИКС существенно снизились. Несмотря на это, по окончании мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. страны БРИКС оправились от потрясений благодаря взаимной поддержке и значительной консолидации бюджета.

Список источников

1. *BRICS calls bluff of West backed financial institutions*; Greater Kashmir; Srinagar. 2013. – April, 7.

2. *BRICS grouping pledges to check abuse of tax treaties* // The Indian Express. – New Delhi. – 2013. – Jan, 19.
3. *Hussain T.* Former Executive President; Jammu and Kashmir Bank; Srinagar; (J&K); 2013. – April, 7.
4. *Putin V.* Turn BRICS into Strategic Coop Mechanism. – 2013. – March, 23.
5. *Rajagopalan R.* BRICS, a coalition of unequals // The Financial Express. – 2013. – March, 30.
6. *The foundation* is a bit shaky (editorial) // Hindustan Times. – New Delhi, 2013. – March, 29.
7. *Venu M.K.* Laying new BRICS in Durban // The Indian Express. – New Delhi. – 2013. – March, 25.

Информация об авторах

Икбал Бадар Алам (Индия, Алигарх) – доктор экономики, профессор. Алигархский мусульманский университет (202002, Индия, Уттар-Прадеш, Алигарх, e-mail: badar.iqbal@myamu.in).

Цин Ян (Китай, Гуанчжоу) – доктор экономики, профессор, председатель кафедры. Школа экономики и менеджмента Южно-Китайского педагогического университета (510006, Китай, Гуандун, Гуанчжоу, e-mail: Scnu_qy61@163.com).

Бастос Лючиана Анапечида (Бразилия, Паранавай) – доктор экономики, доцент. Государственный университет Параны (UNESPAR) (87023080, Бразилия, Парана, Маринга, Жардим Империял, ул. Пара, 2175, e-mail: singerlu@gmail.com).

DOI: 10.15372/REG20150614

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 286–303

B.A. Iqbal, Y. Qing, L.A. Bastos

BRICS: ITS IMPLICATIONS TO GLOBAL WORLD

BRICS is a strategic economic group of five emerging economies, namely: Brazil, Russia, China, India and South Africa. BRICS has come up as an influential group. The group has bearing effect on the global economy and economic issues. The group accounted for 27 percent of the global GDP, 40 percent of the world total population and about 30 percent of the land. In addition, the group further constituted 18 percent of the world total FDI inflows.

Intra-BRICS trade amounted to US \$ 228 billion. This statistics itself indicates how significant and strategic group the BRICS is. With these vital strategic facts, the present paper analyzes the role and contribution of BRICS to the global economy. The paper suggests some guideposts for enhancing the existing role of the economic group in the coming years of the 21st century.

Keywords: economic group, GDP, exports, FDI, GDS, GDI

References

1. *BRICS calls bluff of West backed financial institutions*; Greater Kashmir; Srinagar; April 7, 2013.
2. *BRICS grouping pledges to check abuse of tax treaties*. The Indian Express. New Delhi, 2013, January 19.
3. *Hussain, T.* (2013). Former Executive President; Jammu and Kashmir Bank; Srinagar; (J&K); April 7.
4. *Putin, V.* (2013). Turn BRICS into Strategic Coop Mechanism. 2013, March 23.
5. *Rajagopalan, R.* (2013). BRICS, a coalition of unequals. The Financial Express. March 30.
6. *The foundation is a bit shaky* (editorial). Hindustan Times. New Delhi, March 29, 2013.
7. *Venu, M.K.* (2013). Laying new BRICS in Durban. The Indian Express. New Delhi, March 25.

Information about the authors

Iqbal, Badar Alam (Aligarh, India) – Doctor of Economics, Professor at the Department of Commerce, Aligarh Muslim University (Aligarh (UP), 202002, India, e-mail: badar.iqbal@myamu.in).

Qing, Yang (Guangzhou, China) – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of International Economics and Trade at the School of Economics and Management, South China Normal University (Guangzhou, Guangdong Province, 510006, People's Republic of China, e-mail: Scnu_qy61@163.com).

Bastos, Luciana Aparecida (Paranavai, Brazil) – Doctor of Economics, Assistant Professor at the Department of Economics, State University of Parana (UNESPAR) (2175, Rua Pará, Jardim Imperial, Maringá, Paraná-Brazil, 87023080, Brazil, e-mail: singerlu@gmail.com).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 20.04.2015 г.

© Икбал Б.А., Цин Я., Бастос Л.А., 2015

Г. Хаймпольд

ВОСТОЧНАЯ ГЕРМАНИЯ: СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОМЫШЛЕННЫМ И ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ

В статье показано, что важнейшей причиной спада и стагнации экономической конвергенции в Восточной Германии является отставание научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и инноваций. Проанализирована связь между промышленным и инновационным развитием в новых восточных землях Германии после 1990 г. Показаны состояние промышленности и научных исследований в Восточной Германии в конце 1980-х годов и изменения, произошедшие в процессе приватизации. Анализируется индустриальное развитие новых федеральных земель после 1990 г. Выявлены недостатки структуры экономики Восточной Германии и показано их влияние на развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Ключевые слова: Восточная Германия, Западная Германия, научно-исследовательские работы, опытно-конструкторские разработки, инновации, экономическая конвергенция

Падение Берлинской стены в 1990 г. ознаменовало начало интеграции экономик Восточной и Западной Германии. Исчезли препятствия для свободного движения факторов производства. После объединения страны Восточная Германия (включая территорию Берлина) смогла существенно увеличить ВВП на душу населения и ВВП на одного занятого, которые в 2013 г. составили соответственно 71 и 79% от аналогичных показателей Западной Германии. Пик развития был достигнут в начале 1990-х годов. Темпы конвергенции экономик

западной и восточной частей Германии снизились в середине 1990-х годов и упали до нуля после 2009 г. Почему конвергенция замедлилась? Исследователи считают одной из важнейших причин спада и стагнации процессов экономической конвергенции в Восточной Германии отставание сфер научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и инноваций [5].

В настоящей статье автор ставит целью изучить это отставание и показать связь между промышленным и инновационным развитием в Восточной Германии после 1990 г.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ СЕКТОР И НИОКР ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ 1980-х ГОДОВ

В конце 1980-х годов предпринимательский сектор в экономике ГДР состоял из крупных промышленных трестов, или комбинатов. В среднем в одном управляемом из центра промышленном комбинате работало около 21 тыс. чел.¹ Тресты придерживались принципа автаркии и из-за нехватки ресурсов задачу «сделать или купить» обычно решали в пользу «сделать». Так, почти при всех комбинатах имелись собственные строительные фирмы или предприятия, производящие средства производства.

Малый бизнес в ГДР был слабо развит и не оказывал существенного влияния на показатели экономического развития. После национализации, проведенной в начале 1970-х годов, полностью исчезли частные производственные предприятия. К концу 1980-х годов в Восточной Германии оставалось 100 тыс. малых предприятий, из которых около 80 тыс. представляли собой ремесленные кооперативы.²

---

¹ См.: *Staatliche Zentralverwaltung für Statistik* (Hrsg.) (1989): *Statistisches Jahrbuch 1989 der Deutschen Demokratischen Republik*. Herausgegeben von der Staatlichen Zentralverwaltung für Statistik, 34. Jahrgang, Berlin: Staatsverlag der Deutschen Demokratischen Republik.

² См.: *Bundesministerium für Wirtschaft* (1993): *Unternehmensgrößenstatistik 1992/93 – Daten und Fakten – Erstellt vom Institut für Mittelstandsforschung Bonn*. Schriftleitung: Gunter Kayser und Eduard Hauser, Bonn, im März 1993. (= Bundesministerium für Wirtschaft, Studienreihe).

После объединения Германии крупные промышленные тресты и применяемый в них принцип разделения труда утратили конкурентоспособность. Последовавшее деление комбинатов на более мелкие предприятия предварило процесс приватизации.

Отдельные восточно-германские промышленные комбинаты в своей структуре имели научно-исследовательские подразделения. В 1989 г. в сфере НИОКР предпринимательского сектора было занято 86 тыс. чел. [3].

Западно-германские и иностранные инвесторы, в ходе приватизации приобретающие компании в Восточной Германии, часто были заинтересованы только в производственной деятельности. Они считали, что научные исследования и другие стратегические операции должны выполняться в головных офисах за пределами Восточной Германии [2]. Продукцию и технологии, разработанные в Западной Германии, передавали в восточно-германские земли. После присоединения к Валютному союзу бывшие промышленные тресты столкнулись с необходимостью снижать затраты на производство. Результатом стали частичное закрытие их научно-исследовательских отделов и сокращение персонала [4]. Кроме того, Агентство по приватизации выделило научно-исследовательские организации в самостоятельные структуры, которые затем были оценены, а впоследствии либо приватизированы, либо ликвидированы. Выжившие научно-исследовательские организации образовали предприятия в форме обществ с ограниченной ответственностью. В январе 1991 г. насчитывалось 117 научно-исследовательских предприятий. В июне 1992 г. 35 предприятий было приватизировано, четыре передано в муниципальную собственность, три реорганизовано. В списках Агентства по приватизации все еще находилось 49 научно-исследовательских предприятий. Остальные были ликвидированы или распались, вместо них часто образовывались новые мелкие компании или предприятия частично приватизировались [1]. Выжившим предприятиям пришлось искать новых потребителей их продукции.

ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОЧНЫХ ЗЕМЕЛЬ В 1990-е ГОДЫ

После 1990 г. промышленность страны развивалась относительно благополучно, однако значительного прогресса в сфере НИОКР в восточно-германском предпринимательском секторе не наблюдалось. В темпах роста валовой добавленной стоимости (ВДС) по секторам экономики виден сдвиг значений в пользу локомотивов развития (рис. 1). Изначально наиболее высокие значения ВДС имели место в строительстве и сфере услуг. Бум в строительном секторе завершился в середине 1990-х годов. Главным локомотивом развития стала промышленность, обогнавшая по темпам роста ВДС экономику в целом.

Таким образом, за тотальной деиндустриализацией в начале 1990-х годов последовала реиндустриализация. В период с 1991 по 2013 г. ВДС в промышленности выросла на 140% (рис. 2а).

В то же время число занятых в промышленности увеличивалось недостаточно быстро. В 2005 г. уровень занятости был в 2 раза ниже, чем в 1991 г. Существенный спад произошел в 1990 г., и он не был зафиксирован в региональных учетных центрах, начавших работу в 1991 г. Численность занятых в промышленном секторе в 2005 г. достигла минимума и составила 925 тыс. чел. (см. рис. 2а). К 2013 г. она выросла незначительно – до 1 млн чел. Рост ВДС и снижение занятости привели в первой половине 1990-х годов к значительному увеличению производительности труда в промышленности. Подъем производительности труда ускорился также за счет обновления основного капитала предприятий Восточной Германии. В экономике ГДР основной капитал преимущественно не обновлялся, поэтому к моменту падения Берлинской стены фонды устарели. После объединения Германии обновление основного капитала в предпринимательском секторе и инфраструктуре стало важным элементом экономической политики. В результате этого шага и его поддержки со стороны общества резко возросла производительность труда.

На конкурентоспособность промышленных предприятий также существенно влияло изменение уровня заработной платы. Этот процесс проходил неоднозначно. В начале 1990-х годов объединения

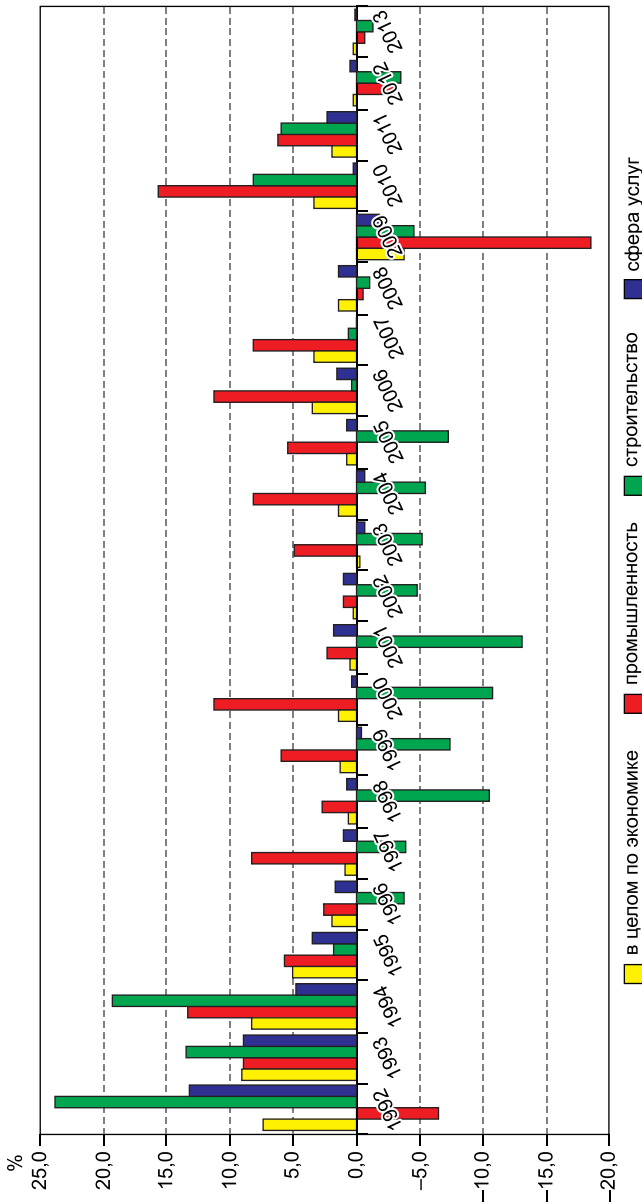

Рис. 1. Годовые темпы изменения валовой добавленной стоимости по секторам экономики Восточной Германии (включая Берлин)

Источники: *Regional Accounts VGRdL* (2014) / Arbeitskreis «Volkswirtschaftliche Gesamtrechnungen der Länder»: Bruttoinlandsprodukt, Bruttowertschöpfung in den Ländern der Bundesrepublik Deutschland 1991 bis 2013. Reihe 1, Band 1, Erschienen im März 2014; *Arbeitsvolumen* 2013 ergänzt im Mai 2014. Erscheinungsfolge: jährlich. Berechnungsstand des Statistischen Bundesamtes: August 2013/Februar 2014, Stuttgart: Statistisches Landesamt Baden-Württemberg. – URL: http://www.vgrdl.de/Arbeitskreis_VGR/tbls/R1B1.zip

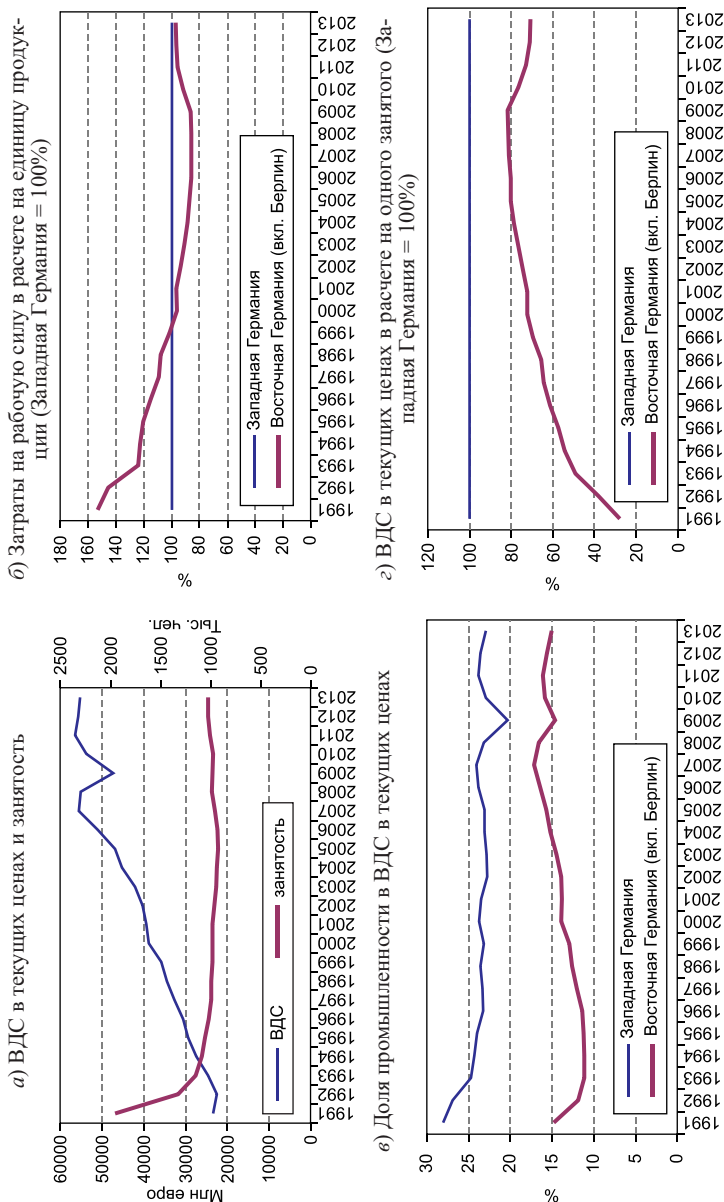

Рис. 2. Динамика некоторых показателей развития промышленности Восточной Германии

Источники: Regional Accounts VGRdL (2014) Arbeitskreis «Volkswirtschaftliche Gesamtrechnungen der Länder»; Arbeitnehmerentgelt, Bruttolöhne und -gehälter in den Ländern der Bundesrepublik Deutschland 1991 bis 2013. Reihe 1, Band 2. Erschienen im März 2014; *Arbeitsvolumen* 2013 (Tab. 5, 8 und 11) ergänzt im Mai 2014. Erscheinungsfolge: jährlich. Berechnungsstand des Statistischen Bundesamtes: August 2013/Februar 2014, Stuttgart: Statistisches Landesamt Baden-Württemberg. — URL: <http://www.vgrdl.de/VGRdL/tbls/RV2011/R1B2.zip>

работодателей и профсоюзы согласовали действия для быстрого изменения уровня заработной платы. Для многих восточно-германских предприятий, ранее принадлежавших государству, резкое повышение зарплат было экономически неприемлемо из-за низкой производительности. В результате в 1990-х годах затраты на рабочую силу в расчете на единицу продукции³ в Восточной Германии значительно превысили тот же показатель в Западной Германии (рис. 2б). Ситуация изменилась после 1999 г. Решения относительно уровня заработной платы перестали приниматься централизованно. Многие восточно-германские компании начали обсуждать внутри предприятий уровень зарплат, позволяющий сохранить конкурентоспособность. Благодаря этому затраты на рабочую силу в расчете на единицу продукции уменьшились и начиная с 2000 г. их уровень стал ниже, чем в Западной Германии.

Несмотря на некоторый прогресс в связи с ростом ВДС, доля промышленного сектора в общей ВДС в Восточной Германии заметно ниже, чем в западных землях: в 2013 г. 15% против 23% (рис. 2в). Кроме того, восточная часть страны продолжает отставать от западной в плане эффективности экономики (рис. 2г).

Постоянное отставание восточных земель обусловлено различиями в структуре экономики, размерами предприятий, нехваткой головных офисов, низкой долей высокотехнологичных отраслей промышленности. Такие различия влияют на интенсивность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Размер предприятий. В целом восточно-германские фирмы меньше западно-германских, особенно в промышленном секторе. В 2012 г. средний объем производства одного промышленного предприятия в Западной Германии в 3 раза превышал соответствующий показатель Восточной Германии (рис. 3), что связано с почти полным изменением структуры предприятий в восточной части страны. В период дробления крупных промышленных трестов появилось большое количество новых учреждений, которые регистрировались как малые

---

³ Рассчитываются по следующей формуле: (заработная плата одного работающего) / (ВДС в текущих ценах в расчете на одного занятого) · 100.

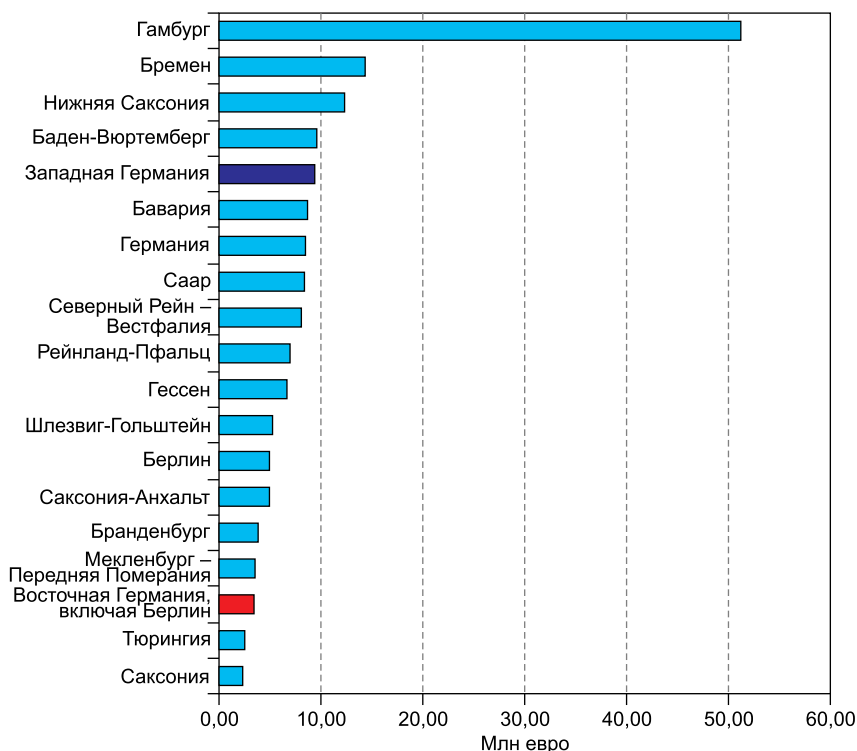

Рис. 3. Средний объем производства предприятий промышленности, подлежащий налогообложению с оборота в 2012 г.

Источник: Federal Statistical Office (2014b) / Statistisches Bundesamt: Finanzen und Steuern. Umsatzsteuerstatistik (Vorankmeldungen). 2012. Fachserie 14 Reihe 8.1 Erscheinungsfolge: jährlich. Erschienen am 18. März 2014, Wiesbaden: Statistisches Bundesamt. – URL: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/FinanzenSteuern/Steuern/Umsatzsteuer/Umsatzsteuer2140810127005.xlsx?__blob=publicationFile

предприятия. В настоящее время бизнес Восточной Германии состоит преимущественно из малых и средних предприятий.

Нехватка головных офисов. Наблюдается недостаток крупных предприятий, в особенности тех, которые выполняют стратегические функции, такие как научные исследования. Согласно ежегодному рейтингу 500 ведущих компаний Германии, публикуемому в газете

«Die Welt», большинство головных офисов (466) расположены в западной части страны и только 34 – в восточной, включая Берлин. Такое неравномерное распределение берет свое начало в период после Второй мировой войны, когда многие крупные немецкие компании приняли решение перенести свои головные офисы на запад страны. Крупные промышленные тресты, занимавшие в ГДР господствующее положение, не подходили на роль головных офисов в новой рыночной среде, поскольку их работа была основана на неэффективном разделении труда.

Малая доля высокотехнологичных отраслей промышленности.

Низкая интенсивность НИОКР в предпринимательском секторе связана также с внутренней отраслевой структурой промышленного сектора. Обратимся к исследованию, в котором используется существующая классификация отраслей промышленности по фактороинтенсивности [6; 7] и представлена схема отраслевой специализации, построенная на основе данных о занятости. Согласно этому исследованию, в Восточной Германии доля высокотехнологичных отраслей промышленности в общей занятости составляет 16,6% (по состоянию на 30 июня 2008 г.), что на 4,8 п.п. ниже соответствующего показателя для западной части страны. Доля трудоемких отраслей – 25,4%, что превышает показатель Западной Германии на 5,6 п.п. Расчеты основаны на данных статистики, предоставленных Федеральным агентством занятости Германии.

ИНТЕНСИВНОСТЬ НИОКР И ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Малый размер предприятий и нехватка головных офисов привели к негативным последствиям. Мелкий бизнес часто не способен проводить собственные научные исследования, но именно в таких условиях существует предпринимательский сектор Восточной Германии. В то время как в экономически развитых западных федеральных землях доля предпринимательского сектора в общих расходах на НИОКР по отношению к ВРП составляет более 50%, в восточных землях наблюдается совсем иная ситуация (рис. 4).

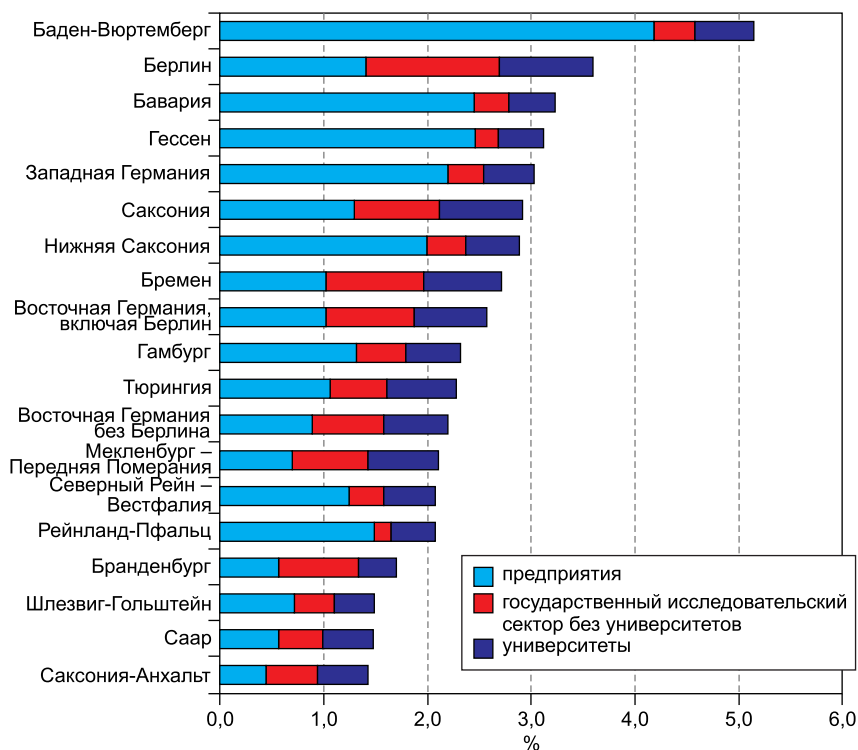

Рис. 4. Доля расходов на НИОКР в ВРП по секторам в 2012 г.

Рассчитано по: *Federal Statistical Office (2014) / Statistisches Bundesamt: Forschung und Entwicklung. Ausgaben für Forschung und Entwicklung nach Bundesländern und Sektoren –Millionen Euro-. – URL: <https://www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/BildungForschungKultur/ForschungEntwicklung/Tabellen/FuEAusgabenBundeslaenderSektoren.html>*

Кроме того, расходы на НИОКР в процентах от ВРП в пяти из шести восточно-германских федеральных земель ниже среднего уровня Западной Германии. Два региона – Берлин и Саксония представляют собой исключительные случаи: в Берлине расходы на НИОКР в процентах от ВРП превышают средний уровень Западной Германии, в Саксонии этот показатель приближается к среднему. На территории Берлина находятся три университета и множество неуниверситетских

исследовательских учреждений. Таким образом, столица Германии в сфере научных разработок занимает особое положение. Саксония объединяет на своей территории диверсифицированный промышленный сектор и два ведущих технических университета, расположенных в Дрездене и Хемнице, что дает преимущества малому и среднему бизнесу. В отличие от НИОКР, выполняемых в предпринимательском секторе, научные исследования, финансируемые за счет государственного бюджета, чаще проводятся в землях Восточной Германии. Свыше 50% средств на науку было израсходовано университетами и государственными научно-исследовательскими институтами.

Так же как в отношении интенсивности НИОКР в предпринимательском секторе, восточная часть страны отстает от западной в отношении продуктовых инноваций. Как показывает рис. 5, доля предприятий, реализующих продуктовые инновации, в Восточной Германии ниже, чем в Западной. Разница составляет 8 п.п. по всем отраслям и 4 п.п. в промышленном секторе. Тем не менее разница между восточной и западной частями страны в реализации инноваций гораздо меньше разницы в расходах на НИОКР в предпринимательском

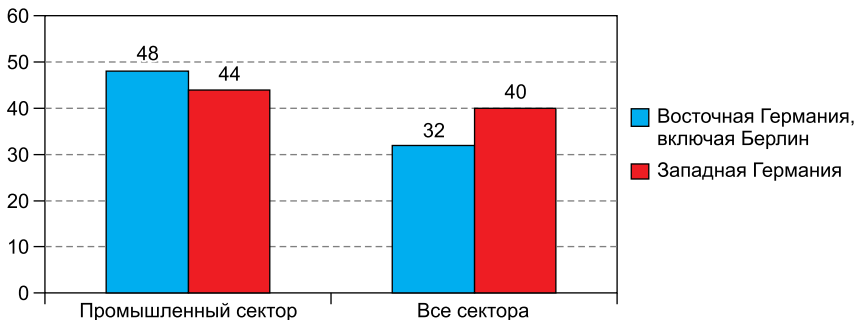

Рис. 5. Доли предприятий, реализующих продуктовые инновации, от общего числа предприятий в 2012 г.

Источник: Sachsen-Anhalt (2014). Europäische Kommission. Europäische Strukturfonds. Investition in ihre Zukunft (2014); IAB-Betriebspanel Sachsen-Anhalt. Europäischer Sozialfonds Sachsen-Anhalt 2007 – 2013. Inhalt: Ergebnisse der 18. Welle 2013. Auswertung: SÖSTRA Berlin. Datenerhebung: TNS Infratest München. Berlin, April 2014. – URL: http://www.ms.sachsen-anhalt.de/fileadmin/Bibliothek/Politik_und_Verwaltung/MS/MS/5_Publikationen/AL5_IAB_Betriebspanel_2013_290714.pdf

секторе. На первый взгляд это выглядит парадоксальным. Однако указанная меньшая разница в отношении продуктовых инноваций по сравнению с разницей в интенсивности НИОКР объясняется тем, что многие восточно-германские предприятия принадлежат западно-германским или зарубежным фирмам и имеет место трансфер технологий из материнских компаний в филиалы.

* * *

Отставание сферы НИОКР в предпринимательском секторе Восточной Германии обусловлено в основном структурными факторами: малым размером фирм, нехваткой крупных компаний, развивающих собственные научные разработки, и небольшой долей высокотехнологичных отраслей. Тем не менее дальнейшая конвергенция экономики Восточной Германии с экономикой Западной Германии по уровням ВВП на душу населения и на одного занятого будет в значительной степени зависеть от прогресса в области научных исследований и инноваций. Для стимулирования научных исследований в ныне отставшем предпринимательском секторе необходимы структурные изменения. Это означает содействие росту малого бизнеса, улучшение функциональной структуры, прямую поддержку научных исследований в предпринимательском секторе, поощрение инициатив по созданию кластеров, повышение привлекательности городов для квалифицированной рабочей силы и, наконец, обеспечение квалифицированными кадрами.

Необходимость дальнейшего *роста малых предприятий* связана с тем, что в среднем фирмы в Восточной Германии (особенно в промышленном секторе) намного меньше, чем в Западной Германии. Чтобы преодолеть барьеры развития, связанные с размером, проводить собственные научные исследования и выходить на международные рынки, компании должны продолжать расти.

Совершенствование *функциональной структуры* предприятий через поддержку НИОКР требует времени и усилий. Даже при введении дополнительных стимулов к инвестированию перенос головных офисов из Западной Германии или из-за рубежа в восточную часть страны

представляется маловероятным. Между тем у преуспевающих средних восточно-германских предприятий есть шанс в будущем стать главными компаниями.

С помощью экономической политики государство может *напрямую укреплять сферу НИОКР в предпринимательском секторе*, к примеру посредством финансовой поддержки исследовательских проектов. В Восточной Германии существует целый ряд таких программ.

В странах с развитой рыночной экономикой головные офисы компаний часто становятся важными центрами при организации научно-исследовательских сетей и кластеров. В Восточной Германии из-за нехватки головных офисов при создании и развитии кластеров и научно-исследовательских сетей может оказывать поддержку государство. Поддержку могут получать инициаторы создания как кластеров, так и научно-исследовательских сетей. Также могут быть поддержаны совместные научно-исследовательские проекты или проекты по развитию инфраструктуры НИОКР.

В отношении пространственного развития следует ожидать, что города будут играть ведущую роль в сфере НИОКР благодаря концентрации на их территориях государственных научно-исследовательских учреждений и компаний, внедряющих новые технологии. Города Восточной Германии могут внести существенный вклад в развитие науки, *создавая и улучшая условия для жизни и труда с целью привлечения квалифицированной рабочей силы*.

Обеспечение квалифицированными кадрами – одна из важнейших задач, которую необходимо решить для дальнейшего развития науки и инноваций в Восточной Германии. Изменения в демографической структуре населения – сокращение численности и старение требуют от бизнеса и государства особых усилий, чтобы обеспечить наличие квалифицированных работников. В частности, следует создавать привлекательные условия для образованных молодых людей, позволять пожилым сотрудникам позже уходить на пенсию, организовывать специальные курсы профессиональной подготовки для преждевременно покинувших школу или длительно безработных лиц.

В заключение отметим, что создание экономических и институциональных условий, стимулирующих рост фирм, и дальнейшие структурные изменения в пользу более технологоемкого производства будут иметь важнейшее значение для продолжения конвергенции экономик Восточной и Западной Германии.

Список источников

1. *Breuel, B.* (1992). Brief der Präsidentin der Treuhandanstalt Birgit Breuel an den Bundesminister für Wirtschaft, Herrn Jürgen W. Möllemann vom 16. Juni 1992, in: Treuhandanstalt (Hrsg.) (1994): Dokumentation 1990–1994. Band 8. Berlin. P. 694–696.
2. *Grabher, G.* (1992). Kapitalismus ohne Kapitalisten? Kombinatseinflechtungen, Westinvestitionen und Unternehmensgründungen in Ostdeutschland. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Research Area I: Labour Market and Employment, Berlin.
3. *Meske, W.* (1993). Die Umgestaltung des ostdeutschen Forschungssystems – Eine Zwischenbilanz – . Veröffentlichungsreihe der Forschungsgruppe Wissenschaftsstatistik des Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung P94-402. Berlin: Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung gGmbH, November.
4. *Meske, W.* (1994). Veränderungen in den Verbindungen zwischen Wissenschaft und Produktion in Ostdeutschland – Eine Problemskizze – Veröffentlichungsreihe der Forschungsgruppe Wissenschaftsstatistik des Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung P94-402. Berlin: Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung gGmbH, November.
5. *Paque, K.H.* (2009). Die Bilanz. Eine wirtschaftliche Analyse der Deutschen Einheit. München: Carl Hanser Verlag.
6. *Peneder, M.* (1999). Intangible Investment and Human Resources. The New WIFO Taxonomy of Manufacturing Industries. – Vienna. (= WIFO Working Papers No. 114). – URL: [http://www.wifo.ac.at/wwa/downloadController/displayDbDoc.htm?item=WP114\\$.PDF](http://www.wifo.ac.at/wwa/downloadController/displayDbDoc.htm?item=WP114$.PDF) (дата обращения 15.02.2011).
7. *Scharr, F. & G. Untiedt* (2001). Teilprojekt D-4: Sektorale Wettbewerbsfähigkeit ausgewählter Branchen in den deutschen Grenzregionen, in: J. Riedel, G. Untiedt (Hrsg.): EU-Osterweiterung und deutsche Grenzregionen. Strukturpolitik und Raumplanung in den Regionen an der mitteleuropäischen EU-Außengrenze zur Vorbereitung auf die EU-Osterweiterung. Teilprojekte. ifo Institut für Wirtschaftsforschung, Forschungsnetzwerk Strukturentwicklung und Förderpolitik Dresden. – Dresden. (= ifo dresden studien 28/II). – URL: http://www.preparity.wsr.ac.at/public/veroeffentlichungen/de/veroeffentlichungen_d4_end.pdf (дата обращения 20.05.2009).

Информация об авторе

Хаймпольд Герхард (Германия, Галле) – доктор экономики, заместитель начальника отдела Института экономических исследований Галле, член Научного общества им. Лейбница (Kleine Maerkerstrasse 8, D-06108 Halle (Saale), e-mail: Gerhard.Heimpold@iwh-halle.de).

DOI: 10.15372/REG20150615

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 304–319

G. Heimpold

INTERRELATIONSHIP BETWEEN INDUSTRIAL AND INNOVATION DEVELOPMENT IN EAST GERMANY

The article demonstrates that the most important reason for the slowdown and stagnation of economic convergence in East Germany is the weakness in terms of research and development and innovation. It analyzes the interrelationship between industrial and innovative development in the East German federal states since 1990. The article shows how the East German industry sector and its R&D activities looked like in the late 1980s and which transition it had undergone in the course of privatization. The industrial development of the new federal states after 1990 is analyzed. The paper reveals structural shortcomings in East Germany's economy and considers their impact on the progress in R&D.

Keywords: East Germany, West Germany, R&D, innovation, economic convergence

References

1. Breuel, B. (1992). Brief der Präsidentin der Treuhandanstalt Birgit Breuel an den Bundesminister für Wirtschaft, Herrn Jürgen W. Möllemann vom 16. Juni 1992, in: Treuhandanstalt (Hrsg.) (1994): Dokumentation 1990–1994. Band 8. Berlin. P. 694–696.

2. *Grabher, G.* (1992). Kapitalismus ohne Kapitalisten? Kombinatseinflechtungen, Westinvestitionen und Unternehmensgründungen in Ostdeutschland. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), Research Area I: Labour Market and Employment, Berlin.

3. *Meske, W.* (1993). Die Umgestaltung des ostdeutschen Forschungssystems – Eine Zwischenbilanz – . Veröffentlichungsreihe der Forschungsgruppe Wirtschaftsstatistik des Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung P94-402. Berlin: Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung gGmbH, November.

4. *Meske, W.* (1994). Veränderungen in den Verbindungen zwischen Wissenschaft und Produktion in Ostdeutschland – Eine Problemskizze – Veröffentlichungsreihe der Forschungsgruppe Wirtschaftsstatistik des Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung P94-402. Berlin: Wissenschaftszentrums Berlin für Sozialforschung gGmbH, November.

5. *Paque, K.H.* (2009). Die Bilanz. Eine wirtschaftliche Analyse der Deutschen Einheit. München: Carl Hanser Verlag.

6. *Peneder, M.* (1999). Intangible Investment and Human Resources. The New WIFO Taxonomy of Manufacturing Industries. – Vienna. (= WIFO Working Papers No. 114). Available at: [http://www.wifo.ac.at/www/downloadController/displayDbDoc.htm?item=WP114\\$.PDF](http://www.wifo.ac.at/www/downloadController/displayDbDoc.htm?item=WP114$.PDF) (date of access: 15.02.2011).

7. *Scharr, F. & G. Untiedt* (2001). Teilprojekt D-4: Sektorale Wettbewerbsfähigkeit ausgewählter Branchen in den deutschen Grenzregionen, in: J. Riedel, G. Untiedt (Hrsg.): EU-Osterweiterung und deutsche Grenzregionen. Strukturpolitik und Raumplanung in den Regionen an der mitteleuropäischen EU-Außengrenze zur Vorbereitung auf die EU-Osterweiterung. Teilprojekte. ifo Institut für Wirtschaftsforschung, Forschungsnetzwerk Strukturentwicklung und Förderpolitik Dresden. – Dresden. (= ifo dresden studien 28/II). Available at: http://www.preparity.wsr.ac.at/public/veroeffentlichungen/de/veroeffentlichungen_d4_end.pdf (date of access: 20.05.2009).

Information about the author

Heimpold, Gerhard (Halle, Germany) – Doctor of Economics, Deputy Head of Department at Halle Institute for Economic Research, Member of the Leibniz Association (Kleine Maerkerstrasse 8, D-06108 Halle (Saale), e-mail: Gerhard.Heimpold@iwh-halle.de).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 02.02.2015 г.

© Хаймпольд Г., 2015

*Дорогой
Валерий Михайлович,
поздравляем!*

Коллеги, многочисленные ученики, друзья,
редакционная коллегия журнала поздравляют

Валерия Михайловича Гееца,

доктора экономических наук, профессора,
академика Национальной академии наук Украины,
директора Института экономики и прогнозирования НАН Украины,
заслуженного деятеля науки и техники Украины,
члена редакционной коллегии научного журнала
«Регион: экономика и социология»,

с 70-летием

и желают крепкого здоровья и творческого долголетия!

Вся трудовая деятельность Валерия Михайловича Гееца связана с Институтом экономики и прогнозирования Национальной академии наук Украины, где он после окончания в 1968 г. Киевского государственного университета им. Т. Шевченко прошел путь от инженера до директора. В 1973 г. Валерий Михайлович защитил кандидатскую диссертацию, в 1988 г. – докторскую, в 1995 г. избран академиком НАНУ, а в 1997 г. стал директором Института экономики и прогнозирования НАНУ.

В.М. Геец основал научную школу в области теории и моделей экономического прогнозирования. Он предложил концепцию экономического роста в условиях нестабильности. На протяжении последних лет научные интересы В.М. Гееца были сконцентрированы на решении проблем взаимодействия общества, государства и бизнеса, создания эффективных механизмов влияния на капитализацию экономики Украины. В 2014 г. В.М. Геец опубликовал монографию «Общество, государство, экономика: феноменология взаимодействия и развития». Применяя феноменологический подход, он выявил и проанализировал суть существующего в обществе, государстве и экономике общего и противоречивого и роль человеческого фактора в их трансформации, что позволило расширить представление о содержании процессов трансформации, учитывая экономические и социальные подходы и методы. В монографии раскрыто влияние глобализации на развитие страны во взаимодействии мирового и национального с использованием стратегии сотрудничества.

Успешную научно-исследовательскую работу В.М. Геец совмещает с подготовкой высококвалифицированных кадров для народного хозяйства Украины в области экономики в качестве профессора Киевского государственного университета, а также работает в редколлегиях многих научных журналов.

Валерий Михайлович Геец лауреат премии им. Шлихтера (1992 г.), заслуженный деятель науки и техники Украины (2000 г.), лауреат Государственной премии Украины в области науки и техники (2002 г.), награжден Орденом «За заслуги» III степени (2004 г.), лауреат премии им. В.С. Михалевича (2005 г.), лауреат премии «Человек года – 2005», академик-секретарь Отделения экономики НАН Украины (1998 г. – апрель 2009 г.), вице-президент НАН Украины (с апреля 2009 г.).

УДК 332.1

Регион: экономика и социология, 2015, № 2 (86), с. 322–341

А.Н. Пилясов

ИНТЕГРАЦИЯ В МИРОВУЮ НАУКУ¹: 54-Й КОНГРЕСС ЕВРОПЕЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ

В статье дается характеристика 54-го Конгресса Европейской ассоциации региональной науки, состоявшегося в Санкт-Петербурге 26–29 августа 2014 г. Анализируются статистика участников конгресса и новшества, которые организаторы конгресса применили при его проведении. Рассматриваются особенности участия основных российских школ и институтов региональной науки. Выявляются конструктивные уроки для российских исследователей в области региональной науки, которые следуют из проведенного конгресса.

Ключевые слова: Европейская ассоциация региональной науки, Санкт-Петербург, конгресс, российские школы ученых-регионалистов

На фоне политической конфронтации России и Европейского союза петербургский конгресс Европейской ассоциации региональной науки ярко продемонстрировал единство ученых-регионалистов и, конечно, укрепил интерес к региональной науке у молодых российских ученых. В этой статье мне хотелось бы осветить вопросы², которые не получили освещения в прежних публикациях о конгрессе [1–3].

---

¹ Это название из учебника академика А.Г. Гранберга (*Гранберг А.Г. Основы региональной экономики.* – М.: ГУ ВШЭ, 2000), которому принадлежит замысел проведения петербургского конгресса и памяти которого он был посвящен.

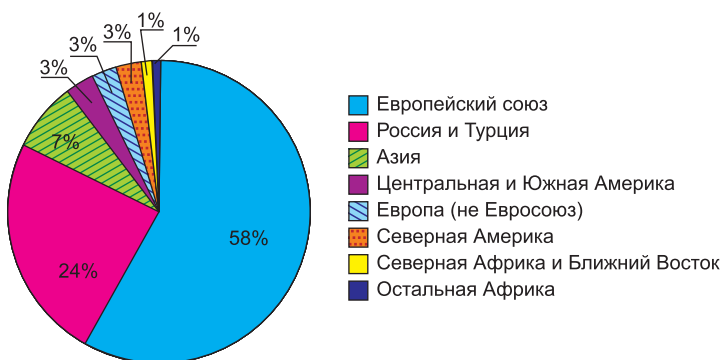
² Хочу поблагодарить секретаря брюссельского офиса Европейской ассоциации региональной науки М. Анготзи за предоставленные статистические данные об участии в последних четырех конгрессах ассоциации.

ОБЩАЯ СТАТИСТИКА КОНГРЕССА

Когда мы начинали подготовку к проведению в Санкт-Петербурге 54-го Конгресса Европейской ассоциации региональной науки, российским оргкомитетом были разработаны три возможных сценария: минимальный – с участием 450 человек (российский визовый режим для иностранцев и трудное финансовое положение стран Европы становятся факторами, ограничивающими число делегатов), средний – с участием 600–650 человек и максимальный – с участием более 800 делегатов. Большинство в местном организационном комитете полагали, что реалистичный сценарий – это средний, максимальный же сопряжен с издержками, связанными со скученностью на компактной площадке кампуса Санкт-Петербургского государственного университета, где должен был проходить конгресс. Реальная ситуация оказалась более оптимистичной, чем мы могли предполагать за год-два до проведения конгресса. На конгресс по региональной науке прибыли 822 участника и 56 сопровождающих лиц из 49 стран Европы, Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Практически не было политических мотивированных отказов со стороны потенциальных участников. Среди четырех конгрессов последних лет петербургский по числу участников занимает третье место: в Барселоне в 2011 г. собралось 975 чел., в Братиславе в 2012 г. – 656, в Палермо в 2013 г. – 842 чел. По статистике, предоставленной Европейской ассоциацией региональной науки, в Санкт-Петербурге была самая высокая эффективность участия в том смысле, что практически все предварительно зарегистрированные делегаты (95%) приехали и выступили на пленарных и секционных заседаниях.

Если рассматривать структуру участников по группам стран, то более половины ожидаемо составили ученые из Европейского союза, около четверти – делегаты из России и Турции, а оставшуюся часть – представители стран Азии, Америки, Африки, Ближнего Востока и европейских стран, не входящих в ЕС (см. рисунок).

География стран и число участников конгресса показаны в таблице (страны ранжированы по числу участников). Первое место по числу делегатов ожидаемо занимает Россия как страна проведения конгресса. Тройка стран с самыми многочисленными делегациями (Россия,

Структура участников петербургского конгресса по группам стран

Германия и Нидерланды) обеспечила более трети всех участников. Если к делегатам этих трех стран добавить представителей Италии, Турции и Великобритании, то вместе они составили более половины всех участников. Традиционно в европейских конгрессах активно участвуют Япония и Бразилия, и на петербургском конгрессе присутствовало 59 делегатов из этих стран. С другой стороны, было очень мало представителей США, Канады, стран Азии и Африки. Отсутствовали представители Австралии, в том числе российской диаспоры, которые участвовали в некоторых предыдущих конгрессах.

Гендерная структура участников, как и на предыдущих конгрессах, характеризовалась доминированием мужчин (61%). В организационной (институциональной) структуре преобладали делегаты из университетов (73%), доля участников из научно-исследовательских институтов составила 19,7%, из структур государственного сектора – 3,4%, из коммерческих организаций – 1,7%.

Особенностью петербургского конгресса стали уменьшение доли участников из университетов (с обычных для последних лет 80% до 73%) и рост доли представителей научно-исследовательских институтов (с 13 до 20%). Это связано с масштабным участием в данном конгрессе российских ученых, среди которых было много представителей региональных НИИ.

Структура участников петербургского конгресса в разрезе стран

Страна	Число участников	%	Страна	Число участников	%
Россия	150	18,2	Бельгия	6	0,7
Германия	70	8,6	Хорватия	6	0,7
Нидерланды	57	6,9	Чехия	5	0,6
Италия	53	6,5	Румыния	5	0,6
Турция	44	5,4	ЮАР	4	0,5
Великобритания	38	4,6	Латвия	4	0,5
Испания	37	4,5	Словакия	4	0,5
Япония	36	4,4	Эстония	3	0,4
Франция	35	4,3	Литва	3	0,4
Австрия	27	3,3	Люксембург	3	0,4
Бразилия	23	2,8	Армения	3	0,4
Финляндия	23	2,8	Индия	2	0,2
Венгрия	20	2,4	Индонезия	2	0,2
Греция	19	2,3	Тайвань	2	0,2
Польша	18	2,2	Ирландия	2	0,2
Швеция	17	2,1	Украина	2	0,2
Португалия	16	1,9	Марокко	1	0,1
Швейцария	15	1,8	Египет	1	0,1
США	13	1,6	Мартиника	1	0,1
Южная Корея	9	1,1	Новая Зеландия	1	0,1
КНР	8	1,0	Вьетнам	1	0,1
Израиль	8	1,0	Гонконг	1	0,1
Канада	8	1,0	Чили	1	0,1
Дания	7	0,9	Мексика	1	0,1
Норвегия	7	0,9	Всего	822	100,0

Возрастная структура участников конгресса, поскольку не все делегаты ответили на вопрос о возрасте при заполнении онлайн-анкеты, определялась по выборке из 661 чел., которая охватывает более 80% общего числа делегатов и потому может считаться вполне репрезентативной. Около трети всех делегатов (30,4%) составила группа в возрасте 30–39 лет. За ней следуют группы участников в возрасте 40–49 лет (23,8%), 20–29 лет (19,8%), 50–59 лет (15,4%), 60–69 лет (9,1%). Самая малочисленная группа участников – в возрасте старше 70 лет (1,5%).

НОВШЕСТВА ПЕТЕРБУРГСКОГО КОНГРЕССА

Готовя научную программу и отработывая логистическую схему петербургского конгресса, местный организационный комитет стремился сделать конгресс запоминающимся праздником для российских и зарубежных участников и одновременно экспериментальной площадкой по внедрению новшеств.

Число докладчиков на пленарных заседаниях конгресса оказалось беспрецедентно большим для конгрессов Европейской ассоциации региональной науки. Выступили профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Н.В. Зубаревич, профессор Университета Дж. Мейсона З. Экс, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес), Лондонской школы экономики, Центра социологии организаций (Париж) М. Сторпер, профессор Санкт-Петербургского государственного университета К. Аксенов, управляющий директор информационного агентства «Томсон Рейтерс» по России и СНГ А.В. Новиков и директор Института конкурентоспособности (Торонто) К. Столарик. По программе конгресса работали 22 обычные и 47 специальных секций (в том числе состоявшаяся в первый день секция памяти академика А.Г. Гранберга и секция, посвященная столетию Совета по изучению производительных сил – института, который А.Г. Гранберг возглавлял 18 лет), были проведены круглый стол издателей ведущих журналов, освещающих проблемы региональной науки, и круглый стол по развитию Санкт-Петербурга.

Впервые в научной программе конгресса был сделан акцент на изучение лучших практик регионального развития и региональной политики. Впервые прозвучали темы арктических и северных регионов мира. Для обсуждений мы объединили феномены кластеров и крупных метрополитенских ареалов в один блок городских и хозяйственных агломераций, чтобы подчеркнуть общность эффекта возрастающей отдачи в обоих случаях. Мы стремились заострить внимание на сложной диалектике регионального развития, рассматривая в одном блоке противоположные явления роста и сжатия городов, социальной укорененности и отчуждения многонациональных корпораций, кооперации и конкуренции регионов. Доклады и обсуждения на секциях конгресса помогали его участникам лучше понять опыт, накопленный национальными школами региональной науки в конкретных областях. Например, на специальных секциях были обозначены темы итальянского туризма, человеческих ресурсов и капитала Греции, румынского опыта экономической реструктуризации регионов, российской школы региональных исследований. Мы стремились к неожиданным сопоставлениям давно изучаемых тематических блоков, например тем гор и урбанизации. Мы были нацелены обеспечить межстрановые сопоставления даже там, где в явном виде они в докладах не прослеживались, например между ЕС и Россией в работах по региональному экономическому росту, между Индией и Россией в работах по региональным финансам и т.д. Нам удалось консолидировать те исследовательские сюжеты, на которые прежде исследователи не обращали большого внимания, в рамках специальных заседаний, посвященных всем видам территориального капитала, исследованию показателей счастья, междо-транспортной конкуренции в Европе, инновациям в сельских и периферийных регионах.

При организации конгресса нам также удалось апробировать несколько новшеств. Они получили поддержку у участников, и некоторые из них уже применяются при подготовке конгресса 2015 г., который состоится в Лиссабоне. Впервые в истории конгрессов ассоциации наш конгресс имел свой собственный сайт. Впервые для каждого заседания одной и той же сессии мы обозначали некую «зонтичную»

тему, которая консолидировала группу из трех-пяти докладчиков. Впервые была подготовлена дорожная карта участника для упрощения навигации по научной программе конгресса. Идея состояла в том, что конгресс должен быть компактным, обеспечивающим условия для активной коммуникации участников. Поэтому все площадки пленарных и секционных заседаний (Таврический дворец, Смольнинский собор, Смольнинский кампус Санкт-Петербургского государственного университета) располагались вдоль оси ул. Шпалерной в шаговой доступности друг от друга, секционные заседания проходили в одном здании, а при размещении аудиторий под секции мы стремились следовать логике «один тематический блок – одна зона размещения».

Новшества коснулись и управления. Впервые у конгресса было два куратора – Санкт-Петербургский государственный университет и Совет по изучению производительных сил. В координации совместных действий возникали объективные трудности.

Впервые в истории Европейской ассоциации региональной науки для подготовки конгресса была привлечена специальная профессиональная структура – ООО «Мономакс», которой пришлось адаптироваться к кампусной модели организации научных форумов, тогда как ранее традиционно использовалась гостиничная. Преимущество кампусной модели состоит в том, что участники конгресса получают возможность ощутить атмосферу мест рождения нового знания, университетский дух, увидеть местные традиции и культуру обучения и исследований. Недостатки же этой модели состоят в том, что организация кофе-брейков, обедов, выставок на компактных площадках в университетских зданиях (особенно в классических европейских университетах, заложенных в XIV–XIX вв.) нередко является настоящим вызовом для хозяев.

Организацию петербургского конгресса можно рассматривать как осуществление крупного международного проекта. Дело в том, что все основные особенности проект-менеджмента, хорошо известные в бизнесе, присутствовали и здесь: обеспечивалась концентрация различных акторов на четко очерченный период времени для выполнения ранее определенной комплексной задачи.

В этой связи уместно вспомнить написанное еще в 1957 г. академиком П.Л. Капицей о трудностях решения комплексных проблем (разрозненность, отсутствие постоянного контакта между работниками), когда нет специальной проектной организации: «При таких условиях нет достаточного энтузиазма и целеустремленности, которые так нужны для интенсивной творческой работы. ...Во всех случаях, когда при решении комплексной научной или научно-технической проблемы удавалось создать единую и самостоятельную организацию, которая состояла из ученых и инженеров разнообразных специальностей, но преследующих одну общую цель – решить возложенную на них научно-техническую проблему и внедрить результаты в жизнь, оказывалось, что такая организация работала успешно» [4, с. 187]. Вот именно поэтому с самого начала организации петербургского конгресса возник вопрос о местном оргкомитете и его структуризации, предполагающей взаимодействие основных акторов: Санкт-Петербургского государственного университета, СОПС, ООО «Мономакс» и Международной академии регионального сотрудничества.

Наличие нескольких организаций, привлеченных к проведению конгресса, каждая из которых имеет свою юридическую форму и связанные с ней ограничения, придавало подготовке петербургского конгресса характер комплексного проекта. Особенности данного проекта стали слабая иерархия в отношениях между участниками и связанные с этим открывающиеся возможности быстрого карьерного продвижения для успешно зарекомендовавшей себя молодежи, наличие ядра постоянных участников и обширной «периферии» привлекаемых временных работников, существенная неопределенность, продиктованная условиями мировой экономики, и потому вынужденная гибкость схемы проведения конгресса, передача части полномочий местного оргкомитета на аутсорсинг структурам малого и среднего бизнеса.

Ключевым фактором успеха организации петербургского научного форума было установление отношений доверия между всеми входящими в его руководящие органы структурами и участниками,

бесконфликтная коммуникация между ними, а также между российским оргкомитетом и аппаратом Европейской ассоциации региональной науки, находящимся в окрестностях Брюсселя (г. Лувен-ля-Нев). Последнее было совсем непросто ввиду объективно не совпадающих интересов основных юридических лиц, участвующих в проведении конгресса.

РОССИЙСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА КОНГРЕССЕ

Самую представительную делегацию – российскую сформировали ученые из почти двух десятков исследовательских институтов, центров и университетов. С некоторой долей условности можно считать их представителями пяти основных школ российской региональной науки: географически широко понятого Центра (в который входят также институты Юга России и Поволжья), Северо-Запада, Урала, Сибири и Дальнего Востока. На последнем пленарном заседании конгресса они кратко осветили историю становления и современное состояние российских региональных школ. Эти доклады дали зарубежным коллегам представление о достижениях наших соотечественников за последние десятилетия, о тех колоссальных усилиях в обустройстве российских пространств, которые неизбежно определяют главную тематику научных исследований уральской, сибирской и дальневосточной школ.

Распределение российских участников конгресса по основным школам и исследовательским структурам было следующим:

Школы	Число участников
Центр 65	
В том числе:	
НИУ ВШЭ	19
МГУ	8
СОПС	5
ИГ РАН	5
Московские институты РАН	5
Московские образовательные академии	4
Институты вне Московской агломерации (в т.ч. Поволжья, Юга)	8
Другие	11

Северо-Запад	54
В том числе:	
СПбГУ	18
Леонтьевский центр	5
Консалтинговые структуры	7
Институты РАН вне Петербургской агломерации	14
Другие	10
Сибирь	20
В том числе:	
ИЭОПП СО РАН	11
СИГ	3
СФУ	2
Другие	4
Дальний Восток	8
В том числе:	
ИЭИ ДВО РАН	2
СВФУ	2
Другие	4
Урал	3
Всего	150

Максимальное число делегатов было из университетов и институтов Центральной России (около 45%). Самую большую делегацию на конгресс направило НИУ «Высшая школа экономики». Однако если считать участников из всех институтов Российской академии наук по всем школам, тогда лидерами по численности оказываются представители РАН.

Среди представителей северо-западной школы лидерами по участию стали организаторы конгресса – ученые из Санкт-Петербургского государственного университета: их делегация была второй по численности. Весомым было участие и представителей институтов РАН из регионов Северо-Запада.

В рядах представителей сибирской научной школы региональных исследований доминировали делегаты из Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН. Делегацию, представлявшую Дальневосточную школу, наполовину сформировали ученые из Института экономических исследований ДВО РАН и Северо-Восточного федерального университета. Неожиданно самой

малочисленной на конгрессе оказалась делегация уральских институтов и университетов.

Хочу отдельно остановиться на участии в конгрессе представителей сибирской школы региональных исследований. Среди 11 ученых из ИЭОПП СО РАН, как, пожалуй, ни в одной другой российской делегации, были ученые-регионалисты, принадлежащие к трем поколениям, что способствовало взаимному обучению, обмену знаниями и опытом между сибирскими участниками. Сибирские делегаты были очень активны на всех основных площадках конгресса. В первый рабочий день с докладом на специальной сессии, посвященной памяти А.Г. Гранберга, выступил его ученик доктор экономических наук В.Е. Селиверстов. Он говорил о сибирском, исключительно продуктивном и самом протяженном по времени, этапе научной биографии А.Г. Гранберга, о его роли лидера в становлении в ИЭОПП школы пространственной эконометрики. О влиянии А.Г. Гранберга на преподавателей университетских курсов по региональной экономике рассказала Л.В. Мельникова. В последний рабочий день профессор Е.А. Коломак представила картину становления сибирской школы ученых-регионалистов, опираясь на работы ее пионеров: А.Г. Гранберга, М.К. Бандмана, Р.И. Шнипера, Б.П. Орлова и др.

Ученые ИЭОПП СО РАН рассмотрели в докладах ряд актуальных проблем современной российской региональной экономики: Б.В. Мелентьев посвятил свое выступление моделированию пространственных пропорций экономики, Е.А. Коломак – пространственной эволюции экономической деятельности с позиций новой экономической географии, В.Ю. Малов совместно с П.Я. Баклановым – сравнению кластеров и ТПК, Л.В. Мельникова – факторам и ограничениям экономического роста на основе анализа стратегий федеральных округов, А.Н. Буфетова – межрегиональному и межмуниципальному неравенству в уровне жизни, И.О. Семькина – проблемам управления социально-экономическими эффектами от реализации нефтегазовых проектов в районах нового освоения, О.В. Тарасова – инструментам оценки организационной структуры арктических промышленных комплексов, С.Р. Халимова – барьерам в развитии малого инновационного

бизнеса в региональной инновационной системе, И.Е. Трубехина – анализу механизмов пространственной концентрации.

Анализ докладов петербургского и предшествующих конгрессов, состоявшихся в последние пять лет, позволяет наметить перспективные темы для отработки учеными, представляющими сибирскую школу региональных исследований. Все эти темы находятся в русле популярных сегодня в мире идей эндогенного экономического роста.

Во-первых, это изучение роли географии, географических факторов в современном экономическом развитии. В мире данная тема разрабатывается с 1990-х годов, к наиболее известным исследованиям относятся работы Дж. Сакса и его соавторов о влиянии на экономический рост приморского или континентального положения, работы П. Кругмана и его сподвижников в области новой экономической географии по генезису агломерационного эффекта и его влиянию на региональный и национальный экономический рост. Представляется, что этот исследовательский тренд дает ученым Сибири исторический шанс показать роль зональности в экономическом и инновационном развитии, в формировании основ экономики знания. Можно назвать эту тему «Экономика Сибири в разрезе широтных зон: 30 лет спустя» – речь идет о возвращении к идее А.Г. Гранберга, но уже на совершенно другом уровне, с учетом реалий смешанной государственно-рыночной экономики и вызовов инновационной модернизации сибирской экономики. Тема сибирской зональности в 2000-е годы прорабатывалась в стратегиях развития Сибири, однако представляется, что ее потенциал далеко не ограничивается этой прикладной сферой, она должна быть поднята на уровень исследования фундаментальных закономерностей экономического пространства.

С точки зрения мировой перспективы Сибирь – абсолютно уникальный опытный полигон: нигде больше на планете, ни в одном макрорегионе суши нет такого классического проявления факторов зональности. Экономическая стратиграфия Сибири, экономическая структура сибирских широтных слоев (юг – север – Арктика) в аспекте

постиндустриальной, инновационной трансформации могут стать для всего мирового сообщества исследователей-регионалистов темой, исключительно интересной своей широкой постановкой, вбирающей в себя множество более частных вопросов о «сибирском проклятии», о перенаселенности сибирского Севера и т.д.

Во-вторых, перспективным является комплексный междисциплинарный научный проект изучения сибирских агломераций (метрополитенских регионов, если использовать кальку с английского языка), включающий экспедиционные обследования, в которых представители разных общественных наук работают плечом к плечу. Известно, что теме городов и городских агломераций ежегодно на конгрессах Европейской ассоциации региональной науки посвящается до 15–20% всех докладов. Также известно, что ни в одном другом федеральном округе Российской Федерации городские агломерации не имеют той экономической роли и того влияния, как на огромных сибирских пространствах. Можно вспомнить в этой связи сказанные на конгрессе на круглом столе издателей журналов по региональной науке слова главного редактора «*Papers in Regional Science*» Р. Капелло, что нам всем необходимо глубже понять и изучить агломерационный эффект и что существующие работы по этой теме абсолютно не исчерпывают его сути и исследователям еще многое предстоит здесь сделать. Представляется, что в этой перспективной теме смыкаются правда жизни в отношении современных реалий сибирской экономики, востребованность данного исследовательского сюжета мировой региональной наукой и идеи лидеров сибирской экономической науки о необходимости возродить комплексные междисциплинарные, в том числе экспедиционные, работы, проводившиеся в советское время.

В-третьих, перспективна тема академического предпринимательства, исключительно популярная на европейских конгрессах последних лет. Для Сибири она объективно актуальна, ведь один из первых российских технопарков появился в Новосибирске. Сегодня в этом технопарке уже работают десятки успешных малых инновационных компаний, существование которых было бы невозможным без

близкого соседства Новосибирского государственного университета и Академгородка. За последние десятилетия в Сибири накоплены мощные традиции научного поиска по десяткам направлений современной науки. Уже есть и истории успеха, например разработка знаменитой программы ГИС-2, которую широко используют владельцы смартфонов и айпадов в России. Однако все эти предпосылки пока не осмыслены научно – в аспекте перспектив и потенциала академического предпринимательства для сибирских студентов и профессуры. Данный проект также видится как исключительно широкий, междисциплинарный, с мощной составляющей социологических экспедиционных исследований. Феномен сибирского академического предпринимательства должен быть отражен и в современных документах стратегического планирования, разрабатываемых для Сибири.

УРОКИ КОНГРЕССА ДЛЯ РОССИЙСКИХ УЧАСТНИКОВ

Если попытаться вычленить несколько сквозных сюжетных линий петербургского конгресса, которые присутствовали на многих пленарных и секционных заседаниях, то я бы назвал три. Это измерения в региональных исследованиях, переход от менеджерской экономики к предпринимательской и увеличивающаяся роль знания в современном экономическом росте и развитии. Конечно, в таком отборе есть некоторая субъективность. При желании можно выделить и пять, и десять важных тематических линий конгресса. Чтобы сделать акцент именно на этих трех, у меня есть несколько аргументов. Во-первых, они поднимались во многих пленарных докладах конгресса. Во-вторых, некоторые из этих тем были популярны и на форумах прошлых лет, т.е. речь идет об уверенно обозначившейся тенденции. В-третьих, целесообразно обратить на них внимание российских исследователей именно в силу их сравнительной новизны для нашего научного сообщества.

Проблема измерений в региональной науке поднималась на пленарных заседаниях почти всеми докладчиками. По сути, весь доклад М. Сторпера был посвящен измерению регионального развития.

Сторпер повторил давнюю идею Й. Шумпетера о том, что рост не обязательно связан с развитием: например, если рост подушевого ВРП в нефтяных монархиях сочетается с резким ростом коэффициента неравенства доходов Джини, то это нельзя считать развитием, необходимо корректировать показатель подушевого ВРП на динамику коэффициента Джини. Сторпер говорил о том, что появляющиеся в последнее время индикаторы не приносят ничего существенно нового по сравнению с прежними и что подушевой личный доход и ВРП пока остаются лучшими показателями регионального и городского развития.

Пленарный доклад М. Сторпера содержал подспудную полемику с другим американским исследователем – профессором Гарвардского университета Э. Глезером, который, увлекаясь эконометрическими сравнениями американских штатов и городов, например, для определения их специализации или роли инновационных факторов роста использует агрегированные данные, камуфлирующие реальную картину («сравнение яблок и груш»). Необходима высокая детализация измерений, нужен микроинструментарий регионального анализа, чтобы избежать этого риска. Агрегированные данные скрывают глубинные различия. С другой стороны, когда мы имеем дело с феноменом тесно взаимодействующих видов экономической деятельности, требуются их агрегирование, кластеризация, т.е. рассмотрение не порознь, а совокупно.

З. Экс на пленарном заседании говорил о том, как исчезают мифы о доминировании в инновационной деятельности крупных корпораций, если обратиться к другим источникам информации, например от показателя расходов на НИОКР перейти к статистике, касающейся патентов. По мере того как становятся доступными новые формы измерения инновационной активности, более отчетливо видна роль малых фирм. Н.В. Зубаревич в пленарном выступлении обратила внимание на плохое качество российской муниципальной статистики и связанные с этим трудности ее использования для определения межмуниципальных контрастов. С другой стороны, А.В. Новиков предпринял попытку показать на примере пространственно-временных рядов данных по Москве, как могут быть оцифрованы идеи Дж. Джекобс.

К. Столарик на материале оценки роста городов в разных странах показал новые возможности, которые открываются перед региональной наукой в эпоху формирования колоссальных и разнообразных баз данных, но также и появляющиеся новые трудности. Выступление на последнем пленарном заседании Г. Майера и Т. Синозик продемонстрировало возможности семантического анализа для оценки эволюции тем конгрессов европейских регионалистов в 2001–2013 гг.: основное ядро тем устойчиво сохранялось, но периодически к нему присоединялись темы экономического кризиса в регионах Европы, креативного класса и т.д.

В нескольких пленарных и во многих секционных докладах звучала тема *перехода от экономики менеджеров, управленцев к экономике предпринимателей* как тенденции, которая обозначилась в последнее десятилетие в американских штатах и европейских регионах. Эта тема получала развитие в разных аспектах: как обращение к творческому наследию Й. Шумпетера, как обоснование новой модели экономического роста, базирующейся на знании, предпринимательской энергии, активности университетских спиноффов, которые уже зримо влияют на развитие некоторых европейских регионов. Проблема социального неравенства в этом аспекте интерпретировалась как плата за переход от одного типа экономики к другому, который (переход), по мысли З. Экса, сопровождается тенденцией ограничения прав и свобод личности во имя развития фирмы. В своем пленарном выступлении Экс обратил особое внимание на феномен новых фирм – стартапов как носителей нового знания и призвал сделать их отдельным предметом изучения региональной наукой, рассматривая их как важный источник новых идей и составную часть процесса инновационного поиска. Способность к быстрой коммерциализации нового знания позволяет стартапам, всему малому бизнесу компенсировать недостатки, связанные с малым размером и относительно более высокими средними издержками на единицу выпускаемой продукции по сравнению с крупными компаниями.

З. Экс призвал пересмотреть содержание государственной политики в отношении малого бизнеса: нужна не просто поддержка малого

бизнеса, но поддержка предпринимательства как целостного феномена, т.е. поддержка не столько фирм, сколько людей, «свободных агентов», взаимодействующих в сетях. И в этой поддержке конструктивен полицентричный подход, когда она осуществляется одновременно на разных уровнях: на уровне региона, фирмы, «свободного агента».

Интересно отметить, что вторая тема непосредственно связана с первой: имеющееся у российских исследователей региональных проблем недопонимание новой роли предпринимательства прямо связано с дефектами современной российской статистики, которая склонна скорее камуфлировать, чем рельефно отражать растущую роль малого бизнеса в нашей экономической жизни (достаточно вспомнить расчет инвестиций, объема товарной продукции, который сначала делается по крупным предприятиям, а потом проходит «досчет» на малые и средние фирмы).

Уже традиционная для конгрессов последних лет тема *знания, обучения, инноваций* получила на петербургском форуме дальнейшее развитие: на секциях обсуждались темы креативных факторов городского развития, умной специализации европейских регионов, новой региональной политики как обращенной к вопросам трансфера, коммерциализации знания, инновационного поиска в регионах Европы. Конкурентные преимущества современных регионов поддерживаются за счет инновационной деятельности – это уже тривиальный факт. Участники конгресса пытались определить те факторы, которые позитивно воздействуют на инновационную активность, и в их числе, конечно, называли географическую, институциональную и организационную близость. Этой теме был посвящен, в частности, доклад вице-президента Европейской ассоциации региональной науки А. Торре [5].

* * *

Академик А.Г. Гранберг, будучи директором Института экономики и организации промышленного производства, принимал огромные усилия, для того чтобы обеспечить научное сотрудничество советских и зарубежных исследователей региональных

проблем. В этом стремлении он не боялся идти против течения. Благодаря его энергии, энтузиазму и вере в то, что это критически важно и необходимо для отечественных ученых, в Москве в 1993 г. был проведен первый в России Конгресс Европейской ассоциации региональной науки.

Как отмечал лауреат Нобелевской премии П.Л. Капица, «в истории русской науки изоляция русских ученых от мировой науки часто имела место» [4, с. 340]. И тогда развитие научной мысли тормозилось монополизмом господствующей идеологии, диктатом одной теории, одного мировоззрения, комфортно существующих в условиях интеллектуальной закрытости. Именно поэтому для конкуренции идей, для «перекрестного опыления» интеллектуальными представлениями необходимы сотрудничество, интеграция российской региональной науки в мировую. В этом смысле второй российский конгресс Европейской ассоциации региональной науки принял эстафету от первого, воплотил в жизнь завет А.Г. Гранберга, который он оставил нам, своим ученикам.

Конгресс сгенерировал многочисленные положительные эффекты для российского сообщества ученых-регионалистов. Это и знакомство с зарубежным опытом региональной науки (эффекты от новых компетенций); это и мотивация молодого поколения российских исследователей к продолжению занятий региональной наукой, передача опыта и знаний посредством кооперации участников (сетевые эффекты); это и опыт в проведении серии сопровождающих конгресс научных форумов по всей России; это и сплочение российского научного сообщества на почве гордости за успехи лидеров отечественной региональной науки и т.д. И я хочу надеяться, что среди молодых участников конгресса появятся организаторы следующего российского конгресса Европейской ассоциации региональной науки.

Список источников

1. *Краснопольский Б.Х., Леонов С.Н.* 54-й Международный конгресс Европейской ассоциации региональной науки «Региональное развитие и глобализация: лучшие практики» // *Пространственная экономика*. – 2014. – № 3. – С. 174–178.

2. Пилясов А.Н. О подготовке 54-го Конгресса Европейской ассоциации региональной науки памяти академика РАН А.Г. Гранберга (Санкт-Петербург, 26–29 августа 2014 года) // Современные производительные силы. – 2013. – № 1-2. – С. 120–137.

3. Пилясов А.Н. 21 год спустя: российский Конгресс Европейской ассоциации региональной науки // Современные производительные силы. – 2014. – № 3. – С. 7–13.

4. Катица П.Л. Эксперимент, теория, практика. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

5. Торре А., Валле Ф. Роль фактора близости в процессах регионального и территориального развития // Современные производительные силы. – 2014. – № 3. – С. 49–76.

Информация об авторе

Пилясов Александр Николаевич (Россия, Москва) – доктор географических наук, профессор, директор Центра экономики Севера и Арктики при СОПС (117822, Москва, ГСП 7, ул. Вавилова, 7, e-mail: pelyasov@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20150616

Region: Economics and Sociology, 2015, No. 2 (86), p. 322–341

A.N. Pelyasov

INTEGRATION INTO INTERNATIONAL SCIENCE: 54th CONGRESS OF THE EUROPEAN REGIONAL SCIENCE ASSOCIATION

The article characterizes the agenda of the 54th ERSA Congress, which took place on 26–29 August 2014 in St. Petersburg. The author analyzes general statistics on the participation, innovative search of the local organizing committee, peculiarities of the major Russian schools and institutes of regional science, and major results of the Congress significant for Russian scholars.

Keywords: European Regional Science Association (ERSA), St. Petersburg, congress, Russian schools of regional science

References

1. *Krasnopolsky, B.Kh. & S.N. Leonov* (2014). 54-y Mezhdunarodnyy Kongress Evropeyskoy assotsiatsii regionalnoy nauki «Regionalnoe razvitiye i globalizatsiya: luchshie praktiki» [54th Congress of the European Regional Science Association «Regional development & globalisation: Best practices»]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 3, 174–178.
2. *Pelyasov, A.N.* (2013). O podgotovke 54-go Kongressa Evropeyskoy assotsiatsii regionalnoy nauki pamyati akademika RAN A.G. Granberga (Sankt-Peterburg, 26-29 avgusta 2014 goda) [Preparing for the 54th Congress of the European Regional Sciences Association in memory of A.G. Granberg, full member of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, 26–29 August 2014)]. *Sovremennye proizvoditelnye sily* [Modern Productive Forces], 1-2, 120–137.
3. *Pelyasov, A.N.* (2014). 21 god spustya: rossiyskiy Kongress Evropeyskoy assotsiatsii regionalnoy nauki [21 years later: Russia hosts the Congress of the European Regional Science Association]. *Sovremennye proizvoditelnye sily* [Modern Productive Forces], 3, 7–13.
4. *Kapitsa, P.L.* (1981). *Eksperiment, teoriya, praktika* [Experiment, Theory, Practice]. Moscow, Nauka, 495.
5. *Torre, A. & F. Wallet* (2014). Rol faktora blizosti v protsessakh regionalnogo i territorialnogo razvitiya [The role of proximity relations in regional and territorial development processes]. *Sovremennye proizvoditelnye sily* [Modern Productive Forces], 3, 49–76.

Information about the author

Pelyasov, Alexandr Nikolaevich (Moscow, Russia) – Doctor of Sciences (Geography), Professor, Head of the Center for Northern and Arctic Economies, Council for the Study of Productive Forces (SOPS) (7, Vavilov st., Official municipal post no. 7, Moscow, 117997, Russia, e-mail: pelyasov@mail.ru).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 18.02.2015 г.

© Пилясов А.Н., 2015

Всероссийский научный журнал
«Регион: экономика и социология»

Включен в перечень ведущих рецензируемых периодических научных изданий, в которых ВАК рекомендует публикации работ, отражающих основное научное содержание кандидатских и докторских диссертаций.

Включен в Реферативный журнал ВИНИТИ.

Полнотекстовая сетевая версия журнала в Интернете публикуется на сайтах:

Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623>,

Издательства Сибирского отделения Российской академии наук
http://sibran.ru/journals/subscribe_online_request.php?id=172

Содержание журнала, аннотации статей, ключевые слова и сведения об авторах на русском и английском языках публикуются в Интернете на сайтах журнала <http://region.socionet.ru>, Издательства СО РАН <http://sibran.ru>, Научной электронной библиотеки <http://elibrary.ru/issues.asp?id=7623> и на Федеральном образовательном портале <http://ecsocman.edu.ru/region>

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Адрес редакции:

630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, ИЭОПП СО РАН, к. 338
Тел./факс: (383)3302438
E-mail: region@ieie.nsc.ru

Журнал распространяется только по подписке через АО «Роспечать»,
АО «Международная книга-периодика» и редакцию.
В розничную продажу не поступает.

Условия подписки публикуются на сайте <http://www.sibran.ru>

Научный редактор *А.А. Кин*
Редактор *Е.Б. Артемова*
Перевод *В.О. Палла*
Компьютерная верстка *Т.Г. Чуевой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати
и информации РФ 17.06.1993 г. № 0110809.

Подписано к печати 20 мая 2015 г. Формат бумаги 60 84 1/16.
Офсетная печать. Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 21,5.
Уч.-изд. л. 20,5. Заказ № 40.

Отпечатано на участке оперативной печати ИЭОПП СО РАН,
630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17